ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 1 (39)

2019

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 1 (39)

2019

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/ ECONOMICS / LAW

ISSN 2072-2087

№1(39) 2019
Научный рецензируемый журнал
Март

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (39) 2019: исторические науки и археология/ экономические науки / юридические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2019. 218с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **-** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **-** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **-** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Институ́т исто́рии материа́льной культу́ры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алферова И.В., Блохин В.Ф.
ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦА XIX в. В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ЭПИЗОДЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ..... 9
Антюхова Е.А.
ГЕРМАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ НАТО В КОНЦЕ XX- НАЧАЛЕ XXI вв. 19
Валов Т.В.
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИВАТИЗАЦИИ В 1992 г.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА) 24
Востриков П.В.
ЗНАЧЕНИЕ ДОМА БУРГЕСОВ (ПАЛАТЫ ГОРОЖАН) В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВИРГИНИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (1619-1776 гг.)..... 31
Горохова К.Н.
ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ XVII-XVIII вв 39
Егоров В.В.
К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ КУПЦОВ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ И ПОЛИТИКА ВЛАСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в..... 46
Золотникова О.А.
«ГОРГЕIН КЕФАΛН» («ГОЛОВА ГОРГОНЫ») МИКЕНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДОДОНЫ? 52
Исмаилова З.А.
ПЕРВАЯ КНИГА М.В. НЕЧКИНОЙ: ЕЕ НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СУДЬБА..... 60
Кулинич А.А.
РУКОПИСНАЯ КОПИЯ СТАТЕЙНОГО СПИСКА П.А. ТОЛСТОГО В СОБРАНИИ ПАНИНЫХ – БЛУДОВЫХ..... 73
Левин Я.А.
ВЛИЯНИЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ. 81
Малашенко А.А., Малашенко И.В.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БРЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА 86
Плещеева А.В.
ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРАХ М. А. ТАУБЕ 94
Поподько В.А.
КЛАНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В США В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х гг.....101

имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Глушак Николай Владимирович - доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Гриненко Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Гудименко Галина Валерьевна - доктор экономических наук, профессор Орловского государственного университета экономики и торговли, Орел, Россия;

Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры Финансового контроля, анализа и аудита Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Дорошков Владимир Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Енуков Владимир Васильевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, Россия;

Иосифуру Цутия – профессор Нихонского университета, кафедра Исторических наук, Токио, Япония;

Кащенко Сергей Григорьевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Марковичева Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства «Российский государственный университет правосудия», Москва, Россия;

Мельников Олег Николаевич - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Родин Д.В.
ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПОЛЬСКОГО ПРОЕКТА «ВОСТОЧНОГО ЛОКАРНО» НА VIII СЕССИИ АССАМБЛЕИ ЛИГИ НАЦИЙ (СЕНТЯБРЬ 1927 г) 108

Рудковская М.М.
ИНТЕГРАЦИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ В 1920-1930 гг.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 117

Сагимбаев А.В.
ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЛОНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-х гг.. 122

Тимиряев Д.О.
ОТНОШЕНИЕ К ГЕРМАНСКОМУ ОПЫТУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (1881 – 1914 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ. 129

Фельдман П.В.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США ЭПОХИ «ПОЗОЛОЧЕННОГО ВЕКА» 137

Шашахметов Д.В.
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР В 1920-е гг. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ДИСКУССИИ 144

Шиптенко А.В.
ПРОБЛЕМА ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА БЫВШЕГО СССР НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ: 1991 – 1996. ПОЗИТИВНЫЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА. 156

Шишкина М.С.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В 1835-1845 гг. 164

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышев В.А., Погонышева Д.А.
ПРИРОДОПОДОБНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН 168

Ковалева Н.Н., Ковалева Н.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ПРОДВИЖЕНИИ УСЛУГ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ РЫНКАХ 174

Михалева О.М.
РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ 183

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонов А.Н., Иванин А.А.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ 190

Вяткина Г.О.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 195

Закалюжная Н.В.
НЕТИПИЧНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 202

Ковалев М.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ К МЕРАМ ПООЩРЕНИЯ 209

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Патрушева Наталья Генриховна - кандидат исторических наук. заведующая. сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Рогова Елена Моисеевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Хегер Мартин (Heger Martin) - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовно-процессуального права, Европейского уголовного права и новой истории права юридического факультета Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Германия;

Шинаков Евгений Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика. И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующей научной отрасли: 07.00.00 – исторические науки и археология.

ISSN 2072-2087

Vol.1 – No.39

Scientific peer-reviewed journal

MARCH

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 1 (39) 2019: historical sciences and archaeology/ economics / law. Bryansk: RISO BSU, 2019. 218p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich – Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:
Artamoshin Sergei Viktorovich – Doctor of historical sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;
Beletsky Sergey Vasilyevich - Doctor of historical sciences, leading researcher of the Department of Slavic and Finnish archaeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of historical sciences, Professor, Head of the World History, International Relations and International Law Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Alferova I.V., Blohin V.F.
THE PROCESS OF MODERNIZATION OF THE END OF THE XIX CENTURY IN ORLOVSKAYA PROVINCE: EPISODES OF EVERYDAY. 9
Antyukhova E.A.
GERMAN FOREIGN POLICY AND NATO STRATEGY TRANSFORMATION IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES..... 19
Valov T.V.
RUSSIAN PRIVATIZATION POLICY IN 1992: MAIN TENDENCIES AND REGIONAL SPECIFICS (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)..... 24
Vostrikov P.V.
THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE HOUSE OF BURGESSES IN THE POLITICAL SYSTEM OF COLONIAL VIRGINIA (1616 – 1776)..... 31
Gorokhova K.N.
PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE NOBILITY LAND TENURE IN XVII-XVIII CENTURIES 39
Egorov V.V.
TO THE QUESTION OF THE NATIONAL COMPOSITION OF THE MERCHANTS AT THE NIZHEGORODSKAYA FAIR AND THE POLITICAL AUTHORITY OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY..... 46
Zolotnikova O.A.
«ΓΟΡΓΕΙΗ ΚΕΦΑΛΗ» («GORGON'S HEAD») OF THE MYCENAEAN PERIOD FROM DODONA ?..... 52
Ismailova Z.A.
THE FIRST BOOK BY M.V. NECHKINA: ITS SCIENTIFIC VALUE AND HISTORIOGRAPHICAL DESTINY 60
Kulinich A.A.
HANDWRITTEN COPY OF P.A. TOLSTOY'S "STATEINYI SPISOK" FROM THE ARCHIVAL FUND PANINY – BLUDOVY..... 73
Levin Y. A.
THE IMPACT OF DECOLONIZATION ON THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION..... 81
Malashenko I.V., Malashenko A.A.
STATE REGULATION OF THE LAND RELATIONS IN THE BRYANSK VILLAGE IN THE FIRST YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY..... 86
Pleshcheeva A.V.
THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR UNDERSTANDING OF THE FIRST WORLD WAR IN THE MEMOIRS OF M. A. TAUBE 94
Popod'ko V.A.
THE MOVEMENT OF KLANSMEN IN THE UNITED STATES IN THE 1920S – EARLY 1930S..... 101

Chernoperov Vasily Lvovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the World History and International Relations Department, Ivanovo State University, Russia;

Glushak Nikolai Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Customs and Marketing Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Grinenko Aleksander Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Gudimenko Galina Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russia;

Dontsova Ludmila Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Control, Analysis and Audit, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

Doroshkov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Dubrovskii Aleksandr Mikhailovich - Doctor of historical sciences, Professor, Professor of the World History, International Relations and International Law, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Enukov Vladimir Vasilyevich - doctor of historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Kursk State University, Director of the Institute of archeology of the Southeast of Russia, Kursk, Russia;

Iosifuru Tsutia – Professor of Nihon University, Department of Historic sciences, Tokyo, Japan;

Kashchenko Sergey Grigoryevich – Doctor of historical sciences, Professor, Head of Source Studies of Russian History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

Rodin D.V.
DISCUSSION AROUND THE POLISH PROJECT OF THE «EASTERN LOCARNO» AT THE VIII SESSION OF THE ASSEMBLY OF THE LEAGUE OF NATIONS (SEPTEMBER 1927) 108

Rudkovskaya M.M.
THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN FRANCE IN THE 1920-1930: FROM PROVISIONAL REGISTRATION TO NATURALIZATION 117

Sagimbaev A.V.
THE PROBLEM OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COLONIES IN THE CONTEXT OF REFORMING THE COLONIAL STRATEGY OF GREAT BRITAIN IN the 1920s 122

Timiryaev D.O.
RELATION TO THE GERMAN EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE AND POLITICAL INTEGRATION OF POLISH TERRITORIES (1881 - 1914) IN RUSSIAN PUBLICISM 129

Feldman P.B.
MAIN TENDENCIES OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF US DOMESTIC POLICY OF THE ERA OF "GILDED AGE" 137

Shashakhmetov D.V.
INSTITUTIONALIZATION OF HISTORICAL SCIENCE IN THE USSR IN THE 1920S. HISTORICAL SOCIETIES AND DISCUSSIONS 144

Shiptenko A.V.
THE PROBLEM OF THE SOVIET NUCLEAR ARMAMENTS IN UKRAINE: 1991-1996. POSITIVE EXPERIENCE OF COOPERATION 156

Shishkina M.S.
EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE IMPERIAL SCHOOL OF LAW IN 1835-1845 164

ECONOMICS

Gorbov N.M., Gorbova T.M., Pogonyshev V.A., Pogonisheva D.A.
NATURE SIMILAR MANAGEMENT OF THE REGION WITH USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY 168

Kovaleva N.N., Kovaleva N.A.
THE USE OF GLOBAL COMMUNICATION RESOURCES IN THE PROMOTION OF SERVICES AT THE REGIONAL AND NATIONAL MARKETS 174

Mikhaleva O.M.
THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF TERRITORIES 183

LAW

Artamonow A.N., Ivanin A.A.
THE STATE EMBLEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION 190

Vyatkina G.O.
LEGAL REGULATION OF RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS IN EDUCATIONAL HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS 195

Zakaluzhnaya N.V.
ATYPICAL LABOR RELATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY 202

Kovalev M.V.
TO THE ATTRIBUTION OF CHANGES IN THE TERMS OF PUNISHMENT TO INCENTIVES 209

Markovicheva Elena Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russia;

Melnikov Oleg Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of the Department of management, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia;

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Patrusheva Natalya Genrikhovna - Candidate of historical Sciences, Head of the rare books Department of the Russian national library, St. Petersburg, Russia;

Popov Stoyan Yordanov - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department History and Archeology, Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

Rogova Elena Moiseevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Finance, National research University "Higher school of Economics", Saint-Petersburg, Russia;

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich **-** Doctor of historical sciences, Professor of the Russian History Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students. Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog «Press of Russia»

УДК 94(470)"1860/1900"(470.333)

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦА XIX в. В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ЭПИЗОДЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Во второй половине XIX века в Российской империи начались широкомасштабные реформы, затронувшие все стороны жизнедеятельности общества. Особое место в осуществляемых преобразованиях, которые должны были трансформировать традиционную российскую реальность, отводилось провинции. В статье рассматриваются отдельные эпизоды реализации винной монополии в Орловской губернии. На архивных документах, на материалах местной печати: «Орловского вестника», «Брянского вестника», раскрывается противоречивый процесс модернизации традиционности культурных норм. В статье уделяется внимание комплексу мероприятий, которые реализовывались правительством накануне и в ходе проведения реформы, через организацию чтений, создание сети бесплатных библиотек, открытие чайных и столовых, демонстрируются сложности, с которыми столкнулись местные власти в процессе распространения винной монополии в регионе. В заключительной части статьи делается вывод о неоднозначности результатов реформы, которая с одной стороны решала многие финансовые проблемы государства, с другой – продемонстрировала необходимость длительного и комплексного воздействия на традиционную систему ценностей российского общества.
Ключевые слова: провинция, Орловская губерния, уездный город, Брянск, модернизация, винная монополия.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-9-18

Вторая половина XIX века знаменовалась для России проведением широкомасштабных реформ. Преобразования, предпринятые в период правления Александра II, а затем и Александра III, были не чем иным, как приспособлением правительственных кругов к объективно назревшей модернизации всех сфер жизнедеятельности государства. При этом верховная власть попыталась разобраться в природе функционирования российского общества, «подойти к преобразованиям на основе разумных доводов и вытекавших из них действий и, разумеется, с необходимой долей осторожности», а всё это требовало «поиска новых решений, и новых людей, способных эти решения воплотить в жизнь. В противном случае даже самая удачная концепция, способная вывести ситуацию из кризиса, ничего не принесла бы ни ее разработчикам, ни тем, кто с надеждой ожидал результатов ее реализации» [3, с. 99]. Особое место в осуществляемых преобразованиях в новых условиях отводилось российской провинции.

Изучение формирования новых культурных тенденций, трансформирующих традиционную российскую реальность в эпоху реформ, многоаспектный процесс. Отдельные проблемы истории повседневности российских провинциальных городов в этот период, в том числе Орловской губернии, уже интерпретировались в работах современных исследователей [1, 2, 15, 23]. «Однако конкретно-исторических региональных исследований, вносящих свой вклад в общую картину повседневности, с полной очевидностью еще недостаточно как с точки зрения необходимого исторического анализа взаимоотношений глубинки и центра, так и конкретного наблюдения за жизнью провинции» [1, с. 4-5].

В нашей статье, не претендуя на глобальное освещение проблемы, остановимся на истории реализации винной монополии в Орловской губернии, а точнее – на отдельных ее эпизодах, демонстрирующих сложность и противоречивость реализации одной из основополагающих идей автора реформы С.Ю. Витте: «возможного уменьшения пьянства» [7, с. 67]. «Возможного», так как он прекрасно понимал и указывал на тот факт, что общее и прочное отрезвление населения «возможно и мыслимо только посредством широкого распространения культуры, образования и материального достатка» [7, с. 67].

Город Брянск и уезд, главным городом

которого он являлся, входил в состав Орловской губернии. Одним из важных элементов повседневной жизни провинциального общества в конце XIX в. выступают новые явления, пробивавшие себе дорогу через серость привычных будней. Газета «Брянский вестник» рассказывала об одном из важных шагов в этом непростом деле. На Бежицком рельсопрокатном заводе в торжественной обстановке в присутствии директора завода и многочисленной публики 13 марта 1894 г. была открыта народная читальня. В зале собралось более 200 человек. «Священник Азбукин, – сообщалось в газете, – прочел жизнь, страдания и смерть Спасителя, причем были показаны туманные картины. В заключение хор заводских певчих исполнил народный гимн, и были показаны портреты Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы» [4, № 8, 27 марта].

В сентябре 1894 г. в Брянске было основано «Отделение орловского комитета народных чтений». Размер членского взноса составил один рубль. Для устройства народных чтений были выбраны залы в городском училище и в Доме земства. Входная плата на чтения была определена: за место в первом ряду 10 копеек, в остальных – 2 копейки [4, № 33, 11 сентября]. Первое «чтение», которое состоялось 2 октября в Доме земства было посвящено истории христианства, для второго, которое проводил преподаватель технического училища В.Н. Николаев, был выбран рассказ «Пожарный». Посетителей собралось чрезвычайно много, так что на всех не хватило мест, было невероятно душно. Тем не менее, слушатели оставались до конца чтений, и свое удовольствие выразили аплодисментами [4, № 37, 9 октября].

В воскресенье 26 февраля 1895 г. народные чтения с «туманными картинами» открылись в привокзальной церковно-приходской школе [5, № 14, 5 марта]. Чтения проходили также по воскресеньям, а основными их посетителями были учащиеся школ и училищ Брянска. Однако если первые из них вызвали искреннюю заинтересованность и большой наплыв слушателей, последующие – собирали всё меньше публики.

К мероприятиям просветительского характера можно отнести и появление в Брянске в 1894 г. двух частных библиотек [4, № 30, 21 августа]. В городе с более чем двадцатью тысячами жителей на тот момент были две маленькие «библиотечки», где преобладала беллетристика, и не было ни одного книжного магазина, за исключением нескольких полок с учебниками, которые имелись в некоторых торговых лавках.

Библиотека отличалась наличием периодики, более богатым выбором книг и доступными ценами. Представление о стоимости библиотечных услуг в то время можно составить по прейскуранту Орловской публичной библиотеки. Так, право получения одной или двух газет вечером в день их выхода или на другой день стоило в месяц в зависимости от газеты от 20 до 50 коп., а годичный абонемент доходил до 12 руб. Залог за взятую на дом литературу колебался от 2 до 5 руб. Владельцы абонементов 1 и 2 разрядов имели право бесплатного чтения в кабинетах библиотеки, 3-го разряда платили 3 коп., 4-го разряда – 5 коп. Любой желающий платил 5 коп. в день [19, с. 183].

Орловское губернское земское собрание на заседании 16 декабре 1894 г. постановило ассигновать в каждый из 12 уездов Орловской губернии по 500 руб. на устройство народных читален и сельских библиотек имени императора Николая II [13, с. 170].

Однако гораздо более серьезной проблемой, по-прежнему определявшей и орловскую, и курскую, и самарскую повседневности были внушительные объемы потребляемых населением спиртных напитков.

Так, в 1895 г. в Орловской губернии потребление 40°-го вина составило на человека 0,66 ведра* на сумму 2 руб. 65 коп. акциза (более чем в 1894 г. на 0,03 ведра и 13 коп. акциза на душу) [20, с. 266]. Кроме этого на пивоваренных заводах в этом же году было сварено пива 108.135 ведер, что было больше объемов предыдущего года на 9.810 ведер. Причем эти средние показатели рассчитывались на всё население Орловской губернии, которое согласно «Памятной книжки» 1898 года составило 2.054.583 человек, из них 1.002.298 мужчин и 1.002.298 женщин [21,

* На тот период объем ведра составлял примерно 12,299 литра.

Приложение, с. 1]. В уездном Брянске проживало 22909 человек, из них 13571 мужчин, 9328 женщин [21, Приложение, с. 8]. Таким образом, учитывая половозрастной состав губернии, цифру в 0,66 ведра (8,12 литра) можно было умножать в несколько раз.

Стоимость «рабочих рук» составила в Орловской губернии 30-50 руб., около 30 руб. для сезонных работников, работницы в среднем получали в два раза меньше [20, с. 268].

Существовавшая в России до введения винной монополии (если перевести на современный язык – «водочной», так как в официальном языке вплоть до 1906 г. водка официально именовалась «вином») акцизная система, сменившая в 1863 г. на бóльшей территории систему откупов, была основана на обложении налогом сырого спирта на винокуренных заводах, но продажа вина объявлялась предметом «вольного промысла», а число мест продаж не подлежало ограничению.

Иными словами, обладавшие определенным капиталом лица получили возможность заниматься этим специфическим производством, обеспечивая доход главным образом за счет снижения его себестоимости. Результат в условиях отсутствия государственных стандартов и низкого уровня потребительских запросов был вполне предсказуем: большинство, даже самых известных российских производителей, гордо заявлявших, что они являются поставщиками Императорского двора, не обеспечивали не только высокое, но даже среднее качество своей продукции.

Например, в производимой «водочным королем России» Петром Арсеньевичем Смирновым продукции, проведенная в начале 1890-х гг. химическая проверка, обнаружила наличие не только большого количества солей, эфиров, аммиака, но даже и азотную кислоту [22, с. 25]. Еще хуже дело обстояло с другими производителями, которые для улучшения вкусового качества производимой водки добавляли различные эссенции, метиловый спирт, серную или ту же азотную кислоту. Однако и этим дело чаще всего не заканчивалось, и уже в розничной торговле водка еще более ухудшалась из-за прибавления почти всегда вредных искусственных примесей, с целью или устранить неприятный вкус, или замаскировать недостаточное количество градусов.

Экспертиза виноградных вин, продаваемых на территории Российской империи, проведенная по поручению Министерством финансов накануне введения монополии техническим комитетом при Департаменте неокладных сборов, выявила и среди них многочисленные подделки и фальсификаты. Результаты проверки были опубликованы в газете «Новое время», а затем перепечатаны в «Брянском вестнике». Так, в составе «Сотерна» – фруктовом вине, была обнаружена серная кислота. Десертное виноградное вино «Малага», как было выяснено, в большинстве случаев изготавливалось из обыкновенного вина и подслащивалось патокой.

Дополнительно подслащивались и спиртовались крымские вина. «Церковное вино, – сообщалось в газете, – тоже самое, сильно спиртовано и подслащено, и подкрашено черничным соком. Висант смирнский – нет виноградного сока, приготовлен из изюма и карамели… Кагор – тоже самое, но еще подкрашено черникой. Кизлярское красное боченочное – настоящего вина в нем весьма мало, состоит из всевозможных специй, спиртовано, подслащено, подкрашено, и т.д. Херес – подслащено и спиртовано еще сильнее; чрезвычайно дурная имитация хереса, содержит много салициловой кислоты» [5, № 59, 24 декабря]. В северных и западных губерниях страны, согласно результатам экспертизы, вырисовывалась совсем непригладная картина: «Портвейн белый даже вовсе не происходит от виноградного сока, а составлен вполне искусственно… В северных губерниях все вина такие же, как и в средних, но более фальсифицированы. В западных губерниях вино гипсовано, фальсифицировано, в портвейне и многих других винах попадаются ясные следы меди и свинца» [5, № 59, 24 декабря]. При этом цена вин «домашнего розлива», например, в Брянске составляла 30-35 коп. за бутылку, 5 коп. дополнительно стоила сама стеклянная тара.

Идея введения винной монополии (казённой продажи питей) принадлежала императору Александру III, который вступил на престол в 1881 г. К этому времени относиться и замена существовавших кабаков на трактиры. В последних, в отличие от первых, были предусмотрены закуски к подаваемым

крепким напиткам. Замена кабака на трактир к этому времени назрела и в своем большинстве не встречала возражений. Иначе дело обстояло с предложениями о стандартизации водки как национального напитка.

С предложением о введении винной монополии, предусматривавшей передачу исключительного права на производство и сбыт спиртных напитков государству, Александр III обращался к первым двум министрам финансов времен его правления – Николаю Христиановичу Бунге (министр до 1886 г.) и Ивану Алексеевичу Вышнеградскому (министр в 1887–1892 гг.). В Российской империи императору не принято было резко возражать, но зато можно было высказать сомнения относительно сложности исполнения такого рода плана, предположить его низкую результативность для государства, а при этом заодно не предпринимать никаких действий. Впрочем, Н.Х. Бунге приказал в 1886 г. осуществить монопольный эксперимент, предусматривавший введение казенной питейной торговли в трех губерниях: Орловской, Пермской и Ковенской.

Выбор территории Орловской губернии, в составе которой находился Брянский уезд, не был случайным. Дело в том, что в 1881 г. здесь, как и в ряде других губерний, была создана специальная комиссия для разработки предложений по питейному делу, и ее члены, чуть ли не единственные в стране, высказались за отказ от передачи питейной торговли в ведение казны. Финансовому ведомству это было только на руку и мысль о казенной продаже вина была признана «неисполнимой и не могущей привести ни к каким результатам» [8]. Однако вслед за этим против министра финансов в российской печати была развернута настоящая кампания, вынудившая его подать в отставку.

Пришедший ему на смену И.А. Вышнеградский также предпочел пойти по ранее освоенному его предшественниками пути, в очередной раз повысив стоимость 1 градуса спирта «до 9,25 коп. – в 1888 г. и до 10 коп. – в 1892 г.» [16, с. 431]. В качестве главной причины отказа от проекта государственной винной монополии была названа следующая: «Проведение экономической реформы, охватывающей собою целый народ и проникающей вглубь бытовых отношений, требует значительной доли осторожности и всестороннего исследования почвы, на которой придется действовать» [10, с. 148].

Ситуация изменилась при следующем министре финансов – Сергее Юльевиче Витте (министр финансов в 1892–1903 гг.). Введение монополии разрабатывалось весьма серьезно, и она планировалась не как одноразовая акция, а в качестве реформы, проводимой постепенно, с учетом получаемого в ее ходе опыта, в течение восьми лет: с 1894 г. по 1902 г. Было продумано и направление ее продвижения: вначале в столицах, а затем – на окраинах, сперва в европейской части страны, затем – в азиатской.

Государственная монополия продажи вина в Орловской губернии вводилась, по решению правительства, в 1898 году [11, с. 228]. В 1902 г. государственная винная монополия должна была вступить в силу по всей стране.

Для решения поставленных задач был создан Комитет по изучению качества «высших питей». Результатом его деятельности явилось то, что на казенных заводах приготовление крепких напитков и их очистка велись со строгим соблюдением действующих тогда всех технических положений, инструкций и норм*.

С введением акцизной системы в 1863 г. правительство также пыталось ввести ограничения на торговлю крепкими напитками, оградить население от желания кабатчиков получить максимальную прибыль при минимальных затратах. Однако «кабацкий промысел» оказался сильнее правительственных мер и в кабаках продолжали «обирать и развращать народ всеми средствами: заманиванием, продажею в кредит под залог самых необходимых вещей, обманом, спаиванием вредными продуктами и т. д.» [14, с. 7]. Во время неурожая 1891 г. целый

* До введения монополии водку обычно составляли очень просто – путем смеси 50% спирта с 50% воды. Такая смесь давала 41^0–42^0 спирта в напитке. Следовательно, чтобы получить точно 40^0 водку, необходимо было точно взвешивать спирт, а не соединять объемы. Процент спирта в воде определяется тем, что спирт имеет свойство при соединении с водой производить сжатие (концентрацию) всей смеси. Это значит, что если мы возьмем литр чистой воды и смешаем его с литром 96^0–98^0 спирта, то получится не 2 литра жидкости, а гораздо меньше, в зависимости от крепости спирта.

поток жалоб был связан с положением питейного дела, ускорив процесс подготовки на переход к государственной монополии.

Так, например, в Брянске на Трубчевской улице на кабаке «Золотой уголок» висела вывеска «Сегодня за деньги – завтра в долг», такое же объявление находилось на кабаке в Зарецкой слободе. Некоторые заведения называли себя «Настоящая портерная», а другие из маркетинговых соображений соединяли продажу спиртных напитков и «салон для бритья, стрижки и завивки» (на Московской у Кривого моста) [5, № 43, 3 сентября]. Корреспонденты «Брянского вестника» на страницах газеты обращали внимание «на положительную безнравственность некоторых вывесок» питейных заведений и призывали «уничтожить эти зазывы, которые, вероятно, соблазняют теперь не одного пьяного» [5, № 43, 3 сентября].

На январь 1896 г. в Брянске существовало 38 мест (гостиницы, трактиры, винные и портерные лавки), где можно было купить крепкие алкогольные напитки. Кроме этого в привокзальной слободе насчитывалось 12 таких точек. Собственниками 20 из них были купцы, 11 – мещане, 4 – дворяне, по 3 содержали крестьяне и отставные военные, 1 – почетный гражданин [6, № 51, 29 октября].

«Но что решительно у нас завлекло и не в авантаже обретается, – сокрушался редактор «Брянского вестника», – так это интеллектуальная жизнь общества. Об обществе, к глубокому прискорбию, нужно сказать, что оно лишь влечет свое жалкое существование: все поглощено картами, водкою, сплетнями, флиртом (удобное словечко!) и отчасти велосипедом» [5, № 51, 29 октября]. Подобную характеристику, пусть и излишне резкую, в конце XIX века можно было отнести ко многим провинциальным городам Российской империи.

Сторонники реформы винной монополии как на уровне правительства, так и на уровне общественных сил рассматривали пьянство в качестве общественного зла. При этом они не отрицали того факта, что продажа алкоголя является одним из главнейших источников бюджета, а поэтому не столько стремились искоренить пьянство, сколько придать ему иные, более цивилизованные формы.

В качестве еще одного аргумента предстоящих изменений в сфере социальных отношений отмечалось, что кабак, или пришедший ему на смену трактир, являлись местом, в котором простой человек не только мог выпить крепкий напиток, но и всегда найти подходящую компанию для общения. Разработчики реформы были убеждены, что в патриархальной России в борьбе против пьянства необходимо привлечь женское население. Женщины в своем большинстве не употребляли водку, заменяя ее сладкими наливками, выпивали очень редко и выступали решительными врагами пьянства своих мужей не только из-за своего личного отношения к алкоголю, но и по вполне понятным экономическим соображениям. Поэтому при организации казенной питейной торговли, в качестве основного принципа принято было, максимальное уничтожение мест распивочной продажи с целью, чтобы сделать потребление водки домашним и тем самым поставить его под надзор семьи [14, с. 11].

Действительно, казенное вино с началом реформы стало продаваться главным образом в казенных винных лавках и только частично в ренсковых погребах и трактирных заведениях, а также в буфетах на железнодорожных станциях и пароходах, в гостиницах, на постоялых дворах, но при этом число мест частной торговли постоянно сокращалось. «Орловский вестник» отмечал, что «мелкий рабочий люд жалуется, что через "винополию" упразднились простонародные клубы (ренсковые погреба*) и мелкие трактиры), где можно бы побеседовать с "друзьями", поделиться новостями, почитать вообще книги и газеты». Автор статьи высказывал убеждение, что «клубы-то будут, но лучше или хуже ренсковых погребов – бабушка надвое сказала» [18, № 170, 1 июля].

Понимая, что, уничтожая кабак как место общения, авторы реформы попытались взамен дать населению новые способы проведения досуга. Для этого правительством планировалось учредить «Попечительства о народной трезвости». Следует еще раз отме-

* Ренсковый погреб – магазин, торговавший виноградными винами (от старинного названия всякого виноградного вина «ренское», т.е. рейнское).

тить, что и эта организация не пыталась достичь утопических целей в виде совершенного прекращения употребления населением крепких напитков. Основная задача попечительств – отучить народ от излишнего употребления спиртных напитков. Для этого должны были устраиваться различные театральные зрелища, проводиться публичные чтения, а также учреждаться чайные, столовые, читальни и т. п. Государство выделяло на содержание попечительств ежегодную сумму из расчета 50000 руб. на губернию. Таким образом, расходы на «Попечительства о народной трезвости» колебались от 4 до 6 коп. на ведро проданного вина. На их содержание также поступали штрафы за нарушение правил торговли крепкими напитками, средства, собранные во время благотворительных мероприятий.

Попечительства учреждались за полгода до введения казенной винной монополии в конкретной губернии. В состав губернских и уездных комитетов обязательно входили представители от административных, судебных, сословных, общественных учреждений и духовенства. В губернских комитетах председательствовали губернаторы, а в уездных – уездные предводители дворянства. В состав их входили: представитель духовенства, податной инспектор, член окружного суда, инспектор народных училищ, полицмейстер, местный воинский начальник, врачи. При попечительствах существовали общества членов-соревнователей, предоставлявших для попечительств деньги в виде пожертвований. Все члены попечительства обладали правами надзора за питейными заведениями.

Среди главнейших мер, практиковавшихся попечительствами, можно выделить две: распространение среди населения книг и брошюр, трактующих проблему пьянства с научной или с житейско-практической стороны и беседы и популярные чтения на ту же тему. Книги и брошюры распространялись в основном бесплатно в виде раздачи населению, а также размещения их в церквях, школах, волостных правлениях и т. д. Беседы и чтения чаще всего проводили священники или преподаватели школ и училищ. Их проведение стало практиковаться уже с начала 1890-х гг. Во время бесед использовались «волшебные фонари», картины, иллюстрирующие тексты, которые приобретались на средства, специально собранные у жителей этой местности.

В дальнейшем содержание было увеличено до 1000 рублей на каждую читальню. Согласно проекта устава, рассмотренного на заседании земского собрания, книги библиотеки должны были выдаваться на дом всем жителям уезда. Библиотека не имела права брать плату за чтение, штраф за просрочку, порчу или утрату книг. Список надлежащих к выписке и покупке книг составлял совет библиотеки, он же изыскивал на это средства [13, с. 179].

Книгоиздатель Ф.Ф. Павленков завещал 100000 руб. на открытие 2000 народных библиотек в наиболее бедных и отдаленных селеньях, по 50 руб. на каждую из них. В 1901 г. завещанные средства поступили в том числе и в Орловскую губернию [12, с. 170].

Наряду с морально-воспитательным воздействием в ходе проведения реформы проводились мероприятия, направленные на культурное насыщение досуга. Помимо указанных чтений, устраивались спектакли, концерты, танцевальные вечера.

В качестве заведений для общения рабочего люда рассматривались чайные, столовые. Цены на продукты в чайных и столовых регулировались в сторону понижения. Так, плата за стакан сладкого чая редко превышала 1 коп. В меню столовых обычно присутствовали щи или суп, которые стоили от 5 до 7 коп. с мясом и от 3 до 5 коп. за растительные и рыбные. Каша стоила 4 коп. за порцию. Молоко продавалось не дороже 1 коп. за стакан. Таким образом, за 10-11 коп. в столовых попечительств можно было получить вполне сытный обед [14, с. 140].

Размещение столовых и чайных ориентировалось на места временного и постоянного скопления рабочего люда: базарные села, рабочие кварталы в городах, базарные площади и т. д.

«Положение о казенной продаже питей» было утверждено Александром III 6 июня 1894 г. В процессе реформирования винной торговли в России было построено и оснащено необходимым оборудованием около 480 винокуренных предприятий, устроено около 30 тысяч новых мест для продажи вина, при-

влечено на службу 80 тысяч человек различных специальностей, при обязательном условии не принимать никого из тех, кто прежде занимался виноторговлей.

Получили развитие целые отрасли промышленности, обеспечивавшие винные склады необходимым оборудованием, осуществлявшие ректификацию спирта, изготавливавшие стеклянную посуду для розлива и хранения вина и др. Затраты по внедрению винной монополии в России составили 115 млн рублей. По расчетам, в результате реформы государство должно было получать не менее 75 млн рублей чистого дохода ежегодно [9].

Однако на первых порах введение монополии усилилось потребление вина на улицах. «Орловский вестник» поместил такое сообщение из Брянска: «С открытием монополии у нас начало процветать уличное пьянство. Куда не глянешь, везде одна картина – и на Московской и на Успенской: стоят мужчины, стоят женщины и переливают "винопольку" из казенной посуды в собственную. Вечером – другая картина: около заборов и домов лежат опьяневшие и мирно почивают до следующего утра. Вообще картина неприятная» [18, № 224, 24 августа].

Для многих это представилось как значительное увеличение пьянства, хотя оба эти явления ничего общего между собой не имели. В соответствии с полицейскими сводками число лиц, появлявшихся на улице в пьяном виде, значительно уменьшилось, поскольку были закрыты многие из заведений, где раньше можно было напиваться допьяна.

В данном же случае некоторые представители низших сословий, покупая водку в казенной винной лавке, действительно, распивали ее в непосредственной близости от мест продаж с тем, чтобы сразу же вернуть залоговую стоимость, внесенную за бутылку. Продажная цена посуды составляла 20, 5, 4, 3 и 2 копейки, в зависимости от ее размера, что было обозначено непосредственно на этикетках. По этой же цене порожняя посуда принималась обратно.

Однако цель, которой определялась необходимость введение винной монополии, всё же была достигнута лишь частично. Правительство предполагало, что население, лишенное прежнего кабака, перейдет к домашнему потреблению, регулируемому семьей. На деле этого переноса не произошло, т. к. рядом с казенной винной лавкой, отпускавшей водку только в ограниченные дни и часы, и только на вынос, появились и получили значительное распространение места уличной и тайной торговли, не ограниченной временем, возрастом покупателей, уровнем уже достигнутого опьянения.

В качестве иллюстрации можно привести выдержку из газеты «Орловский вестник», которая в 1899 г. поместила небольшую историю, произошедшую в Брянском уезде. В ней шла речь о бывшем солдате, который поселился в деревне Вороново. Вернувшись с несколькими рублями после окончания службы, он занялся мелкой торговлей, а затем взял в аренду клочок земли, «приделал» небольшую пристройку для торговли, через два года открыл кабак, а уже через пять лет имел солидный для деревни капитал. Тогда же большая часть мужского населения превратилась в его должников. Любое против него сказанное слово оборачивалось побоями или обращением в суд с предоставлением расписок и векселей. В результате, за четыре года в одном Воронковском волостном суде было заведено более 300 дел. Более того, с определенного момента он отказался платить Вороновскому сельскому обществу деньги за аренду кабака [17, № 201, 29 июля].

Развитие уличного распития и тайной торговли заставили правительство перейти к широкому распространению мест легальной частной торговли крепкими напитками: трактиров, ресторанов, пивных и т. д. Таким образом, главная идея введения монополии с целью устранения частного интереса из сферы сбыта спиртных напитков оказалась нереализованной. В то же время и винокуренная промышленность по-прежнему оставалась в руках частных лиц, но было осуществлено регулирование ее размеров. Их увеличение допускалось лишь с разрешения министра финансов по соглашению с Министерством земледелия и Государственных имуществ.

Однако следует отметить, что фискальные цели все же не являлись главными при введении казенной продажи питей. Подтверждением тому служит ужесточение после введения монополии регламентации водочной торговли, в сравнении с периодом свободного

оборота алкоголя. Несомненным плюсом явилось также значительное улучшение качества потребляемых населением напитков, регулярно проверяемых в повсеместно созданных специальных государственных лабораториях.

Трудно судить о дальнейших последствиях осуществленных мер, их влиянии на существование российской провинции, поскольку из-за русско-японской войны 1904–1905 гг. государство было вынуждено на первый план поставить повышение финансовых поступлений от торговли крепкими напитками, одновременно сократив финансирование «Попечительств о народной трезвости». Еще более серьезное испытание последствий осуществленной реформы произошло в годы Первой мировой войны, но это была уже своя, особая история…

Список литературы

1. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Российская провинция: повседневная жизнь второй половины XIX века (на материалах Брянского уезда) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Факультет истории и международных отношений, Кафедра отечественной истории. Брянск, 2016. С. 4–33.

2. Алферова И.В., Блохин В.Ф., Поляков Г.П., Чубур А.А. История Брянского края: XIX–XX вв. / Под общ. ред. В.Ф. Блохина. Брянск, 2012. 320 с.

3. Блохин В.Ф. Всевидящим ли было «цензурное око» государево?: система государственно управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России // Гражданогенез в России / под общ. ред. В.Д. Мехедова, В.Ф. Блохина. Брянск: Курсив, 2009. С. 81–107.

4. Брянский вестник. 1894.

5. Брянский вестник. 1895.

6. Брянский вестник. 1896.

7. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Л., 1924. Т. I. 504 с.

8. Высочайше утвержденное 6 июня 1894 г. Положение о казенной продаже питей // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 14. 1894. СПб., 1898. № 10766.

9. Государственный архив Брянской области (ГАОО). Ф. 497. Оп. 1.

10. Горюшкина Н.Е. Винная монополия С.Ю. Витте: предыстория // Известия Курского государственного технического университета. 2010. № 4 (33). С. 146–150.

11. Доклад по вопросу о введении Государственной монополии продажи вина в Орловской губернии, гласного И. А. Лагода. 1896 год марта 18 // Журналы XXXI очередного Брянского уездного Земского собрания. Брянск, 1897. С. 228–230.

12. Доклады Брянской уездной земской управы 1905 года XXXV очередному Брянскому уездному земскому собранию. Брянск, 1900. 294 с.

13. Журналы XXXI очередного Брянского уездного Земского собрания. Брянск, 1897. 276 с.

14. Казенная продажа вина. Издание Главного Управления Неокладных Сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900. 310 с.

15. Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. Брянск, 2013. Т. 1. 944 с.

16. Обзор деятельности Министерства финансов в царствование Императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. 604 с.

17. Орловский вестник. 1899.

18. Орловский вестник. 1901.

19. Памятная книжка Орловской губернии на 1888 год. Издание Орловского Губернского статистического комитета. Орел, 1888. 191 с.

20. Памятная книжка Орловской губернии на 1897 год. Издание Орловского Губернского статистического комитета. Орел, 1897. 341 с.

21. Памятная книжка Орловской губернии на 1898 год. Издание Орловского Губернского статистического комитета под редакцией секретаря комитета С. В. Розанова. Орёл, 1898. 218 с.

22. Печенкин В. Советская водка. Краткий курс в этикетках. М.: Издательство «Ломоносовъ», 2015. 232 с.

23. Поляков Г.П. Православие на Брянской земле: церковная археология и история Брянской митрополии РПЦ. Брянск, 2013. 328 с.

THE PROCESS OF MODERNIZATION OF THE END OF THE XIX CENTURY IN ORLOVSKAYA PROVINCE: EPISODES OF EVERYDAY

In the second half of the 19th century large-scale reforms began in the Russian Empire. They affected all aspects of society. A special place in the ongoing transformations that were supposed to transform the traditional Russian reality was given to the provinces. The article deals with individual episodes of the implementation of the wine monopoly in Oryol province. The archival documents, materials of the local press: "Orlovsky Vestnik," "Bryansky Vestnik" reveal the controversial process of modernization of the traditionalism of cultural norms. The article focuses on a complex of activities that were implemented by the government on the eve and during the reform through organizing readings, creating a network of free libraries, opening tea rooms and canteens. The difficulties that local authorities faced in the process of spreading the wine monopoly in the region are demonstrated. In the final part of the article a conclusion about the ambiguity of the results of the reform is made. On the one hand, the reform solved many financial problems of the state and on the other hand, it demonstrated the need for a long and complex impact on the traditional value system of Russian society.
Keywords: province, Oryol province, chief town of a district, Bryansk, modernization, wine monopoly.

Referensec

1. Alferova I.V., Blokhin V.F. Rossiyskaya provintsiya: povsednevnaya zhizn' vtoroy poloviny XIX veka (na materialakh Bryanskogo uyezda) // Rossiya v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsiy. [Russian province: everyday life of the second half of the XIX century (on materials of the Bryansk district) // Russia in the era of political and cultural transformations.] // Sbornik nauchnykh statey [Collection of scientific articles]// Bryanskiy gosudarstvennyy universitet im. akademika I.G. Petrovskogo, Fakul'tet istorii i mezhdunarodnykh otnosheniy, Kafedra otechestvennoy istorii [Bryansk State University. Academician I.G. Petrovsky, Faculty of History and International Relations, Department of National History]. Bryansk, 2016. 4–33.

2. Alferova I.V., Blokhin V.F., Polyakov G.P., Chubur A.A. Istoriya Bryanskogo kraya: XIX–XX vv. [History of Bryansk region: XIX – XX centuries]/ Pod obshch. red. V.F. Blokhina. Bryansk, 2012. 320 s.

3. Blokhin V.F. Vsevidyashchim li bylo «tsenzurnoye oko» gosudarevo?: sistema gosudarstvenno upravleniya, tsenzura i problema stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Has the "censor's eye" of the sovereign been all-seeing ?: the system of state administration, censorship and the problem of the formation of a civil society in Russia]// Grazhdanogenez v Rossii [Citizen genesis in Russia]/ pod obshch. red. V.D. Mekhedova, V.F. Blokhina. Bryansk: Kursiv, 2009. 81–107.

4. Bryanskiy vestnik [Bryansk Herald]. 1894.

5. Bryanskiy vestnik [Bryansk Herald]. 1895.

6. Bryanskiy vestnik [Bryansk Herald]. 1896.

7. Vitte S.Yu. Vospominaniya. Tsarstvovaniye Nikolaya II. [Memories. The reign of Nicholas II.] L., 1924. T. I. 504 s.

8. Vysochayshe utverzhdennoye 6 iyunya 1894 g. Polozheniye o kazennoy prodazhe pitey [The Highest Regulation approved on June 6, 1894 on the state sale of drinks] // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii.[Full Collection of Laws of the Russian Empire] Sobr. 3. T. 14. 1894. SPb., 1898. № 10766.

9. Gosudarstvennyiy arhiv Bryanskoy oblasti (GAOO)[The State Bryansk Region Archive (SBRA)]. F. 4. Op. 1.

10. Goryushkina N.E. Vinnaya monopoliya S.YU. Vitte: predystoriya [Wine monopoly S.Yu. Witte: Prehistory]// Izvestiya Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.[News of Kursk State Technical University]. 2010. № 4 (33). 146–150.

11. Doklad po voprosu o vvedenii Gosudarstvennoy monopolii prodazhi vina v Orlovskoy gubernii, glasnogo I. A. Lagoda. 1896 god marta 18 [Report on the introduction of the State monopoly of the sale of wine in the Oryol province, public I. A. Lagoda. 1896 March 18]// Zhurnaly XXXI ocherednogo Bryanskogo uyezdnogo Zemskogo sobraniya. [Journals of the XXXI regular Bryansk district Zemsky assembly]. Bryansk, 1897. 228–230.

12. Doklady Bryanskoy uyezdnoy zemskoy upravy 1905 goda XXXV ocherednomu Bryanskomu uyezdnomu zemskomu sobraniyu.[Reports of the Bryansk district Zemstvo government of 1905 to the XXXV next Bryansk district Zemstvo assembly] Bryansk, 1900. 294 s.

13. Zhurnaly XXXI ocherednogo Bryanskogo uyezdnogo Zemskogo sobraniya.[Journals of the XXXI regular Bryansk district Zemsky assembly]. Bryansk, 1897. 276 s.

14. Kazennaya prodazha vina.[State sale of wine]. Izdaniye Glavnogo Upravleniya Neokladnykh Sborov i kazennoy prodazhi pitey.[Publication of the General Directorate Neokladnyh Fees and state sale of drinks]. SPb., 1900. 310 s

15. Krasheninnikov V.V. Istoriya Sevska i okrestnykh mest. [History of Sevsk and surrounding places]. Bryansk, 2013. T. 1. 944 s.

16. Obzor deyatel'nosti Ministerstva finansov v tsarstvovaniye Imperatora Aleksandra III (1881–1894). [Review of the activities of the Ministry of Finance in the reign of Emperor Alexander III (1881–1894)]. SPb., 1902. 604 s.

17. Orlovskiy vestnik. [Oryol Herald]. 1899.

18. Orlovskiy vestnik. [Oryol Herald]. 1901.

19. Pamyatnaya knizhka Orlovskoy gubernii na 1888 god. [The memorial book of the Oryol province in 1888]. Izdaniye Orlovskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta. [Publication of the Oryol Provincial Statistical Committee]. Orel, 1888. 191 s.

20. Pamyatnaya knizhka Orlovskoy gubernii na 1897 god. [The memorial book of the Oryol province in 1897]. Izdaniye Orlovskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta. [Publication of the Oryol Provincial Statistical Committee]. Orel, 1897. 341 s.

21. Pamyatnaya knizhka Orlovskoy gubernii na 1898 god. [The memorial book of the Oryol province in 1898]. Izdaniye Orlovskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta. [Publication of the Oryol Provincial Statistical Committee]. Orel, 1898. 218 s.

22. Pechenkin V. Sovetskaya vodka. Kratkiy kurs v etiketkakh. [Soviet vodka. Short course in labels]. M.: Izdatel'stvo «Lomonosov"», 2015. 232 s.

23. Polyakov G.P. Pravoslaviye na Bryanskoy zemle: tserkovnaya arkheologiya i istoriya Bryanskoy mitropolii RPTS. [Orthodoxy in the Bryansk land: church archeology and history of the Bryansk metropolis of the Russian Orthodox Church]. Bryansk, 2013. 328 s.

Об авторе

Алферова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Alfyorova Irina Vladimirovna – Doctor of History, Professor, Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia)

Blokhin Valeriy Fedorovich – Doctor of History, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia)

УДК 327(430)+327.51

Антюхова Е.А., кандидат политических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ГЕРМАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ НАТО В КОНЦЕ XX- НАЧАЛЕ XXI вв.

В статье рассматривается изменение германской внешней политики в отношении участия в деятельности блока НАТО. Анализируется выработка политической стратегии НАТО в условиях окончания «холодной войны» и появления новых угроз. Выявлена позиция ФРГ в отношении роли США в НАТО и условиях применения вооруженной силы. Изучены подходы Германии к изменению роли НАТО в современных условиях.

Ключевые слова: ФРГ, НАТО, внешняя политика ФРГ, стратегия НАТО, европейская безопасность, политическая система

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-19-23

Официальное прекращение 1 июля 1991 года действия Варшавского договора 1955 года положило конец «холодной войне». Предшествующее этому событию объединение в 1990 году Германии в единое государство привело к изменению политической карты Европы, превратив германское государство в один из важнейших факторов европейской политики. Процесс германской интеграции стал возможен в результате демократических процессов, захлестнувших страны Центральной и Восточной Европы, которые были направлены на демонтаж политических режимов государств, многие десятилетия входивших в состав Организации Варшавского Договора. Длившееся с 1949 года противостояние ведущих мировых держав - США и СССР - закончилось крахом социалистической модели и уходом с политической арены ОВД.

Начиная с конца 90х годов двадцатого столетия, объединительным началом для США и ряда европейских государств становится НАТО, проводящая политику «мирового жандарма» и насаждающая собственные политические ценности.

Объединенная Германия становится одной из структурообразующих стран, входящих в этот военно-политический союз.

Последовавший процесс европейской интеграции выдвинул ФРГ на ведущее место в европейском пространстве.

В конце XX века важнейшим вопросом международной политики оставался вопрос европейской безопасности, вызванный начавшейся на территории бывшей Югославии этнической войной. Балканы вновь превратились для европейской политики в нестабильный регион, угрожавший взорвать мирное сосуществование континента.

Данное обстоятельство, в том числе рано или поздно должно было привести к трансформации натовской стратегии. Не только исчезновение противника периода «холодной войны» в виде Организации Варшавского договора (в первую очередь СССР подталкивало членов НАТО к переосмыслению места и роли НАТО в современном мире), но и необходимость решения обеспечения европейской безопасности подтолкнуло руководство Альянса к поиску новых форм политической деятельности и определению новых политических ориентиров.

В этих условиях ФРГ становилась форпостом НАТО на востоке, страной, к которой территориально притягивались государства бывшего социалистического блока, стремившиеся быстро дистанцироваться от стран социалистического лагеря и ОВД к государствам капиталистического развития.

Одним из притягательных элементов данной эволюции стало стремление ряда государств к вступлению в НАТО, которое рассматривалось как обязательная ступень разрыва с социалистическим прошлым.

Объединение Германии, образование Европейского Союза, завершение военно-этнического конфликта на постюгославском пространстве и стремление восточноевро-

пейских государств интегрироваться в европейское политическое пространство требовали от Североатлантического альянса новых подходов. Безопасность европейских государств становилась необходимым элементом поддержания состояния защищенности всего евроатлантического пространства.

Глобальные изменения, связанные с потерей постсоветскими государствами и, прежде всего, Российской Федерацией мирового политического влияния и способности оказывать воздействие на содержание мировой политики, зафиксировали политическое доминирование США.

Традиционно сильные позиции США в НАТО, благодаря военной составляющей в 1990-е гг., способствовали превращению американского государства в лидера Альянса. Прежняя политика США по созданию равного партнерства в НАТО уступила место политической гегемонии. В этой связи требовалось переформатирование системы взаимоотношений в рамках Альянса между США, европейскими государствами и, в частности, Германией. Таким образом, глобальные изменения в европейской политике привели к необходимости пересмотра стратегической концепции НАТО.

Принятая в 1999 г., новая стратегия НАТО уделяла большое внимание поддержанию европейской безопасности на фоне прошедшей югославской войны. К основным компонентам стратегии были отнесены следующие вопросы: поддержание евроатлантической безопасности, активное участие в урегулировании возможных политических конфликтов, а также поддержание партнерских отношений с европейскими государствами нечленами Альянса.

Основной отличительной чертой эволюции натовской стратегии стал отход от силового фактора воздействия и переход к использованию системного воздействия, включающего в себя многие другие формы оказания политического влияния. Была расширена трактовка обеспечения европейской безопасности посредством наделения войска НАТО миротворческой функцией. [7].

Если провести сравнение натовских концепций 1991 г. и 1999 г., то можно выделить определенные перемены, которые выразились в изменении системы взаимоотношений США и европейских государств. Принципиальным отличием стала широкая трактовка системы безопасности, которая поддерживалась вооруженными силами Альянса [4, с. 24]. Исчезновение глобального противника в лице Советского Союза обусловило необходимость не только выработки новых целей, оправдывавших необходимость существования Альянса и соответствующих финансовых затрат, которые несли государства на их поддержание, но и более эффективной системы реагирования на возможные военно-политические конфликты, которые могли возникать на европейском пространстве. Это заставило страны Альянса перейти к модели системного взаимодействия, основанного на комбинированном подходе, включавшем использование комплекса политических, экономических, военных, социальных и культурных факторов.

Как отмечала М.Е. Кучинская, «стратегическая концепция 1999 г. более чётко определяла курс Альянса в постконфронтационный период и кодифицировала важнейшие его составляющие» [1, с. 4].

Террористическая атака 11 сентября 2001 г. продемонстрировала ситуацию, в которой крупнейшее в военном отношении государство мира может оказаться неспособным предотвратить нападение на собственную территорию, приведшее к гибели многих американцев. Состояние безопасности и защищенности американского общества дало трещину. Система глобальной безопасности оказалась неэффективной перед атакой локальных террористических сил. Это привело к изменению системы взаимодействия членов Альянса по предотвращению подобных действий.

Угроза террористических атак 2001 г. и последовавшая за ними жесткая реакция США в виде проведения военных операций против Афганистана и Ирака без первоначального привлечения сил НАТО заставили германское руководство обозначить свое отношение к проведению широкомасштабных военных операций. Следует отметить, что правительство ФРГ оказалось перед дилеммой: с одной стороны, оно было противником использования германских вооруженных сил в военных конфликтах,

с другой - стремилось поддерживать статус великого государства и надежного партнера США по НАТО. Это выразилось в последующем стремлении после начала афганской кампании участвовать совместно с американцами в рамках военной миссии НАТО, приведшей к участию солдат бундесвера в боевых действиях против талибов.

Существенную роль на эволюцию натовской стратегии оказал Пражский саммит 2002 г., в рамках которого шло обсуждение дальнейших путей трансформации НАТО. В ходе проведения консультаций и высказывания мнений обозначились три подхода к изменению роли НАТО в новых геополитических условиях. Сторонники первого подхода считали необходимым подойти к изменению роли НАТО путем разграничения зон ответственности членов Альянса. В силу того, что европейские государства обладают ограниченным потенциалом для отражения глобальной агрессии, предлагалось предоставить США роль военной силы, оставив за европейскими участниками лишь функции финансовой поддержки военных сил Североатлантического альянса.

Между тем, сторонники второго подхода полагали, что НАТО должно сохранить свою роль военно-политического союза с разделением оперативного функционала между государствами - членами Альянса: в случае необходимости США применяют вооруженные силы в военных конфликтах, а европейские государства приобретают статус миротворческих сил. Третий подход предусматривал превращение НАТО в глобальную силу борьбы с международным терроризмом. Еще накануне саммита два крупнейших государства Европы – Франция и ФРГ – высказали свои позиции по данной проблеме[5, с. 50]. Если Франция полагала необходимым сохранение НАТО как военно-политического союза, направленного на решение глобальных политических проблем с акцентом на использование прежде всего военной силы, то ФРГ, поддерживая своего французского партнера, предлагала сделать упор на использование экономических средств воздействия. Итоги саммита во многом носили компромиссный характер, так как сохраняли НАТО как средство обеспечения безопасности. Одновременно предполагалось использование в локальных периферийных операциях «коалиции добровольцев» [2, с. 20].

Проведение Пражского саммита 2002 г. вселяло в США надежду на поддержку союзников по военно-политическому Альянсу в проведении второй иракской войны, однако эти надежды не оправдались[3, с. 50]. Два ведущих партнера США по НАТО – Франция и ФРГ - заявили о своем неучастии в проведении военной операции против режима С. Хуссейна. При этом германской стороной было заявлено, что в случае нанесения удара по Ираку ФРГ не окажет США ни военной, ни политической поддержки. Фактически можно вести речь о произошедшем расколе в НАТО по вопросу второй иракской войны, где американцев поддержали британцы, а ФРГ, Франция и Бельгия выступили с осуждением применения силы. Попытка США в 2003 г. провести через НАТО оказание дополнительной помощи Турции в рамках иракской войны вызвала решительное сопротивление всех трех стран.

Рассмотрение в ходе саммита проблемы террористической угрозы позволило определить четыре направления использования вооруженной силы: 1) борьба с террористической опасностью; 2) участие сил НАТО в преодолении последствий террористических атак; 3) контртерроризм, предусматривающий использование наступательных средств для нейтрализации террористической опасности, что предусматривало нанесение превентивных ударов по террористическим силам, однако члены Альянса уклонились от использования термина «превентивный удар»; 4) широкое военное сотрудничество против террористических сил.

В отличие от Великобритании и Франции идея глобализации НАТО не встретила поддержки со стороны ФРГ. Германия выступала сторонницей создания Сил реагирования НАТО, которые позволили бы обеспечить европейскую безопасность и эффективное решение региональных проблем [3, с. 55]. Итоги иракской кампании продемонстрировали способность коалиционных сил к разгрому противника, однако это не означало, что ситуация в Ираке приобретала стабильный характер. Германское государство в

2003 г. предприняло усилия для нормализации отношений с США, которые испортились в ходе иракской кампании.

Стремление германского руководства разрешить возникшие сложности во взаимоотношениях с США были обозначены в мюнхенской речи федерального канцлера Г. Шрёдера в феврале 2005 г., в которой прозвучало предложение о создании рабочей группы для нормализации отношений между членами Североатлантического альянса. Усиление роли политической составляющей НАТО прозвучало в ходе первого визита федерального канцлера А. Меркель в США в ноябре 2005 г., в которой усматривалось желание германского правительства оказывать большее влияние на политический курс НАТО [6, с. 97-99]. Претензии на лидерство определяются в том числе и тем, что ФРГ занимает вторую строчку в несении финансовых расходов в рамках НАТО после США.

Одним из ключевых камней преткновения между ФРГ и США стало отсутствие единого подхода к транснациональным угрозам. Ни та, ни другая сторона не нашли точек соприкосновения в поиске компромисса по ведению диалога по выходу из политического тупика.

Таким образом, стремление ФРГ придать НАТО региональный характер определяется, в том числе желанием усилить собственное политическое влияние в Альянсе. Использование бундесвера с 1999 г. в региональных военных и миротворческих конфликтах указывает на изменившуюся роль ФРГ в структуре НАТО.

Вместе с тем, видеть в этом германскую политику по приобретению лидерства в блоке следует считать преувеличением. Поддержка ФРГ политического курса современной американской администрации в отношении России служит тому подтверждением.

Список литературы

1. Кучинская М.Е. Перспективы принятия новой стратегической концепции НАТО. – Аналитические обзоры РИСИ. № 2 (25), М., 2010.

2. Кучинская М.Е. Трансформация НАТО на современном этапе: политические аспекты. – М., 2007.

3. Bücherl W. Eine Allianz fürAmerika? Die NATO nachPrag// InternationalePolitik. – 2003. - №3.

4. Hulsman J.Restructuring the US Role in NATO and European Defense Priorities for the President// The Heritage Foundation. – 2001. – January.

5. Rasmussen M.V. Turbulent Neighborhoods: How to Deploy the EU's Rapid Reaction Force// Comtenporary Security Policy. – 2002. – August. – Vol.23. - №2.

6. Rühle M. Der Leiter des Planungsreferats der PolitischenAbteilung der NATO.Füreineneue "Streitkultur". Der NATO als Forum für den transatlantischen Dialog// InternationalePolitik. – 2006 - Januar.

7. The Alliance's Strategic Concept. 1999. http://www.bits.de/NRANEU/nato-strategy/Strategic_Concept_Washington_1999.pdf

GERMAN FOREIGN POLICY AND NATO STRATEGY TRANSFORMATION IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES

The article examines the change in German foreign policy in relation to participation in the activities of the NATO bloc. The development of NATO's political strategy in the conditions of the end of the cold war and the emergence of new threats is analyzed. The position of the Federal Republic of Germany regarding the role of the US in NATO and the conditions for the use of armed force is revealed. The approaches of Germany to the changing role of NATO in modern conditions are studied.

Keywords: FRG, NATO, FRG foreign policy, NATO strategy, european security, political system

References

1. Kutchinskaya M.Ye. Perspectivy prinyatiya novoy strategitcheskoy konseptsii NATO [The prospect of NATO`s new strategic concept]// Analytitcheskye obzory RISI [Analytical Reviews by the Russian Institute of Strategic Research (RISR)] № 2 (25), M., 2010.

2. Kutchinskaya M.Ye. Transformatsiya NATO na sovremennom etape: polititcheskiye aspect [NATO`s transformation nowadays: political aspects]. M., 2007.

3. Bücherl W. Eine Allianz für Amerika? Die NATO nach Prag [The alliance for America? NATO after Prague]// Internationale Politik [International Politics]. – 2003. - №3.

4. Hulsman J. Restructuring the US Role in NATO and European Defense Priorities for the President// The Heritage Foundation. – 2001. – January.

5. Rasmussen M.V. Turbulent Neighborhoods: How to Deploy the EU's Rapid Reaction Force// Comtenporary Security Policy. – 2002. – August. – Vol.23. - №2.

6. Rühle M. Der Leiter des Planungsreferats der Politischen Abteilung der NATO. Für eine neue "Streitkultur". Der NATO als Forum für den transatlantischen Dialog [The leader of the planning section in the NATO political department. For a new discussion culture. NATO as a forum for a Transatlantic dialogue]// Internationale Politik [International Politics]. 2006 – Januar [January].

7. The Alliance's Strategic Concept.1999. http://www.bits.de/NRANEU/nato-strategy/Strategic_Concept_Washington_1999.pdf

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: e.ant1507@yandex.ru

Antyukhova Ekaterina Andreevna – PhD (political sciences), Senior Lecturer in Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA, Russia. E-mail: e.ant1507@yandex.ru

УДК 93/94

Валов Т.В., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИВАТИЗАЦИИ В 1992 т.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

В статье исследуется российская политика приватизации в 1992 г. Рассматриваются характерные особенности приватизации в России, нормативная база, малая приватизация, ваучерная приватизация, особенности воплощения данной политики на территории Санкт-Петербурга. Анализируется влияние приватизации на экономику страны и региона, социальную сферу. Подчеркивается, что Санкт-Петербург был передовым регионом в плане реформирования экономики, на базе которого отрабатывались приватизационные технологии, которые затем реализовывались в масштабе всей страны. Многие представители этого города затем вошли в федеральные эшелоны власти и стали определять политику приватизации на национальном уровне. В целом, борьба за государственную собственность являлась ключевым вопросом в 1990-е годы. Высокие темпы приватизации были обусловлены стремлением как можно быстрее ликвидировать экономическую базу власти коммунистической партии. Также рассматриваются основные механизмы приватизации, их процентное соотношение в течении 1992 года. Анализируется изменение структуры собственности в России и Санкт-Петербурге. Исследуется деятельность Государственного комитета имущества и Комитета по управлению городским имуществом, а также уровень финансовых поступлений в бюджет по итогам приватизации за 1992 год.

Ключевые слова: приватизация, собственность, имущество, 1990-е гг., Санкт-Петербург, рынок, реформы, предприятие, экономика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-24-30

Девяностые годы XX века вошли в историю как время коренной трансформации российского общества и государства. На смену советской системы власти пришла новая модель российской государственности, плановая экономика уступила место рынку. Процесс создания рыночной экономики включал в себя три основных направления преобразований: либерализацию цен, либерализацию внешней торговли и приватизацию. Приватизация являлась одним из ключевых направлений, так как именно она создавала главное действующее лицо рыночной экономики – собственника. Отец российских экономических реформ Е.Т. Гайдар писал: «…Опыт коллег по реформам в странах Восточной Европы подсказывал – наиболее трудоемким и конфликтным участком станет приватизация…» [2, с. 198]. Помимо экономических задач она преследовала также политические цели: разрушить экономическую основу политической власти коммунистов. Главный идеолог и творец российской приватизации А. Б. Чубайс высказался на этот счет следующим образом: «Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма. Это разные задачи с разной ценой… Мы знали, что каждый проданный завод - это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого, дешево, бесплатно, с приплатой – двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся честный собственник в России – это необратимость, это необратимость» [14].

Таким образом, проблема заключается в определении характера политики приватизации, оценке ее влияния на развитие экономики и российского общества. Была ли выбранная модель приватизации оптимальной? Способствовала становлению развитой рыночной экономики и политической демократической системы или обрекла Россию на деградацию? В статье будут исследованы основные тенденции политики приватизации в 1992 году на федеральном и региональном уровне (на примере Санкт-Петербурга).

1992 год стал первым годом полномасштабных экономических реформ, началом массовой приватизации. Соответственно, необходимо проанализировать, каким образом реализовывалась политика приватизации в первый год своего осуществления, какой эффект она оказала на экономическую и социально-политическую сферу жизни российского общества.

Санкт-Петербург вызывает особый исследовательский интерес в силу ряда причин. Во-первых, команда людей, осуществлявших приватизацию, состояла во многом из уроженцев Ленинграда. Так, председателем Государственного Комитета России по управлению государственным имуществом в 1991-1994 гг. был А.Б. Чубайс, в 1990 г. советник А.А. Собчака, в 1990 – 1991 гг. первый заместитель председателя исполкома Ленсовета; в 1995-1996 гг. российской приватизацией руководил С.Г. Беляев, возглавлявший Комитет

по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга в 1991 – 1993 гг.; в 1996 - 1997 гг. во главе ГКИ стал А.Р. Кох, заместитель С.Г. Беляева в Санкт-Петербурге. Во-вторых, Санкт-Петербург являлся наиболее передовым городом в деле экономического реформирования [9, с. 162]. Он как один из самых развитых российских городов, обладал серьезным экономическим потенциалом и являлся площадкой для апробации приватизационных технологий, которые затем реализовывались в масштабах всей России. А.Р. Кох отмечал: «Петербург всегда считался бесспорным лидером приватизации. Он не был абсолютным лидером по всем показателям, но мы, питерские, всегда ощущали себя лидерами реформ, ее первопроходцами и изо всех сил старались не ударить в грязь лицом» [7, с. 217]. В-третьих, люди, управлявшие Санкт-Петербургом в последнее десятилетие XX века, в начале XXI века заняли ключевые позиции в руководстве Российской Федерации, что также обуславливает особый интерес к процессам, протекающим в данном регионе в 1990-е гг., особенно к такому ключевому феномену, как борьба за государственную собственность. Первый мэр Санкт-Петербурга А.А. Собчак говорит об этом следующее: «Сложнейшая ситуация 1991-1992 годов многому нас научила, помогла новым структурам городской власти окрепнуть и проверить себя в первом настоящем деле… Именно тогда сформировалась команда, которая в последующие годы дала российскому правительству несколько вице-премьеров и министров (Г.С. Хижа, А.Б. Чубайс, А.А. Большаков, С.Г. Беляев, А.Л. Кудрин, В.В. Путин и др.)» [11, с. 159].

Основополагающим законом, на который опиралась приватизация в 1992 г., являлся Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1531-I «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», с которого и следует вести отчет российской приватизации [1, с. 11]. Фактически же подготовка к масштабной приватизации началась с осени 1991 года. 29 декабря Б.Н. Ельцин подписал Указ № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» и утвердил «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 год». «Основные положения» стали фактически первым документом, на практике регулирующим приватизационный процесс и давшим старт программной (а не стихийной) приватизации в России [15, с. 418]. Помимо этого, правовой фундамент приватизации включал Указ от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 1 июля 1992 года № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий в акционерные общества»; от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации», который коренным образом изменил концепцию приватизации, утвердив безличные приватизационные чеки, взамен именных. В целом, политика приватизации реализовывалась в условиях отсутствия не только хорошо проработанной законодательной базы, но и дефицита капитала внутри страны, политической и психологической неготовности населения, нарастания кризисных процессов в экономике, политической неустойчивости [6, с. 78].

Работа комитета по управлению городским имуществом началась с разработки программы приватизации, которая была утверждена городским Советом в феврале 1992 г. (решение №40 от 25.02.1992) [13, л. 10]. Программа полностью отвечала требованиям «Основных положений государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации». При формировании программы приватизации и в ходе ее выполнения преследовалось несколько целей. Во-первых, малая приватизация должна была пройти быстро. Необходимо было во втором и третьем кварталах 1992 г. провести массовую приватизацию, чтобы к концу года, когда даже в экономически стабильное время проявляются провалы со снабжением, создать наиболее адаптированную к рыночной экономике систему торговли. По свидетельству А.А. Собчака: «Именно в этот период мы начали ускоренную приватизацию торговых предприятий, чтобы увеличить количество продовольствия, завозимого в город частниками» [11, с. 158]. Во-вторых, малая приватизация должна была пройти, по возможности, без социальных потрясений и конфликтов для населения, в том числе и для трудовых коллективов. В-третьих, малая приватизация не должна была

существенно изменить сложившуюся в торговой сети инфраструктуру города [13, л. 11]. Массив приватизируемых предприятий формировался с двух сторон: на основании государственной и местной программ приватизации, а также по инициативе трудовых коллективов самих предприятий [12, с. 183].

Первые аукционы прошли в мае 1992 года. А.Р. Кох отмечает: «Саму идею аукциона я считаю чисто питерским изобретением. Дело в том, что в Питере с давних времен существовала традиция аукционов и, хотя первый аукцион по продаже магазина состоялся в Нижнем Новгороде в апреле 1991 года, мы раньше уже проводили аукционы по сдаче магазинов в аренду. В этой сфере мы были действительно первыми во всех отношениях» [7, с. 212]. Вообще, приватизация торговли была достаточно делом сложным и нервным. Существовавшие в тот период локальные монополисты, торги, отчаянно сопротивлялись и находили поддержку даже у А.А. Собчака, который требовал сохранения региональных районных торговых монополий [7, с. 214].

Комитетом по управлению городским имуществом за 1992 год была подготовлена и проведена экспертиза 2620 дел, из которых 2347 пакетом документов передано в Фонд имущества для осуществления приватизации. В сфере малой приватизации: а) акционировано: 17 универсамов, 12 торговых баз, 3 магазина, 6 объектов общественного питания, 2 объекта в сфере бытового обслуживания, которое начиналось с разработки уставов АООТ (акционерных обществ открытого типа; б) аренда с выкупом – принято и обработано 1251 заявка, принято 1900 решений (по остальным не готовы пакеты документов, нет оценки аудитора и т.д.). Параллельно с проведением работ по приватизации Комитет получил только по вопросам, касающимся малой приватизации, 1292 писем-обращений, запросов, протестов от частных и юридических лиц [13, л. 14]. А.Р. Кох: «Надо признать, что серьезных доходов в городской бюджет малая приватизация не успела дать: началась ваучерная программа, и малая приватизация продолжалась уже не за деньги, а за ваучеры. Да, собственно, в то время никто и не ставил фискальных целей. Главными нашими задачами были создание конкурентной среды в торговой системе, ликвидация локальной монополии, обеспечение притока товаров» [7, с. 214].

Параллельно с малой приватизацией к концу 1992 года началась чековая приватизация. В августе 1992 г. вышел указ № 721 о поголовном акционировании всех предприятий, вскоре появились все необходимые нормативные документы, а уже в декабре был проведен первый специализированный чековый аукцион. Программы акционирования реализовывались довольно быстро. Директора боялись, что их могут обойти чужаки, поэтому торопились предложить свои планы, свои инвестиционные программы, выгодную им очередность в проведении аукционов, чтобы суметь сконцентрировать деньги для покупки предприятий [7, с. 216]. Пресса активно освещала процесс приватизации. Так, в старейшей газете города на Неве «Санкт-Петербургские ведомости» за сентябрь 1992 года в статье «Хотите купить магазин? Торопитесь на биржу» отмечалась роль новых институтов в формировании рыночной экономики. Авторы фиксируют, что: «Пресс-конференция, организованная новым агентством общественных связей и информации «Балт-Арт», отчетливо показала: в городе интенсивно формируются структуры, способные энергично содействовать и мэрии, и Фонду имущества в повышении темпов приватизации» [3].

В соответствии с программой приватизации государственные предприятия сферы промышленности по отраслям располагались следующим образом: 1. Легкая промышленность – 25 предприятий, 2. Пищевая промышленность – 34 предприятий, 3. Строительный комплекс – 71 предприятий, 4. Строительная индустрия – 23 предприятий, 5. Автотранспорт – 61 предприятие, 6. Местная промышленность – 11 предприятий, 7. Прочие – 9 предприятий. Всего – 234 предприятия. В программе 95 предприятий – арендные, в том числе – 80 арендные с выкупом. В Фонд имущества было передано 87 предприятий, в том числе безарендных. В соответствии с Указом № 721 Президента РФ в Комитет поступила 561 заявка от предприятий. Работа, практически начатая с 1 октября 1992 года, на конец года имела следующие результаты: 324 пакета документов находится в работе; 128 предприятий рассмотрено на комиссии; по 107 предприятиям утверждены планы приватизации, 71 АО зарегистрировано, 48 находится в ГФК, 38 – переданы в Фонд имущества [13, л. 15]. Что касается способов приватизации, то 55% предпри-

ятий было приватизировано через выкуп по договору аренды, 25% - через конкурс, 10% - через процедуру аукциона и еще 10% через акционирование [13, л. 58].

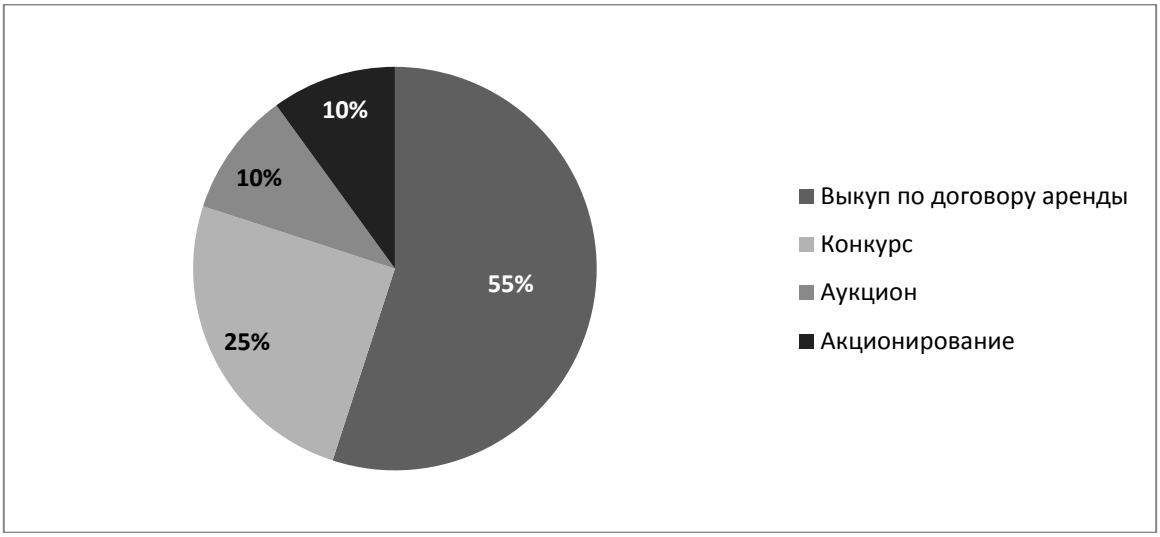

Рис.1 Общее соотношение способов приватизации в Санкт-Петербурге за 1992 г.

Необходимо отметить, что сомнение ряда предприятий в необходимости подачи заявки, создания комиссий на предприятиях, подготовка пакетов документов (баланс, опись, план приватизации, устав и т.д.) привело к тому, что основная масса заявок пришлась на ноябрь-декабрь 1992 года и большую часть работы пришлось выполнять в 1993 году. Всего в работе Комитета на конец 1992 года в обработке находилось 3894 документа различной степени готовности для принятий решения (1648 предприятий). Параллельно Комитетом учреждено за отчетный период 177 государственных предприятий [13, л. 16].

1 – 14 декабря 1992 г. состоялся VII Съезд народных депутатов Российской Федерации, который признал работу правительства за год неудовлетворительной, Председатель правительства Е.Т. Гайдар был отправлен в отставку. В 1992 году падение промышленного производства составило 18,8% по отношению к 1991 году. Объем производства продовольственных товаров сократился на 18%, товаров народного потребления – на 15%. Валовая продукция сельского хозяйства сократилась на 8% [1, с. 75]. Р.И. Хасбулатов, выступая 2 декабря, обвинил правительство в провале реформ, спаде производства, обнищании населения, утрате управляемости [5, с. 417].

А.Б. Чубайс сформулировал свою оценку проделанной работы следующим образом: «Прошел год с того момента, как наше Правительство начало работу над программой приватизации. Что сделано за это время? Пожалуй, самое главное и ключевое - это то, что сегодня в России есть реальная законодательная база, законодательная основа процесса приватизации. На этой законодательной основе сегодня выстраивается целое «здание» приватизации. Пожалуй, следует откровенно признать, что мы все еще не успеваем за событиями, что в этом «здании» все еще видны ошибки, неточности, промахи. Но вместе с тем нельзя не признать, что это «здание» одновременно строится и заселяется. Нельзя не признать, что сегодня процесс приватизации из какой-то экзотической, абстрактной категории стал повседневной жизнью в каждом городе России, в каждом областном и районном центре» [10, с. 197].

Реформы правительства Ельцина-Гайдара и политика приватизации повлияли на экономику Санкт-Петербурга следующим образом: в промышленности объем производства за год сократился на 19,9 %, а выпуск товаров народного потребления – на 22, 5 %. В результате такого снижения промышленность Санкт-Петербурга оказалась на уровне 1977 года, в Ленинградской области – 1979 года. Впервые за многие годы производительность труда в промышленности в 1992 году снизилась по сравнению с предыдущим годом на 12,8 % [8, с. 43].

Несмотря на то, что в 1992 г. в Санкт-Петербурге преимущественно осуществлялась малая приватизация, а массовая начала активно набирать обороты в 1993 г., структура городской собственности существенно изменилась: если на 01.01.1992 г. доля государственной собственности составляла 91%, а частной - 9%, то к 20.02.1993 доля государственной собственности сократилась до 49%, а частной выросла до 51% [13, л. 59]. Количество полностью приватизированных предприятий, по которым произведены выплаты по договорам, составляет в городе 812 (47% от общего числа зарегистрированных предприятий) [8, с. 44].

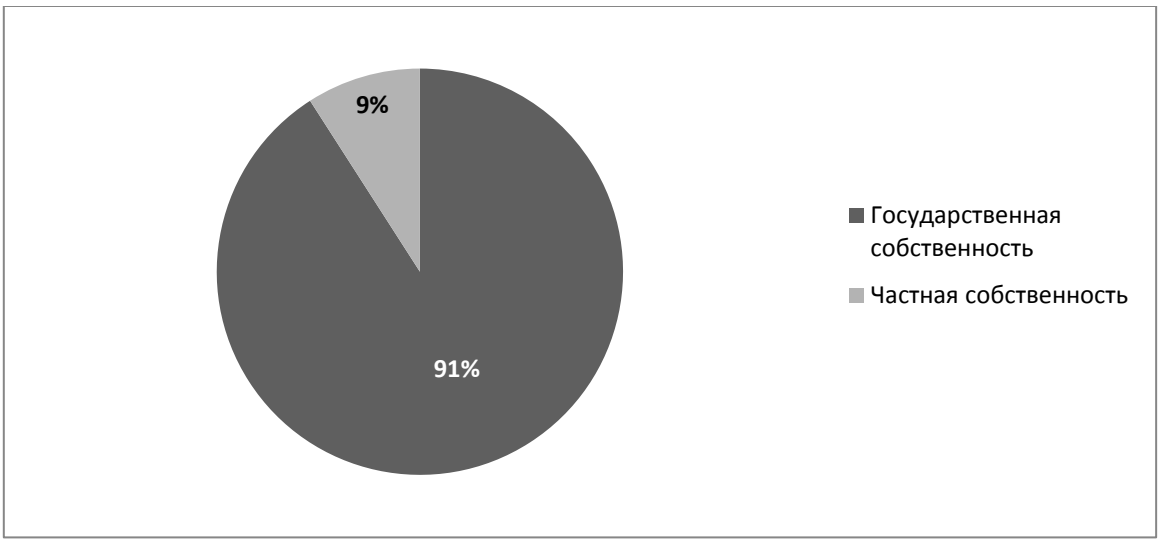

Рис. 2 Соотношение форм собственности в Санкт-Петербурге на 01.01.1992.

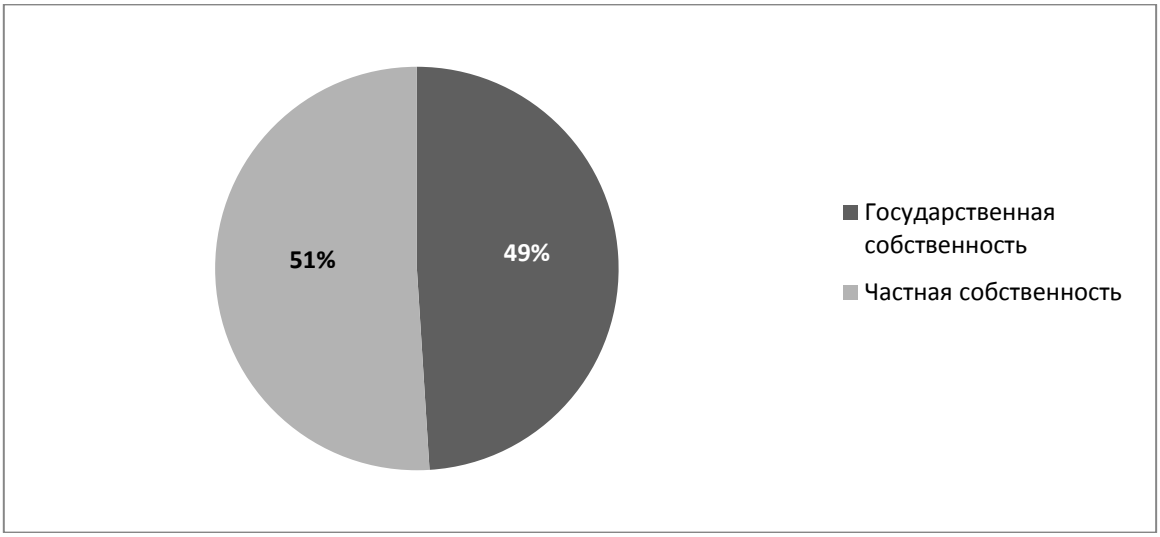

Рис. 3 Соотношение форм собственности в Санкт-Петербурге на 20.02.1993.

За 1992 год Санкт-Петербург получил от приватизации в бюджет 2,8 млрд. рублей, а Ленинградская область 0,6 млрд. рублей [8, с. 44]. Приватизация обострила социальные противоречия, запустила процесс трансформации социальной структуры российского общества. Численность граждан, имеющих статус безработного, увеличилась в Санкт-Петербурге по сравнению с началом года в 5,6 раза, в Ленинградской области – в 7,3 раза и составила на конец декабря 1992 года, соответственно, 40,7 тысячи человек и 9, 3 тысячи человек [8, с. 44]. В целом, реформы обернулись обнищанием населения, увеличением числа бездомных, потоком беженцев, беспризорными детьми на улицах, бедственным положением пожилых людей и инвалидов, увеличением смертности и падением рождаемости, беспрецедентным ростом преступности, алкоголизацией и наркотизацией [4, с. 7].

Таким образом, можно сделать вывод,

что преобразования 1992 г., ключевым из которых являлась политика приватизации, привели к существенной трансформации экономики Российской Федерации и Санкт-Петербурга, а также спровоцировали комплекс негативных экономических и социально-политических проблем, которые существенно повлияли и продолжают влиять на состояния российского государства и социума.

Список литературы

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993 – 2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной Палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Олита, 2004. 185 с.
2. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. С. 198.
3. Кузнецов В. Хотите купить магазин? Торопитесь на биржу // Санкт-Петербургские ведомости. 18.09.1992. № 214 (313).
4. Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий... СПб.: Благотворительный фонд "Ночлежка", 1994 255 с.
5. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. М.: АСТ, 2007. 552 с.
6. Полынов М. Ф. Рыночные реформы в 1990-е годы и их последствия для промышленности России // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2005. №1. С. 78 – 90.
7. Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. 366 с.
8. Российская Федерация, Санкт-Петербург и области Северо-Западного экономического района в 1992 году. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993.
9. Рыбаков Ф.Ф. Экономика Санкт-Петербурга: прошлое, настоящее будущее. СПб.: Гидрометеоиздат, 2000. 269 с.
10. Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации, 1-14 декабря 1992г.: Стенографический отчет: В 4 т. Т.1. М.: Республика, 1993. 671 с.
11. Собчак А.А. Из Ленинграда в Петербург: путешествие во времени и пространстве. СПб: Контрфорс, 1999. 216 с.
12. Усыскин Л.Б. Время Михаила Маневича. М.: ОГИ, 2012. 288 с.
13. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, г. Санкт-Петербург). Ф. 10135. Комитет по управлению городским имуществом Правительства Санкт-Петербурга и подведомственные ему районные комитеты, и территориальное агентство по топливно-энергетическим ресурсам. Санкт-Петербург. 1991 – 2011. Оп. 1. Д. 29. Отчет о деятельности комитета по управлению городским имуществом за 1992 год.
14. Чубайс А.Б. Интервью. 2001. / Forum. msk. ru. [Электронный ресурс] URL: https://forum-msk.org/material/economic/2493684.html (Дата обращения 01.04.2018)
15. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории / Батурин Ю.М., Ильин А.Л, Никифоров К.В. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 816 с.

RUSSIAN PRIVATIZATION POLICY IN 1992: MAIN TENDENCIES AND REGIONAL SPECIFICS (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

The article examines the Russian privatization policy in 1992. The characteristic features of privatization in Russia, the regulatory framework, small privatization, voucher privatization, and features of implementing this policy in St. Petersburg are examined. Analyzed the impact of privatization on the economy of the country and the region, the social sphere. It is emphasized that St. Petersburg was an advanced region in terms of reforming the economy, on the basis of which privatization technologies were worked out, which were then implemented on a national scale. Many representatives of this city then entered the federal echelons of power and began to determine privatization policy at the national level. In general, the struggle for state ownership was a key issue in the 1990s. The high rates of privatization were due to the desire to liquidate the economic base of the power of the communist party as quickly as possible. The article discusses the main mechanisms of privatization, their percentage ratio during 1992. The change in ownership structure in Russia and St. Petersburg is analyzed. The activities of the State Property Committee and the City Property Management Committee are investigated, as well as the level of financial revenues to the budget following the privatization results for 1992.
Keywords: privatization, property, property, 1990s, St. Petersburg, market, reforms, enterprise, economy.

References

1. Analiz processov privatizacii gosudarstvennoj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii za period 1993 – 2003 gody (ehkspertno-analiticheskoe meropriyatie) (2004) [Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993-2003 (expert-analytical event)] / Rukovoditel' rabochej gruppy – Predsedatel' Schetnoj Palaty Rossijskoj Federacii S.V. Stepashin. M.: Olita. 185 s.

2. Gajdar E.T. (1996) Dni porazhenij i pobed. [Days of defeats and victories.] M.: Vagrius, S. 198.

3. Kuznecov V. (1992) Hotite kupit' magazin? Toropites' na birzhu [Want to buy a shop? Take your time to exchange] // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 18.09.1992. № 214 (313).

4. Peterburg nachala 90-h: bezumnyj, holodnyj, zhestokij... (1994) [Petersburg of the early 90s: crazy, cold, cruel...] SPb.: Blagotvoritel'nyj fond "Nochlezhka", 255 s.

5. Pihoya R.G. (2007) Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoj strany. Rossiya na izlome tysyacheletij. [Moscow. Kremlin. Authority. Two stories of one country. Russia is at the turn of millennia.] M.: AST, 552 s.

6. Polynov M. F. (2005) Rynochnye reformy v 1990-e gody i ih posledstviya dlya promyshlennosti Rossii [Market reforms in the 1990s and their impact on Russian industry] // Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya. №1. S. 78 – 90.

7. Privatizaciya po-rossijski (1999) [Privatization in Russian] / pod red. A.B. CHubajsa. M.: Vagrius, 366 s.

8. Rossijskaya Federaciya, Sankt-Peterburg i oblasti Severo-Zapadnogo ehkonomicheskogo rajona v 1992 godu. (1993) [Russian Federation, St. Petersburg and the North-West economic region in 1992.] M.: Respublikanskij informacionno-izdatel'skij centr.

9. Rybakov F.F. (2000) Ehkonomika Sankt-Peterburga: proshloe, nastoyashchee budushchee. [The economy of St. Petersburg: past, present and future.] SPb.: Gidrometeoizdat, 269 s.

10. Sed'moj S"ezd narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii, 1-14 dekabrya 1992g.: Stenograficheskij otchet: V 4 t. T.1. (1993) [Seventh Congress of people's deputies of the Russian Federation, December 1-14, 1992: Verbatim report: 4 vol. 1.] M.: Respublika, 671 s.

11. Sobchak A.A. (1999) Iz Leningrada v Peterburg: puteshestvie vo vremeni i prostranstve. [From Leningrad to St. Petersburg: a journey through time and space.] SPb: Kontrfors, 216 s.

12. Usyskin L.B. (2012) Vremya Mihaila Manevicha. [Mikhail Manevich's Time.] M.: OGI, 288 s.

13. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb, g. Sankt-Peterburg). F. 10135. Komitet po upravleniyu gorodskim imushchestvom Pravitel'stva Sankt-Peterburga i podvedomstvennye emu rajonnye komitety, i territorial'noe agentstvo po toplivno-ehnergeticheskim resursam. Sankt-Peterburg. [Central state archive of St. Petersburg (TSGA SPb, Saint-Petersburg). 10135. The Committee on management of city property of the Government of St. Petersburg and its subordinate district committees, and the territorial Agency for fuel and energy resources.] 1991 – 2011. Op. 1. D. 29. Otchet o deyatel'nosti komiteta po upravleniyu gorodskim imushchestvom za 1992 god.

14. Chubajs A.B. Interv'yu. [Interview.] 2001. / Forum. msk. ru. [EHlektronnyj resurs] URL: https://forum-msk.org/material/economic/2493684.html (Data obrashcheniya 01.04.2018)

15. Epoha El'cina. Ocherki politicheskoj istorii (2011) [The Yeltsin Era. Essays on political history] / Baturin YU.M., Il'in A.L, Nikiforov K.V. M.: Prezidentskij centr B.N. El'cina, 816 s.

Об авторе

Валов Тимофей Васильевич – аспирант института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), E-mail: timofei.valov@yandex.ru

Valov Timofej Vasil'evich - Postgraduate Student, Institute of History, St. Petersburg State University (Russia), E-mail: timofei.valov@yandex.ru

УДК 94(73) “16-17”

Востриков П.В., соискатель, Курский государственный университет (Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ДОМА БУРГЕСОВ (ПАЛАТЫ ГОРОЖАН) В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВИРГИНИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (1619-1776 гг.)

В статье рассматриваются основные черты функционирования представительного органа власти колониальной Виргинии – Дома бургесов (Палаты горожан). Дом бургесов наряду с местным Советом и губернатором, назначаемым королем, представлял местную власть. Данное разделение властей было характерно и для других колоний, и истоки этой системы восходили к средневековым английским традициям. Для колониального правления была характерна размытость ветвей власти, бургесы могли быть также членами приходского совета и мировыми судьями. Должности бургесов были выборными, но выборы проходили нерегулярно, их проведение зависело от воли губернатора. Выборы были поводом для оживления общественной жизни – они вызывали интерес у разных колонистов, люди пребывали в места их проведения не только для непосредственного участия в них (в силу имущественного ценза это было не для всех возможно), а для участия в обсуждении новостей, торговле, азартных играх. Значение этого органа постепенно усиливалось в XVIII столетии, рост новых графств способствовал и появлению новых членов (по два бургеса представляли каждое графство), а Совет по закону неизменно включал только двенадцать членов. Дом бургесов Виргинии имел глубокое влияние на политическую жизнь в ходе событий 1763-1776 гг., когда происходил разрыв связей между Великобританией и ее североамериканскими колониями.

Ключевые слова: Дом бургесов, колониальная Виргиния, Генеральная ассамблея, губернатор, выборы, кандидаты, просвещенная элита, ветви власти.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-31-38

Для понимания современного состояния многих общественных и политических институтов США важно обращаться к их истокам, к колониальному периоду истории. Колониальные органы власти, в свою очередь, имели корни в английской политической традиции и связаны с таким документом, как «Магна карта», ограничивающим права короля. Хотя в отечественной историографии и затрагивался колониальный период, но освещение данной проблематики имело общий характер, а что касается тематических исследований, то они практически отсутствуют.

В статье использованы проблемно-хронологический, описательный, сравнительно-исторический и системно-исторический методы. Для исследования привлекались хартии, протоколы собраний депутатов, труды хронистов, бытописателей Виргинии, свидетельства современников и драматургические произведения. Дом бургесов (Палата горожан) был первым представительным органом власти в истории будущих США, в американской историографии ему уделяется достаточно внимания как в работах общего характера, так и в специальных статьях и монографиях.

Местное политическое управление в колониальной Виргинии осуществлялось Генеральной Ассамблеей, которая состояла из губернатора (или его наместника), Совета (члены которого назначались королем из числа ведущих землевладельцев), а также Дома бургесов или Палаты горожан (в работе этого органа принимали участие два выборных члена от каждого графства). Определенным образом такая система смешанного правления была скопирована с английской – власть в лице королевского губернатора представляла монархию, Совет представлял аристократию, а Дом бургесов являлся собранием избранных представителей и воплощал демократическую составляющую власти[3, p. 32; 2, с. 25]. Хотя английские колонии в Новом Свете имели разные типы конституционного статуса: это были корпоративные колонии (Плимут, Массачуссетс, Нью-Хейвен), собственнические (Пенсильвания, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Нью-Йорк), королевские (Виргиния после 1624 г.), подобная система правления была характерна для всех этих образований. Североамериканское общество в целом представляло собой обновленную Англию, с ее цивилизационными особенностями, имеющих истоки в античности, затем развивавшихся в различных странах Западной Европы, но прежде всего в Англии. Собственно английские традиции восходили к «Великой хартии вольностей» 1215 года, что в итоге породила ставший известным в ходе Американской революции принцип «нет налогообложения без представительства», а также к Акту Хабеас

корпус *(Habeas Corpus Act)*, который утверждал гражданские права личности. Билль о правах 1689 года, появление которого завершало социальные брожения неспокойного XVII века, наделял полнотой законодательной власти парламент[3, p. 15-16].

Губернатор, назначаемый королем, имел большие полномочия. Он командовал армией (ополчением) и флотом, заведовал церковными делами, назначал мировых судей и других чиновников, созывал и распускал Генеральную ассамблею по своему усмотрению, а также мог накладывать вето на любые постановления, принятые ассамблеей[4,p. 188; 11, p. 22; 13, p. 5-6].

Королевский колониальный совет или просто Совет, состоял из двенадцати наиболее богатых и влиятельных лиц, назначаемых королем и служивших в этом органе на протяжении всей жизни. Члены Совета содействовали губернатору во всех вопросах управления колонией, а когда действующий губернатор отсутствовал, президент Совета временно исполнял его обязанности[4, p. 189; 9, 151-155]. Место в Совете давало почет и уважение. Этот небольшой орган управления действовал как кабинет при губернаторе, верхняя законодательная палата и высший суд в колонии. В его ведении были вопросы распределения земли, большая часть которой контролировалась двадцатью пятью семействами, что удерживали две трети мест в совете с 1680 по 1775 годы. Различные руководящие должности включали: секретаря, казначея, коллекторов, представителей Колледжа Уильяма и Мери. Члены Совета предоставляли губернатору рекомендации по разным аспектам управления. Сюда входили: вопросы назначения табачных инспекторов, офицеров милиции, шерифов, мировых судей, организация выборов в нижнюю палату и созыв сессии Генеральной ассамблеи. По итогам работы Совета и с учетом текущих событий, губернатор выступал с прокламациями по поводу как самых значительных дел, как-то: кончины монарха или начала военных действий, так и самых рутинных явлений[14, p. 6-9].

Характерной чертой местного самоуправления было отсутствие определенных границ между ветвями власти. Представители элиты могли занимать несколько должностей в разных органах управления. Крупные землевладельцы занимали важнейшие места в правлении: в губернаторском Совете, Палате бургесов, судах, а также они контролировали приходской совет – орган англиканского церковного правления. Приход был самой малой административной единицей.

Дом бургесов своим происхождением был связан с Великой хартией короля Якова I 1618 года[6, p. 10-19], которая сменила жесткую милитаристскую систему правления, основанную на так называемом Кодексе Т. Дейла. Новое постановление позволяло Виргинской компании сохранять корпоративный контроль над колонией, но и предоставляло влиятельным поселенцам иметь некоторую степень самоуправления. Летом 1619 года с 30 июля по 4 августа при губернаторе Джордже Йердли проводилась первая сессия Генеральной ассамблеи, в которой приняли участие 22 представителя Дома бургесов, шесть членов Совета и сам губернатор. На этом собрании участники определили полномочия бургесов, права на земельные владения, наделили англиканскую церковь официальным статусом, провели некоторые законы относительно выращивания табака и индейской торговли, наказания за ругательства, богохульства и азартные игры[8, p. 9-39; 9, p.189-190]. В первое время года работа Совета и Дома бургесов проходила в рамках одного собрания, но после 1643 года, Совет стал представлять верхнюю палату, Дом бургесов – нижнюю.

Губернатор Уильям Беркли пытался опираться на новых лидеров колонии – богатых плантаторов, многие из которых противостояли влиятельным лидерам Совета, таким как Уильям Клейборн и Сэмьюел Мэттьюз. Дом бургесов стал приобретать черты английского парламента и добивался больших полномочий. Во время Английской буржуазной революции, после казни короля, У. Беркли и Генеральная ассамблея выразили поддержку Карлу II, наследнику казненного монарха. Кромвель в ответ на это направил флот к берегам Виргинии и заставил колонистов подчиниться требованиям Парламента, и Беркли покинул губернаторский пост. Но Дом бургесов при этих переменах получил право избирать губернатора и членов Совета и стал продвигать своих членов на самые важные должности в колонии. В марте 1658 года, когда губернатор С. Мэттьюз пытался распустить Генеральную ассамблею еще до

того, как все дискуссии были закончены, бургесы единогласно заявили, что он не имел на это права и отстояли свою точку зрения. Бургесы даже добились того, что губернатор и члены совета стали давать им клятву при вступлении в должность.

После смерти Кромвеля бургесы снова призвали У. Беркли на пост губернатора. В области местного управления, получив от Карла II полномочия губернатора, Беркли стал стремиться к тому, чтобы приобрести больше контроля над Домом бургесов, который к тому времени стал достаточно строптивым во взаимоотношениях с губернаторами Виргинии (в период интеррегнума). Беркли стремился ужесточить имущественные требования, ему удалось в 1661 г. провести закон, по которому округ не мог присылать на заседания этого органа более двух представителей. Данный состав удовлетворял Беркли, он финансово обеспечил поддержку уже избранных бургесов, следовательно, и их лояльность, а потому он счел за лучшее не проводить более выборов. (Следующие выборы прошли только в ходе восстания Бэкона в 1676 г.).

После бунта Бэкона, король Карл II, неверно полагая, что бургесы в этот период принимали свои постановления под давлением бунтаря, инициировал ряд мер по сдерживанию полномочий местных ассамблей во всех колониях[15, p. 2-3]. И после этого в течение 25 лет монархи Англии при назначении губернаторов давали им соответствующие указания. Достаточно сказать, что сессии ассамблеи уже не проходили каждый год, и губернаторы стали назначать клерков нижней палаты. В результате чего, на четыре десятилетия политический вес бургесов снизился, но, тем не менее, этот орган продолжал быть очень влиятельным и бургесы продолжали отстаивать интересы местной элиты.

Должности бургесов в Генеральной ассамблее были выборными. По два бургеса избирались от каждого графства, было также по одному представителю от колледжа и от поселений Джеймстаун, Уильямсбург и Норфолк. Они собирались по созыву губернатора. Секретарь губернатора направлял письма *(writs)* шерифам графств, после чего проходили выборы, в которых могли участвовать только фригольдеры. Первым делом собрание бургесов избирало спикера, который обращался к губернатору с петицией о подтверждении традиционных прав и свобод членов этого собрания: право свободно высказываться, свобода от ареста и т.д. Затем собравшиеся приступали непосредственно к работе и обсуждали текущее положение дел в колонии и выносили на обсуждение законодательные проекты[4, p. 189-190]. Принимались и новые постановления, связанные с особенностью жизни на плантациях, хотя Генеральная ассамблея не имела полномочий принимать новые законы или отменять старые. То есть, те законы, которые казались необходимыми при учете виргинских реалий, предлагались на Ассамблее, обсуждались и отправлялись на рассмотрение в Англию. Если же законопроекты не встречали одобрения монарха, они не принимались[11, p. 63-64].

Участие в выборах считалось почетным правом и проявлением гражданской добродетели. Голосование проходило открыто. Депутаты могли быть выходцами только из привилегированных слоев общества, материальное благосостояние считалось основой независимого беспристрастного взгляда на политическую жизнь.

Выборы бургесов от графства проходили в местном здании суда, территория рядом с которым превращалась в такие дни в ярмарочную площадь. Вывешивались коммерческие объявления о продаже рабов, лошадей, свиней и земельных аукционах. Подвыпившие мужчины начинали кулачные поединки под одобрительные крики зевак. Организовывались скачки и петушиные бои. И повсюду разгорался азарт, и делались ставки. В эти дни колонисты создавали некоторую иллюзию общности, что при наличии постоянной конкурентной борьбы, было удивительно.

В дни выборов со стороны кандидатов в бургесы имелись неписаные правила, одним из которых являлось обильное угощение спиртными напитками. Многие же поскупившиеся кандидаты, теряли шансы на успех на выборах. Однажды Джеймс Мэдисон, осуждавший обычай обильных возлияний, решил преподать пример поведения, достойного просвещенного республиканца и отказался от традиции. В результате чего он выборы проиграл, ему пришлось отметить, что выборщики предпочитали ром его идеям[14, p. 57].

Угощение не являлось просто способом подкупить избирателей и вызвать их симпатии. Для джентри это было возможностью показать свое покровительственное отношение к тем, кто находился ниже на социальной лестнице. Джентри подтверждали свой статус великодушных джентльменов, когда они были готовы угощать всех избирателей, независимо от политических предпочтений последних[10, p.111]. Подобные банкеты были весьма затратными мероприятиями. Например, что стоимость избирательных кампаний Джорджа Вашингтона составляла от 25 до 50 фунтов, то были средства в несколько раз превосходящие стоимость земли и дома, которые определяли критерии принадлежности к кругу избирателей[1, с. 144]. Атмосфера на выборах была весьма дружелюбной, но за подобными проявлениями щедрости скрывался дух политического соперничества. Так что эта щедрость была вызвана не столько сердечным расположением, сколько взаимными интересами и амбициями. Все были тесно меж собой связаны узами родства, дружбы и практической выгоды, и без поддержки лидеров округа кандидаты имели мало шансов на успех.

Дом бургесов был своеобразным политическим клубом джентри, чаще всего демонстрировавших удивительное единодушие по поводу управления делами колонии, считая себя гораздо более компетентными в них, чем английский парламент[5, p.36]. Депутаты не только не получали никакой платы, но и были готовы тратить свои средства на проведение собраний и выборов. Кандидаты и выборщики должны были соответствовать определенному имущественному уровню. В середине XVIII века в Виргинии и от избирателей и от кандидатов требовалось обладание, по меньшей мере, 25 акрами земли с домом или 100 акрами необработанной земли. За уклонение от участия в выборах полагался штраф в размере 200 фунтов табака. Многие свободные белые мужчины, слуги, рабы, а также все женщины не имели в силу подобных требований избирательных прав. К тому же требования становились все более высокими.

Представители элиты, обладая значительной собственностью, обладали также и наиболее полной и достоверной информацией обо всех политических и экономических проблемах общества. Таким образом, Совет представлял интересы колониальной администрации в целом, а Дом бургесов – местных элит.

Среди историков колониального периода довольно известна пьеса «Кандидаты» (1770), из «Собрания пьес и стихотворений полковника Роберта Манфорда из графства Мекленбург в штате Виргиния»[12]. Пьеса посвящена описанию процедуры выборов в колониальный период. Историки обращаются к ней как к историческому документу[14, p. 44-45]. Сам автор, являясь членом Ассамблеи и неоднократно – кандидатом, хорошо знал атмосферу, о которой писал. Сюжет пьесы достаточно прост и, несмотря на комизм многих ситуаций, дает достаточно реалистичное представление о процедуре выборов во второй половине XVIII века. Вероятный (Wouldbe), почтенный джентльмен, стремится быть переизбранным в Дом бургесов. В прошлом его соперником был Достойный (Worthy), но он на этот раз решил отказаться от участия, поэтому три новых, весьма недостойных кандидата, решают поучаствовать. В ходе выборов, Достойный, раздраженный поведением этих трех выскочек, меняет свое решение и вступает в борьбу. В итоге Достойный и Вероятный оказываются избранными в последнем акте. В пьесе мы видим характерные черты выборов тех лет, обнаруживаемые в других свидетельствах: кандидат, чье личное присутствие обязательно, приветствует избирателей по имени, бурное обсуждение всего хода процедуры, торжественность обещаний, обильное угощение и всеобщее возбуждение.

Выборы в собрание бургесов на протяжении большей части колониального периода проходили достаточно редко. Поводом могло послужить произвольное желание губернатора о роспуске Ассамблеи и созыве новой, а также смерть или увольнение кого-либо из членов управления. Во время второго губернаторства Беркли, как уже было сказано выше, они не проводились совсем.

Главными должностями в самой палате были должности спикера и клерка, избираемые самими бургесами. Характерной особенностью было длительное их пребывание на своих постах. Например, Джон Робинсон стал спикером и казначеем в 1738 году и пребывал на этом месте до самой смерти в 1766 году. Не

все бургесы имели равные силу и влияние. На это влияли личные дружеские и родственные связи, срок службы, а также [14, p. 88-90].

В преддверии революционных событий внутри палаты избирались различные группы – комитеты, которые занимались специальными вопросами (комитеты по вопросам религии, привилегий и выборов, комитет по жалобам на акты британского правительства). Политическое влияние Палаты бургесов после некоторого периода сдерживания со стороны короны снова усиливаться в первые десятилетия XVIII века, несмотря на внешнее доминирование Совета. Частые споры между губернаторами и членами Совета способствовали развитию данной тенденции. Кроме того, стремительный рост населения и продвижение колонии вглубь континента постепенно делали Совет, состоявший всего из двенадцати членов, живших преимущественно на восточном побережье вблизи Уильямсбурга (новой столицы колонии с 1699 г.), неадекватным органом управления колонией. В компании с менее значительными семействами йоменов эти группы джентри также обладали железной хваткой в экономической жизни. Так что Совет постепенно начинал уступать инициативу нижней палате Генеральной ассамблеи. В большинстве случаев моделью для имитации служил британский парламент, который постепенно завоевывал подобные преимущества.

Ко времени окончания Семилетней войны (1763 г.) в колонии было уже около ста влиятельных семей, чьи интересы не могли быть достаточно представлены в Совете. В гористых приграничных районах западной части Виргинии, долине Шенандоа начинал складываться иной тип общества, с более радикальными взглядами. В экономическом отношении(преобладание пшеницы над табаком как основной культуры), социальном(достаточное количество фермеров среднего уровня благосостояния) и религиозном (англиканизм был менее распространен) то был тип культуры значительно отличавшийся от восточной Виргинии. Хотя представители западных графств не были столь богаты и влиятельны, само их количество заставляло восточную элиту считаться с их интересами. Наиболее известным деятелем из новых графств был Патрик Генри.

Их экономическими конкурентами были некоторые плантаторы приливной Виргинии, возглавляемыми сначала Томасом Ли, а затем его сыном Ричардом Генри Ли. Но во взгляде на положение Виргинии в период имперского кризиса обе группы были едины: политические и экономические решения должны приниматься в Виргинии, а не королем или британским парламентом. Эндрю Бернаби отмечал: «Они очень высокомерны, вспыльчивы, нетерпеливы и очень ревностно относятся к своим свободам и сама мысль о том, что какая-нибудь внешняя сила сможет контролировать их, для них нестерпима[6, p. 55]. Оппозиционных настроений, что могли бы вылиться в появлении фракций внутри палаты, в правящей прослойке Виргинии не наблюдалось. Политические партии возникли уже после революции.

На политическую арену Америки в этот период выходили представители «виргинской династии»: Патрик Генри, Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Ричард Генри Ли, Джон Маршалл Пейтон Рэндольф, Ричард Блэнд, Эдмунд Педлтон. Они проявили заметное единодушие в защите своих собственнических интересов и сумели заручиться поддержкой малых плантаторов, которые были преимущественно дерзкими и независимыми жителями приграничья. Плантаторам в Виргинии необходимо было обладать навыками ведения своего хозяйства, и экономический успех доказывал окружающим и наличие политических талантов, вызывал доверие. Управление плантацией было и школой политического управления в колонии, где поселения городского типа не получили достаточного развития. Как писал Д. Бурстин: «Его [преуспевающего плантатора] была Виргинией в миниатюре, а вся Виргиния – одной большой плантацией. И той и другой следовало управлять, проявляя чувство такта, твердость и благоразумие…Отбор производился жесткий: путь политической карьеры от мирового судьи или члена приходского совета до должности в Губернаторском совете строго охранялся на всем его протяжении бдительным местным джентри. Не получив его одобрения, рассчитывать на успех было делом безнадежным» [1, с. 139].

Начиная с выступления Патрика Генри в «деле проповедника» и на протяжении многих

последующих десятилетий, виргинцы поражали других колонистов радикализмом политического мышления своей элиты в ходе общеамериканского антиколониального движения. Хотя эмоциональный стиль Патрика Генри был, скорее, исключением. Депутаты Виргинии предпочитали достаточно твердую, расчетливую, деловую манеру изложения своих аргументов[1, с. 149]. Они были в первую очередь собственниками, и вопросы обладания, распределения и обработки земли, а также торговли ее произведениями составляли основу их жизненных чаяний и забот.

Впрочем, некоторые джентльмены, особенно из графств восточного побережья, сделав свой выбор в поддержку британской политики, утратили свой моральный авторитет и политическое влияние.

Представители просвещенной элиты считали, что как «свободные англичане» они могли быть облагаемы налогом только своими колониальными представительными органами. «Нет налогообложению без представительства в правительстве», - такое было общее представление о справедливом правлении после того, как в марте 1766 г. Ричард Бланд опубликовал памфлет в защиту прав виргинцев «Исследование прав британских колоний». Недовольство колониальных лидеров было вызвано не размерами налогов, а стремлением метрополии навязывать свою политику колонистам, что являлось нарушением конституции, которая сама по себе им казалась «наиболее совершенной и мудрой формой правления, когда-либо существовавших».

Пятый конгресс Виргинии (май-июнь 1776 г.), принял проект конституции Виргинии, включавшей Билль о правах Джорджа Мейсона, а также Декларацию независимости Томаса Джефферсона, которую 4 июля 1776 г. принял в Филадельфии и Континентальный Конгресс. Во время конгресса была одобрена конституция Виргинии, а Дом бургесов был преобразован в Палату делегатов и Сенат. Патрик Генри стал первым губернатором (1776-1779) образованного на месте колонии содружества (штата) Виргиния[2, p. 57].

Принадлежность к какому-либо правящему семейству была исключительно важна для того, чтобы сделать политическую карьеру в Виргинии. К середине XVIII столетия в колонии насчитывалось примерно около ста семей, обладающих богатыми плантациями на берегах могучих рек Виргинии. Путем взаимных браков и созданием законодательства о наследстве их угодий старшими сыновьями они образовали местную аристократическую олигархию, попасть в которую было уже невозможно человеку, который изначально не обладал достаточным капиталом и начал свою экономическую деятельность в более позднее время[5, p. 7]. Из революционного поколения виргинцев трудно привести пример деятеля, который бы поднялся на вершины политической жизни, не имея за плечами поколений влиятельных родственников. Таковы Рэндольфы, Картеры, Ли, Харрисоны и Нельсоны. Сюда же отнесем случаи Патрика Генри и Томаса Джефферсона. Дедушка Джефферсона был мировым судьей в графстве Генрико, капитаном милиции и шерифом. Питер Джефферсон, его отец занимал должности судьи, шерифа, землемера, член приходского совета церкви святого Иакова в Норфэме и заседал в Доме бургесов. Отец Патрика Генри был председателем ганноверского окружного суда, полковник милиции и член приходского совета, а его дядя – священником англиканской церкви. Джефферсон и Генри начали свою политическую карьеру, следуя по пути, проторенному своими семейными предшественниками[14, p. 74].

Политическая структура Виргинии имела внешние демократические формы при исключении из нее больших групп населения – коренных жителей, рабов, женщин, кабальных слуг, но в реальности управление колонией было сосредоточено в руках представителей олигархической верхушки, приобретавшей все большую сплоченность. В Виргинии характер правящей верхушки вполне соответствовал классической теории элит и ведущие политические фигуры составляли не более 5-10 процентов всего белого населения колонии. Дж. Смит отмечал: « Между различными слоями общества здесь гораздо больше различий, чем во всех остальных колониях Америки; не столь сильно выражены в Виргинии дух равенства и уравнительный принцип, захватившие ныне почти всю страну» [1, с. 147]. Но следует отметить, что подобный порядок принимался широкими слоями средних фермеров и не вызывал недовольства в их среде. Уверенное положение джентри обуславливалось

также фактором расовой солидарности белых колонистов. Во многом это способствовало социальной устойчивости общества в XVIII столетии при подчиненном положении африканских рабов, значимых восстаний которых в колониальный период не было.

Дом бургесов имел большое практическое значение в политической жизни колонии, причем вес этого органа постепенно увеличивался ближе к концу колониального периода. Сказывался территориальный рост Виргинии – появлялись новый графства, а вместе с ними увеличивалось и число представителей, а они уже по своему менталитету отличались от старых «аристократических» лидеров восточных графств – то были люди «границы». В известный критический момент истории лидеры Виргинии обладали достаточной властью и влиянием, чтобы почувствовать необходимость и неизбежность независимости от метрополии. Дом бургесов, в котором доминировали представители молодого поколения, самым активным образом реагировал на принятие парламентских актов Великобритании, виргинские резолюции посредством печати распространялись по всем колониям. Это была уже иная культурная среда, а наиболее образованные, просвещенные и политически активные виргинцы, проникшись знанием и духом английских законов, новыми идеями века Просвещения, осознали свои права англичан и принялись их ревностно отстаивать. В надвигающемся конфликте с метрополией и образовании США многие представители виргинской элиты выступили как лидеры движения. Мейсон и Джефферсон идеологически обосновали разрыв с метрополией в Декларации прав и Декларации независимости, Вашингтон принял командование Континентальной армией. Мэдисон внес самый значительный вклад в создание американской конституции.

Список литературы

1. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. – М.: Издательская группа «Прогресс. Литера», 1993. – 480 с.

2. Макинерни Д. США: История страны. М., 2009. – М.: Эксмо-пресс, 2009. – 303 с.

3. Согрин В.В. Демократия в Америке. От колониальной эры до XXI века. М., 2011. М.: Весь мир, 2011. – 368 с.

4. Beverley R. The History and the Present State of Virginia. Richmond, 1855. VA: J.W. Randolf, 1855. – 264 p.

5. Bridenbaugh C. Seat of Empire. The Political Role of the Eighteenth Century Williamsburg. Williamsburg, 1955. . – Williamsburg, VA, 1955. – 85 p.

6. Burnaby's Travels through North America. N. Y, 1904. – NY.: A Wessels Company, 1904. – 265 p.

7. Charter No. II//Charters of the Old English Colonies in America. London, 1850. / ed. by S. Lucas. – London: John W. Parker, West Strand. 1861. – 123 p.

8. Colonial Records of Virginia. Richmond, 1874. – Richmond, VA: R.F. Walker, Superintendent Public Printing, 1874. – 106 p.

9. Flippin P.S. The Royal Government in Virginia, 1624-1775//Studies in History, Economics and Law. Vol.84. 1775 // Studies in History, Economics and Law. – NY: Columbia University, 1919. – 393 p.

10. Isaac R. The Transformation of Virginia, 1740–1790. – Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1982. – 462 p.

11. Jones H. The Present State of Virginia. – NY: Reprinted for Joseph Sabin, 1865. – 151 p.

12. Munford R. Collection of Plays and Poems. Available at: www.docsouth.unc.edu Accessed 14.10.2015.

13. Stanard W. G., Stanard M.N. The Colonial Virginia Register: A List of Governors, Councilors and Other High Officials and Also the Members of the House of Burgesses and the revolutionary Conventions of the Colony of Virginia. – Albany, NY: Munsell's Sons, 1902. – 249 p.

14. Sydnor C. American Revolutionaries in the Making: Political Practices in Washington's Virginia. – N. Y.: Free Press, 1965. – 160 p.

15. Walthoe N. The Council and the Burgesses//The William and Mary Quarterly. Vol. 19, No. 1(July, 1910). P.1-9.

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE HOUSE OF BURGESSES IN THE POLITICAL SYSTEM OF COLONIAL VIRGINIA (1616 – 1776)

This article focuses on the main features of the functioning of the representative organ of power in colonial Virginia – the House of Burgesses, which together with the Council and the governor, appointed by the King, formed the local power. This kind of the division of power was similar in other colonies and its roots lay in the medieval English traditions. The colonial political power structure had no distinct differences between its branches, thus burgesses might also be the vestries and justices of the peace as well. The positions of burgesses were elective. But the elections were not regular and depended on a governor's will. The elections were spectacular and exciting events for various colonists and livened up the social life. Local residents gathered not only for participating in the elections (some of them could not meet property requirements), but for trade, news exchange and gambling. The political meaning of the House of Burgesses gradually increased throughout the 18th century, emergence of the new counties contributed to the appearance of the new members (each county was represented by two burgesses). The Council consisted of twelve councilors (according to legal regulations) and seemed to be outdated and inadequate governing body. The House of Burgesses was particularly influential in 1763-1776, the period of the rupture between Great Britain and its American colonies.
Keywords: The House of Burgesses, colonial Virginia, General Assembly. governor, elections, candidates, enlightened elite, branches of power.

References

1. Burstin D. Amerikantsi. Kolonial'ni opit [Americans. The Colonial Experience]. – M. : Izdatelskaya gruppa "Progress. Litera", 1993. – 480 s.

2. Makinerny D. SShA: Istoria strani [The USA: A History of the Country]. – M.: Exmopress, 2009. – 303 s.

3. Sogrin V.V. Demokratia v Amerike. Ot kolonial'noi eri do 21 veka [The Democracy in America. From the Colonial Period to the 21th Century]. – M. : Ves' mir, 2011. – 368 s.

4. Beverley R. The History and the Present State of Virginia. Richmond, 1855. P. 188. VA: J.W. Randolf, 1855. – 264 p.

5. Bridenbaugh C. Seat of Empire. The Political Role of the Eighteenth Century Williamsburg. Williamsburg, 1955. . – Williamsburg, VA, 1955. – 85 p.

6. Burnaby's Travels through North America. N. Y, 1904. – NY.: A Wessels Company, 1904. – 265 p.

7. Charter No. II//Charters of the Old English Colonies in America. London, 1850. / ed. by S. Lucas. – London: John W. Parker, West Strand. 1861. – 123 p.

8. Colonial Records of Virginia. Richmond, 1874. – Richmond, VA: R.F. Walker, Superintendent Public Printing, 1874. – 106 p.

9. Flippin P.S. The Royal Government in Virginia, 1624-1775//Studies in History, Economics and Law. Vol.84. 1775 // Studies in History, Economics and Law. – NY: Columbia University, 1919. – 393 p.

10. Isaac R. The Transformation of Virginia, 1740–1790. – Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1982. – 462 p.

11. Jones H. The Present State of Virginia. – NY: Reprinted for Joseph Sabin, 1865. – 151 p.

12. Munford R. Collection of Plays and Poems. Available at: www.docsouth.unc.edu Accessed 14.10.2015.

13. Stanard W. G., Stanard M.N. The Colonial Virginia Register: A List of Governors, Councilors and Other High Officials and Also the Members of the House of Burgesses and the revolutionary Conventions of the Colony of Virginia. – Albany, NY: Munsell's Sons, 1902. – 249 p.

14. Sydnor C. American Revolutionaries in the Making: Political Practices in Washington's Virginia. – N. Y.: Free Press, 1965. – 160 p.

15. Walthoe N. The Council and the Burgesses//The William and Mary Quarterly. Vol. 19, No. 1(July, 1910). P.1-9.

Об авторе

Востриков Павел Вячеславович – соискатель кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Россия); E-mail: Sortavala2015@inbox.ru

Vostrikov Pavel Vyacheslavovitch – post-graduate of History Department, Kursk State University (Russia); E-mail: Sortavala2015@inbox.ru

УДК 930(470)"16/17"

Горохова К.Н., аспирант, Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (Россия)

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ XVII-XVIII вв.

В данной статье, выстроенной по проблемно-логическому принципу, приведен анализ взглядов дореволюционных исследователей на историю дворянского землевладения в XVII-XVIII вв. Для данного историографического периода характерно сословно-правовое понимание формирования и складывания системы землевладения высшего сословия российского государства.

Ключевые слова: история, дворянство, историография, исследования, служилое землевладение.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-39-45

Для отечественной историографии характерен особый интерес к проблемам аграрной истории феодальной России. Этот интерес связан с изучением вопросов истории феодального землевладения, что находит обоснование в сущности российского общества, которое на протяжении большей части своей истории являлось аграрным. Именно это и предопределило особую важность освоения, использования и принадлежности земельных ресурсов.

С момента возникновения группы служилых людей начинается история поместья, поместной системы. Поместная система имеет свои существенные особенности: массовый характер испомещения служилых людей; поместные раздачи обеспечивали государственные потребности в службе и охране. Поместная система предполагала наделением землей за службу. Процедура наделения землей с угодьями осуществлялась с целью реализацией помещиком ведения полноценного хозяйства, которое в тот исторический период времени было преимущественно натуральным. К середине XVII в. происходит окончательное закрепощение крестьян, что отразилось на устройстве территории феодальных землевладений, поскольку на смену распространенной в XV-XVI вв. феодальной ренты в виде оброка приходит в XVII в. барщина, характеризующаяся более высокой степенью эксплуатации.

Существенным мероприятием на пути экономического развития в XVIII в. системы служилого землевладения стала правительственная политика по реализации межевания, начатая в царствования Петра Великого. В период реализации, проведения и завершения Генерального Межевания поместное землевладение оформилось как основной элемент экономики России.

Со временем поместье превращается в наследственное владение, а с 1714 г. в собственность помещика. Передел земельного фонда, его перераспределение влияло на активизацию частновладельческого строительства и формирование политического сословия, связанного с властью. В конце XVII – начале XVIII вв. правительство проводило меры, выражавшиеся в многочисленных пожалованиях населенных земельных владений. Начало XVIII в. характеризуется завершением процесса оформления и окончательного складывания частного землевладения. Этот процесс имел место быть в связи с уравнением двух форм земельной собственности – вотчинной и поместной. Особое значение имел указ о единонаследии, принятый в 1714 г. и законодательно оформивший соединение поместья и вотчины. Ориентация экономики на европейские формы в начале XVIII в. и на протяжении всего столетия повлияла на подъем экономической отрасли в России. При этом стоит отметить, что в России в сравнении с европейскими державами еще не сформировалась буржуазная интеллигенция¸ в связи с чем европеизации подверглась только высшие слои российского общества, дворянско-помещичья часть, и поэтому идеи частных форм хозяйствования были реализованы не в городе, а в дворянских поместьях. В соответствии с этим идеи частных форм и образований хозяйствования активно воспринимались и реализовывались дворянами в их поместьях.

Таким образом, XVII–XVIII вв. является периодом существенной трансформации разнородного социального слоя «служилых людей по отечеству» в привилегированное,

консолидированное и господствующее в экономическом и политическом плане дворянское сословие. Ключевыми моментами в данном процессе стали мероприятия по упразднению правовых различий между вотчиной и поместьем (1714 г.), отмена Указа о единонаследии (1731 г.) и освобождение дворянства от обязательной государственной службы (1762 г.). Указанные перемены социального и правового статуса земельной собственности российского дворянства нашли отражение в дореволюционной историографии.

Рассмотрение процесса формирования и развития дворянского землевладения в России было в центре научного внимания буржуазных историков, делавших в своих исследовательских работах главный акцент на изучение вопросов преимущественно связанных с правовыми элементами собственности феодального характера на земельные владения, давая ей категориальное определение на основе юридической терминологии буржуазного права, возводя границы в понимании поместного и вотчинного землевладений. Подобные терминологические границы приводили к сравнению данных категорий земельных владений как «несвободная собственность» и как «полная собственность». На основе такого положения ликвидировались пункты, которые могли неким образом связать их в единое понимание, поэтому объяснение сущности поместья и вотчины приводилось как совершенно различные виды феодальной собственности на землю.

Правовед К.А. Неволин одним из первых затронул вышеуказанные аспекты [12]. Ученый занимался разработкой вопроса возникновения в российском государстве института собственности на землю, пути формирования владельческих положений вотчинной и поместьем. Автор высказывал мнение, что служилые люди имели правовые основания владеть землей и использовать крестьян, поскольку оно являлось высшим служилым сословием инесло обязанности по защите государства. Он давал понятийную характеристику вотчины как вида собственности, находящейся в вечном и потомственном владении, родовой собственностью [12, с. 93-98]. Далее указывал, что помещик имел собственнические права на земельные владения только на период службы и называл его «условным владельцем», в то время как правитель имел принципиальное положение в данном вопросе и являлся единственным полноправным владельцем поместья [12, с. 102].

Подобного мнения придерживался В.Е. Сергеевич, понимавший под вотчинной категорией населения, до момента утверждения обязательной государственной службы, свободных владельцев вотчинных наделов и пришел к выводу, что законные основания по пользованию и распоряжению владениями «не подлежали никаким ограничениям», что подействовало на понимание вотчинных владений служилых категории населения как «их частной собственности» [15, с. 204].

М.М. Щербатов определял прерогативу высшего сословия как законно утвержденную возможность обладать «деревней и рабами» [18]. Также он указывал на специфическую черту служилого землевладения – подвластное состояние от верховного собственника и владельца, т.е. от государства: «Все имение не есть поданных, но государства» [18, с. 31]. Иное утверждение можно обнаружить у такого исследователя, как И.Н. Болтин [3], который называл служилое сословие единственным и владельцем земельных и хозяйственных угодий, земли и крестьян.

А.В. Романович-Славатинский [13] создал многостороннюю работу, посвященную истории российского дворянства. Автор, используя законодательные акты и мемуарные сведения XVIII в., описания России иностранцами-путешественниками, воссоздал все правовые аспекты истории российского дворянства. Понимание формирования и развития земельных владений и обладание крестьянами помещиками автор проводил через понимание принципов закрепощения сословий. В связи с этим помещики и вотчинники на юридически обоснованных положениях являлись собственниками земельных угодий с прикрепленными к ним крестьянами, поскольку «находились в крепостном отношении к государству» [13, с. 267].

Историография буржуазного периода придавала большое значение петровскому указу 1714 г., отмечая, что данный нормативно-правовой акт олицетворял собой окончательный элемент в процессеобъединения земельных категорий – поместья и вотчины,

а начало этого явления исследователи относили к XVII в. При этом есть расхождение в авторском понимании сущности связи обязанностей служилого сословия и правовой обоснованностью владения земельными угодьями и крепостными крестьянами, и как следствие этого, локализация служилого землевладения в результате законотворчества петровской эпохи. Так М.Ф. Владимирский-Буданов [5], К.А. Неволин [12] писали, что по указам государя Петра I статус поместья был приравнен к вотчинному владению. В связи с таким изменением служилое сословие получало земельные наделы «на праве собственности», и в результате этого владение имением не детерминировалось службой.

Продолжая рассуждения о специфичном масштабе права собственности дворянства на земельные владения, его ограничении при отсутствии связи с наличием служебных обязанностей, М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что в годы царствования Петра I и Анны Иоанновны правовые положения дворянства на земельные владения были «подведены к среднему типу родовой вотчины», и вплоть до периода правления Екатерины II расширение владельческих прав дворянства на землю было всего лишь отмечено «уничтожением поместного права» [5, с. 368].

Аналогичных взглядов придерживались А. Лакиер [11] и М.М. Шульгин [17], но при этом авторы отмечали значительную степень сформированности частного права в российском государственном законодательстве первой половине XVIII в. Ученый-правовед А. Лакиер в середине XIX в. представил работу, посвященную непосредственно истории феодального землевладения [11]. Исследователь пришел к выводу, что история поместья закончилась в 1714 году, в связи с тем, что отсутствовала необходимость в поместном войске. Монопольное феодальное право дворянства на землю он объяснял дворянской службой государству. М.М. Шульгин обращал свое внимание на частный характер дворянских имений XVIII в. Он говорил, что в это время в государстве формируется «частная (дворянская) земельная собственность в точном юридическом смысле этого слова», и далее середине столетия «этот институт уже сложившийся» [17, с. 114]. 1714 г. стал отправной точкой вдальнейшем развитии земельных владений как видаиндивидуальной собственности и прекращения служилого статуса землевладения, его освобождения «от преобладавших в области поземельных прав публично-правовых начал» [17, с. 118]., позиций «условности и зависимости, являвшихся следствием связи между государственной службой и землевладением» [17, с. 118].

Значительное место в дореволюционной историографии занимал вопрос, связанный с пониманием и объяснением источников формирования и роста служилого землевладения. Ученые имели различные позиции в трактовке данного положения, так А. Васильчиков [4] называл главным элементов в данном процессе пожалование, М.Ф. Владимирский-Буданов [5] – процедуру заключения сделки между представителями сословия или с казной, М.М. Шульгин [17] – захваты дворянством свободных и заселенных территорий.

Историки, изучающие особенности служилого землевладения, пришли к пониманию единой связи во времена Петра Великого службы представителей дворянского сословия с наличием поместного и вотчинного владения. А. Романович-Славатинский [13] определил временные характеристики объединения поместья и вотчины, и называет XVII в. началом указанного явления. Вследствие этого, до петровских преобразований эти два вида земельных владений представляются воедино как один тип земельных владений – «несвободная земельная собственность», процедура обладания и пользования которой обусловлено несением государственной службы. Процесс слияния,согласно выводам историка, осуществлялся «в интересах распространения регальных прав государства на всякое поземельное владение, окончательным торжеством порядка, который вырабатывался уже в XVII столетии – подчинение условиям ограниченного поместного владения полного и вотчинного». По мнению А. Васильчикова, наличие дворянского владения XVIII в. зависело от поземельных отношений, которые имели сословный характер и «служебную повинность» [4, с. 233]. Далее он отмечал, что до 1785 г. «владения» землей являлось прерогативой служилого сословия, которое носило наследственный, пожизненный характер и было обусловлено службой. Главную роль в

регулировании поземельных отношений отводилась правительству, и в связи с этим статус поместья и вотчины мог обуславливаться «непосредственно личной политикой или даже нравами государя» [4, с. 241].

В. Сергеевич [15], Н.А. Благовещенский [1] обозначали действия указа 1714 г. для высшего сословия как «крайнее ограничение права распоряжения недвижимостью» и сокращение правовых «вотчинных» возможностей.

Реформирование земельных владений, осуществляемое в период петровских времен, А.Д. Градовский [7] определял как попытку слияния статуса вотчины с поместьем с доминированием элементов поместной системы.

По В. Якушину указ 1714 г. представлял собой показатель главенствующего полномочия государства в поземельных отношениях. Соединение земельных категорий способствовало возникновению «служилого землевладения», и «вотчины подлежали почти все тем ограничениям, которым подчинялось поместье».

Послепетровское время исторического развития служилого землевладения в дооктябрьской историографии демонстрируется как периодукрепления правовых положений дворянства на земельные владения, возрастание права самоличного распоряжения имениями и поэтапного освобождения высшего сословия от несения службы, поскольку это время характеризуется как «раскрепощение сословий». Ключевыми моментами подобного рода изменений авторы отмечают указы 1730 г., 1731 г., 1736 г., манифесты 1762 г. и 1785 г. Одни историки, такие как В.О. Ключевский [9], К.А. Неволин [12], говорили, что данные процессы осуществлялись достаточно быстрыми темпами и завершились после издания указа 1731 г. Другие же, А. Романович-Славатинский [13], А. Васильчиков [4], А. Лакиер [11], В. Сергеевич [15], М.Ф. Владимирский-Буданов [5], М.М. Богословский [2], В. Якушин [19] считали, что данный процесс был медленным, а полная собственность утвердилась в России лишь в годы царствования Екатерины II. При этом следует оговориться, что А. Васильчиков, В.О. Ключевский, В. Сергеевич определяли вотчинные владения как «полное» частное имущество.

Исследователи понимали процесс эволюции служилого землевладения как отражение, реакцию на ряд нормативно-правовых распоряжений со стороны правительства. В определенных вариантах поэтапное расширение законных полномочий дворянского сословия по распоряжению земельными наделами и освобождение от обязательной службы трактовалось как дваявления – «раскрепощение сословий» или мероприятия, инициированные правительством как реакция на позицию служилых людей, которое выражало неудовлетворенность единонаследием, бременем обязательной службы.

Согласно В.О. Ключевскому [9], положение дворянства отражалось на проведении государственной политики, и на увеличении у данного сословия правовых положений по владению и распоряжению земельными наделами и крепостными крестьянами. В период 30-60-х гг. XVIII в. эта ситуация понималась как чисто фискальные интересы казны. Данного рода интересы он связывал с позицией по реализации абсолютного сбора подушной подати, «на деле эти сословные привилегии были правительственными полномочиями, даже не связанные с правом земельной собственности, и само право дворянской собственности поглощалось этими полномочиями, претворяясь из института гражданского права в государственное учреждение» [9, с. 94]. Историк отмечал двойственность статуса «недвижимого имения» и называл наследственность, неделимость и вечнообязанность признаками «нового вида землевладения».

Пореформенный период развития исторической мысли способствовал актуализации понимания сущности как дворянского, так и крестьянского землевладений. В этом отношении особого внимания заслуживает работа В.И. Семевского о крестьянах второй половины XVIII в. [14]. Привлеченный широкий спектр фактических и статистических сведений, способствовал определению категориальных характеристик для разделения помещиков согласно количеству крестьян, которыми они владел. Следовательно, исследователь определял помещиков как мелких, средних и крупных владельцев. Также он предпринял попытку выделить отличительные черты ведения помещичьего хозяйства. Помимо этой работы, связанной с дворянским землевладением, В.И. Семевский изучал практику земельных пожалований Екатериной II. Автор подверг критическому анализу

широко используемую и применявшуюся властью систему раздачи территорий высшему сословию, и говорит о том, что к концу XVIII в. все вновь присоединенные земли были розданы, и как правило этот процесс был связан с высшей аристократией.

А.А. Кизеветтер [8] изучал русское общество XVIII в., где основополагающее значение имело дворянство. Главным, определенным в работе принципом, являлся принцип закрепощения сословий. Далее, рассматривая проблему, автор вывел заключение, что в стране, которая находилась в оборонительном и защитном режиме, все сословия общества имели определенное положение и соответствующие задачи для исполнения указанного государственного режима. Служилое сословие, являвшееся ядром государственного войска, было правительственными мерами закрепощено, за что данное сословие получало исключительное право на земельные владения. История дворянства в XVIII в. связана, по мнению автора, с изучением истории раскрепощения дворянства.

В.Е. Якушкин [19] занимался изучением земельной политики государства XVIII в. и акцентировал внимание на распределении и наделении поместной землей. Исследователь отмечал, что с начала XVIII в. происходит прекращение поместной системы ипоэтому правительство проводило мероприятия по защите и сохранению казенных земельных участков с целью последующего наделения им крестьянина-плательщика, являвшегося основным плательщиков денежных взысканий в государственную казну. Но он не учел того, что данная земля масштабно раздавалась в XVIII в. дворянству.

Для историографии буржуазного периода характерно рассмотрение особенностей проводимой правительственными мерами политики Генерального межевания. Большинство исследователей характерной чертой межевой политики XVIII в. указывали необходимость разграничения спорных владений. И.Е. Герман [6], являлся ведущим исследователем данной проблемы, и утверждал в своих трудах, что уровень межевого дела в XVIII в. оставался практически неизменным по сравнению с предшествующим столетием. Характеризуя межевую политику периода правления Анны Иоанновны, причиной ее неудовлетворительности называл недостаток средств, межевщиков, их необученность, сложности составления и применения писцового наказа в новых условиях землевладения. Подобного рода замечания можно обнаружить и у М.М. Шульгина [17]. И.Е. Герман [6], К.А. Неволин [12] определили следующие положения, которые не привели к законченности и достижению главных целей межевых мероприятий: правительственная тенденция ревизии и редукции, повлиявших на появление спорных положений поземельных прав государства с периодам давности владений частных лиц, сыск и раздел «по способности» примерных земель, и помимо этого проведение в обязательном порядке процедуры размежевания общих и чересполосных дач. В.О. Ключевский [9], К.А. Неволин [12] отмечали, что реализация на практике принципов межевания привели к возникновению спорных отношений между владельцами и большому числу разбирательств. С.М. Соловьев [16] называл главной причиной завершения межевой политики ее финансовую необеспеченность.

Таким образом, исследователи дореволюционного периода проанализировали формирование и развитие дворянского землевладения через правовые положения и привилегии, которые обуславливались правительственной политикой. Многообразие воззрений ученых дает возможность использовать их научные труды как качественную базу по изучению истории дворянского сословия.

Список литературы

1. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.

2. Богословский М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 52 с.

3. Болтин И.Н. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Типография Горного училища, 1788. 558 с.

4. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. 566 с.

5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: ИД «Территория будущего», 2005. 800 с.

6. Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649-1765). М.: Тип. И.Я. Полякова, 1893. 380 с.

7. Градовский А.Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. СПБ.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 492 с.

8. Кизеветтер А.А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону: изд-во «Донская речь», 1904. 48 с.

9. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 400 с.

10. Коган Э.С. Очерки истории крепостного хозяйства. По материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII века. М.: Сов. Россия, 1960. 128 с.

11. Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб.: Тип.книжн. маг. П. Крашенинникова и Ко, 1848. 230 с.

12. Неволин К.А. История Российских гражданских законов. Ч. II. // Полн. собр. соч. Т. IV. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. 446 с.

13. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII до отмены крепостного права. СПб.: тип. Министерства Внутренних Дел, 1870. 593 с.

14. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2-х т. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1901-1903. Т. 1 – 682 с., Т. 2 – 910 с.

15. Сергеевич В.Е. Лекции и исследования по истории русского права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 997 с.

16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29-ти т. Т. 15, 16. М., 1991.

17. Шульгин М.М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. М.: Изд-во Моск. Межевого ин-та, 1928. 210 с.

18. Щербатов М.М. История Российская. СПб., 1770-1791.

19. Якушкин В.Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. 1. XVIII век. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. 150 с.

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE NOBILITY LAND TENURE IN XVII-XVIII CENTURIES

This article provides an analysis of the views of pre-revolutionary researchers on the history of noble land ownership in the XVII-XVIII centuries. The given historiographic period can be characterized as the estate-legal understanding of the formation and folding of the land ownership system of the upper class of the Russian state.
Keywords: history, nobility, historiography, research, land ownership.

References

1. Blagoveshchenskii N.A. (1899) Quarterly right. M.: Tip.-lit. t-va I.N. Kushnerev and Co.

2. Bogoslovskii M. (1906) Life and customs of the Russian nobility in the first half of the XVIII century. M .: Type. G. Lissner and D. Sobko.

3. Boltin I.N. (1788) Notes on the history of ancient and modern Russia, Mr. Leclerc. In 2 volumes. T. 2. SPb.: Printing house of the Mining School.

4. Vasilchikov A.I. (1876) Land tenure and farming in Russia and other European states. T. 1. SPb.: Type. M.M. Stasyulevich.

5. Vladimirsky-Budanov M.F. (2005) Overview of the history of Russian law. M .: Publishing House Territory of the Future.

6. German I.E. (1893) History of land legislation from the Code to the General Survey (1649-1765). M.: Type. AND I. Polyakova.

7. Gradovsky A.D. (1899) History of local government in Russia // Coll. cit. T. 2. SPB .: Type. M.M. Stasyulevich.

8. Kizevetter A.A. (1904) Russian society in the eighteenth century. Rostov-on-Don: Don

Speech Publishing House.
9. Klyuchevsky B.O. (1989) Writings In 9 t. T. 4. M .: Mysl.
10. Kogan E.S. (1960) Essays on the history of serfdom. According to materials of Kurakin's estates of the second half of the XVIII century. M.: Owls. Russia.
11. Lakier A. (1848) About the estates and estates.SPb .: Typ. book. Shop P. Krasheninikova and Co.
12. Nevolin K.A. (1857) History of Russian civil laws. Part II. // Full. collected cit. T. iv. SPb.: Type. E. Pratz.
13. Romanovich-Slavatinsky A. (1870) The nobility in Russia from the beginning of the XVIIIth to the abolition of serfdom. SPb.: type. The Ministry of Internal Affairs.
14. Semevsky V.I. (1901-1903) Peasants in the reign of Empress Catherine II. In 2 tons. SPb.: type. M.M. Stasyulevich. T. 1, T. 2.
15. Sergeevich V.E. (1883) Lectures and studies on the history of Russian law. SPb.: Type. M.M. Stasyulevich.
16. Soloviev S.M. (1991) History of Russia since ancient times. In 29 t. T. 15, 16.M.
17. Shulgin, M.M. (1928) Land management and resettlement in Russia in the XVIII and first half of the XIX centuries. M.: Publishing House of Moscow. Mezhevoy Institute.
18. Shcherbatov M.M. (1770-1791) Russian history. SPb.
19. Yakushkin V.E. (1890) Essays on the history of Russian land policy in the XVIII and XIX centuries. Issue 1.XVIIIcentury. M .: Type. A.I. Mamontova and Co.

Об авторе

Горохова Карина Николаевна – аспирант кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия), E-mail: gorohovakn@yandex.ru

Gorokhova Karina Nikolaevna– postgraduate student, Department of Russian History, Oryol State University named after I.S. Turgenev (Russia), E-mail: gorohovakn@yandex.ru

УДК 94(470.341)"19"(=411.16)

Егоров В.В., соискатель, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ КУПЦОВ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ И ПОЛИТИКА ВЛАСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Исследование является актуальным, т.к. экономическая деятельность Нижегородской ярмарки всегда приносила большой доход государству и другим участникам экономических и социальных отношений, связанным с деятельностью ярмарки. При этом в работе ярмарки принимали и принимают участие представители различных национальностей. Евреи в означенный период были активными участниками экономических и социальных отношений на ярмарке. Учёт опыта взаимодействия экспонентов ярмарки представляет большую важность для настоящего времени. Проблемой, изучаемой в данном исследовании, является понимание основ межнациональных отношений лиц, вовлечённых в работу ярмарки. Цели исследования состоят в том, чтобы на основе изучения хода работы комиссии по еврейским делам и нижегородского губернатора определить политику властей в отношении допуска евреев на ярмарку. Методологию исследования составил диалектический метод познания, позволяющий анализировать особенности взаимодействия местных властей с евреями, вовлечёнными в работу ярмарки. Автор придерживался принципа историзма, выразившегося в освещении событий в их исторической последовательности и взаимной обусловленности. На основании исследования автор приходит к выводу о том, что комиссия по еврейским делам и нижегородское губернское начальство действовали по закону.

Ключевые слова: евреи, Нижегородская ярмарка, комиссия по еврейским делам, купцы, мещане, право жительства, контрамарка, товарооборот.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-46-51

Актуальность исследования состоит в том, что еврейское население России активно участвовало и участвует в экономической деятельности Нижегородской ярмарки. Учёт особенностей взаимодействия властей с евреями является очень важным. Благодаря своей работе на ярмарке они приносят большую пользу государству и населению.

В настоящей статье изучаются труды нижегородских краеведов Н.И. Храмцовского и Г.Д. Шулындиной. Анализируется законодательство о праве евреев водворяться на ярмарке. Впервые в научный оборот вводятся архивные материалы, связанные с вопросами работы комиссии по еврейским делам и водворения евреев на Нижегородской ярмарке.

В настоящей статье изучаются проблемы допуска евреев на Нижегородскую ярмарку. Анализируются меры комиссии по еврейским делам и нижегородского губернского начальства по этим вопросам.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей водворения евреев на Нижегородской ярмарке.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

– проанализировать меры нижегородских властей в отношении евреев, прибывающих на ярмарку;

– изучить аспекты взаимодействия евреев с коренным населением.

Методы исследования: диалектический метод познания, который позволил восстановить алгоритм взаимоотношений властей с евреями, водворяющимися на ярмарку, системный метод позволил воссоздать систему отношений, складывающихся в связи с деятельностью Нижегородской ярмарки.

Результатами исследования стал анализ работы комиссии по еврейским делам, а также анализ деятельности евреев на ярмарке. Полученные результаты соответствуют гипотезе исследования, т.к. позволяют сделать необходимые выводы. Исследование ограничено заданными хронологическими и временными рамками, за пределы которых автор не выходит.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы, изложенные в нём, могут быть использованы для дальнейшего изучения вопросов водворения евреев на Нижегородской ярмарке. А также для преподавания «Истории России», при составлении учебных пособий.

Краткие итоги разделов статьи: во второй половине XIX в. евреи активно приезжали на Нижегородскую ярмарку – крупнейшую в Европе. С 1865 г. на ярмарке работала комиссия по еврейским делам. Комиссия рассматривала прошения евреев и преимущественно разрешала им водвориться на яр-

марке. Коренное население взаимодействовало с евреями. Преимущественно относилось к ним с симпатией. Власти действовали в отношении евреев в рамках закона.

Во второй половине XIX в. евреи приезжали в Нижний Новгород, привлечённые ярмаркой. Здесь они разворачивали торговлю и налаживали деловые связи с местным населением и заезжими предпринимателями. Приезд на ярмарку был разрешён им в соответствии со ст. 283, 288, 289, 294 Свода уставов о паспортах и беглых [2, с. 60, 62, 64], [5, л. 3].

С середины XIX в. обороты Нижегородской ярмарки неуклонно росли. Она приносила огромный доход. Если в 1850 г. её обороты составляли 160,421 млн. рублей, то уже в 1864 г. - 185,448 млн. руб. А в 1865 г. - 188,180 млн. руб.

В период её расцвета здесь на один летний месяц собиралось от 100 до 200 тысяч человек [11, с. 205]. Купля-продажа товаров на этой ярмарке евреям разрешалась. Делалось это в соответствии со ст. 52 Положения о евреях от 13 апреля 1835 г. Здесь еврейские купцы занимались перепродажей среднеазиатских и закавказских пушных товаров, а также юфти красной высшего сорта в Германию [5, с. 449–450, 456].

В 1865 г. в Н.Новгороде была создана Комиссия по еврейским делам. Она рассматривала прошения евреев приехать на Нижегородскую ярмарку.

Алгоритм работы комиссии по допуску евреев на ярмарку был следующим. Сначала заинтересованный еврей подавал Нижегородскому исправнику прошение, указывая в нём свои ФИО, место жительства и род деятельности, а также цель своего пребывания на ярмарке. Он прилагал к нему паспорт и свидетельство, выданное управой или гильдией. Затем исправник писал прошение в комиссию о допуске еврея к работе ярмарки, прилагая к нему означенные документы. При этом он мог просить и о высылке еврея, указывая, что представленные им паспорт или свидетельство просрочены или выданы по ошибке, или имеются другие основания для недопуска на ярмарку. Комиссия, как правило, в течение недели принимала решение и либо допускала еврея на ярмарку, либо не допускала. Свидетельством о допуске была контрамарка. При этом в случае, если у членов комиссии возникали сомнения в подлинности документов или они не доверяли конкретным евреям, приехавшим на ярмарку, то они связывались с управами или гильдиями по месту жительства этих евреев либо тех территорий, где евреи останавливались во время своего переезда до ярмарки.

Евреи, как правило, проводили на ярмарке не более двух недель. По окончании своего пребывания, каждый еврей был обязан известить надзирателя Макарьевской части Соколовского об окончании своего пребывания, возвращении контрамарки и об отъезде с ярмарки [8, л. 1–181]. Столь непродолжительный срок пребывания евреев на Нижегородской ярмарке не мог удовлетворить их экономические интересы [1, с. 62].

Только с 25 июля по 2 августа 1865 г. свои документы представили в комиссию 485 евреев. С 21 человека члены комиссии потребовали предоставить свидетельства Нижегородской ремесленной управы. Девять человек не смоги предоставить свидетельства. Один уехал из Нижнего Новгорода. Ещё с 51 еврея потребовали предоставления в течение 3-х дней удостоверений российских фирм о покупке товаров, засвидетельствованных рядским старостой. От 10 человек потребовали аналогичные удостоверения, которые они должны были предоставить в течение 7 дней.

В результате 49 человек не смогли представить свидетельства. Один уехал, не дожидаясь решения комиссии. Комиссия же постановила: лицам, представившим удостоверения, разрешить жительство, а не представившим - воспретить [4, л. 7–16].

10 октября 1873 г. на имя губернатора была прислана анонимная записка, в которой говорилось о том, что в Арзамасе Нижегородской губернии жил еврейский учитель Х.Г. Рабинович. Он якобы занимался местничеством для евреев, не имел никакого мастерства и не занимался никаким ремеслом. Поэтому, с точки зрения доносчика, он не имел права жительства и должен был немедленно покинуть город.

В 1873 г. в Нижнем Новгороде проживало 148 еврейских семейств. При этом и.о. Нижегородского полицмейстера рапортовал Нижегородскому губернатору генерал-майору и Кавалеру графу П.И. Кутайсову, что 129 еврейских семейств жили в Нижнем Новгороде незаконно, т.к. не имели права жить во

внутренних российских губерниях. Они занимались торговлей на ярмарке и на рынках Нижнего Новгорода.

Губернатор поручил Арзамасскому уездному исправнику разобраться, в чём дело. Тот сообщил, что изначально Х.Г. Рабинович был мещанином шкловского общества Могилевской губернии. В Арзамасе он проживал с 1 августа 1871 г. по паспорту, выданному ему Могилевской городской думой от 7 июля 1871 г. за № 1577 сроком на год. Во время проживания в городе, ни в каких предосудительных поступках замечен не был. Он занимался резкой скота и птиц по еврейскому обряду и выделыванием уксуса, на что имел свидетельство, выданное ему Шкловской Упрощенной ремесленной управой от 6 апреля 1866 г. Кроме этих занятий он обучал еврейских детей грамоте. Губернатор решил не высылать его, т.к. не нашёл к этому законных оснований.

Из этой переписки можно вновь сделать вывод о том, что во второй половине XIX в. евреев не высылали с Нижегородчины без законных оснований. Мало того, те 129 еврейских семейств, что жили в Нижнем Новгороде незаконно, также не были высланы из города. Если бы эти семьи были выдворены в пределы черты оседлости – территории западных губерний, где разрешалось жительство евреям, исповедовавшим иудаизм, то экономика нижегородского края пострадала бы. Однако если учесть, что в Нижнем Новгороде с 1817 г. существовала крупнейшая в Европе ярмарка, то становится ясно, что положение дел достаточно скоро бы восстановилось. Получается, что нижегородское губернское начальство не выселяло евреев из города, т.к. сочувствовало им и относилось с симпатией.

Из переписки губернатора с Арзамасским уездным исправником не следует неприятия к иудаизму. Более того, то обстоятельство, что евреи на Нижегородчине устраивали свои религиозные праздники не вызывало у должностных лиц ни удивления, ни неприятия. Следовательно, евреи могли свободно проявлять свои религиозные черты и обучать еврейских детей грамоте.

В октябре 1873 г. уволенный в отставку рядовой А. Аронов обращался к Нижегородскому губернатору. Он сообщал, что получил от Нижегородского губернского воинского начальника билет за № 22 237, по которому должен был следовать из Нижнего Новгорода немедленно в родной Могилев. Сам Аронов не отрицал, что требование, предъявляемое к нему, законно. Он только сообщал, что в Нижнем Новгороде вместе с ним находилась его беременная жена. Он опасался, что по дороге она может родить, и потому просил оставить её в Нижнем Новгороде для родов. Сам же он не хотел покидать её. Аронов указывал, что, когда жена разрешится от беременности, он будет готов незамедлительно тронуться в путь. О том, покинет ли его жена город после родов или нет, он не сообщал.

Ещё до проведения медицинского обследования, губернатор разрешил обоим евреям остаться в Нижнем Новгороде. Когда же Нижегородский городской врач провёл медицинское обследование, то в своём заключении подтвердил, что жена Аронова действительно была в исходе 8-го месяца беременности.

26 октября 1873 г. Нижегородскому губернатору рапортовал Нижегородский полицмейстер. Он сообщал о том, что еврей И. Олистов уехал из Нижнего Новгорода в родной Вильно. За неимением средств он оставил в городе свою жену и троих детей. Одновременно к губернатору поступило обращение самого Олистова. Тот сообщал о том, что уехал из Нижнего Новгорода, т.к. не занимался в городе никаким ремеслом. Он просил разрешить его жене Хаите, а также троим несовершеннолетним детям остаться в городе примерно на 2 месяца, до того времени, как он сможет забрать их. Сама Хаита была солдатской дочерью и занималась торговлей на базаре, поэтому могла прокормить себя и детей. Губернатор не возражал. Интересно отметить, что сам Олистов был неграмотным, и письмо губернатору за него писал отставной унтер-офицер православного вероисповедания П. Осипов [10, л. 3–4, 11–19, 35].

Интересно отметить, что в августе 1888 г. на имя Начальника губернии поступило прошение от лиц православного вероисповедания Л.Г. Миронова, Е.К. Трусова, Е.Ф. Филатычева и других о дозволении ниженазванным евреям покупать на ярмарке товары. Среди этих лиц были: луцкий купец 2-й гильдии И.Б. Осипов, волынский купец 2-й гильдии В.В. Гринберг, белорусский купец 2-й гильдии М.И. Шварцман, сын купца 2-й гильдии М.Б. Вурдхар и сын купца 2-й гильдии И.Г. Низбрег, а также 10 мещан (всего 15

человек) [6, л. 11].

Почему эти православные жители просили за евреев? Должно быть, они были связаны с ними экономическими интересами и потому хотели поддержать их репутацию в глазах комиссии. Вместе с тем факт поступления этого прошения Начальнику губернии подчёркивает, что великороссы и евреи не испытывали взаимной неприязни, а также то, что независимо от национальности и вероисповедания граждане России были заинтересованы друг в друге [1, с. 63–67].

С 4 по 30 августа 1889 г. комиссия успела разобрать 71 прошение евреев о разрешении проживать на ярмарке. Тринадцати евреям было отказано в праве жительства. Причины отказа были разными. Например, А.И. Айземан не занимался ремесленной деятельностью, как указывал в прошении о допуске на ярмарку. Вместо этого он, не дождавшись решения комиссии, скупал материалы для своей мастерской в Москве. Поэтому члены комиссии приняли решение об его немедленной высылке. Л.Д. Минкин не смог представить свидетельства от ремесленной управы. Он сообщил о том, что не будет заниматься ремесленной деятельностью. Соответственно, не получил допуска. Д.Е. Рапис не смог представить паспорт. Он обращался к Нижегородскому губернатору с прошением о допуске, указывая, что имел право повсеместного жительства в соответствии с примечанием 283 Свода уставов о паспортах и беглых [2, с. 60]. При этом Рапис сообщал, что полиция не имела права требовать от него паспорт, а только свидетельство от управы. Однако губернатор не внял его доводам и повелел проследить за его высылкой. Решение губернатора было всё же правомерным, так как в соответствии с указанным примечанием, срок временного пребывания евреев за пределами черты оседлости, длящийся не более 1 месяца, мог быть увеличен по распоряжению Севастопольского и Николаевского военного губернатора. На Нижний Новгород это право не распространялось.

Поначалу комиссия распорядилась выслать с ярмарки еврея Л.И. Иткина. Однако за него заступился московский купец 1-й гильдии Л. Мозер. Он сообщал, что лично направлял на ярмарку Иткина. Его просьбе вняли и выдали Иткину контрамарку.

Только с 18 июля по август 1889 г. евреями было подано прошений на 335 имён. География проживания лиц, обратившихся в комиссию в этот период, весьма впечатляет. Преимущественно это были жители Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии. Также свои прошения подали жители Москвы и Московской губернии, Симбирска, Ярославля и Ярославской губернии, Перми, Подольска, Дербента и Дагестанской области, Костромской губернии, Витебска и Витебской губернии. Кроме того, это были жители Киева, Тамбовской губернии, Смоленской губернии, Казани, Пскова, Кубанской губернии. Ещё были представители Оренбурга, Владимира, Тулы, Могилёвской губернии, Самары, Грозного. А также жители Кутаиси, Баку и Бакинской губернии, Николаева, Рижской губернии, Темникова, Астрахани, Полоцка. Кроме того, прошения подавали евреи из Саратова, Читы, Подольска, Таганрога, Ростова, Вилькомира (Лифляндия). Также были жители Кунгура, Динабурга, Омска, Бердичевска, Рыбинска, Самарканда, Ковно и Бухары.

Видно, что, несмотря на запрет переходить черту оседлости, к концу XIX в. евреи уже сумели расселиться во многих внутренних российских губерниях. Они свободно подавали прошения участвовать в работе ярмарки. Всё это означало, что чиновники не желали выселять их из центральных российских регионов. Члены комиссии также никогда не подавали каких-либо ходатайств о выселении евреев.

Гендерное соотношение и социальный состав были следующими: 308 мужчин, 27 женщин. Было 133 мещанина (из них мужчин - 123, женщин - 10), 1 мещанский сын. Купцы и члены их семей: 36 купцов 1-й гильдии, 39 купцов 2-й гильдии, 2 купца, 3 купеческих жены, 9 купеческих сыновей, 2 внуков купчих. Военные и члены их семей: 1 унтер-офицер, 5 отставных унтер-офицеров, 3 отставных музыканта унтер-офицерского звания, 1 отставной хорунжий, 4 рядовых, 16 отставных рядовых, 1 драгун, 5 отставных барабанщиков, 1 отставной горнист, 1 отставной нестроевой портной, 1 жена отставного унтер-офицера, 5 солдатских жён, 1 жена отставного рядового, 3 вдовы солдат. Жители губерний и областей: 2 жителя губерний, 2 жителя областей, 25 жителей слобод, 9 горских евреев, 4

самаркандских еврея, 2 сельских обывателя. Представители медицинской сферы и члены их семей: 1 лицо, утверждённое в звании врача Казанского императорского университета, 1 лекарь, 2 повивальные бабки, 1 вдова аптекаря. Представители сферы обслуживания и члены их семей: 1 жена отставного мастерового, 1 цеховой портной, 1 отставной цирюльник. Почётные граждане и члены их семей: 1 почётный потомственный гражданин, 1 сын почётного потомственного гражданина. Работники администраций: 1 писарь, 1 отставной писарь. Также было 1 лицо, окончившее курс в Рижском политехническом училище. Ещё прошение подали 1 цеховой и 1 лицо, не представившее о себе сведений. Также на ярмарку подали прошения 3 еврея – бухарских подданных [7, л. 1–46].

Река Волга в это время года была судоходной, поэтому евреям было проще добраться на ярмарку.

Другое дело, в течение апреля 1896 г., когда было подано заявок всего на 44 имени. В это время года Волга ещё не полностью судоходна. Гендерное соотношение и социальный состав были следующими: 40 мужчин, 4 женщины; 30 мещан (из них 28 мужчин и 2 женщины), 4 купца 2-й гильдии, 1 приказчик 1-го класса, 1 учитель, 1 дантист, 1 приказчик 2-го класса, 1 химик и механик, 1 купеческая жена и 1 купеческая дочь. При этом география проживания российских граждан, обратившихся в комиссию в этот период, снова впечатляет. Это были жители Нижегородской губернии, Санкт-Петербурга, Кронштадта, Московской губернии, Самары, Риги, Вильно и Виленской губернии. А также Костромы, Могилёва и Могилёвской губернии, Бреста. Кроме того, прошения подали евреи из Пинска, Ковеля, Гомеля, Волыни, Минска и Минской губернии, Владимира, Митавы. Приезжали и евреи из городов Царства Польского: Лодзя, Чехонстовы, Люблина. Были даже иностранные подданные из дальнего зарубежья: 2 австрийских подданных и 1 германский подданный.

2 июня 1896 г. гомельский мещанин Л.Г. Фрейгинг обращался в комиссию с всепокорнейшим прошением. Он указывал, что поскольку его жена была экспонентом выставки, то и ему бы разрешить принять в ней участие. Комиссия разрешила ему участвовать в работе выставки. Это лишний раз доказывает, что члены комиссии не имели к евреям никакой предвзятости. Наоборот, в тот период российские чиновники были заинтересованы в том, чтобы в работе Всероссийской выставки и ярмарки принимало участие как можно большее число предпринимателей и покупателей. Евреи были известны своими предпринимательскими способностями. А в качестве потребителей на ярмарку всё-таки приезжали более зажиточные евреи [1, с. 71–74, 77–78].

Комиссия по еврейским делам никогда не принимала решений в отношении евреев безосновательно. Её члены лично обращались к любому лицу, прибывшему на ярмарку. Так, например, комиссия обратилась к учителю из Варшавы Л.М. Тумаркину о том, что он обязан в течение 3-х суток представить ярмарочное приказное свидетельство 2-го класса [9, л. 1–2, 74–75, 294].

Важно отметить, что комиссия действовала по закону и допустила на ярмарку большинство евреев, подавших прошения. При этом прошение и документы каждого еврея рассматривались индивидуально. Нижегородские губернаторы разрешали спорные ситуации и также шли евреям навстречу. Нижегородские мещане и купцы сотрудничали с евреями.

Список литературы

1. Егоров В.В. Нижегородская еврейская община в контексте политики правительства Российской империи по еврейскому вопросу: Дис. …ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 2018. 237 с. / https://diss.unn.ru/files/2018/811/diss-Egorov-811.pdf#1

2. Свод законов Российской империи. Собрание 1857 г. Том 14. СПб.: в Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 909 с.

3. Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 2005. 608 с.

4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.2. Оп. 5. Д. 103.

5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.2. Оп. 5. Д. 448.

6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 624. Оп. 1. Д. 1.

7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.624. Оп. 1. Д. 3.
8. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 624. Оп. 1. Д. 5.
9. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 624. Оп. 1. Д. 7.
10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.624. Оп. 5. Д. 448.
11. Шулындина Г.Д. Град неповторимый Балахна. Об истории и людях Балахнинской земли. Н.Новгород:, 2005. Т. 1. 611 с.

TO THE QUESTION OF THE NATIONAL COMPOSITION OF THE MERCHANTS AT THE NIZHEGORODSKAYA FAIR AND THE POLITICAL AUTHORITY OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The study is relevant because The economic activity of the Nizhny Novgorod Fair has always brought a large income to the state and other participants in economic and social relations associated with the activities of the fair. At the same time, representatives of various nationalities took part in the work of the fair. The Jews in the period were active participants in economic and social relations at the fair. Taking into account the experience of interaction between exhibitors at the fair is of great importance for the present. The problem studied in this study is the understanding of the foundations of inter-ethnic relations of persons involved in the work of the fair. The objectives of the study are to determine the policy of the authorities regarding admission of Jews to the fair based on a study of the progress of the work of the Jewish Affairs Committee and the Nizhny Novgorod governor. The research methodology was based on the dialectic method of knowledge, which allows analyzing the peculiarities of the interaction of local authorities with Jews involved in the work of the fair. The author adhered to the principle of historicism, reflected in the coverage of events in their historical sequence and mutual conditionality. Based on the study, the author concludes that the commission on Jewish affairs and the Nizhny Novgorod provincial authorities acted according to the law.
Keywords: Jews, Nizhny Novgorod Fair, Commission on Jewish Affairs, merchants, tradespeople, right of residence, countermarke, trade.

References

1. Egorov V.V. Nizhegorodskaja evrejskaja obshhina v kontekste politiki pravitel'stva Rossijskoj imperii po evrejskomu voprosu: Dis. …ist. nauk: 07.00.02. N. Novgorod, 2018. 237 s. / https://diss.unn.ru/files/2018/811/diss-Egorov-811.pdf#1
2. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1857 g. Tom 14. SPb.: v Tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1857. 909 s.
3. Hramcovskij N.I. Kratkij ocherk istorii i opisanie Nizhnego Novgoroda. N. Novgorod, 2005. 608 s.
4. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F.2. Op. 5. D. 103.
5. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F.2. Op. 5. D. 448.
6. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. 624. Op. 1. D. 1.
7. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F.624. Op. 1. D. 3.
8. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. 624. Op. 1. D. 5.
9. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. 624. Op. 1. D. 7.
10. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F.624. Op. 5. D. 448.
11. SHulyndina G.D. Grad nepovtorimyj Balahna. Ob istorii i lyudyah Balahninskoj zemli. N.Novgorod:, 2005. T. 1. 611 s.

Об авторе

Егоров Вадим Валерьевич – соискатель Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, преподаватель факультета среднего профессионального образования и довузовской подготовки Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), E-mail: boarin123@yandex.ru

Egorov Vadim Valerievich - applicant for the Institute of International Relations and World History of the Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education and Pre-University Training at the Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia), E-mail: boarin123@yandex.ru

УДК 07.00.00

Золотникова О.А., кандидат исторических наук, Открытый Университет Кипра (Кипр), Греческий Открытый Университет (Греция)

«ГОРГЕІН КЕФАЛН» («ГОЛОВА ГОРГОНЫ») МИКЕНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДОДОНЫ ?

В статье рассматривается терракотовая головка позднего бронзового века, найденная в святилище Зевса в Додоне и хранящаяся в Археологическом Музее г. Иоаннина (Греция). Головка была впервые опубликована в 2016 году в каталоге выставки по Додоне, организованной в Музее Акрополя в Афинах, и еще не получила должного внимания исследователей. На основе детального анализа иконографических особенностей головки, в которой соединились как минойские, так и микенские традиции изготовления терракотовых фигурок и фигур, предлагается датировать ее XIII-XI вв. до н.э., т.е. концом микенского периода. Кроме того отмечается определенное соответствие черт лица данной головки иконографии Горгоны, прослеживающейся с 1-й половины второго тысячелетия до н.э., но более известной с начала архаического периода. В результате делается вывод о том, что рассматриваемая головка являлась частью изображения доисторического женского божества дикой природы и плодородия, которое персонифицировало устрашающую ипостась минойско-микенской Великой Богини и часто представлялось с пугающими чертами лица. Очевидно, данное божество почиталось в Додоне в конце доисторического периода в общем контексте религиозной активности на территории святилища в микенское время. В целом, определение рассматриваемого артефакта как «голова Горгоны» не только делает его важным звеном в эволюции иконографии Горогоны, но и дает возможность говорить о микенизации изначально индоевропейского культа грозы в Додоне в конце второго тысячелетия до н.э..

Ключевые слова: Додона, святилище и оракул в Додоне, микенский период в Додоне, микенские терракотовые статуэтки, Великая Богиня, Горгона, горгонейон.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-52-59

В Музее Акрополя в Афинах с Июня 2016 по Март 2017 г. проходила выставка, посвященная святилищу Зевса в Додоне (Эпир), под названием: «Додона. Оракул звуков». Организаторам удалось собрать и выставить в объединенной экспозиции археологические находки из Додоны, постоянно хранящиеся в Афинском Национальном Археологическом Музее и в Археологическом Музее города Иоаннина. Среди артефактов позднего доисторического периода, представленных главным образом керамическими сосудами различного предназначения и бронзовым оружием [3, с. 52-57], особый интерес вызывает небольшая терракотовая головка, являющаяся на данный момент единственным фигурным фрагментом эпохи бронзы, найденным на территории святилища (см. фото 1-2). Головка хранится в Археологическом Музее Иоаннины (музейный № 4172), но оставалась неопубликованной до организации выставки и включения ее в каталог экспонатов [3, с. 58, № 24]; по сути, краткое описание этой головки в каталоге выставки, выполненное греческим археологом Христосом Клитсасом, стало ее первой официальной публикацией.

Настоящая статья имеет целью дать расширенное иконографическое описание головки из Додоны, специфицировать ее типологические характеристики, определить категорию доисторических терракотовых статуэток, к которой она может быть отнесена, уточнить ее датировку, а также интерпретировать образ, в ней представленный.

Описание артефакта

Рассматриваемая терракотовая головка миниатюрна и трехмерна (объемна): ее высота 6.5 см, толщина 4.8 см, ширина лица 5.4 см; лицо тонкое, заметно сужается к низу. Головка цельная (т.е. не полая внутри); выполнена вручную из оранжево-желтоватой глины. Черты лица были обозначены с аккуратностью, очень четко, в натуралистической манере и, несмотря на некоторые поверхностные повреждения, просматриваются достаточно ясно: большие круглые, глубоко посаженные глаза в огромных круглых орбитах (глазницах), выступающие надбровные дуги; нос отбит; у переносицы что-то вроде угловатой складки (если только это не результат повреждения); рот несколько поврежден, но заметно, что он открыт и что из него проступает либо высунутый язык, либо клык(и), либо и то и другое вместе, как в архаических и ранних классических изображениях Горгоны [8, №

251, 252, 255, 267 и др.]. Выступы, сохраняющиеся на лбу, и выступающее по окружности головы обрамление указывают на то, что головка венчалась либо пышной прической женского типа (?) либо крупным головным убором (венком из цветов ? широкой диадемой ? *полосом* ?). Неровный нижний край головки и просматривающиеся следы шеи позволяют предполагать, что эта головка являлась частью небольшой фигурки, размер которой мог быть ок. 25-30 см, если та была антропоморфной. Организаторы выставки датируют головку XVI-XI веками до н.э., но поскольку она изготовлена из такой же оранжево-желтоватой глины, какая была использована для изготовления найденных в святилище керамических сосудов XIII-XI вв. до н.э., ее тоже, видимо, следует датировать позднемикенским периодом. Кроме того, слишком ранняя нижняя датировка головки (XVI в. до н.э.), предлагаемая организаторами выставки, ставит ее в необоснованно исключительное положение среди всего доисторического керамического материала, найденного в Додоне до настоящего времени. По мнению Х. Клитсаса, в данной головке, имевшей функцию оберега и какое-то символически-ритуальное значение, представлен некий «демонический образ» [3, с. 58, № 24], однако такая интерпретация изображения слишком неопределенна.

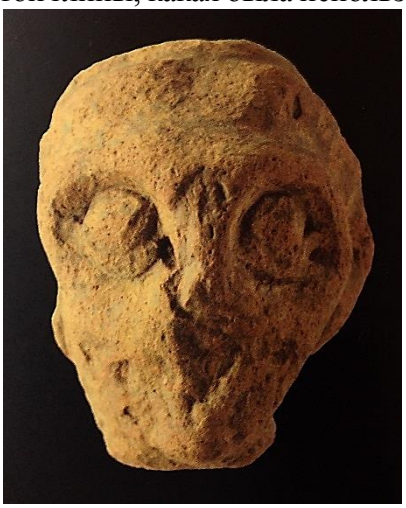

Фото 1-2. Терракотовая головка (6.5 см) доисторического времени, найденная в Додоне

Иконографический анализ

Проанализируем это изображение. С точки зрения типологии, головка из Додоны имеет целый ряд черт, которые в совокупности не встречаются в доисторических (минойских и микенских) терракотовых статуэтках и фигурах, известных на данный момент [12; 4]. Верхняя часть головки, будь это прическа или головной убор, указывает на женский пол образа. При этом реалистичное исполнение черт лица отличает додонскую головку не только от микенских цельных терракотовых статуэток традиционных типов (*пси*, *фи*, *тау*, *куротрофос*) со схематическим изображением головы и условной передачей деталей лица [4, с. 112-144; 9, с. 166-167, figs. 127, 128], но и от тех немногочисленных микенских терракотовых статуэток и отдельно сохранившихся головок, которые составляют так называемую «натуралистическую группу» [4, с. 109-112], а также группы «головки без покрытия» и «головки с полосом» [4, с. 144-147, 147-150].

Одна из черт додонской головки, обращающая на себя внимание прежде всего, это большие выпуклые глаза в огромных глубоких орбитах: очевидно, изготовитель головки сначала сделал большие углубления для глазниц, которые затем заполнил глиняными шариками. Такая манера исполнения глаз, придающая глазам особую выразительность, восходит к традициям минойского искусства и прослеживается в критских терракотах со среднеминойского периода (приблизительно XX-XVII вв. до н.э.) [12, с. 4, № 5; с. 77, № 89 – фото крайнее справа]. Так, глаза головки из Додоны удивительно напоминают глаза минойской терракотовой головки, найденной в критском святилище на горе Кофинас (см. фото 3), датируемой примерно 1700-1580 гг. до н.э. [12, с. 55-56, № 60].

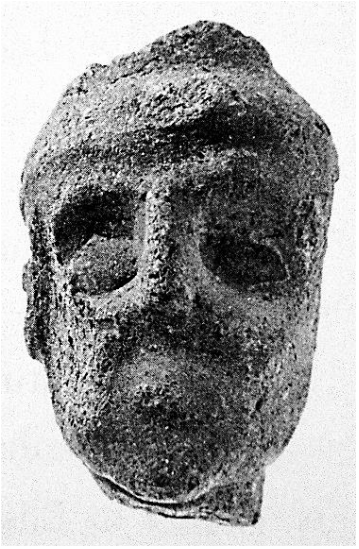

Фото 3. Терракотовая головка из минойского святилища на г. Кофинас (Крит)

Микенские мастера переняли эту минойскую манеру исполнения глаз и применяли ее, как правило, при изготовлении вручную цельных терракотовых статуэток; при изготовлении же на гончарном кругу полых статуэток и бóльшего размера глиняных фигур, вместо углублений для глазниц они делали углубления вокруг глаз, что в принципе производило почти такой же эффект [12, с. 25-26, № 28-29; с. 32, № 36-37; с. 50, № 50, и др. терракотовые статуэтки, изготовленные во время греко-микенского присутствия на Крите]. Так, можно отметить разительную схожесть между додонской головкой (см. фото 2) и головами некоторых из глиняных идолов, найденных в Культовом Центре в Микенах (см. фото 4), датируемых примерно XIII-м веком до н.э. [13, с. 52-53; 9, с. 142, fig. 110], несмотря на разницу в размере (головы микенских идолов примерно 10-12 см) и тот факт, что идолы были выполнены на гончарном круге и полы внутри.

Фото 4. Фрагмент (голова) глиняного идола из Культового Центра Микен

Еще одна черта, усиливающая сходство между додонской головкой и головами некоторых из микенских идолов, это треугольная, или V-образная, форма лица, прослеживающаяся в изображении лиц в микенском искусстве с так называемой «маски Агамемнона» (XVI в. до н.э.) [9, с. 35, fig. 20-centre]. Треугольная форма лица, в принципе, отличает не только целую группу полых терракотовых статуэток микенского периода из Арголиды (например, женские статуэтки из Медеи, Тиринфа и Микен [9, с. 183, fig. 136]), но и примечательные головы из гипса – мужскую и женскую, найденные в Микенах и хранящиеся в Афинском Национальном Археологическом Музее [14, с. 83, pl. 104, b; 9, с. 180, fig.135], а также мужскую головку из слоновой кости, найденную в Микенах и хранящуюся в Археологическом Музее города Нафплион [9, с. 145, fig. 114]. Поэтому, может показаться, что додонская головка явилась в какой-то мере провинциальным периферийным подражанием терракотовым, гипсовым и другого рода скульптурным изображениям, изготавливавшимся в центральном регионе микенской культуры.

Самая примечательная черта додонской головки, не имеющая параллелей ни в минойских, ни в микенских терракотовых статуэтках и фигурах, найденных на данный момент, это широко открытый рот, из которого, как кажется, высунут язык и торчат зубы (клыки ?). В греческой иконографии исторического времени эти элементы были характерны для изображений Горгоны, идентифицируемых с начала VII в. до н.э., т.е. с раннего архаического периода [7, с. 46-80; 8, с. 289; 10, с. 79-81]. Поражающе огромные глаза додонской головки также могут связывать ее с концепцией Горгоны, взгляд которой считался смертоносным, поскольку, согласно мифу, она превращала любого, смотрящего ей прямо в глаза, в камень. Тема устрашающей «головы Горгоны» / «Γοργείη κεφαλή», упоминаемая уже в поэмах Гомера (*Илиада* V.741, *Одиссея* XI.634), восходит к доисторической традиции [18, с. 353], и ее происхождение связано с минойскими религиозными представлениями: например, призматическая печать среднеминойского периода, сделанная из сердолика и хранящаяся в Музее Ashmolean в Оксфорде,

имеет на одной стороне изображение человеческой головы с выпученными глазами в больших глубоких орбитах и широко открытым ртом, в котором видны длинные, явно нечеловеческие зубы [6, с. 235, № 101a] (см. фото 5).

Фото 5. Критская печать среднеминойского периода

Это и еще несколько подобных среднеминойских и ранних позднеминойских / позднеэлладских изображений, обнаруженных на печатях, сосудах и оттисках печатей [11, с. 52-54; 16, с. 174-176; 15, с. 83-84, fig. 34], определяются некоторыми исследователями как доисторические *горгонейоны* и считаются предшественниками раннеархаического иконографического типа «голова Горгоны» / «Γοργείη κεφαλή». Терракотовая головка из Додоны, видимо, тоже должна быть определена как изображение (или фрагмент изображения) Горгоны, при этом уникальное, поскольку на данный момент других доисторических / микенских фигурных изображений Горгоны неизвестно (с некоторой натяжкой как «Γοργείη κεφαλή» / *горгонейон* можно было бы определить небольшую терракотовую маску конца бронзового века, найденную на Кипре вблизи кипро-микенского культового комплекса в Энкоми, имеющую приблизительно те же черты, что и вышеупомянутые минойские *горгонейоны* – главным образом, широко открытый рот; однако, по мнению автора публикации, в которой эта маска приведена, она является просто «миниатюрной гротескной маской» [1, с. 7, fig. 4-top-right]). С точки зрения континуитета религиозной иконографии и религиозных представлений, важно то, что головка из Додоны, которую следует датировать позднемикенским периодом (XIII-XI вв. до н.э.) заполняет разрыв в более чем полутысячелетие между горгоновидными изображениями среднеминойского - раннего позднеминойского / позднеэлладского периодов (приблизительно XVIII-XIV вв. до н.э.) и самыми ранними архаическими изображениями Горгоны в греческом искусстве исторического времени (начало VII в. до н.э.).

Интерпретация изображения

Согласно исследованиям по Горгоне, она изначально выражала примитивную устрашающую ипостась могущественного женского божества дикой природы и своим грозным видом должна была не только наводить на человека благоговейный страх, но и отпугивать от него «злые силы» [5, с. 349, 373; 7, с. 16-17; 18, с. 359-362]. Находки возможных изображений Горгоны доисторического времени, упомянутые выше, не соотносятся с определенным религиозным контекстом. Однако самые ранние исторические изображения Горгоны были найдены в таких культовых местах, в той или иной степени связанных с почитанием великого женского божества, как Кабирион у Фив в Беотии, святилище Артемиды Ὀρθεία в Спарте, Акрополь в Афинах [8, № 1, 6-8, 252, 279]. Особенно следует отметить горгоновидные изображения (ритуальные маски), датируемые архаическим периодом и очень похожие на додонскую головку, найденные в святилище Артемиды Ὀρθεία в Спарте (см. фото 6), которая являлась местной лаконской версией Великой Богини природы [2, с. 172, pl. 56, № 2-3]. Там же была найдена выполненная из кости головка несохранившейся фигурки Артемиды Ὀρθεία, датируемая

VI-м в. до н.э., имеющая «устрашающие» черты лица – большие безжизненные глаза и проступающие изо рта верхние зубы [2, с. 219, pl. 120, fig. 6] (см. фото 7).

Фото 6. Архаическая терракотовая маска из святилища Артемиды Ὀρθεία в Спарте

Фото 7. Архаическая головка Артемиды из святилища Артемиды Ὀρθεία в Спарте (материал – кость)

Таким образом, на основании указанных иконографических характеристик и приведенных историко-религиозных параллелей, рассматриваемую микенскую терракотовую головку с чертами Горгоны из Додоны можно считать изображением доисторического женского божества, связанного с грозными силами дикой природы и представлявшего устрашающий облик древней Великой Богини. Фигурка, которой принадлежала эта головка, могла быть либо вотивным приношением, сделанным в контексте культовой активности в Додоне в микенский период, либо предметом домашнего культа, предназначенным оберегать жилище, в котором она хранилась.

Значение артефакта для установления истории святилища

В заключение необходимо подчеркнуть значение самого факта находки этой головки на территории додонского святилища и ее идентификации как изображение Горгоны. Присутствие в Додоне Великой Богини в микенское время и в начале исторического периода признается и постулируется многими исследователями [3, с. 41], однако их аргументация, из-за отсутствия необходимого археологического материала, вынужденно основывается на данных более поздних источников, датируемых архаическим, классическим, эллинистическим и даже римским периодами. В поддержку мнения о почитании в Додоне великого женского божества на доисторическом – ранне-историческом этапе, как правило, привлекаются следующие сведения [17, с. 72]: упоминание Павсанием почитания в Додоне Матери-Земли (Павсаний, *Описание Эллады*, X.12.10), действие в Додоне во второй половине первого тысячелетия до н.э. культа Дионы как позднейшей версии богини-матери [3, с.43-44], обозначение додонских жриц культовым термином «голубицы» - «Πέλειαι» (Софокл, *Трахинянки*, 172) и бытовавшее в античности поверье о том, что пророчества в Додоне давались путем воркования голубей с ветвей священного дуба (Геродот, *История*, II.54-58), при том что в греческой религии голуби традиционно связывались с женским божеством. В этом отношении додонская головка, определяемая как изображение Горгоны микенского периода, представляет собой непосредственное археологическое свидетельство почитания в Додоне в конце бронзового века могущественной и грозной богини природы минойско-микенского типа. Это позволяет проследить более обоснованно эволюцию религиозной концепции, связанной с Додоной: возникшее в конце третьего тысячелетия до н.э. как типично индоевропейское место почитания бога грома, организованное вокруг «священного дуба» [17, с. 18, 47-48, 71], святилище, очевидно, было микенизировано в конце второго тысячелетия до н.э. и частично переориентировано на почитание минойско-микенской Великой Богини. Кроме того, идентификация среди доисторических артефактов такого признака культа всесильного женского

божества, как «голова Горгоны», дает основания предполагать, что религиозная деятельность в Додоне в конце доисторического периода включала и ряд других культовых элементов, традиционно связываемых с концепцией Великой Богини, таких как оргиастические ритуалы, почитание различных божеств плодородия, и т.п. Для выяснения присутствия этих элементов в Додоне и уточнения тех форм, которые они принимали в культах Додоны на протяжении веков, необходимо дальнейшее тщательное рассмотрение всего материала – археологического, мифологического, и т.д., связанного с додонским святилищем.

Список литературы

1. Averett E.W. Masks and ritual performance on the island of Cyprus // American journal of archaeology. 2015. № 119(1). P. 3-45.

2. Dawkins R.M. (Ed.) The sanctuary of Artemis Orthia at Sparta // Journal of Hellenic studies. Supplement. 1929. № 5. 416 c.

3. Eleutheratou S., Soueref K. (Eds.) Dodona. The oracle of sounds. Catalogue of a temporary exhibition at the Museum of Acropolis, 20/06/2016-31/03/2017. Athens, 2016. 210 c.

4. French E. The development of Mycenaean terracotta figurines // Annual of the British school at Athens. 1971. № 66. P. 101-187.

5. Frothingham A.L. Medusa, Apollo, and the Great Mother // American journal of archaeology. 1911. № 15(3). P. 349-377.

6. Hughes-Brock H., Boardman J. Corpus der minoischen und mykenischen Siegel VI. Oxford, Ashmolean Museum. 2 parts. Mainz, 2009. 348+712 c.

7. Karagiorga Th. Γοργείη Κεφαλή. The origins and meaning of the Gorgon in worship and art in the Archaic period. Athens, 1970. 158 c.

8. Krauskopf I. Gorgo, Gorgones / Lexicon iconographicum mythologiae classicae, v. IV. Zürich & München, 1988. P. 285-330.

9. Mylonas G.E. Mycenae rich in gold. Athens, 1983. 269 c.

10. Payne H. Necrocorinthia. A study of Corinthian art in the Archaic period. Oxford, 1971. 363 c.

11. Poursat J.-Cl. 1985. Iconographie minoenne: continuités et ruptures / Darcque P., Poursat J.-Cl. (Eds.) L'Iconographie Minoenne. Actes de la Table Ronde d'Athènes (21-22 avril 1983). Bulletin de correspondance Hellénique. Supplément. 1985. № 11. P. 51-57.

12. Rethemiotakis G. Minoan clay figures and figurines. Athens, 2001. 165 c.

13. Taylour W. The Mycenaeans. London, 1983. 180 c.

14. Wace A.J.B. Mycenae. An archaeological history and guide. Princeton, 1949. 150 c.

15. Warren P.W. Knossos: stratigraphical museum excavations, 1978-1980. Part I // Archaeological Reports. 1980-1981. P. 73-92.

16. Weingarten J. Aspects of tradition and innovation in the work of the Zakro master. In: Darcque P., Poursat J.-Cl. (Eds.) L'Iconographie Minoenne. Actes de la Table Ronde d'Athènes (21-22 avril 1983). Bulletin de Correspondance Hellénique. Supplément. 1985. № 11. P. 167-180.

17. Zolotnikova O. Zeus in early Greek mythology and religion. From prehistoric time until the Early Archaic period. British archaeological reports. International series. № 2492. Oxford, 2013. 218 c.

18. Zolotnikova O. A hideous monster or a beautiful maiden? Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon? / Reid H.L., Tanasi D. (Eds.) Philosopher kings and tragic heroes. Essays on images and ideas from Western Greece. Sioux City, 2016. P. 353-370.

«ΓΟΡΓΕΙΗ ΚΕΦΑΛΗ» («GORGON'S HEAD») OF THE MYCENAEAN PERIOD FROM DODONA ?

The article discusses a Late Bronze Age terracotta head found in the sanctuary of Zeus in Dodona and stored in the Archaeological Museum of Ioannina (Greece). This head was published in 2016 in the Catalogue of an exhibition on Dodona organized by the Acropolis Museum in Athens and has not yet received due attention from researchers. Based on a detailed iconographical analysis of the head, in which both Minoan and Mycenaean terracotta making traditions seem to have been combined, it is proposed to date this head to the 13th–11th centuries BC, that is, to the late Mycenaean period. Furthermore, a definite correspondence between the facial features of the particular head and the iconography of Gorgon

is observed, given that the image of Gorgon, mostly known from the Early Archaic period, may be traced in art from the first part of the second millennium BC. Therefore, it is concluded that the head in question was part of an image of a prehistoric female deity of wild nature and fertility who personified the horrifying hypostasis of the Minoan-Mycenaean Great Goddess and could be represented with frightening features. Apparently, such a deity was venerated in Dodona at the end of the prehistoric period in the context of the religious activity in the sanctuary site during Mycenaean time. Overall, the definition of the artefact considered as "the head of Gorgon" not only makes it an important link in the evolution of the iconography of Gorgon, but also gives grounds to argue about appearance of Mycenaean elements in the original Indo-European storm-cult in Dodona at the end of the second millennium BC.
Keywords: Dodona, sanctuary and oracle at Dodona, Mycenaean period in Dodona, Mycenaean terracotta figurines, Great Goddess, Gorgon, gorgoneion.

References

1. Averett E.W. Masks and ritual performance on the island of Cyprus [Masks and ritual performance on the island of Cyprus] // American journal of archaeology. 2015. № 119(1). P. 3-45.

2. Dawkins R.M. (Ed.) The sanctuary of Artemis Orthia at Sparta [The sanctuary of Artemis Orthia at Sparta] // Journal of Hellenic studies. Supplement. 1929. № 5. 416 c.

3. Eleutheratou S., Soueref K. (Eds.) Dodona. The oracle of sounds. Catalogue of a temporary exhibition at the Museum of Acropolis, 20/06/2016-31/03/2017 [Dodona. The oracle of sounds. Catalogue of a temporary exhibition at the Museum of Acropolis, 20/06/2016-31/03/2017]. Athens, 2016. 210 c.

4. French E. The development of Mycenaean terracotta figurines [The development of Mycenaean terracotta figurines] // Annual of the British school at Athens. 1971. № 66. P. 101-187.

5. Frothingham A.L. Medusa, Apollo, and the Great Mother [Medusa, Apollo, and the Great Mother] // American journal of archaeology. 1911. № 15(3). P. 349-377.

6. Hughes-Brock H., Boardman J. Corpus der minoischen und mykenischen Siegel VI. Oxford, Ashmolean Museum. 2 parts [Corpus of Minoan and Mycenaean seals VI. Oxford. Ashmolean Museum. 2 parts]. Mainz, 2009. 348+712 c.

7. Karagiorga Th. Γοργείη Κεφαλή. The origins and meaning of the Gorgon in worship and art in the Archaic period [Gorgon's head. The origins and meaning of the Gorgon in worship and art in the Archaic period]. Athens, 1970. 158 c.

8. Krauskopf I. Gorgo, Gorgones [Gorgon, Gorgons] / Lexicon iconographicum mythologiae classicae, v. IV. Zürich & München, 1988. P. 285-330.

9. Mylonas G.E. Mycenae rich in gold [Mycenae rich in gold]. Athens, 1983. 269 c.

10. Payne H. Necrocorinthia. A study of Corinthian art in the Archaic period [Necrocorinthia. A study of Corinthian art in the Archaic period]. Oxford, 1931. 363 c+53 ил.

11. Poursat J.-Cl. 1985. Iconographie minoenne: continuités et ruptures [Minoan iconography: continuities and breaks] / Darcque P., Poursat J.-Cl. (Eds.) L'Iconographie Minoenne. Actes de la Table Ronde d'Athènes (21-22 avril 1983) [Minoan iconography. Acts of a Round Table held in Athens, April 21-22, 1983]. Bulletin de correspondance Hellénique. Supplément. 1985. № 11. P. 51-57.

12. Rethemiotakis G. Minoan clay figures and figurines [Minoan clay figures and figurines]. Athens, 2001. 165 c.

13. Taylour W. The Mycenaeans [The Mycenaeans]. London, 1983. 180 c.

14. Wace A.J.B. Mycenae. An archaeological history and guide [Mycenae. An archaeological history and guide]. Princeton, 1949. 150 c.

15. Warren P.W. Knossos: stratigraphical museum excavations, 1978-1980. Part I [Knossos: stratigraphical museum excavations, 1978-1980. Part I] // Archaeological Reports. 1980-1981. P. 73-92.

16. Weingarten J. Aspects of tradition and innovation in the work of the Zakro master [Aspects of tradition and innovation in the work of the Zakro master]. In: Darcque P., Poursat J.-Cl. (Eds.) L'Iconographie Minoenne. Actes de la Table Ronde d'Athènes (21-22 avril 1983) [Minoan iconography. Acts of a Round Table held in Athens, April 21-22, 1983]. Bulletin de Correspondance Hellénique. Supplément. 1985. № 11. P. 167-180.

17. Zolotnikova O. Zeus in early Greek mythology and religion. From prehistoric time until the Early Archaic period [Zeus in early Greek mythology and religion. From prehistoric time until the Early Archaic period]. British archaeological reports. International series. № 2492. Oxford, 2013. 218 c.

18. Zolotnikova O. A hideous monster or a beautiful maiden? Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon? [A hideous monster or a beautiful maiden? Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon?] / Reid H.L., Tanasi D. (Eds.) Philosopher kings and tragic heroes. Essays on images and ideas from Western Greece [Philosopher kings and tragic heroes. Essays on images and ideas from Western Greece]. Sioux City, 2016. P. 353-370.

Об авторе

Золотникова Ольга Альбертовна – кандидат исторических наук, преподаватель, Открытый Университет Кипра (Кипр), Греческий Открытый Университет (Греция), E-mail: olga_zolotnikova@hotmail.com (olga.zolotnikova@ouc.ac.cy; zolotnikova.olga@ac.eap.gr)

Zolotnikova Olga Albertovna - Ph.D. (History), Tutor, Open University of Cyprus (Cyprus), Hellenic Open University (Greece), E-mail: olga_zolotnikova@hotmail.com (olga.zolotnikova@ouc.ac.cy; zolotnikova.olga@ac.eap.gr)

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПЕРВАЯ КНИГА М.В. НЕЧКИНОЙ: ЕЕ НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Первый научный труд М.В. Нечкиной – «Русская история в освещении экономического материализма» - издан в Казани в 1922 г. С тех пор прошло почти столетие, но за это время он так и не стал объектом историографического изучения. Причина этого – сложная судьба книги, которая сразу после выхода в свет стала объектом сокрушительной критики, и с тех пор была вычеркнута из отечественного исторического наследия на долгие семь десятилетий. Объектом критики стал вывод М.В. Нечкиной о неприменимости классового метода к изучению явлений духовной (культурной) жизни. Этот вывод был выношен Нечкиной в ходе самостоятельного многотрудного исследования и отражал противоречие между примитивным узкоклассовым подходом к истории и сложным характером явлений духовного порядка. Нечкина продолжила традиции историографического изучения, заложенные в конце XIX в. П.Н. Милюковым, и в то же время смогла дать объективную оценку новому направлению в отечественной исторической науке – историческому материализму. В статье анализируются условия создания первой книги Нечкиной, ход ее написания, источники и метод исследования, ее место и значение в научной литературе начала 1920-х гг., а также реакция критиков и причины их резких оценок.

Ключевые слова: первый научный труд, русская история, экономический материализм, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Н.Н. Фирсов, историографический метод, критика, классовый метод.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-60-72

В марте 1922 г. профессор Н.Н. Фирсов, встретив М.В. Нечкину на улицах Казани, обратился к своей ученице со словами: «Великое событие в жизни – первый печатный труд. Я помню эту Вашу работу: она очень интересна, очень интересна…» [1, с. 136]. Фирсов говорил о рукописи, т.к. работа Нечкиной вышла в свет только в ноябре 1922 г. Что же представлял собой первый научный труд Нечкиной, когда и как он был создан?

В 1920 г., обучаясь на третьем курсе Казанского университета, Нечкина написала конкурсное сочинение на тему «Приложение теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых». Тему для изучения Нечкиной дал Совет историко-филологического факультета, но замысел работы возник у нее еще в 1919 г., сформулировать его в ясной форме ей помог профессор П.Г. Архангельский, читавший курс русской историографии. В середине года Нечкина «думает о конкурсной теме», в конце года – задумывает написание работы, посвященной М.Н. Покровскому, Н.А. Рожкову и другим русским историкам, чей подход к истории определял экономический материализм [1, с. 154].

Необходимо отметить, что тема сочинения была выбрана Нечкиной не только под влиянием знакомства с учением экономического материализма. В конце 1919 – начале 1920 г. она обдумывает вопрос о методе исторического исследования. Тот метод, который «преподносят» ей на лекциях и семинарах в университетских аудиториях, не устраивает начинающую исследовательницу. Он «дает возможность» для одновременного существования разных точек зрения, не выявляя, таким образом, научной истины. «Вся трагедия нашей науки состоит в том, - пишет Нечкина в дневнике 6 ноября 1919 г., - что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное». Нечкина ищет другой научный метод. Она убеждена, что старые методы «не доведут до истины». «Прямо тоска по методу поднимается в душе», - сокрушается исследовательница. «Во имя утверждения» новых методических приемов, суть которых Нечкина осознает еще слабо, «очень смутно», она приступила в январе 1920 г. к созданию своего первого научного труда [1, с. 103].

Работа началась стихийно, без определенного плана – студентка читала те научные произведения, которые смогла достать. Первой книгой, которую она прочла, была «История культуры» Липперта. «Выбрала именно его, а не другого, - поясняла Нечкина, - т.к. он имелся под рукой» [2, л. 30]. Впечатление от прочитанного исследовательница записала в тетрадь, озаглавленную «Мысли о книгах». В

ней читаем: «Книга Липперта – огромная куча очень мелких фактов, не приведенных в систему. Она не дает объяснения фактам и не дает общей картины развития». Читая Липперта, «я убедилась в неизбежности основывать все данные о формах обществ на экономическом базисе, чего Липперт не делает и что приводит все его сведения в несистематизированную груду фактов». Рассуждение увенчивает всё та же дума о методе: «Невольно рождается вопрос, неужели человек мог быть удовлетворен после написания такой книги? Неужели Липперт, написав последнее слово и положив перо, не почувствовал страшной тоски по методу, тоски оттого, что накопленные им факты не приведены во внутреннюю систему?» [2, л. 31об-32, 32об.]. В дальнейшем, в мае 1920 г., Нечкина составила «карточный каталог нужных для сочинения книг и статей». По словам исследовательницы, это была «огромная утомительная работа». Затем Нечкина приступила к изучению выявленных трудов. Она читала работы русских историков-позитивистов – статью М.М. Ковалевского «О происхождении семьи, частной собственности, рода» и «Критику экономического материализма» Н.И. Кареева. «Ковалевский дал очень много», - заметила Нечкина в тетради «Мысли». - «Ковалевский обладает огромными, поразительными знаниями: он, как у себя дома, и в области этнологии и в области права, и в языке и в истории. Затем он во многих местах проводит идею роста населения – биологического фактора. Прежде я об этом лишь слышала. Ковалевский не стоит всецело на точке зрения экономического материализма». Он «признает два фактора – экономический и религиозный». [2, л. 34, 36об., 37].

Большое впечатление произвели на Нечкину работы М. Туган-Барановского. Его книгу «Основы политической экономии» она «прочла очень внимательно, всю и проконспектировала». «Не только основы, скелет, - подчеркнула исследовательница, - а вся главная масса знаний дана Туган-Барановским. Его книга – удивительна по своей глубине и кристальной ясности, я прямо устала ею восхищаться. Все ее содержимое очень легко, ясно и отчетливо улеглось в моей голове» [2, л. 42, 42об.].

Сочинение К. Маркса «К критике политической экономии» Нечкина только «слегка просмотрела», но внимательно «прочла вводную главу». Его же «Нищету философии» - «просмотрела, отметила нужные места, выписала их». «Анти-Дюринг» Энгельса «бегло прочла, отбрасывая полемику с Дюрингом и выцеживая всё, относящееся к построению самой теории». Все остальные произведения Маркса и Энгельса Нечкина «невнимательно просмотрела» [2, л. 42, 44об.-45]. «В ходе моей работы, - резюмирует исследовательница, - в сущности, огромную роль сыграл тот факт, что теория экономического материализма не имеет своего основного труда, своего Евангелия, от изучения которого было бы легко и удобно начинать знакомство с теорией. Меня прямо подавила огромная масса произведений по экономическому материализму, часто полемических и мало дающих. По той причине, что, приступая к чтению, я не знала содержания находящихся предо мною книг, я была лишена возможности выбрать из них главные и наметить план хода работы». Поэтому, «я потратила гораздо больше времени, чем нужно было для моей цели, запутавшись в массе книг». В сущности, «можно было ограничиться предисловием к "Критике политической экономии", "Анти-Дюрингом", "Нищетой философии", Туган-Барановским и Лабриолой» [2, л. 44, 45об., 46].

Следующий этап работы включил «изучение русской историографии с Карамзина до историков-материалистов». Нечкина поясняет: «Как принцип, стояло знакомство с подлинником» и, «если можно, с первым изданием, которое читали современники – к этому я стремилась всё время». [2, л. 51-51об.]. Исследовательница обратилась к обобщающим трудам по русской истории и сделала обзор русской историографии, читая Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.А. Полевого, А.П. Щапова, М.О. Кояловича, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Историографические исследования произвели на Нечкина большое впечатление и позволили прийти ей к ценным наблюдениям. В тетради «Мысли» она записала их: материалистическое понимание истории характерно уже для Соловьева – он «признает целый ряд факторов – как материальных (географический, экономический), так и идеологических (религиозный, напр.). Особенно ярок, даже болезненен этот перелом на Щапове, мучительно ищу-

щем прочных "материальных" основ для исторических утверждений… Окончательно определяется переход от идей к материальным факторам на Ключевском, вполне сознательно и с огромным талантом выделяющем значение экономического фактора. Почва для экономического материализма вполне готова».

Другое наблюдение – «Русская историческая мысль тесно связана с западноевропейской, и многие "переломы" ее, очаровавшие меня, суть простые и бледные отражения Запада. Особенно поразили меня "переломные" историки – Татищев и Погодин с Каченовским» [2, л. 53об., 54]. Этот вывод не был новым – он только подтверждал выводы П.Н. Милюкова и др. историографов [3, с. 4].

В мае 1920 г., завершив, в основном, изучение трудов историков и экономистов, Нечкина приступила к написанию своего сочинения. 19 мая она пометила в дневнике: «Всё время писала сочинение… написала 4 страницы», 20 мая: «Очень много писала, написала 28 страниц», 21 мая: «Писала сочинение… написала 21страницу» и т.д. 23 мая Нечкина «очень много, прямо без остановки работала» и «написала 19 страниц сочинения». Вечером то же дня произошел «резкий перелом настроения» исследовательницы: «вижу, что тема необъятна, - замечает она в дневнике, - всего 25 историков-материалистов, известных мне… написавших в общей сложности до 40000 страниц. Если на каждые 50 страниц класть два вечера, то работа потребует больше 5 лет». Нечкина испытывает колебания – «бросить всё»? Или же ограничить тему «одним Покровским и Рожковым» - наиболее видными представителями экономического материализма в русской исторической науке? Научный руководитель Нечкиной П.Г. Архангельский советует ей продолжать работу и не ограничивать тему «одним Рожковым и Покровским», как того хотела исследовательница. Понимая, что бросить труд, которым она «жила целый год» и для которого уже «много сделано», нелепо, Нечкина после трехдневных колебаний постепенно возвращается к своей работе. Ее раздумья во время трехдневного перерыва не прошли бесследно: план сочинения «резко изменился». Нечкина «решила отказаться от детального разбора каждого автора».

«Я перехожу от одной книги к другой, роюсь в словарях и журналах, беру справки… Я устала. Я устала буквально до полусмерти», - признается Нечкина. Она трудится до 10 часов вечера, иногда – за полночь и даже ночью. В ее руках одна книга сменяет другую: «Надо скорее кончать Покровского. Дальше – Плеханов, еще несколько работ других историков…». Неутомимый труд приближает работу к завершению. В конце мая исследовательница пишет «подробный план введения» к сочинению. В июне она обдумывала «план всего сочинения». 20 июня план был написан «удивительно быстро и легко. Прямо в восторг пришла от его изящной простоты», - отметила Нечкина в дневнике.

В августе работа вступила в финальный этап. Нечкина пишет последнюю, 5-ю главу сочинения, посвященную вкладу последователей экономического материализма в историческую науку. 8 августа она выполнила «очень кропотливую работу», составив «подробное оглавление» к своему труду. 9 августа было написано предисловие. 20 августа сочинение было перечитано автором «в первый и последний раз, чтобы поставить "последние запятые" и извлечь тезисы». Однако с 21 августа по 5 сентября сочинение еще писалось, Нечкина продолжала его «читать, формулировать тезисы, записывать мысли». 5 сентября труд начинающего историка был завершен. «Это случилось в 7 ч. вечера». Оценивая свою работу, Нечкина пометила в дневнике: «Просмотрела весь деловой дневник, чтобы составить общее впечатление о ходе моей работы. Прямо поражена просто сумасшедшей напряженностью занятий без всякого отдыха в течение этого года. Не удивительно, что переутомилась» [1, с. 155-177].

Объем труда составил 644 рукописные страницы. Его название варьировалось. Вместо длинного и трудного: «Приложение теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых» автором было предложено и другое, более краткое и ясное - «Школа экономического материализма в русской историографии». Окончательный вариант звучал так: «Русская история в освещении экономического материализма». 15 сентября сочинение было доставлено на факультет. В следующем 1921 г., 19 февраля Совет университета вотировал Нечкиной «почетный отзыв за сочинение». В те годы это была

«единственная степень ученого признания, т.к. медалей нет» [1, с. 117, 189].

Работая над своим первым научным произведением, Нечкина проделала значительную эволюцию в своем мировоззрении как историка. «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом, - писала она в дневнике 1 июля 1920 г., в самый разгар работы. - Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность». Исследовательница призналась, что «все подводит под экономический материализм», «на все смотрит с точки зрения экономического материализма» [3, с. 128].

В октябре 1921 г. Нечкина задумала издать свой труд – такую рекомендацию ей дал Совет факультета. Исследовательница планировала внести в сочинение «много переделок», но сделать этого ей не удалось [1, с. 130]. При содействии студенческой Ассоциации общественных наук Нечкина издала в 1922 г. свое первое монографическое исследование «Русская история в освещении экономического материализма».

В предисловии к книге Нечкина отметила: «Настоящая работа является первой попыткой автора испробовать свои силы в области самостоятельного научного исследования» [5, с. I, 9-10]. В первой главе автор стремится составить представление об общем ходе развития науки русской истории и отмечает неразработанность русской историографии. «Изучающий русскую историографию, - пишет Нечкина, - в особенности русскую историографию XIX в., - оставлен наедине с самими работами русских историков и предоставлен самому себе»: обобщающих историографических трудов нет, а те, что есть, неполны или тенденциозны. При этом Нечкина высоко оценила труд П.Н. Милюкова – «Главные течения русской исторической мысли». Она назвала его «прекрасной работой», отметила «очень тонкий и точный анализ» историографических влияний Щербатова и Щлецера на Карамзина и «поистине замечательное» мастерство автора в «психологической обрисовке деятелей русского шеллингизма» [5, с. 10, 23-24].

Нечкина наметила собственную программу историографического изучения. В этой программе ряд пунктов: изложение биографии автора; изучение его как философа истории и как историка; выяснение «расхождений теоретических взглядов историка и его исторических исследований»; установление главных трудов и метода историка, его отношения к предшественникам. В этой программе многое было заимствовано у предыдущих авторов, в особенности у П.Н. Милюкова, но один пункт – о несовпадении теоретических взглядов ученого с практикой его исследования – был новым словом в историографической науке.

Изучая труды разных авторов, Нечкина подметила «факт первостепенной важности: у многих и многих историков теория одно, а практика исторического исследования – другое». Исследовательница убеждена, что «нельзя особенно поддаваться уверениям авторов ни насчет их взгляда на причинную связь событий, ни насчет их мнения о цели исторического изучения и т.д. Сказать – они многое скажут, но это еще не значит, что они проведут это в своих трудах». Нечкина подтверждает свою мысль примером. «Ниже мы увидим, - пишет она, - что если какой-нибудь историк заявляет себя последователем хотя бы теории экономического материализма, то это еще не значит, что ему удастся целиком приложить эту теорию к своему историческому исследованию; мы встретим зачастую резкие отступления от этой теории или тесную зависимость исследования от противоположной теории» [5, с. 13].

Выясняя вопрос о методе историка, Нечкина устанавливает его «отношение к источникам: не привлек ли он каких-нибудь новых источников? На какие стороны сообщений источников он обращает более внимания? Нет ли в его отношении тенденциозности, не закрывает ли он глаза на факты, противоречащие его схеме? В какой мере он критичен, изучая источник?». Так была разработана теоретическая часть исследования.

В третьей и четвертой главах сочинения исследуется сам процесс «приложения теории экономического материализма к русской истории», растянувшийся почти на четверть века – с конца XIX в. по конец второго десятилетия века XX. Проводя «общий обзор русской истории с точки зрения экономического материализма», наиболее подробно Нечкина

остановилась на трудах М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова. Изучая работы последнего «Город и деревня в русской истории» и «Обзор русской истории с социологической точки зрения», она отметила «монизм» Рожкова и его приверженность философско-историческим рассуждениям. Нечкина указала на несоответствие представлений и методов Рожкова. Признавая, что действие экономического фактора на духовную жизнь общества является не прямым, а опосредованным, он в конкретном исследовании поступает по-другому. «Часто грубое сопоставление двух хронологически одновременных явлений – одного из области экономической, другого – психологической, со стилистической связкой "поэтому", "в зависимости от этого" – служит у Рожкова доказательством происхождения психических явлений из экономических». Исследовательница считала такой метод «грубым», вульгаризаторским.

Нечкина осветила зависимость исследований Рожкова от государственно-юридической школы: «Очень часто Рожков, сам того не замечая, приближается в своем исследовании к юридической школе, ярым противником которой он является. Теоретическое понимание роли государства, сводящегося лишь к выражению экономических отношений, не укладывается в историческое исследование. В Московской Руси Рожков, сам того не замечая, рисует государство какой-то новой самодовлеющей силой, многое меняющей по своему произволу». Вывод: «Рожков находится под сильным влиянием выводов юридической школы» [5, с. 83, 92-94, 129-133].

Четвертый раздел предпоследней главы посвящен работам, являющимся «приложением теории экономического материализма к изучению психологического процесса русской истории», по другому – явлений духовной жизни. Исследуя работы Ю.М. Стеклова и К.Н. Левина о Герцене, Нечкина решилась на критику их классового подхода. Стеклов и Левин исследуют личность Герцена в свете классовой теории. Основное отличие этой теории от обычного историко-литературного метода заключается в «требовании изучать каждую личность, как представительницу класса, каждую психологию рассматривать как классовую». Такой метод, по мнению исследовательницы, не всегда результативен. Личность может и «не отразить черты классовой психологии». «Большое значение в развитии личности имеют ее ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ». Психология личности – явление очень сложное и не поддается изучению известными методами. В общем, связь между экономикой эпохи и психологией отдельной личности – не исследована представителями экономического материализма. Их попытки установить эту связь являются неудачными, поражают своей грубостью, механичностью. В итоге Нечкина пришла к выводу, что экономический материализм дал значительные результаты в изучении истории народного хозяйства, социальной структуры и политических форм, но в области изучения духовной жизни – дал «незначительные и скорее отрицательные результаты» [5, с. 143-144]. В этом выводе заключалось идейное зерно, подрывающее классовые и узко-материалистические представления последователей экономического материализма. Нечкина предупреждала их: нельзя с помощью классового метода изучать психологию личности, этот метод очень несовершенен, груб для этого, отрицательные итоги его применения уже налицо.

В чем же, по мнению Нечкиной, состояло несовершенство классового метода? В исследовании нет ответа на этот вопрос, но он проясняется записью Нечкиной в тетради «Мысли». 27 января 1920 г., т.е. в самом начале работы, она писала под впечатлением знакомства с «Историей народного хозяйства» П.П. Маслова: «Бросилась в глаза некоторая грубость экономических объяснений явлениям, упускающих массу факторов, - например объяснение крестовых походов, данное Масловым. Неужели можно считать, что крестовые походы вызваны жадностью феодалов к предметам восточной роскоши. Ясно, что это – прямо топорное объяснение» [2, л. 41-41об.]. Таким образом, Нечкина осознала, что экономическое объяснение не всегда достаточно и приемлемо для многих исторических явлений. Чутьем историка она вплотную подошла к признанию многофакторности исторического процесса, что автоматически подрывало главную идею экономического материализма.

В пятой главе Нечкина кратко проследила развитие русской исторической мысли

на протяжении всего XIX в. – от Карамзина до Ключевского и пришла к выводу: материалистическое понимание истории было свойственно таким русским историкам как А.П. Щапов, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Она отметила социологический подход к истории в трудах Соловьева. Но «особенно ярко признание материальных факторов у Ключевского». [5, с. 156-164]. «Экономический материализм, - делает вывод Нечкина, - не является случайным и наносным явлением в русской историографии. Почва для него не только была подготовлена ранее, но и многие его положения уже были высказаны и обоснованы прежними историками. В процессе изучения русской истории экономический материализм явился необходимым течением, вызванным предыдущим состоянием науки» [5, с. 172-174, 176].

Мысль о преемственности развития научно-исторического знания, высказанная Нечкиной, не являлась новой в русской историографии – ее вполне убедительно доказал П.Н. Милюков [4, с. 117-118, 277]. Но Нечкина выяснила зависимость одного историка от другого не только в идейно-теоретическом, но и в методологическом плане. Милюковская филиация идей была дополнена филиацией метода. Это было шагом вперед в историографической науке.

Таким образом, труд начинающего историка-исследователя можно охарактеризовать как научное сочинение, построенное по проблемному принципу и охватывающее обширный круг литературы. Впечатляет глубина и тонкость историографического анализа, его тщательность и скрупулезность. Разбирая труды историков Покровского, Рожкова, Плеханова и др., Нечкина высказала глубокие, выношенные в процессе самостоятельного исследования, мысли – о преемственности развития научно-исторического знания, о зависимости нового научного направления от предыдущего, о необходимости различать теоретические представления историка от его методологии, о неприменимости классового метода к изучению явлений духовной жизни, о свободе научного труда: «каждый автор вправе придерживаться любой философии истории». Она исследовала сложный процесс становления нового учения в русской исторической науке и с неотразимой силой обосновала неизбежность его появления. Эти выводы и наблюдения являются самыми ценными в работе Нечкиной. Они говорят нам о ее высоком научно-исследовательском уровне, о самостоятельности, независимости мышления автора.

В 1922 г. «Русская история…» Нечкиной была издана, а в следующем 1923 г. на нее появились четыре рецензии. Их авторами были казанский ученый-марксист В.Т. Дитякин, литературовед Г.Ф. Линсцер, историки В.И. Невский и Н.Н. Фирсов.

Рецензия В.Т. Дитякина появилась на страницах «Казанского библиофила». Это был местный журнал, созданный казанскими знатоками и любителями книжных редкостей. Он издавался в 1921-1923 гг., всего вышло четыре номера. В последнем из них и была напечатана рецензия на труд Нечкиной. Ее автор - Дитякин был известен как автор труда «Творческий облик Карла Маркса», он был «глашатаем» и «столпом» марксизма в Казани и… первым возлюбленным Милицы. О чем же писал Дитякин? Само название его рецензии было уже дерзким вызовом - «Пустая ученость». Дитякин обвинил Нечкину в игнорировании трудов классиков марксизма. «Где "Капитал", - спрашивал, вернее, гремел Дитякин, - неисчерпаемый кладезь материала для обоснования теории исторического материализма, где десятки статей Энгельса… где громадный материал переписки Маркса и Энгельса? "*В сущности, нет ни одной книги об экономическом материализме*, которая бы занималась единственно выяснением основ этой теории, а не критикой ее", - с авторитетом автора 3-х копеечных анти-марксистских брошюр заявляет Нечкина». В этом, едко замечал рецензент, - видна «поразительная *безграмотность* и *убожество* мысли» и «полное невежество автора».

На самом деле Дитякин исказил мысль Нечкиной. Она писала о том, что нет такой книги, в которой были бы изложены теоретические основы марксизма. Такой книги действительно не было. Об этом вслед за Нечкиной сказал также Н.И. Кареев. В «Основах русской социологии» он писал: «Основная идея экономического материализма была высказана слишком коротко, без обосновываю-

щих аргументов и детального развития… Известно, что в самой Германии долгое время не появлялось ни одной работы, в которой эта идея получила бы теоретическое обоснование и разработку» [6, с. 188]. Таким образом, упрек Дитякина являлся необоснованным.

Дитякин обрушился с резкой критикой на понимание Нечкиной теории экономического материализма. Нечкина писала: «Критерием изложения теории будет *логика самой теории, а не то,* что об этой теории когда-либо утверждали Маркс или Энгельс. Их утверждения мы будем все время привлекать, *если они будут соответствовать* логическим требования самой теории». Такой подход недопустим для Дитякина – разве можно сомневаться в истинности положений классиков марксизма? Это «вульгаризация и опошление» теории. «О, бедные великие основоположники марксизма, - зло иронизирует Дитякин, - мирно почивали вы в гробах до 1922 г., когда появился ученый-мракобес, начавший примерять вас к созданной вами же теории!». «Ученый-мракобес» - это Нечкина. «Поразительна эта наглая развязность, - продолжает рецензент, - малограмотного, нахватавшегося (вернее понюхавшего) – "отдельных мест" откуда-то, "1 ½ страницы" отсюда и т.д. и "процедившего" самого Энгельса». «Самого»! – в этом вся сущность злой и нелепой критики Дитякина.

Свирепо критикует Дитякин самый ценный, но и самый уязвимый вывод Нечкиной – о сложности явлений духовной жизни и невозможности их изучения с помощью методов экономического материализма. Этот вывод больше всего задел Дитякина. Об этом красноречиво сказал он сам: Нечкина «поразила марксизм в самое сердце». Именно – в самое сердце. *Только начинающая* исследовательница поставила под сомнение универсальность классового метода, а значит и непреложность всего учения марксизма в целом. Это был настоящий криминал, «типичное невежество и нахальство», по мнению Дитякина. Именно этот вывод стал роковым в судьбе всего сочинения казанской исследовательницы.

Вырывая цитаты и слова из контекста, Дитякин не критикует – он громит и разносит в щепы произведение Нечкиной. Но этот погром – только честь автору. В конечном счете, Дитякин наносит удары не Нечкиной – а тем ученым, с которыми она согласна, а он – не согласен. Нечкина справедливо считала итальянских ученых А. Лабриолу и Э. Ферри теоретиками марксизма. «С каких это пор, - гремит Дитякин, - начали считать Ферри… теоретиком ортодоксального марксизма. Рядом с Ферри в ряды ортодоксов попал Эд. Бернштейн, который подметил результаты "эволюции" марксизма – высосанной из пальца и Бернштейном, и автором книги. Бернштейн – изменник марксизму в роли ортодокса – действительно остается выкрикнуть – "неисповедимы пути твои, о авторе искусный"».

Злая ирония Дитякина проявляет себя все резче: «"Труд" заканчивается ("как у взрослых") тезисами, с которых собственно говоря и следовало бы начинать читать книгу, памятуя, что для того, чтобы узнать отвратительное вино, нет надобности выпивать его целую бочку». Увенчивалась рецензия резким и оскорбительным заключением: «Опошлив и вульгаризовав теорию исторического материализма, автор создал свою теорию. Непонимание и нежелание понять настоящую теорию плюс почти полная безграмотность в литературе по теории марксизма, укрепило эту "Нечкинскую" теорию». Напоследок Дитякин бросил очень опасное обвинение в адрес Нечкиной: «Истинная физиономия» ее книги - это «*попытка покушения на марксизм с негодными средствами,*" этот поход особенно резко выявляется в анализе марксистских работ по истории идеологии» (т.е. по истории духовной жизни). Исследование Нечкиной – «в корне гнилое», а сама она – «самодовольный болтун». Издание книги, по мнению рецензента, – это «разбазаривание государственного достояния на воздух (пустоту) – 1500 экз. по 213 страниц!». Нечкина «извратила» марксизм, она – неуч. Она «расписалась в незнании элементарных правил марксистского метода, да и не его одного, а *вообще всякого научного метода»* - таков вывод Дитякина [7, с. 179-183].

Милица Васильевна тяжело пережила неблаговидный поступок своего бывшего возлюбленного. Ошеломленная, напоенная горьким опытом, она предпочла обо всём забыть на какое-то время. Только в 1925 г., находясь на отдыхе в Крыму, Нечкина вернулась к этому сюжету в своей биографии. Вспоминая крайне сложные обстоятельства

1922-1923 гг. она писала в дневнике: «У меня умер отец, революция отняла от семьи брата, тяжело хворали близкие, дорогие мне люди, была при смерти я сама» и в это время «первую мою книгу первый любимый мною человек встретил в печати градом недопустимых издевательств...» [8, с. 103]. Самое горькое в этой ситуации было то, что все это время – от написания книги до ее издания – Дитякин находился рядом с Нечкиной, часто общался с ней с глазу на глаз, встречался на ученых собраниях, одалживал научную литературу, сотрудничал в деле подготовки сборника статей в честь проф. Фирсова…

Развязный и возмутительный тон критики Дитякина вызвал решительный протест в ученой среде Казани. Его выразителем стал редактор «Казанского библиофила», ученый-литературовед Г.Ф. Линсцер. Он «просмотрел в редакционном порядке критику Дитякина на книжку Нечкиной» и был возмущен ее тоном. Линсцер решил, что «не поместит целиком» рецензию Дитякина или напишет ему сейчас же ответ. 14 февраля он сказал об этом Нечкиной [1, с. 249]. И сдержал свое слово. Ответ Линсцера был напечатан в том же номере «Казанского библиофила», в котором была рецензия Дитякина, сразу вслед за ней. Книга Нечкиной, отметил Линсцер, «в некоторых отношения слабая, но работа, проделанная автором, большая и кропотливая». Критиковать книгу нужно, но не так, как это сделал Дитякин. Его критика излишне суровая, так нельзя критиковать начинающих исследователей, которые хотят освоить марксизм. Этим можно только отбить у них всякое желание работать. Кроме того, рецензия Дитякина пристрастна, это даже не критика, а «*критическая расправа*».

Линсцер отбил у Дитякина некоторые важные положения Нечкиной. Он признал верным ее вывод о развитии марксистской теории от «более грубого понимания к более тонкому и сложному» (неудачно, по мнению Линсцера, только выражение – «*грубое* понимание»). Также верным, по мнению рецензента, является наблюдение Нечкиной об эскизном характере «Русской истории» Покровского. Линсцер разоблачил недобросовестность критики Дитякина: «Разве допустимо так выхватывать фразы?». Таким образом, Линсцер выступил в защиту научной этики и объективности, он дал отпор дерзким, бессмысленно жестоким, а главное не всегда объективным и обоснованным нападкам Дитякина на труд молодой исследовательницы.

Но существо критики Дитякина Линсцер признал верным. «Главная цель моей заметки, - писал он, - была остановиться на тоне, манере, "обращении", которые так характерны для Дитякинской статьи и так нецелесообразны с моей точки зрения. Что касается существа критики, то в этом отношении профессору Дитякину и книги в руки. Со многими его поправками можно и должно согласиться». Дитякин «вскрывает ряд серьезных недочетов в работе Нечкиной», главным из которых, по мнению Линсцера, является отрицание классового метода в исследовании духовных явлений. Причины этих явлений «в конечном счете, коренятся в экономике», - указал Линсцер, и поэтому вывод Нечкиной неверен. Нечкина заблуждается, по мнению рецензента, но «заблуждается невольно» [9, с. 183-190].

Третьим рецензентом книги Нечкиной выступил известный историк и политический деятель В.И. Невский. Он был убежденным марксистом и членом партии, имевшим за собой большой опыт революционной борьбы. Его отзыв был особенно важен для Нечкиной – это не Дитякин и не Линсцер, известные только в местном кругу казанских интеллектуалов. Невский – это центральная фигура в среде ученых-марксистов. Но и его отзыв был резко критическим. «Нельзя сказать, - открыл рецензию Невский, - чтобы результаты труда М.В. Нечкиной были удовлетворительны, и это прежде всего потому, что, взявшись за рассмотрение вопроса о применении метода исторического материализма в истории, М.В. Нечкина обнаруживает незнакомство с этим самым методом и искажает основные положения метода Маркса». Искажает – очень серьезное обвинение из уст маститого ученого, к тому же – марксиста. Невский – вслед за Дитякиным и Линсцером – критикует вывод Нечкиной о непригодности марксистского метода к изучению явлений духовной жизни: «По-видимому, М.В. Нечкиной незнакомы капитальные сочинения ни Маркса, ни Энгельса, ни его учеников, ни в особенности Плеханова, в которых так блестяще и талант-

лива эта связь "духовных фактов" с социальными установлена» [10, с. 181-182].

Четвертая рецензия выбивалась из общего тона осуждения книги Нечкиной. Ее автор – Н.Н. Фирсов. Профессор Казанского университета, он был учителем Нечкиной. Фирсов отметил о работе своей ученицы: «Этот труд спешит подвести итоги, к которым пришла научная мысль в специальной области русской историографии. Теория экономического материализма была приложена к объяснению русского исторического процесса: это и было новым словом в русской историографии». По мнению рецензента, «слаба теоретическая часть в работе», ибо автор «берет материал из вторых рук, и в сочинении, которое претендует на выяснение отражения марксизма в русской историографии, не ссылается на работы самого Маркса. Фирсов не прав в том, что Нечкина не ссылается на работы Маркса – во второй главе исследования она как раз ссылается на его «Нищету философии» и «К критике политической экономии». Оценивая труд в целом, рецензент указал на «обстоятельность в изложении исторических суждений авторов». Особенно «ярко выяснены основные недостатки Рожкова и достоинства работ Покровского». В работе «немало правильных и даже метких замечаний». Но и Фирсов нашел недостатки в труде Нечкиной. По его мнению, Нечкина «пассивно во многих случаях передает совсем рискованные и прямо ошибочные утверждения Рожкова» [11, с. 68-69].

Итак, первое научное сочинение Нечкиной, изданное в 1922 г., в следующем 1923 г. было очень резко и в целом неодобрительно встречено рецензентами. Трое из них – Дитякин, Линсцер и Невский критиковали Нечкину за «искажение марксизма». Они отвергли самый ценный ее вывод– о неприменимости классового метода при изучении явлений духовной жизни. За свою смелую и глубокую мысль Нечкина была предана ученому остракизму, под вопрос была поставлена ее дальнейшая ученая судьба. Это понимала не только Нечкина, прежде всего, это понимали сами рецензенты. Так, рецензия Дитякина, по мнению Линсцера, – это повод для Нечкиной «поразмыслить над дальнейшей своей ученой судьбой» [9, с. 184]. Казалось, что точка в этой судьбе – решенное дело. В силу этого стоит только удивиться беспримерному мужеству и стойкости Нечкиной – после таких событий она нисколько не «задумалась над дальнейшей своей ученой судьбой», а продолжила научную работу, написала сочинение о Ключевском, а переехав в 1924 г. в Москву, начала разрабатывать тему декабризма. Чугунный груз сокрушительной критики не сломил ее волю к творчеству.

Но критика взяла своё: Нечкина вынужденно изменила свои представления о классовом методе. В 1925 г. в семинаре Покровского в Институте Красной профессуры она выступила с докладом о Ключевском, в котором оценила творчество историка как выражение «идеологии промышленной буржуазии», а его политические представления о правовом государстве назвала «классово-продуманной теорией конституционно-демократической партии» [12, л. 4, 5]. Таким образом, Нечкина не только признала применимость классового метода к изучению явлений духовной жизни, но и сама применила этот метод в изучении Ключевского и его научного творчества – явления сугубо духовного порядка. Это был путь в никуда – узкоклассовый подход только искажал представление о прошлом.

История с первым научным трудом Нечкиной на этом не закончилась. До сих пор в его оценке звучали голоса только ученых-марксистов (за исключением Фирсова). Предоставим же слово и «старым профессорам». «Русская история…» Нечкиной была высоко оценена С.Ф. Платоновым. Через профессора Петербургского университета А.И. Никифорова он передал молодой исследовательнице «благодарность. С работой я ознакомился, - говорил Платонов. - Она отдает дань современному направлению. Со многим в ней не соглашусь, но работа недурная. Это не то, что работы здешнего Воскресенского, да даже и Покровского. Она (М. Нечкина – авт.) свое место займет в историографии. Она нулем не будет». Высокий научный уровень исследования даже привел Платонова в замешательство: он не смог сразу определить примерный возраст его автора: «Она что в возрасте?» - спросил он у Никифорова, имея в виду Нечкину, на что последовал ответ: «Совсем молоденькая, работу

еще начинает» [13, с. 118]. Исследованием заинтересовался и столичный историк В.П. Волгин. Через Фирсова он в апреле 1923 г. просил Нечкину прислать ему изданную книгу [3, № 2, с. 131].

Прошло время. В конце 1920-х гг., когда шла подготовка к 60-летнему юбилею Покровского, на первых страницах ведущего теоретического журнала историков в 1928 г. появилась статья А.В. Шестакова «М.Н. Покровский – историк-марксист». Шестаков вспомнил о первой опубликованной работе Нечкиной и обвинил ее автора в вульгаризации марксизма. Нечкина, по мнению Шестакова, дала в своем труде «чрезвычайно слабую и неверную характеристику Покровского как историка» [14, с. 5, 12]. В том же году на страницах того же журнала с критикой на «Русскую историю…» Нечкиной обрушился и историк Н. Степанов, который обвинил Нечкину в игнорировании теории классовой борьбы. Причем Степанов ошибочно датировал труд Нечкиной 1923 г., тогда как он был издан в 1922 г. [15, с. 183]. Третьим критиком Нечкиной выступила Е. Кривошеина, которая на страницах «Комсомольской правды» в статье о Покровском (октябрь того же 1928 г.) назвала Нечкину «историком-немарксистом» [16, с. 2].

Время было тревожное, и подобные обвинения, брошенные в один голос тремя критиками в короткий период осени 1928 г., могли стоить Нечкиной научной карьеры. Поэтому она в октябре 1928 г. написала письмо в редакцию «Историка-марксиста», в котором признала в своем первом научном труде «наличие многочисленных ошибок» [17, с. 109]. Письмо было прочтено и отредактировано Покровским, который внес в него незначительные стилистические поправки. Самым существенным из поправок Покровского было замечание, вставленное им в письмо Нечкиной и объясняющее признаваемые ею ошибки: причиной их была «марксистская неподготовленность автора» [18, с. 278]. Письмо было напечатано в 11 номере журнала за 1929 г. Таким образом, Нечкина вынужденно отреклась от своей студенческой работы. Так эпоха отразилась на судьбе первого научного труда исследовательницы, вычеркнув его из отечественного научно-исторического наследия на долгие годы, предав более чем полувековому забвению.

В конце 1930-х гг. Н.Л. Рубинштейн писал свою «Русскую историографию». В специальных ее главах, посвященных Эверсу и Ключевскому, он упомянул об историографических работах Нечкиной об Эверсе и Ключевском, изданных в 1927 и 1930 гг. в историографическом сборнике под редакцией Покровского. Однако, в общем обзоре русской историографической литературы во вводной части исследования Рубинштейн ни словом ни обмолвился об обобщающем труде Нечкиной, посвященном направлению исторического материализма в русской историографии. В 1941 г. состоялась докторская защита Рубинштейна. На ней присутствовала и выступила Нечкина, вступившись за автора в вопросе о скептической школе. Однако, она также промолчала о своем вкладе в изучение русской историографии, даже не упомянув о своей «Русской истории…» [19, с. XXXVII, 15-16, 253, 504].

Ситуация не изменилась даже в годы хрущевской оттепели. В 1961 г. с резкой критикой на «Русскую историю…» Нечкиной обрушился историк, профессор Московского университета и ученик Нечкиной (!) – М.Е. Найденов. В одной из своих статей он писал, что Нечкина в исследовании «вообще не упоминает о Ленине. В книге говорится лишь об Ильине, причем ему уделяется всего несколько страничек. Примечателен и тот факт, что Нечкина… рассматривает автора "Развития капитализма в России" как одного из представителей экономического материализма» [20, с. 86]. Нечкина ответила Найденову, но – удивительное дело – согласилась с ним в его критическом отношении к своему труду: «М.Е. Найденов прав в своей отрицательной оценке моей студенческой работы "Русская история в освещении экономического материализма". Но студенческая работа, написанная в 1919-1920 гг., вообще не показатель состояния науки, особенно в тех реальных условиях» [21].

Спустя многие годы Нечкина говорила о своей «Русской истории…»: «Книга не принесла мне признания» [22, с. 49-50]. Она была не права – положительную оценку труду дал С.Ф. Платонов. М.Н. Покровский, встретив Нечкину в ноябре 1923 г. на пороге своего дома, начал разговор такими словами: «Я вас знаю. Вот ваша книга», - и движением руки

указал в сторону книжной полки [27, с. 19-20]. Как видим, первое научное сочинение молодой казанской исследовательницы было востребовано – его читали как видные историки «старой школы», так и крупные историки-марксисты.

Подведем итог. Первая книга Нечкиной – «Русская история в освещении экономического материализма» - это труд высокого научного уровня, в котором высказаны глубокие и верные мысли: о зависимости нового научного направления от предыдущего, о необходимости различать теоретические представления ученого-историка от его методологии. Нечкина проанализировала одно из ключевых направлений отечественной исторической науки своего времени – исторический материализм, и пришла к выводу, что результаты нового направления наиболее существенны в области изучения социально-политической и экономической истории, но незначительны и даже отрицательны – в области изучения явлений духовной жизни. Этот вывод стал основным объектом критики. Рецензенты Дитякин, Линсцер и Невский усмотрели в нем искажение Нечкиной марксизма. Сочинение молодой исследовательницы было предано не критике – осуждению и вычеркнуто из отечественного исторического наследия на долгие семь десятилетий. Под влиянием жесткой критики Нечкина изменила свои представления и в 1925 г. уже сама применила классовый метод к изучению явления сугубо духовного порядка – научного творчества Ключевского. Результаты этого применения были печальны – они не дали ничего, но зато сильно затормозили развитие научно-историографического знания. Прежде плодотворный труд стал бесплодным. Таким образом, попытка Нечкиной предостеречь исследователей от ошибок классового подхода, предпринятая в ее первом научном труде, оказалась напрасной. Альтернативный путь развития отечественного исторического знания, на котором марксизм мог быть критически переосмыслен и сопряжен с предыдущими достижениями исторической мысли, был жестко пресечен.

Список литературы

1. «…И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Е.Р. Кураповой. М., 2013.

2. Архив РАН. Ф. 1820 (Нечкиной). Оп. 1. Д.254 (Мысли о книгах).

3. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 1, 2.

4. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1.

5. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма: (Историографический очерк). Казань, 1922.

6. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

7. Дитякин В.Т. Пустая ученость. Рец. на кн.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922 // Казанский библиофил. 1923. № 4.

8. «Очень много дел…». Из «деловых дневников» 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной / Публ. подг. Е.Р. Курапова // Отечественные архивы. 2004, № 6.

9. Линсцер Г. Несколько слов о критике и критиках (По поводу отзыва Дитякина о книге Нечкиной) // Казанский библиофил. 1923. № 4.

10. Невский В.И. Рец. на кн.: Русская история в освещении экономического материализма // Печать и революция. 1923. Кн. 7.

11. Фирсов Н.Н. Рец. на кн.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922 // Коммунистический путь. 1923. № 2 (22).

12. Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 5 (Доклад о Ключевском на историографическом семинаре М.Н. Покровского в Институте красной профессуры).

13. «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». Письма к М.В. Нечкиной. 1923-1927 гг. / Подг. Е.Р. Курапова // Исторический архив. 2007. № 6.

14. Шестаков А.В. М.Н. Покровский – историк-марксист // Историк-марксист. 1928. Т. 9.

15. Степанов Н. Рец. на кн.: М. Цвибак. Рожков – историк. – Ташкент. 1927 // Историк-марксист. 1928. Т. 9.

16. Кривошеина Е. Воинствующий историк-большевик // Комсомольская правда. 1928. 25 окт.

17. Письмо М.В. Нечкиной в редакцию журнала «Историк-марксист» // История в человеке. Академик М.В. Нечкина, М., 2011.

18. Нечкина М.В. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1929. Т. 11.

19. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 2008.

20. Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1.

21. Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2.

22. Ярославцев Я.А. Милица Нечкина. Литературно-психологический очерк. М., 2010.

THE FIRST BOOK BY M.V. NECHKINA: ITS SCIENTIFIC VALUE AND HISTORIOGRAPHICAL DESTINY

The first scientific work of M.V. Nechkina - "Russian history in the coverage of economic materialism" - was published in Kazan in 1922. Since then, almost a century has passed, but during this time it has not become the object of historiographical study. The reason for this – the difficult fate of the book, which immediately after the publication was subjected to crushing criticism, and since then removed from the domestic historical heritage for seven decades. The object of criticism was the conclusion of M.V. Nechkina about the inapplicability of the class method to the study of the phenomena of spiritual (cultural) life. This conclusion was made by Nechkina in the course of an independent multi-difficult study and reflected the contradiction between the primitive narrow-class approach to history and the complex nature of the phenomena of the spiritual order. Nechkina continued the tradition of historiographical study, founded in the late XIX century Milyukov, and at the same time was able to give an objective assessment of the new direction in the national historical science – historical materialism. The article analyzes the conditions for the creation of the first book by Nechkina, the course of its writing, sources and method of research, its place and importance in the scientific literature of the early 1920s, as well as the reaction of critics and the reasons for their sharp assessments.

Keywords: first scientific work, Russian history, economic materialism, M.N. Pokrovsky, N.A. Rozhkov, N.N. Firsov, historiographical method, criticism, class method.

References

1. E.R. Kurapova (2013) «…I muchilas', i rabotala neveroyatno». Dnevniki M.V. Nechkinoj ["...And suffered, and worked incredibly". The Diaries Of M.V. Nechkina]. Moscow.

2. Arhiv RAN. F. 1820 (Nechkinoj). Op. 1. D.254 (Mysli o knigah). [Archives of RAS. F. 1820 (Nechkina). Op. 1. D. 254 (Thoughts on books)].

3. Dnevniki akademika M.V. Nechkinoj [Diary of the academician M.V. Nechkina] // Voprosy istorii [Questions of history] // 2005. No. 1, 2.

4. Milukov P.N. (1897) Glavnye techeniay russkoy istoricheskoy mysli. T. 1 [The main currents of Russian historical thought. Vol.1.]. Moscow.

5. Nechkina M.V. (1922) Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma: (Istoriograficheskij ocherk) [Russian history in the coverage of economic materialism: (Historiographical essay)]. Kazan'.

6. Kareev N.I. (1996) Osnovy russkoj sociologii. [Basics of Russian sociology]. SPb.

7. Dityakin V.T. [1923] Pustaya uchenost'. Rec. na kn.: Nechkina M.V. Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma. Kazan', 1922 [Empty scholarship. Retz. on kn.: Nechkina, M. V. Russian history in the light of economic materialism. Kazan, 1922] // Kazanskij bibliofil. [Kazan bibliophile]. № 4.

8. E.R. Kurapova (2004) «Ochen' mnogo del…». Iz «delovyh dnevnikov» 1922–1923 gg. akademika M.V. Nechkinoj ["A lot to do..." From" business diaries " 1922-1923 academician M.V. Nechkina] // Otechestvennye arhivy [Domestic archive]. № 6.

9. Linscer G. (1923) Neskol'ko slov o kritike i kritikah (Po povodu otzyva Dityakina o knige Nechkinoj) [Few words about the criticism and critics (about Detkina opinion about the book Nechkina)] // Kazanskij bibliofil [Kazan bibliophile]. No. 4.

10. Nevskij V.I. (1923) Rec. na kn.: Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma [Reetz. on kN.: Russian history in the coverage of economic materialism] // Pechat' i revolyuciya. [Press and revolution]. Kn. 7.

11. Firsov N.N. (1923) Rec. na kn.: Nechkina M.V. Russkaya istoriya v osveshchenii ehkonomicheskogo materializma. Kazan', 1922 [Retz. on kn.: Nechkina, M. V. Russian history in the light of economic materialism. Kazan, 1922] // Kommunisticheskij put' [Communist way]. No. 2 (22).

12. Arhiv RAN. F. 1820. Op. 1. D. 5 (Doklad o Klyuchevskom na istoriograficheskom seminare M.N. Pokrovskogo v Institute krasnoj professury) [(Report on Klyuchevsky at the historiographical seminar M. N. Pokrovsky At the Institute of red professors)].

13. E.R. Kurapova (2007) «Kak chudno zhit', ponimat' i uchastvovat' v ehtoj zhizni». Pis'ma k M.V. Nechkinoj. 1923-1927 gg. ["How wonderful to live, understand and participate in this life." Letters to M.V. Nechkina. 1923-1927] / Podg. E.R. Kurapova // Istoricheskij arhiv [Historical archive]. No. 6.

14. Shestakov A.V. (1928) M.N. Pokrovskij – istorik-marksist [Pokrovsky-Marxist historian] // Istorik-marksist [The Marxist Historian]. Vol. 9.

15. Stepanov N. (1928) Rec. na kn.: M. Cvibak. Rozhkov – istorik. Tashkent. 1927 [Rec. on kn.: M. Zwiback. Rozhkov-historian. Tashkent. 1927] // Istorik-marksist [The Historian-Marxist]. Vol. 9.

16. Krivosheina E. (1928) Voinstvuyushchij istorik-bol'shevik [Militant historian-Bolshevik] // Komsomol'skaya pravda [Komsomolskaya Pravda]. 25 okt.

17. Pis'mo M.V. Nechkinoj v redakciyu zhurnala «Istorik-marksist» [M.V. Nechkina's letter to the editorial office of the journal "Marxist Historian"] // Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina [History in man. The Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

18. Nechkina M.V. (1929) Pis'mo v redakciyu [Letter to the editor] // Istorik-marksist [The Historian-Marxist]. Vol. 11.

19. Rubinshtejn N.L. (2008) Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. M.

20. Najdenov M.E. (1961) Problemy periodizacii sovetskoj istoricheskoj nauki [Problems of periodization of the Soviet historical science] // Istoriya SSSR [History of the USSR]. No. 1.

21. Nechkina M.V. (1962) K itogam diskussii o periodizacii istorii sovetskoj istoricheskoj nauki [To the results of the discussion on the periodization of the history of Soviet historical science] // Istoriya SSSR [History of the USSR]. No. 2.

22. Yaroslavcev Y.A. (2010) Milica Nechkina. Literaturno-psihologicheskij ocherk [Militsa Nechkina. Literary and psychological essay]. Moscow

Об авторе

Исмаилова Зулейха Адил-кызы – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

УДК 94(4)

Кулинич А.А., аспирант, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского (Россия)

РУКОПИСНАЯ КОПИЯ СТАТЕЙНОГО СПИСКА П.А. ТОЛСТОГО В СОБРАНИИ ПАНИНЫХ – БЛУДОВЫХ

Статья посвящена рассмотрению рукописи № 3170 из фонда Паниных-Блудовых (РГАДА), которая до сих пор мало привлекала внимания исследователей. Рукопись представляет собой копию статейного списка русского посла в Османской империи П.А. Толстого за 1708 - 1710 гг. Статейные списки П.А. Толстого являются одним из важнейших источников по истории русско-турецких отношений в начале 18 века. Подлинник статейного списка 1710 года до настоящего времени в архивах не найден, в связи с этим особую ценность приобретает его неполная рукописная копия. На основе текста рукописи за 1710 год в статье раскрывается характер дипломатической деятельности П.А. Толстого перед русско-турецкой войной. В анализируемом в работе источнике даны сведения о предоставлении русскому послу новой резиденции, о попытке провести тайные переговоры с великим визирем Нуман-пашей, дополнительные детали о подстрекательстве к войне с Россией европейских послов и подстрекательстве самого Толстого к войне с Венецией. Записи статейного списка фиксируют резкий перелом в русско-турецких отношениях с момента назначения великим визирем Балтаджи Мехмед-паши в сентябре 1710 года. Русский посол уже к концу сентября сумел вовремя определить неизбежность разрыва русско-турецкого мира, который произошел 11 ноября 1710 года.

Ключевые слова: статейные списки, русско-турецкая война 1710-1713, П.А. Толстой, Османская империя, Российская империя.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-73-80

В ходе Северной войны одной из важнейших задач внешней политики Российского государства было предотвращение военного конфликта с Османской империей. Неудивительно, что русско-турецким отношениям начала XVIII в. посвящено множество работ. Наиболее крупные исследования связаны с именами А.Н. Курата, С.Ф. Орешковой, Т. К. Крыловой, Т.А. Базаровой [2, 3, 5, 14].

Основным источником для работ, посвященных русско-турецким отношениям эпохи Петра Первого стали статейные списки первого постоянного посла в Стамбуле Петра Андреевича Толстого, представлявшие собой подробные отчеты о его деятельности в Османской империи.

В XV в. статейные списки фиксировали выполнение статей наказов и инструкций. За 300 лет бытования статейных списков изменились их первоначальная структура и содержание. Текст перестал располагаться по статьям, однако отчеты послов и посланника продолжали сохранять привычное название [2, с. 117]. Несмотря на то, что к началу XVIII в. составление статейных списков постепенно себя изживало, первый постоянный русский посол в Стамбуле П.А. Толстой получил прямое указание вести статейный список. Согласно инструкции, ему надлежало «что у него, посла, в том посольстве, едучи к Царю-городу и будучи в Царе-городе, и едучи оттуда к Москве, учинится, и то все записать подлинно вправду, и тому всему учинить статейный список, и закрепить ему, послу, своею рукою» [2, с. 123].

Статейный список за 1702-1709 гг. сохранился в РГАДА в фонде 89 (Сношения России с Турцией). Была высказана версия, что отсутствие в архивах статейного списка за 1710 г. связано с его уничтожением во время ареста Толстого в ноябре 1710 г. [5, с. 16]. Однако это не объясняет того факта, почему в фонде 89 также не сохранился статейный список за последние месяцы 1709 г. [7].

Ввиду отсутствия статейного списка за 1710 г. при рассмотрении русско-турецких отношений в канун войны исследователи привлекали переписку послов европейских государств. К настоящему времени уже опубликованы переписка за 1710 г. английского посла Р. Саттона, письма австрийского резидента И. Тальмана, большое число писем французских послов Ш. Фериоля и П. Дезальера [12, 14, 15]. Тем не менее, они не могут в полной мере восполнить утрату документов П. Толстого.

Картину дипломатической борьбы помогает восстановить рукописная копия статейных списков за 1708, 1709 (в том числе за сентябрь-декабрь) и за 1710 г., до сих пор

фактически не привлекавшая внимания исследователей [9]. Рукопись в кожаном переплете объемом в 272 листа на титульном листе озаглавлена «Древних времян переписки посла бывшаго в Константинополе к Государю Царю Петру Алексеевичу и другим особам». Сравнение текста рукописи за 1708-1709 гг. с подлинниками статейных списков 1708 – 1709 гг., хранящихся в фонде 89, показывает, что записи представляют собой точные копии оригиналов. На то, что записи в рукописи за 1710 г. - это копии именно с утраченного списка 1710 г., указывает также частое использование выражения: «в сем статейном списке».

Рукопись сохранилась в РГАДА в архивном фонде 1274 – фонде документов семей Паниных - Блудовых. В этом же архивном фонде находятся еще две рукописи, относящиеся к деятельности Толстого в Стамбуле:

1. Рукописный список «Описания Понта Эвксинского», который был опубликован в 2006 г. [8]. Рукопись переписана аккуратным почерком второй половины XVIII в., почти без исправлений и зачеркиваний. Бумага русская, на основе филиграней датирована И.В. Зайцевым 50-60 ми гг. 18 века [11, с. 59].

2. «Книга записная» Толстого. В рукописи находятся фрагменты статейного списка за 1702, 1704 и др. гг. [10].

Предполагаем, что все три рукописи имеют общую историю происхождения, и составление этих рукописных копий было проведено для одного заказчика. Таковым заказчиком в семье Паниных, имевшим доступ к документам Посольского приказа, был Никита Иванович Панин. С 1762 г. он фактически руководил внешней политикой страны и заведовал всеми делами Коллегии иностранных дел. Событием, вызвавшим потребность в копиях, по-видимому, была русско-турецкая война 1768 – 1774 гг.

Существование копии статейного списка за 1708 - 1710 гг. опровергает версию, что статейный список 1710 г. был уничтожен в Стамбуле во время ареста Толстого. Можно предположить, что утрата самого статейного списка 1710 года вместе с частью статейного списка 1709 г. произошла не ранее второй половины XVIII в. и в России, а не в Турции.

Статейные списки Толстого представляли собой поденные записи. В первую очередь в список заносились тексты писем, полученных и отправленных послом, записи с содержанием переговоров, проводимых Толстым в Стамбуле с турецкими чиновниками, а также тексты донесений агентов русского посла. Помимо этого, в качестве приложений добавлялись копии различных документов: реляций, доношений и пр.

Т.К. Крылова в статье, посвященной анализу статейных списков, установила, что запись статейного списка происходила в месте пребывания посла [4, с. 179]. Ввиду этого, а также учитывая, что записи в статейный список делались практически ежедневно, и целью списка было «дать подлинно вправду», обнаруженную копию статейного списка можно считать одним из наиболее достоверных и полных источников информации по русско-турецким отношениям в начале XVIII в.

В рукописи находятся записи за месяцы: февраль – июль (лл. 181 - 244 об.), далее идут записи за октябрь (лл. 245 - 268 об.), после них за 19-25 сентября (лл. 269 - 272 об.). Самая ранняя запись – от 2 февраля, последняя по времени запись – от 26 октября.

Ключевыми взаимосвязанными проблемами в русско-турецких отношениях в 1710 г. были проблемы сохранения мира и выдворения Карла XII из турецких земель. В целом, согласно записям статейного списка, после заключения мирного договора в январе 1710 г. в русско-турецких отношениях наступил период относительного спокойствия. 1 апреля Толстой писал Головкину о том, что «двор оттоманской утвержден в прежнем намерении еже имети любовь с царским величеством ненарушимо» [9, л. 202 об.]. Во многом это было связано с позицией великого визиря Чорлулу Али-паши.

При подтверждении мирного договора было решено отправить шведского короля лишь с его людьми, т.е. со шведами, без казаков-мазепинцев, в сопровождении турецкого отряда в 500 человек, которому поручалось передать Карла XII на польской границе русскому отряду [5, с. 70]. Карл XII был крайне недоволен столь малым конвоем и выдвигал все более и более завышенные требования. Благодаря своим агентам Толстой хорошо знал положение в лагере шведского короля и о

его серьезных разногласиях с великим визирем Чорлулу Али-пашей. Интриги шведского короля способствовали тому, что Али-паша был смещен с должности 4 июня 1710 г., и новым визирем стал Кёпрюлю Нуман-паша.

Уровень русско-турецких отношений к началу правления визиря Нуман-Паши в целом был известен благодаря сохранившимся письмам Толстого от 13 мая и 17 июня. На основания донесений посла в Москве ожидали агрессивных действий в отношении Речи Посполитой. В соответствии с этим русским правительством был принят ряд мер военного и дипломатического характера [6, с. 667]. Петр Первый 17 июля 1710 г. отправил грамоту султану, оставшуюся без ответа, с согласием о проезде Карла «чрез всю Польшу до Померании или до Шлезии или до Венгер» с турецким конвоем в размере до 3000 человек [6, с. 233 - 236].

С приходом к власти Нуман-Паши связывают ухудшение отношений с Россией. Подтверждением этому находили в словах французского посла барона Фериоля, который утверждал, что Нуман-Паша действует в интересах Франции. В статейном списке Толстой опровергает заявления Фериоля, называя их в письме к А.А. Матвееву «великой ложью» [9, л. 260].

Одним из примеров доброжелательного отношения турецкого правительства к русскому послу было разрешение Нуман-Паши на переезд в новую резиденцию. До сего времени предполагалось, что до объявления Портой войны русская дипломатическая миссия более резиденции не меняла, а проживала близ городовых стен [2, с. 81]. В то же время все остальные послы проживали в районе Галата, в европейской части Стамбула. Однако записи статейного списка 1710 г. говорят, что переезд в Галату с предоставлением новой резиденции все-таки состоялся. Радостное для Петра Андреевича событие произошло в конце июня – начале июля [9, л. 230 об.]. Проживание в Галате, с одной стороны, стало шагом к уравниванию статуса русского посла с другими послами. С другой стороны, жизнь в Галате позволяла Толстому вести более активные и частые разговоры с европейскими жителями и гостями Стамбула.

Более того, статейный список сообщает о попытке Толстого провести тайные переговоры с великим визирем Нуман-пашей. 10 июля к послу приходил доктор Мушюдук, который дважды в неделю бывал у визиря. Используя его как посредника, Толстой указал ему передать визирю предложение о ночной встречи. На следующий день к послу прибыл пристав Асан Ага и передал, что визирю «то угодно», но принять у себя отказался: «в везирском де доме множество людей бывает всегда, а когда де о том прослышится и то де будет многим подозрительно». Визирь предложил встретиться в доме реиз-эфенди и просил, чтоб Толстой был со своим переводчиком, т.к. переводчик Порты слишком молод, чтобы доверять ему «великие секреты» [9, л. 235 об.].

Последующие листы с записями статейного списка вплоть до увольнения Нуман-паши в сентябре, отсутствуют. Состоялись ли тайные переговоры Нуман-паши с Толстым, и каково могло быть их содержание, остается неизвестным. В любом случае, результата они не имели, так как Нуман-паша был уволен уже на 63 день своего правления.

Деятельность послов ведущих европейских держав в Османской империи в 1710 году детально разобрана в монографии С.Ф. Орешковой, в которой она показала их общее стремление к разрыву русско-турецкого мира [5, с. 190]. Статейный список Толстого дает дополнительные сведения об интригах европейских послов. Ключевую роль в содействии шведам оказывали французские представители. В переписке с Толстым посол в Нидерландах А.А. Матвеев весьма метко и образно охарактеризовал действия посла Франции маркиза Дезальера: «С виду друзья, а з другой стороны при Порте молотами обивают головы наши из всей души своей» [9, л. 253]. Австрийский резидент Иоганн Тальман сообщал туркам об имперских притязаниях Петра Первого, распространяя слухи, якобы царевич Алексей в Вене жену берет цесарскую. Провокации Тальмана вызвали подозрение, что и он подкуплен французами [9, л. 240].

Английское правительство действовало тоньше, открыто не вступая за русско-турецкую войну. В связи с этим мнения историков о позиции Англии разделились. Косвенно подтверждает версию о том, что Англия тайно содействовала разрыву мира, упоминание в рукописи о поездке генерала Ламберта

в Османскую империю. Посол Матвеев от своих агентов весной 1710 г. узнал, что генерал-инженер Ламберт поехал из Лондона в турецкие земли ссорить с Россией и говорить всем, что он якобы слышал от царя хулу на турок и предложит услугу: тайно сжечь может корабли в Азове и на Воронеже [9, л. 217]. О результатах деятельности Ламберта в копии статейного списка не сказано.

Общение с послами, и с рядовыми европейцами в Стамбуле проходило в атмосфере постоянного недоверия и подозрения. Как пояснял Толстой, «не можем верити никому иноверным ибо преуспеяния нашего все имоверныя ненавидят» [9, л. 204].

Вместе с тем, методы Толстого не слишком отличались от методов иных послов. Будучи в достаточно доверительных отношениях с венецианцами, тем не менее, летом 1710 г. посол провоцировал турок на войну с Венецией.

В ходе своих переговорах с реиз-эфенди - должность примерно соответствовала должности министра иностранных дел в европейских странах, но с меньшими полномочиями - Толстой внушал ему идею войны с Венецией, отмечая, что эта война для Турции «будет с великим пожитком и великою славою». В свою очередь, Толстой в случае объявления о разрыве мира с венецианцами обещал, что «царское величество повелит ему послу с Портою учинить нейтральство» [9, л. 236 об.].

У турок действительно были серьезные причины объявить войну Венеции. Потеря турками в прошлой войне Мореи, 300 лет до этого находившейся во власти турок, воспринималось ими особенно болезненно. Морея стала наиболее близкой к столице Османской империи вражеской территорией, ранее приносившей значительный доход в казну. Война с Венецией могла прельщать турецкое правительство и тем, что в военном отношении венецианцы были наиболее слабым звеном бывшей Священной Лиги. При всем этом попытки Толстого внушить туркам идею войны с Венецией не имели шансов на успех, так как в отличие от шведского короля Карла 12 он не мог предложить военный союз России и Османской империи.

По донесениям иностранных послов складывается впечатление, что период сентября - октября 1710 г. был временем относительного затишья и спада напряженности. В письме от 20 сентября 1710 г. Саттон писал в Лондон, что «нет ни малейшего вида о разрыве с поляками и Московией» [15, p. 21]. В письме от 28 октября 1710 г. Тальман выражал уверенность, что «Порта считает необходимым для соблюдения приличий не идти на разрыв отношений с соседями» [12, с. 73.].

Сохранившиеся в копии статейного списка письма Петра Андреевича за сентябрь-октябрь 1710 г. противоречат данным европейских резидентов. И наоборот, свидетельствуют, что резкий перелом во внешней политике Османской империи связан с личностью и убеждениями нового визиря Балтаджи Мехмед-паши. Балтаджи был наиболее враждебным по отношению к России и лично к Толстому в отличие от иных визирей. Его предыдущее правление в 1704-1706 гг. в качестве великого визиря ознаменовалось угрозами Толстому лишить его жизни, и русский посол некоторое время был заперт на своем посольском дворе. Однако до войны с Россией в 1704-1705 гг. дело не дошло. Спасли от войны в прошлое правление Балтаджи не только и не столько действия Толстого, сколько отсутствие в казне необходимого количества средств.

В своем донесении канцлеру Г.И. Головкину от 20 сентября Толстой подчеркивал, что «до приезду сего нового везиря не имела порта намерения чинить противности к стороне царского величества и когда сей везирь сюда приехал начал все чинить по своему изволению как ему понравилось и того ради всегда в стороне царского величества подобает иметися осторожности» [9, л. 270 об.]. Толстой хорошо осознавал, что ему будет уготовано новым визирем, и в письме Шафирову 20 сентября предсказал свои будущие лишения: «А я на всяк день ожидаю что меня запрут на моем дворе или учинят и тяжелейше … ибо сей везирь мегмет паша хотя и добронравен обаче безразсуден, и что ему понравится чинит скоро без разсмотрения» [9, л. 271 об.].

Балтаджи Мехмед-паша с момента своего приезда 15 сентября в Стамбул открыто показывал, что дело идет к явному разрыву мира с Россией. После своего назначения новый великий визирь традиционно принимал

иностранных послов. В этот раз Балтаджи принял всех послов, исключая Толстого. Тальман сообщал в Вену, что всему виной личное нежелание Толстого: «Московский посол из-за спора о преимущественном праве с французским послом более ни разу, невзирая на столь критическое положение, не пожелал получить аудиенции у великого визиря …» [12, с. 85]. Слова Тальмана были ложью. В письме 1 октября Толстой сокрушался, что «везирь новой Мегмет паша ни малыя ко мне склонности не показует ни же хочет со мною свидетися и принять грамоты царского величества которые имею» [9, л. 245]. Толстой довольно отчетливо понимал, что объявление войны – вопрос времени. В письме Головкину от 1 октября он еще раз резюмировал, что «настоящей везирь конечно склонен к разорванию мира с нами» [9, л. 245 об.].

Было бы преувеличением называть нового визиря сторонником Франции или тем более ярым сторонником Карла XII. Балтаджи Мехмед-паша, судя по его прошлому правлению, был сторонником антироссийских действий задолго до приезда шведского короля в Бендеры и активных интриг европейской дипломатии. Для Балтаджи Мехмед-паши Карл скорее был «ситуативным союзником» в деле склонения султана к войне. Несмотря на склонность визиря к разрыву мира, принять решение о войне мог только султан. Интересы Балтаджи, Карла XII и крымского хана сошлись в одном направлении.

Тем временем фиксировавшиеся в статейном списке события сентября-октября 1710 г. явственно показывали, что Порта нацелилась на войну с Россией. Во-первых, был сменен янычар ага - глава янычар - один из важнейших руководителей османской армии. Во-вторых, в крепости северного Причерноморья были отправлены многочисленные припасы, пушки, бомбы, ядра. В - третьих, в Стамбул были вызваны крымский хан и Юсуп-паша, бендерский сераскер.

Итак, кажущийся спад напряженности в русско-турецких отношениях в период сентября-октября 1710 года был вызван попыткой усыпить бдительность в условиях, когда решение о войне уже принято. В отличие от своих европейских коллег, Толстой не доверял заверениям Балтаджи о мире: «обаче я оными ево словами не могу уверитися..» [9, л. 245 об.]. Толстой хорошо знал нового визиря и уже в середине сентября дал верный прогноз о неизбежности войны: «А ныне доношу чтобы рати царского величества приступили к самым границам понеже турки хотя и подлинно намерены будут с ними начав войну но ныне того учинить не могут и будут продолжать до весны» [9, лл. 269 об. – 270]. Таким образом, Толстой выполнил успешно одну из своих задач – своевременно предупредил о неизбежном разрыве мирных отношений с турками. Другое дело, что ни одно из этих писем не дошло вовремя до русского правительства.

Осознавая, что турки решительно настроены к войне с Россией, Толстой понимал, что методы подкупа и переговоров уже бесполезны и сам перешел к резким и даже жестким мерам.

Летом-осенью 1710 г. первую скрипку в партии соблазнения турок стал играть киевский воевода Юзеф Потоцкий. 19 сентября получил русский посол ведомость от переводчика французов Доминика Форнеты о том, что воевода киевский был у визиря, и «обещал всю Польшу в подданство туркам и что будут платить трибут повсегодно по четыре миллиона золотых червонных» [9, л. 269].

Видя опасность речей Потоцкого, Толстой решился на отравление киевского воеводы. В.А. Артамонов в своем исследовании привел письмо русского эмиссара в Венеции М. Каретты к Петру I из Вены 14 апреля 1713 г., доказывающее попытку отравления. В письме Каретта проясняет причину провала и раскрытия тайной операции: «Господин Толстой дал мне комиссию… о Потоцком…и вашему величеству тогда о той донесено. И оная не успела по намерению вашего величества, потому что оной Потоцкой имел верного слугу, которой его пожалел» [1, с. 165].

Статейный список сообщает немного об истории с отравлением. В письме Матвееву 11 октября 1710 г. посол говорил о Потоцком, которого «якобы я намерен оного отравою умертвити и лукавно сплетенные к тому некоторые показал знаки обаче правда…» [9, л. 260 об.]. Письмо после этих слов обрывается и далее в рукописи идет содержание другого письма, а именно, сообщение Толстого о срочном отъезде в Россию доктора Паликалы с женой «наипаче чтобы секреты наши не

были явны того ради ныне его отпустил» [9, л. 261]. Георгий Паликала был личным врачом русского посла, имел свою аптеку в Стамбуле [13, с. 142]. В России, куда он перебрался, он был наиболее известен в связи с ходившими слухами о его участии в отравлении Марии Кантемир. Поспешное бегство доктора, обладающего некими секретами, сразу после обвинений в отравлении Потоцкого дает почву для подозрений в его участии в отравлении киевского воеводы. Попытка отравления столь высокопоставленного гостя в столице Империи не могла не вызвать гнев турецких чиновников и еще больше убеждала их в агрессии Российского государства.

Иерусалимский патриарх, будучи одним из главных информаторов Толстого, не одобрял перехода Толстого к резким действиям, опасаясь, что это приведет к войне. В связи с продажей российских невольников, которых открыто водили по домам, Толстой подготовил мемориал – резкую отповедь действиям Порты. В рукописной копии статейного списка содержится письмо патриарха с советом не подавать доношения: «Ежели ваша чесность имеет намерение чтоб возжечь смущение и явную вражду, то да подает, а ежели имеет намерение, чтоб еще продолжать время то да не подает» [9, л. 247].

Таким образом, статейный список иллюстрирует значительные изменения в характере дипломатической деятельности Толстого, который к осени 1710 года перешел к тактике жестких решительных действий.

Демонстрируя явную враждебность к Российскому государству, турецкие власти приказывали задерживать людей с российской дипломатической почтой. С целью сохранения сведений в секрете, все письма Толстого к канцлеру Г.И. Головкину были зашифрованы. Шифр, который использовал Толстой, был традиционным для того времени. Для понимания такого шифра не требовалось много времени и знания ключа. В итоге, письма Толстого были турками успешно расшифрованы, что подтверждается письмом Ионакия Маврокордата русским послам в 1711 г.: «объявляя, будто прежняя цыфирь наша, с послом бывшая, розбирана у них» [2, с. 210].

Одним из таких писем, которое не дошло до Посольской канцелярии, но обнаружено в копии статейного списка 1710 года, было письмо от 20 сентября. В нем Толстой предложил отправить письма к бендерскому сераскеру Юсуп-паше с угрозой вторжения русской армии в Валахию и Молдавию, причем выраженной в откровенно издевательской форме: «Чтобы он дал квартиры ратем царского величества в волоской и мутьянской землях яко приятельским и что они никаких обид подданым султанского величества не учинят… подобает дать квартиры и ратем царского величества не для чего иного токмо для лутчего содержания мирных договоров» [9, л. 270]. Логика Толстого была такова: «и когда сие услышат турки авось либо убоятся, понеже ныне к войне не готовы и могут разсудить, что желая себе получить в подданство Польшу, скорейше потеряют сия провинцыи мутьянскую и волоскую и прочие, понеже рати царского величества во оные провинции вступить могут скоро, и трудно будет туркам выбивать их вон, и тогда, мнится мне, короля шведского вышлют из своей области безвременно» [9, л. 270 – 270 об.].

Ни разу в предыдущие кризисные моменты русско-турецких отношений, Толстой не предлагал явно угрожать туркам вторжением в их владения. Попав к туркам, письмо с угрозой вторжения русской армии в Валахию и Молдавию могло выглядеть как наглядное документальное доказательство агрессивных планов России. Шведские дипломатические представители в Турции и особенно генерал Понятовский с момента приезда в 1709 г. распространяли в султанском окружении слухи о том, что для Турции существует угроза русского нападения [5, с. 77 - 78]. Имея на руках расшифровки писем Толстого, легче было поверить в любую антироссийскую пропаганду, распространяемую шведами и французами.

9 ноября 1710 г. после долгих ночных совещаний, султан Ахмед III принял решение объявить войну России, о чем было официально объявлено 11 числа после получения фетвы (указа) от муфтия. Уже через несколько дней Толстой был схвачен и доставлен в тюрьму Семибашенного замка.

Почему война была объявлена раньше, несмотря на то, что османское войско могло быть готово к походу только весной? 14 ноября Толстой сумел отправить письмо Матвееву, в котором назвал виновниками разрыва

мира французского посла Дезальера и крымского хана Девлет-Гирея [5, с. 82].

Если оценивать всю переписку Толстого в совокупности с данными других источников, то можно разделить процесс принятия решений на два этапа. Общее решение о войне с Россией, что являлось обычным делом для планирования любой войны, как в то время, так и позднее, было принято задолго до официального объявления, в сентябре 1710 г. после прихода к власти Балтаджи Мехмед-паши. И, как предполагал Толстой, срок начала войны был назначен на весну 1711 г. А уже итоговое объявление о войне, с переносом сроков на начало ноября связано с приездом крымского хана Девлет-Гирея и действиями нового французского посла Дезальера. Конечно, причины войны с Россией не сводятся только к действиям Балтаджи Мехмед-паши, Девлет-Гирея и европейцев. Полноценное рассмотрение комплекса причин объявления войны с Россией требует отдельного исследования, для которого копия статейного списка Толстого будет одним из важнейших источников.

Таким образом, рукописная копия статейного списка из собрания Паниных – Блудовых предстает уникальным источником о жизни и деятельности русского посла в Стамбуле П.А. Толстого в 1710 году. Записи рукописи сообщают множество сведений о событиях, которые неизвестны по другим источникам. Активное использование статейного списка за 1710 год, пусть и в виде фрагментированной копии, позволит значительно дополнить известную картину дипломатической борьбы в Стамбуле начала XVIII в.

Список литературы

1. Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714). М.: Наука, 1990. 208 с.

2. Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.

3. Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 250 – 279.

4. Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов. (1700—1714 гг.). // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 163—181.

5. Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М.: Наука, 1971. 205 с.

6. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Том 10. (1710 г.). 875 с.

7. РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1709 год. Д. 1. Статейный список Ближнего Стольника Петра Толстого.

8. РГАДА. Ф. 1274. Панины и Блудовы. Оп.1. Д. 3077. Записки русского посла в Константинополе П.А. Толстого о Черном Море.

9. РГАДА. Ф. 1274. Панины и Блудовы. Оп.1. Д. 3170. Переписка русского посла в Константинополе П.А. Толстого

10. РГАДА. Ф. 1274. Панины и Блудовы. Оп.1. Д. 3171. Книга записная всяким ведомостям графа П.А. Толстого.

11. Толстой П.А. Описание Чёрного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М.: Наталис, 2006. 302 с.

12. Турция накануне и после полтавской битвы. (Глазами австрийского дипломата М. Тальмана). М.: Наука, 1977. 104 с.

13. Ястребов А.О. Петр Толстой и папа Климент XI. Первый русский посол в Константинополе и его связи с католической церковью. // Церковь и время. 2018. №4. С. 129 – 149.

14. Kurat A. N. Prut seferi ve barisi 1123(1711). Ankara, 1951-1953. Vol.1-2. 888 s.

15. Sutton R. The despatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinopole (1710-1714), ed. by A.-N.Kurat. London, 1953. 220 p.

HANDWRITTEN COPY OF P.A. TOLSTOY'S "STATEINYI SPISOK" FROM THE ARCHIVAL FUND PANINY – BLUDOVY.

The article is devoted to the study of the manuscript № 3170 from the fund 1274. Paniny-Bludovy (RGADA). The manuscript is a copy of the report («stateinyi spisok») of the Russian ambassador in the Ottoman Empire, P.A. Tolstoy for the years 1708-1710. «Stateinyi spisok» is one of the most important sources for the history of Russian-Turkish relations in the early 18th century. The original «Stateinyi spisok» for the 1710 year has not been found in the archives. Therefore, an incomplete handwritten copy has a special historical value. The article reveals the nature of the diplomatic activity of P.A. Tolstoy before the Russian-Turkish war, based on the text of this manuscript. The records fix a sharp change in the Russian-Turkish relations since the appointment of Baltaji Mehmed Pasha as the Grand Vizier in September 1710. By the end of September, the Russian ambassador was able to determine in time the inevitability of the Russian-Turkish war, which began on November 9, 1710.
Keywords: stateinye spiski, the Russo-Turkish War of 1710-1713, P.A. Tolstoy, Ottoman empire, Russian empire.

References

1. Artamonov, V.A. (1990). Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoi pobedy (1709-1714) [Russia and the Polish–Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory]. Moskva: Nauka.
2. Bazarova, T.A. (2016). Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateinye spiski P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. (Issledovanie i teksty) [Russian Diplomats at the Ottoman Court]. SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya.
3. Krylova, T. K. (1941). Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoi voiny [Russian-Turkish relations during the Northern War] // *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 10, 250 – 279.
4. Krylova, T. K. (1961). Stateinye spiski petrovskikh diplomatov. (1700—1714 gg.) ["Stateinye spiski" of the Russian ambassadors]. // *Problemy istochnikovedeniia* [Problems of source study], 9, 163 – 181.
5. Oreshkova, S.F. (1971). Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII veka. Moskva: Nauka, 1971. [Russian-Turkish relations at the beginning of the 18th century].
6. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 10. (1710 g.). [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
7. RGADA. F. 89. Snosheniya Rossii s Turtsiei. Op. 1. 1709 god. D. 1. Stateinyi spisok Blizhnego Stol'nika Petra Tolstogo.
8. RGADA. F. 1274. Paniny i Bludovy. Op.1. D. 3077. Zapiski russkogo posla v Konstantinopole P.A. Tolstogo o Chernom More.
9. RGADA. F. 1274. Paniny i Bludovy. Op.1. D. 3170. Perepiska russkogo posla v Konstantinopole Tolstogo P.A.
10. RGADA. F. 1274. Paniny i Bludovy. Op.1. D. 3171. Kniga zapisnaya vsyakim vedomostyam grafa P.A. Tolstogo.
11. Tolstoi, P.A. (2006). Opisanie Chernogo morya, Egeiskogo arkhipelaga i osmanskogo flota [Description of the Black Sea, the Aegean archipelago and the Ottoman fleet]. Moskva: Natalis.
12. Oreshkova, S.F. (1977). (ed.). Turtsiya nakanune i posle poltavskoi bitvy. (Glazami avstriiskogo diplomata M. Tal'mana) [Turkey on the eve and after the battle of Poltava]. Moskva: Nauka.
13. Yastrebov, A.O. (2018). Petr Tolstoi i papa Kliment XI. Pervyi russkii posol v Konstantinopole i ego sviazi s katolicheskoi tserkov'iu. [Peter Tolstoy and pope Clement XI]. // *Tserkov' i vremia* [Church and time], 4, 129 – 149.
14. Kurat, A.N. (1951-1953). Prut seferi ve barisi 1123(1711). Ankara.
15. Sutton, R. (1953). The despatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinopole (1710-1714). London.

Об авторе

Кулинич Александр Александрович – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: al_kulinich89@mail.ru

Kulinich Alexander Alexandrovich – postgraduate student, Bryansk State University named after I.G. Petrovskii (Russia), E-mail: al_kulinich89@mail.ru

УДК 94(73)

Левин Я.А., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

ВЛИЯНИЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ[1]

В статье раскрывается необычная для исследований по истории ФБР тема, а именно, влияние процесса распада колониальной системы на деятельность этой спецслужбы. Перемены произошедший после Второй мировой войны, начало Холодной войны и распад колоний оказали влияние на всю мировую политику и деятельность спецслужб. Доказано, что постепенно деколонизация становится важным вектором работы Федерального Бюро расследований. Проанализировано, что одной из первых проблем, на которые обратила внимание главная служба американской внутренней безопасности стала проблема радикального сионизма, представленная деятельностью таких группировок как «Иргун Цваи Леуми» и «Лехи» («Банда Штерна»). Рассмотрен ход наблюдения и основные доступные исследователям результаты расследования. Показано, что в своей работе американские федеральные агенты во многом отталкивались от оценок и методов британских коллег из МИ-5. Показаны основные направления работы ФБР по этим организациям и их общие результаты. Проанализированы опасения, возникающие у агентов в отношении деятельности «Иргун» и «Лехи», также то, насколько аналитикам Бюро удалось понять историю данных группировок. Статья базируется на материалах архива ФБР по делу «Иргун» и литературе по истории Бюро, а также Холодной войны и деколонизации.

Ключевые слова: деколонизация, ФБР, «Иргун Цваи Леуми», «Лехи», «Хагана», США, внутренняя безопасность, Дж. Эдгар Гувер, Менахем Бегин.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-81-85

Окончание Второй мировой войны изменило геополитический порядок. Выделились два новых центра силы – США и СССР. В это же время европейские колониальные империи, ослабленные войной, начали утрачивать инициативу. Метрополии больше не отвечали чаяниям колоний, не могли поддерживать их экономически и политически, но продолжали вытягивать из них все доступные ресурсы. Вместе с проникновением в зависимые страны европейских идей независимости и построения национальных государств это привело к росту национальных движений в колониях и, как следствие, постепенному разложению колониальной системы [2, с. 323-363; 4, с. 300; 5, с. 200]. Вместе с тем, поступательно радикализирующиеся движения за независимость разрастались и создавали ячейки в разных странах, в том числе и в США. Учитывая сложное положение Соединённых Штатов, с одной стороны поддерживающих деколонизацию, а с другой выстраивающих «особые отношения» с Великобританией службы внутренней безопасности США должны были реагировать на новые вызовы. Поиск оптимальных методов противодействия антиколониальным организациям привёл ФБР к необходимости в той или иной мере заимствовать опыт британских коллег [6, pp. 1-32; 7, pp. 182-185].

Изучению Холодной войны посвящено большое количество обобщающих работ, созданных, в частности, в Институте Всеобщей истории РАН и представленных книгами таких учёных как В.В. Согрин, Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян и др. В этих работах учёными сформулированы основные причины и предпосылки глобального конфликта США и СССР, определённое внимание уделено и теме деколонизации. Более рельефно проблема деколонизации и того положения, что она занимала во внешней и внутренней политике США выделяется в работах Э. Мэка, И. Волла, Р. Комера, В. Флинна, М. Александера, Дж. Кигера, Дж. Аткинсона и др. Эти авторы детально анализируют сам процесс распада колониальных империй и выработки Соединёнными Штатами взглядов в новой геополитической ситуации. Важное место в освещении темы заняли монографические исследования по истории спецслужб США. В трудах таких авторов как М. Уорнер, М. Риблинг, Э. Теохарис, Дж. Ранело и др. освещаются проблемы с которыми сталкивалась американская разведка и контрразведка в ходе своего развития. В числе прочего изучена проблема выработки подходов спецслужб к процессу распада колоний, улучшению практик сбора информации и развитию методик влияния на политику тех или иных государств, а также защиту внутренней безопасности США.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Одной из первых проблем для ФБР, связанных с деколонизацией и предполагавшей обращение к британскому опыту организации контртеррористической деятельности как в Палестине, так в самом Соединенном Королевстве, стал сионизм. Как отмечает в своём исследовании Колдер Уолтон, федеральные агенты поначалу крайне неохотно взялись за работу по этому направлению. Так что британцам пришлось приложить определённые усилия и привлечь ФБР к работе, ссылаясь на то, что несколько лидеров сионистких радикальных группировок, в частности «Иргун Цваи Леуми» и «Лехи» были польскими евреями и вполне могли быть завербованы СССР во время Великой Отечественной войны. Кроме того и среди членов «Иргун» и «Лехи» и в некоторых официальных структурах, близких к радикальным сионистам, в частности в Еврейском агентстве в Палестине, были видные лидеры, выступавшие за сотрудничество с Советским союзом [3, с. 162-163].

Ещё одной значительной сложностью для Великобритании стала излишне осторожная позиция Эдгара Гувера в отношениях с МИ-5. Хотя Вашингтон и Лондон обменялись представителями контрразведывательных ведомств, британские эмиссары не имели полного доступа к информации ФБР в отличие от американских представителей в МИ-5. В случае с Великобританией речь идет об офицерах связи по вопросам безопасности при посольствах, координирующих контрразведывательные и, порой, разведывательные усилия страны. Особую важность офицеры связи по вопросам безопасности приобрели в эпоху деколонизации. В отдельных – наиболее успешных для метрополии – случаях достижения независимости с условием сохранения членства бывшей колонии в Британском содружестве офицеры связи по вопросам безопасности в зависимости от уровня доверия руководства новой независимой страны могли быть советниками глав государств, обеспечивать обмен разведывательной информацией с бывшей метрополией и даже руководить созданием и развитием служб правопорядка, разведок и контрразведки в бывшей колонии. В США с 1940 г. действует похожая программа «Легат» (англ. абб. Legal Attache, атташе по правовым вопросам). Формально функция атташе по правовым вопросам не выходит за рамки организации работы дипломатических представительств США в рамках законодательства страны пребывания, а также решения правовых вопросов, например экстрадиции. Однако на деле их функции шире, по сути атташе по правовым вопросам отвечают за сбор данных, вербовку и развертывание резидентур. Можно предположить, что система атташе по правовым вопросам в том виде, в котором она известна после Второй мировой войны, во многом заимствована у британских коллег [11, pp.97-106].

293 страницы файлов ФБР, датируемых 1947-1949 гг., охватывают деятельность не только «Иргун», но и «Хаганы». Файлы содержат около 85 страниц рапортов и аналитических отчётов. Досье содержат базовую справочную информацию об «Иргун» и «Хагане», хотя тема раздела их на две организации освящена очень скудно, также довольно скудно проанализирован раскол в самой «Иргун» и появление организации «Лехи» (в Великобритании и США пользовались названием «Банда Штерна»). Темы включают: Возможное нарушение «Закона о регистрации иностранных агентов» и «Закона о нейтралитете». Также анализируется реакция прессы, преимущественно еврейской, на визит в 1948 г. в США лидера «Иргун» Менахема Бегина. ФБР расследовало вопрос о том, следует ли позволить Бегину въезд в США, следует ли установить за ним слежку и в каких объёмах, необходим ли его арест и т.д. Особый интерес представляет то обстоятельство, что файлы содержат большое количество вырезок газетных статей, посвящённых противостоянию «Иргун» силам Великобритании [8].

Стоит отметить, что документы ФБР подверглись большим цензурным правкам. Из довольно небольшого количества доступных в полном объёме документов, можно сделать вывод, что федеральные агенты высоко оценивали опасность этой организации для США. Особое внимание привлекли попытки Бегина и американских представителей «Иргун» заручиться поддержкой организованной преступности. В частности, в документах встречаются указания на переговоры с «Национальным преступным синдикатом» [1, с.

395]. Что интересно, информация о результатах переговоров между представителями Бегина и организованной преступности подверглась вымарыванию. Из исследований по истории организованной преступности в США известно, что Мейер Лански, один из лидеров «Национального преступного синдиката», был активным сторонником образования государства Израиль, часто жертвовал значительные суммы денег на его развитие и в 1970-е гг., во время активного преследования ФБР, попытался укрыться именно там [9]. Логично предположить в данном случае, что, с учётом связей Лански, представители «Иргун» вполне могли договориться о помощи и поставках оружия со стороны «Синдиката».

В первую очередь интерес к «Иргун» был связан с возможностью совершения терактов на территории США, а также пропагандой и ростом еврейского национализма в Америке. В качестве возможных причин для терактов называются «упрёки со стороны отдельных лидеров в лицемерии и слабой поддержке со стороны США», однако уже в следующем абзаце аналитик Бюро пишет, что вероятность террористической активности в Штатах мала. Наиболее вероятно, что такой взгляд был связан с усиливающейся поддержкой администрации Гарри Трумэна в деле образования государства Израиль. Аналитические отчёты после 1948 г. уже не содержат указаний на возможность совершения терактов в США, хотя в это время они были организованы на территории Великобритании [8].

Куда больший интерес и беспокойство вызывает пропаганда «Иргун» среди еврейского населения Америки. Ей в документах ФБР уделено значительно большее внимание. В первую очередь опасность пропаганды связывается с большой еврейской диаспорой в США, а также опасностью роста в ней национализма и связанных с этим негативных явлений. В частности оценивая террористический потенциал «Иргун» как довольно малый, ФБР высказывало мысль об опасности появления собственно американских радикальных организаций, которые могут оказаться склонными к насилию. С целью противодействия пропаганде ФБР несколько раз вводило в американскую ячейку организации своих агентов, задачей которых было всячески препятствовать распространению материалов этой организации. В одном из итоговых отчётов результаты этой работы оцениваются как удовлетворительные [8].

Вторым по важности вопросом для федеральных агентов была связь «Иргун» с коммунистами и разведкой СССР. Все материалы, посвящённые изучению возможного коммунистического влияния, подверглись вымарыванию. Однако в итоговых отчётах содержится замечание о том, что хотя среди «Иргун» много членов, интересующихся идеями коммунизма и даже сочувственно относящихся к Советскому Союзу, тем не менее, агентам не удалось установить никакой значимой связи с советской разведкой, как среди высших чинов американской ячейки, так и среди среднего звена [8].

Таким образом, главным фактором, повлиявшим на включение антиколониальных движений в сферу внимания агентов ФБР, стал в первую очередь рост афроамериканского движения и боязнь переноса на территорию США практики партизанской войны из европейских колоний, а также восприятия американских властей в качестве колонизаторов. Кроме опасений в появлении «американского антиколониализма», главная служба внутренней безопасности США опасалась превращения своей страны в тихую гавань и перевалочный пункт для видных лидеров национальных движений, что в перспективе могло навредить отношениям США с их европейскими союзниками из числа колониальных держав. Наконец, в контексте «Холодной войны» главной угрозой Америки по-прежнему считался коммунизм, а СССР поддерживал многие национальные движения, что часто приводило к сращиванию идеологических платформ антиколониальных движений и коммунистической идеологии в различных трактовках.

В результате проблема деколонизации, поначалу находившаяся на периферии интересов ФБР, достаточно быстро стала неотъемлемой частью работы Бюро в отношении различных организаций в самих США. Замкнутость ФБР и его особое положение привели к тому, что эта спецслужба выбрала свой, довольно необычный способ борьбы с возможными последствиями распада колониальных держав. С одной стороны, Бюро отка-

залось от сотрудничества с коллегами из новообразованных стран «третьего мира» и существенно снизило обмен информацией с британскими коллегами в 1950-х – нач. 1960-х гг. С другой стороны, ФБР, в силу общего с МИ-5 предмета пристального профессионального интереса, объективно воспроизводило многие подходы, методы, приемы работы британской контрразведки в той части, которая касалась деятельности активных участников движения деколонизации как в колониях, так и в метрополии.

Список литературы

1. Иванов Р.Ф. Мафия в США. – М.: Русич, 2000. – 544 с.
2. Согрин В.В. США в XX–XXI вв. Либерализм. Демократия. Империя. – М.: Издательство «Весь Мир», 2015. – 592 с.
3. Уолтон К. Британская разведка во времена Холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. – М.: ЗАО Издательство Центрополиграф, 2016. – 543 с.
4. Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива / Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 640 с.
5. Юнгблюд, В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов / В.Т. Юнгблюд. – Киров: Б.и., 1998. – 359 с.
6. Alexander, M., Keiger, J. F. V. France and the Algerian War: strategy, operations and diplomacy // Journal of Strategic Studies, 25:2, 2002, pp. 1-32.
7. Atkinson, J.D. Insurgency and Counter-Insurgency in the 1960's // World Affairs, Vol. 126, No. 3 (Fall, 1963), pp. 182-185.
8. National Archives and Record Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation, File: 9-15269 (Irgun Zvai Leumi).
9. NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 62-97928 (Meyer Lansky).
10. Riebling, M. Wedge: The Secret War between the FBI and CIA. – N.Y., Knopf, 1994. 563 p.
11. Theoharis A.G. From the Secret Files of J. Edgar Hoover. – Chicago, Ivan R. Dee Publishing, 1992. 391 p.

THE IMPACT OF DECOLONIZATION ON THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION

In article the subject, unusual to researches on history of FBI, namely, influence of process of disintegration of colonial system on activity of this intelligence agency reveals. Changes occurred after World War II, the beginning of Cold War and disintegration of colonies exerted impact on all worldwide policy and activity of intelligence agencies. It is proved that gradually decolonization becomes an important vector of work of the Federal Bureau of Investigation. It is analysed that the problem of radical Zionism presented by activity of such groups as "Irgun Zvai Leumi" and "Lehi" became one of the first problems to which the main service of the American internal security paid attention ("Stern's Gang"). The course of observation and the main results of investigation available to researchers is considered. It is shown that in the work the American federal agents in many respects made a start from estimates and methods of the British colleagues from MI-5. The main areas of work of FBI on these organizations and their general results are shown. Fears arising at agents concerning activity of Irgun and Lehi, also as far as analysts of Bureau managed to understand history of data of groups are analysed. Article is based on materials of FBI archive in the matter of Irgun and literature on stories of Bureau and also Cold War and decolonization.

Keywords: decolonization, FBI, "Irgun Zvai Leumi", "Lehi", "Haganah", USA, internal security, J. Edgar Hoover, Menachem Begin.

References

1. Ivanov R.F. Mafiya v SShA [Mafia in USA]. – M.: Rusich, 2000. – 544 s.
2. Sogrin V.V. SShA v XX–XXI vv. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya [USA in the 20th – 21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. – M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015. – 592 s.
3. Uolton K. Britanskaya razvedka vo vremena Xolodnoj vojny. Sekretnye operacii MI-5 i MI-6 [Empire of Secrets. British intelligence, the Cold war and the twilight of Empire]. – M.: ZAO Izdatel'stvo Centropoligraf, 2016. – 543 s.
4. Xolodnaya vojna. 1945-1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva [Cold war. 1945 – 1963. Historical retrospective]/ N.I. Egorova, A.O. Chubar'yan. – M.: Olma-Press, 2003. – 640 s.
5. Yungblyud, V.T. Vneshnepoliticheskaya mysl' SShA 1939–1945 godov [Foreign policy

thought of the USA of 1939-1945] / V.T. Yungblyud. – Kirov: B.i., 1998. – 359 c.

6. Alexander, M., Keiger, J. F. V. France and the Algerian War: strategy, operations and diplomacy // Journal of Strategic Studies, 25:2, 2002, pp. 1-32.

7. Atkinson, J.D. Insurgency and Counter-Insurgency in the 1960's // World Affairs, Vol. 126, No. 3 (Fall, 1963), pp. 182-185.

8. National Archives and Record Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation, File: 9-15269 (Irgun Zvai Leumi).

9. NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation, File: 62-97928 (Meyer Lansky).

10. Riebling, M. Wedge: The Secret War between the FBI and CIA. – N.Y., Knopf, 1994. 563 p.

11. Theoharis A.G. From the Secret Files of J. Edgar Hoover. – Chicago, Ivan R. Dee Publishing, 1992. 391 p.

Об авторе

Левин Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (Россия), E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

Levin Yaroslav Alexandrovich – Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Department of World History, Law and Methods of Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia), E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

УДК 947 (470.342)

Малашенко А.А., кандидат исторических наук, Брянский институт управления и бизнеса (Россия)
Малашенко И.В., кандидат исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БРЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

Основная цель статьи проанализировать эволюцию системы регулирования земельных отношений Брянской деревни в первые годы новой экономической политики. Методологической основой являются важнейшие принципы исторической науки: социальный и системный подходы, объективность в изложении фактического материала. Для достижения цели использовались как общенаучные (анализ, синтез), так и специальные исторические (хронологический, типологический) методы. Автор обращает внимание на роль землеустроительной политики советского государства как важного инструмента государственного регулирования и рассматривает трансформацию системы земельных отношений в Брянской деревне в 1921-1925 гг. Политика земельных отношений советского государства как один из рычагов экономического регулирования сельскохозяйственного производства в первые годы нэпа в соотношении с другими инструментами оказала большое воздействие на восстановление деревни.
Ключевые слова: новая экономическая политика, земельные отношения, советское государство, Брянская губерния, землеустройство, крестьянство.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-86-93

Вопрос регулирования земельных отношений в Советской России и его роли в социально-экономическом развитии русской деревни привлекает особое внимание историков. Основная цель данной статьи проанализировать политику государства в регулировании земельных отношений на территории Брянской губернии в 1921-1925 гг.

Одним из важнейших слагаемых земельной политики являлось землеустройство. Через землеустроительные мероприятия государство имело возможность влиять на систему крестьянского землепользования, особенно в части приспособления земельной территории для организации более эффективного сельскохозяйственного производства и утверждения определенных форм землепользования. Крестьянин мог вести свое хозяйство единолично, в составе сельского общества или коллективного хозяйства. Формы землепользования оказывали влияние на производственный процесс в целом и на производительность труда в хозяйстве.

Государство, поощряя или тормозя развитие тех или иных форм землепользования, имело возможность влиять на социальные процессы, в частности, воздействовать на уровень и масштаб расслоения крестьянства.

Эволюция отечественной системы регулирования земельных отношений в сельском хозяйстве в первые годы новой экономической политики позволяет изучить положительный исторический опыт и применить данное наследие в соответствии с тенденциями развития современной экономики.

Методологической основой являются такие важнейшие принципы исторической науки как социальный и системный подходы, объективность в изложении фактического материала. Для достижения цели использовались как общенаучные (анализ, синтез), так и специальные исторические (хронологический, типологический) методы. В работе учитываются и современные исторические научные концепции.

После Октябрьской революции 1917 г. произошла национализация земли. Основные принципы регулирующего влияния государства были закреплены в «Декрете о земле», «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В данных нормативно-правовых актах под землеустроительными работами понималась «вся совокупность мероприятий технического характера, направленных к постепенному обобществлению землепользований» [25].

В качестве основного приоритета регулирования земельных отношений в Советской России было выделено производство группового землеустройства: отграничение земли коммунам, артелям, развитие товари-

щеского землепользования, установление губернских, уездных и волостных границ. Меньше внимания уделялось улучшению индивидуального крестьянского землепользования. Согласно отчету Народного комиссариата земледелия РСФСР за 1917–1922 гг. землеустроительные работы охватили площадь 32471 тыс.дес., из них производство единоличного землеустройства затронуло лишь 0,2 тыс.дес. [22, Л. 85]. Аналогичная картина наблюдалась и в Брянской губернии. Согласно отчету Губисполкома в 1920 г. были проведены следующие землеустроительные работы: устройство колхозов и товариществ - 9661 дес., межселенное и групповое землеустройство – 4771 дес.; волостные отводы – 107432 дес. [19, С. 65].

Преобладающей формой землепользования к началу восстановительного периода в Брянской губернии оставалась общинная, которая порождала множество нерешенных проблем: отсутствие четкой границы между землями раздельного и совместного пользования, частые переделы земли, чересполосица и дальнополье и т.д., что снижало стимул к вложению средств на улучшение почв (внесение удобрений, мелиорация), к внедрению многолетних культур. Агроном Бежицкого уезда Н. Дорофеев отмечал: «В уезде процент числа обращений по поводу внутриселенной чересполосицы составлял от 1 до 3 полос на двор – 49%; 10-18 – 37%; 19-24 – 10%; более 50 – 8%» [14, С. 23].

Таким образом, землеустроительная политика советского государства должна была претерпеть серьезные изменения. Проблема землеустройства единоличных хозяйств осознавалась в деревне как насущная потребность, без ее решения было невозможно осуществить подъем сельскохозяйственного производства.

На II сессии ВЦИК 20 марта 1921 г. был принят декрет «Об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого пользования землею», констатирующий наличие неустроенного крестьянского землепользования и предписывающий принять меры к упорядочиванию и стабилизации земельных отношений. [21, С. 108]. Радикальные изменения в курсе землеустроительной политики произошли после принятия 22 мая 1922 г. закона «О трудовом землепользовании» [26]. В нем было объявлено о свободе выбора форм землепользования, разрешалась аренда земли и использование вспомогательного наемного труда в крестьянском хозяйстве.

В 1920 г. в Брянской губернии было создано Губернское земельное управление. В отчётах губернских работников 1921 года отмечается нехватка административного и канцелярского персонала, слабая подготовка кадров [2, Л.10-13].

Закон «О трудовом землепользовании» коренным образом изменил деятельность земельных органов по проведению землеустроительных работ. Основные задачи Губернского земельного управления в 1922/23 г. сводились «к учету земель; установлению волостных границ; внутриволостному разверстанию с ограничением земель лесного фонда и государственных хозяйств с установлением границ для каждого селения и внутринадельному разверстанию» [1, С.67]. Со стороны местного населения увеличилось количество желающих провести раздел крупных селений, образовать посёлок, выделиться на хутор или отруб. В отчёте Почепского уездного земельного отдела сообщалось, что «за 1922 г. поступило 192 заявки на землеустройство 129.070 дес., что составило 72% от площади всех угодий» [3, Л.12]. В конце мая 1922 г. закончилась подготовка курсантов на специальных землемерных курсах в Брянске, Хотылевском совхозе, Жиздре, Севске.

По вопросу отношения населения к землеустройству, можно привести в качестве примера объяснительную записку заведующего организационно-инструкторским подотделом Карачевского УЗУ Паховского: «Новая земельная политика крестьянским населением принималась сносно, но в тех селениях, где земельная норма мала… наблюдалось недовольство, даже переделы…» [4, Л.35]. Несмотря на стихийность деятельности земельных органов Брянской губернии можно утверждать, что в 1922 г. состоялась смена ориентиров землеустроительной политики. В официальных документах, по сравнению с 1921 г. сообщалось, «что производительность работ повысилась на 250%» [27, Л.8].

Важной вехой в регулировании земельных отношений в Советской России стало

принятие IV сессией ВЦИК IX созыва Земельного кодекса 30 октября 1922 г. Согласно ст.165 Земельного кодекса: «Землеустройство имело задачей упорядочения существующих землепользований и образования новых, соответственно правам на землю и требования и хозяйственно-технической целесообразности» [15].В кодексе также закреплялся принцип свободы выбора крестьянским населением форм и порядка землепользования. С точки зрения историка Н.Л. Рогалиной, «Кодекс 1922 г. впитал некоторые элементы столыпинского законодательства, причем если дореволюционное право часто приносило интересы общины в жертву выделявшимся дворам, то кодекс стоял на защите интересов общины: он ограничил право индивидуального домохозяина согласием общества, восстанавливался порядок, которому были подчинены надельные крестьянские земли до 1906 г.» [22, С.223].

В 1923 г. работа губернского отдела землеустройства была выстроена на принципах предоставления различным группам населения свободы выбора форм земельного и хозяйственного устроения. Были составлены планы работ в соответствии с заявками, заранее намечались районы и формы землепользования.

Проявились и региональные различия. В Центрально-Нечерноземном регионе, и, как пример в Брянской губернии, где было распространено общинное землепользование, большинство заявок касались раздела селений на части, организации поселков (60% от общего числа). Следует заметить, что основными причинами выбора служили следующие преимущества: 1)поселки – это более или менее однородные по мощности хозяйства, в которых проживал однообразный социальный состав (большей частью середняки, бедняки), заинтересованные в агрикультурных улучшениях; 2) природные условия большинства районов губернии по водоснабжению, расположению отдельных участков с оврагами, лесными площадями благоприятствовали поселкам; 3)бытовой уклад населения; 4) поселковая форма давала маломощным хозяйствам большую самостоятельность при обработке земли, чем в общине, где они дальние полосы сдавали сильным соседям; 5) многие селения губернии имели кривые и узкие улицы, очень малых размеров усадьбы.В 1923 г. землеустроительные работы охватили площадь в 136 тыс.дес., которая распределялась по уездам следующим образом:Бежицкий уезд – 39.662 дес., Трубчевский (до ликвидации) – 9.869 дес., Жиздринский – 11.211 дес., Карачевский – 12.431 дес., Почепский – 42.235 дес., Севский – 30.543 дес. [28, Л. 373].

В 1924 г. землеустройство в Брянской губернии приобрело целенаправленный и плановый характер. Ежемесячно проходили совещания ревизоров со специалистами подотдела землеустройства, на которых решались общие вопросы по контролю и организации работ. Для лучшей взаимосвязи с населением землемеры на местах читали лекции, делали доклады на конференциях и съездах, участвовали в работе изб-читален. В итоге в 1924 г., проведено 375 часов бесед и лекций с общим числом слушателей 13.300 чел., прочитано 11 докладов в 205 населенных пунктах, а для разъяснения земельного законодательства составлен справочник по сельскохозяйственным вопросам.

В мае 1924 г. состоялся первый губернский съезд землемеров, на котором была принята следующая резолюция: «1) начать создание участково-землеустроительной сети. 2) ходатайствовать перед Губисполкомом о предоставлении льгот и ссуд на землеустроительные работы (поступил отказ). 3) выявить рентабельность различных форм землепользования» [5, Л. 371].

22 апреля 1924 г. заведующий отделом землеустройства ГЗУ Розенберг в докладной записке заведующему Бобкову сообщал: «По моему мнению, основанием для составления плана землеустроительных работ должны служить изученные формы землепользования, и историческое развитие и хозяйственная целесообразность. В основу изучения следует положить плановый и активный дореволюционный материал, материал послереволюционных межеваний, статистические сведения, агрономические исследования, знания современных землеустроителей. Брянская губерния – губерния новая и имеет менее всего данных для того, чтобы сейчас же установить по уездам желательные формы землепользования» [6, Л. 47-48]. Таким образом, за период 1924 года было землеустроено 122 тыс.д ес.: 68%

составил выдел земли селениям и частям селений, 20% поселкам, 0,27% коллективам, 1,02% хуторам, 0,07% отрубам, остальные – учреждениям и предприятиям» [7, Л. 317-320].Землеустройство крестьянских земель составило 99.280 дес., то есть охватывало 14.172 крестьянских дворов с 75.139 душами: в среднем, на землеустроенный двор пришлось около 7 дес., а на едока около 1,32 дес. земель всех угодий. В статистических сведениях о землеустройстве периода 1907-1916 гг., приводится факт, что за десять лет «на территории губернии» было всего землеустроено 127.331 дес., то есть немного больше, чем за один 1924/25 отчетный год».

Отношение социальных групп крестьян к землеустройству можно проследить из таких источников как: землеустроительные дела, заявления по различным вопросам, протоколы губземкомиссий, наблюдения сотрудников. Кулаки стремились через землеустроительные работы закрепить наибольшее количество земли из бывших своих владений под предлогом культурного ведения хозяйства или получить удобные земли. Яркий пример: «уроженец села Овстуг Бежицкого уезда Д. В. Киселев бывший член Государственной Думы имел до революции участок земли около 30 дес. Чтобы не допустить передела он организовал артель «Стрела». Как только отвод совершился, Киселев сделал попытку получить свой участок обратно. Земорганы «направили отказ, тогда гражданин отказался от пользования землей общества и организовал водяную мельницу»[8, Л.655]. В источниках встречается информация о том, что если кулаков лишали земельных излишков, то встречались случаи сопротивления. Так, в отчете Бежицкого уземотдела сообщалось: «В деревне Залядка Выгоничской волости малоземельные семьи при землеустройстве даже встретили сопротивление со стороны зажиточных вплоть до избиения»[9, Л.383]. Середняки наоборот искали помощи в землеустройстве, чтобы приблизить участок ко двору для наилучшей обработки и удобрения земли, переходу к многополью и широким полосам. Менее всего поддерживали землеустройство малосильные семьи (вдовы и беспомощные), которые сдавали в аренду или отдавали на кабальных условиях свои участки, так как они предпочитали оставаться в большой общине.

Успехи 1925 г. землеустройства Брянской губернии были скромнее, и план работ был выполнен всего на 59,74%. В 1925 г. была создана участково-землеустроительная служба из 11 земельных участков. Особую роль сыграл и ссудный кредит населению, был упрощен порядок выдачи ссуд. Всего за 1925/26 г. на землеустройство выдано кредита в сумме 13 тыс. руб.: вновь образованные поселки – 12.691 руб., сельскохозяйственным артелям – 142 руб. и товариществам – 150 руб. Коммунам, единоличным землепользователям – хуторянам и отрубникам кредит не выдавался. Бедняцкое население землеустраивалось за счет госбюджета (в 1925г. за 33 тыс. руб. землеустроено 4499 беспосевных хозяйств) [20, С. 26].От зажиточных хозяйств ходатайств практически не было. Таким образом, в оплате землеустроительных работ за счет кредита принимала участие только середняцкая часть деревни с весьма небольшим (около 10%) количеством бедняцких и зажиточных хозяйств.

Большую роль в просветительской и культурно-массовой работе среди сельского населения играли землемеры. Для ознакомления населения с законодательством и земельной политикой, а также для пропаганды целесообразных форм землеустройства использовались – местная периодическая печать, участие представителей земорганов на съездах, конференциях, совещаниях с крестьянами. В сообщении в губернское бюро землеустроительной секции землемера Блуменау записано: «Мною, в апреле 1925 г. при производстве подготовительных работ в деревне Больших Подосинках Карачевского уезда был сделан на общем собрании доклад о землеустройстве, прочитан и разъяснен Земельный кодекс, разъяснена метрическая система. 22 марта 1925 г. сделал доклад о землеустройстве на волостной конференции на станции Хотынец в агро - поезде В.И. Ленина» [10, Л.2].Посильную помощь оказывали и практиканты во время летних каникул. Например, в докладной записке практиканта-студента III курса Московского межевого института В.Н. Фомина сообщалось: «Довожу до сведения, что при нахождении своем на землеустроительных ра-

ботах по селу Слободище Дятьковской волости в июне-июле 1925 г. я, кроме чисто технической работы провел с крестьянами несколько лекций – собеседований на темы землеустройства, перехода на многополье, агитируя и проводя его в жизнь. Кроме того, при производстве работ, я пользовался удобным случаем, чтобы поделиться с группами крестьян своими знаниями из сельскохозяйственной экономики, земельного права, аграрной политике и последних законодательств о земле, разъясняя мотивы того или иного разверстания между группами, оказывая помощь, главным образом беднякам» [11, Л.32].Благодаря разъяснительной работе землемеров, вновь образуемые коллективы и поселки переходили к улучшенным способам ведения хозяйства. В 1925/26 г. 37 земельных общин на площади 21 тыс.дес. перешли к многопольному севообороту.

Положительные изменения произошли и в отношении увеличения числа землеустроительного аппарата. Из сравнительной таблицы видно, что производительность труда землемеров Брянской губернии возросла и составила 118% от довоенного уровня с учетом сложности техники и качества результатов [17, С. 88]:

Таблица 1

Количество землеустроительного аппарата Брянской губернии в 1920-1925 гг.

	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Число землемеров	62	55	68	84	106	117
Производительность в %	26	11	58	82	100	118

В 20-е годы XXвека особый интерес представляют общие работы аграрников-практиков, в которых анализируется состояние сельского хозяйства, землеустроительная политика государства: Большаков А.М., Буров А., Гуров П.Я., Кондратьев Н.Д., Месяцев П.А., Чаянов А.В. и др.

В конце 20-сер. 50-х гг. XX в. ведущей парадигмой в изучении данной темы становится – марксистская, в которой социально-экономические аспекты рассматривались исследователями крайне редко и в строгом соответствии с политическими установками.

В 60-70-е гг. XX в. вопросы регулирования земельных отношений рассматриваются в работах А. Александрова, А. Бирмана, Э.Б. Генкиной. В 70-80-е гг. в большинстве работ современной отечественной историографии, как правило, вопросы регулирования земельных отношений обсуждаются в комплексе с другими социально-экономическими проблемами: В.П. Данилов, И.Б. Орлов, Ю.А. Поляков, Рогалина Н.Л. и др.

В 2002 г. вышла коллективная монография «История крестьянства западного региона России. 1917-1941 гг.» под редакцией В.Я. Филимонова, Ю.В. Журова, Д.И. Будаева, посвященная анализу сложных и противоречивых периодов истории крестьянства – от революции 1917 г. до Великой Отечественной войны.

Можно отметить, что в изучении данной проблемы на сегодняшний день особое место занимает системная парадигма, которая объединяет существующие точки зрения и считает, что в первые годы нэпа реформа российской деревни отличалась вниманием государства к элементам смешанной экономики и множественности хозяйственных форм [18, С. 103].Регулирование земельных отношений было направлено в первую очередь на восстановление разрушенного народного хозяйства страны.

Государственное регулирование земельных отношений на территории Брянской губернии прошло три этапа развития:

I) 1921 – май 1922 г. – этап, когда основное внимание земельных органов было сосредоточено на коллективном землеустройстве.

II) май-декабрь 1922 г. – этап становления и оформления нового земельного законодательства. Земельный кодекс закрепил регулирующую и руководящую роль государства, учитывая вместе с тем стремление массы единоличного крестьянства свободно хозяйничать на полученной земле.

III) 1923-25 гг. – этап реализации принципа свободы выбора крестьянским населением форм и порядка землепользования. Решающую позицию в губернии заняло землеустройство по регулированию и улучшению общинного землепользования.

В 1922-1925 гг. в Брянской губернии происходило землеустройство усовершенствованной или прогрессивной общины. Значение такого землеустройства усиливалось

тем, что оно способствовало подъему не отдельных хозяйств, а охватывало все хозяйства земельного общества или, по крайней мере, значительную группу.

В губернии стремление крестьян к раздроблению крупных общин на более мелкие в 1922-25 гг. путем разделения селений на части и выделов поселков составило соответственно 58 и 35% всей землеустроенной площади [12, Л.2]. Раздел земельного надела крупной общины сокращал число полос и уменьшал расстояние до полей, удешевлял производство, способствовал расширению посевных площадей за счет залежей. В отдельных частях губернии Почепской, Балыкской, Шумаровской и Старосельской волостях Почепского уезда преобладала подворно-чересполосная форма землепользования. В этих районах располагались самые плодородные почвы, поэтому население стремилось к активному выходу из общины.

Важное значение для подъема крестьянского хозяйства имело и внутрихозяйственное землеустройство (введение широких полос и разбивка полей севооборота). Переход на широкие полосы позволял применять усовершенствованную технику, улучшал обработку полей, повышал интенсивность хозяйства, не разрушая поселения. По стране работы по разбивке наделов на широкие полосы с 1924 г. достигли 12,4% общего объема землеустроительных работ, в 1925 г. – 15,2%, 1926 г. – 18,3% [26, С. 21]. В Брянской губернии работы по переходу на широкие полосы, как наиболее законченная и углубленная форма землеустройства ежегодно увеличивались, если в 1923/24 г. они равнялись 1,58%, то в 1925/26 г. - 21,19%.

Более медленными темпами из-за естественно-географических условий губернии распространялось единоличное землепользование: с 1922 г. по 1925 г. хуторское землеустройство составило 2,1% всей землеустроенной площади, а отрубное 0,6%.

Значительно вырос и темп землеустроительных работ. В целом, по Брянской губернии, в 1921 г. было землеустроено 21.281 дес., в 1922 г. – 94.232 дес., в 1923-1924 гг. – 28.752 дес., в 1925 г. – 216.241 дес., итого – 360.506 дес., что составило 39,9% от всей площади сельскохозяйственных угодий [13, Л. 381].

Землеустройство оказывало благоприятное влияние и на жизнь деревни. В отчетах земельных органов отмечалось: «В результате землеустройства в деревне наблюдалась отрадная картина: более широкие и светлые избы, размещение построек и улиц удовлетворяло минимальным санитарным и противопожарным условиям, более или менее организована дорожная сеть, отсутствовали безобразные узкие полоски, рационально использовался навоз. Наблюдался и общий культурный подъём» [16, С. 74].

В первые годы новой экономической политики земельная реформа была направлена в государственное русло, и это приносило определенные результаты: произошло упорядочивание земли, нормализация землепользования, созданы условия для индивидуального хозяйствования и усовершенствования землеустройства общины. Все мероприятия советского правительства, несмотря на недостатки, способствовали восстановлению сельского хозяйства, повышению урожайности и доходности деревни, в том числе и в Брянской губернии.

Список литературы

1. Бюллетень Брянского губернского экономического совещания. Брянск: Типография ГСНХ,1922. 115 с.
2. ГАБО. ФР.112. Оп.1. Д.467. Л.10-13.
3. ГАБО. Ф.Р.112. Д.1008. Л.12.
4. ГАБО. Ф.Р.518. Оп.2. Д.65. Л.35.
5. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.1. Д.1114. Л.371.
6. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.1. Д.761. Л. 47-48.
7. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.1. Д.1303. Л. 317-320.
8. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.1. Д.1301. Л. 655.
9. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.1. Д.1303. Л. 383.
10. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.2. Д.141. Л. 2.
11. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.2. Д.141. Л. 32.

12. ГАБО.Ф.Р.85. Оп.1. Д.2151. Л. 2.
13. ГАБО.Ф.Р.112. Оп.1. Д.1103. Л. 381.
14. Дорофеев Н. Краткая характеристика состояния сельского хозяйства Бежицкого уезда. Бежица: Издание Бежицкого земельного управления, 1926. 64 с.
15. Земельный кодекс РСФСР. М.: Новая деревня, 1924. 50 с.
16. Коммунист. Партийный журнал брянского губернского комитета РКП (б). 1927.
17. Малашенко И.В. Крестьянство и сельское хозяйство Брянской губернии в 1921- 1925 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Брянск, 2005. 263 с.
18. Малашенко И.В. Налоговая политика советского государства в Брянской деревне в первые годы новой экономической политики// Вестник БГУ. 2018. №2. С. 98-106.
19. Отчёт Брянского губернского исполнительного комитета за 1921 гг. Брянск, Издательство Брянского Губисполкома, 1921. – 94 с.
20. Отчёт Брянского губернского исполнительного комитета. Брянск, Издательство БрянскогоГубисполкома, 1927. – 86 с.
21. Первая - четвертая сессия ВЦИК VIII созыва: Стенографический отчет. М.,1922.
22. Рогалина Н.Л. Нэп как реформа// Нэп в контексте исторического развития России XX в. М.,2001. 320 с.
23. РГАЭ. Ф. 478. Оп.1. Д. 851. Л. 85.
24. Сельскохозяйственная жизнь. Официальный орган Наркомзема РСФСР. 1928. №3.
25. СУ РСФСР.1917. №1. Ст.3.; СУ РСФСР. 1919. №4. Ст.43.
26. СУ РСФСР.1922. № 36. Ст.426.
27. . ЦНИБО ГАБО. Ф. 704. Оп.1. Д.276. Л.8.
28. ЦНИБО ГАБО. Ф. 704. Оп.1. Д.276. Л.373.

STATE REGULATION OF THE LAND RELATIONS IN THE BRYANSK VILLAGE IN THE FIRST YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY

The main objective of article to analyse evolution of a system of regulation of the land relations of the Bryansk village in the first years of the new economic policy.A methodological basis are the most important principles of historical science: social and system approaches, objectivity in statement of the actual material. For achievement of the goal methods were used as general scientific (the analysis, synthesis), and special historical (chronological, typological). The author pays attention to a role of land management policy of the Soviet state as important instrument of state regulation and considers transformation of a system of the land relations in the Bryansk village in 1921-1925. The policy of the land relations of the Soviet state as one of levers of economic regulation of agricultural production in the first years of the New Economic Policy in the ratio with other tools made big impact on restoration of the village.
Keywords: new economic policy, land relations, the Soviet state, Bryansk region (gybernia), land management, the peasantry.

References

1. Bulletin of the Bryansk provincial economic meeting. Bryansk: Printing house GSNH, 1922. 115 s.
2. GABO. FR.112. Op.1. D.467. L.10-13.
3. GABO. F.P.112. D.1008. L.12.
4. GABO. F.R.518. Op.2. D.65. L.35.
5. GABO.F.R.112. Op.1. D.1114. L.371.
6. GABO.F.R.112. Op.1. D.761. L. 47-48.
7. GABO.F.R.112. Op.1. D.1303. L. 317-320.
8. GABO.F.R.112. Op.1. D.1301. L. 655.
9. GABO.F.R.112. Op.1. D.1303. L. 383.
10. GABO.F.R.112. Op.2. D.141. L. 2.
11. GABO.F.R.112. Op.2. D.141. L. 32.
12. GABO.F.R.85. Op.1. D.2151. L. 2.
13. GABO.F.R.112. Op.1. D.1103. L. 381.
14. Dorofeev N. A brief description of the state of agriculture in the Bezhitsky district. Bezhitsa: Publication of the Bezhitsky Land Administration, 1926. 64 p.

15. Land Code of the RSFSR. M .: New Village, 1924. 50 p.
16. The Communist. Party magazine of the Bryansk provincial committee of the RCP (b). 1927.
17. Malashenko I.V. Peasantry and agriculture of the Bryansk province in 1921-1925. Thesis for the degree of Cand. ist sciences. Bryansk, 2005. 263 p.
18. Malashenko I.V. The tax policy of the Soviet state in the Bryansk village in the early years of the new economic policy // Bulletin of BSU. 2018. №2. Pp. 98-106.
19. Report of the Bryansk provincial executive committee for 1921. Bryansk, Publishing House of the Bryansk Executive Committee of the Executive Committee, 1921. - 94 p.
20. Report of the Bryansk provincial executive committee. Bryansk, Publishing House of the Bryansk Regional Executive Committee, 1927. - 86 p.
21. First - Fourth Session of the All-Russian Central Executive Committee of the Eighth Convocation: Verbatim Report. M., 1922.
22. Rogalina N.L. NEP as a reform // NEP in the context of the historical development of Russia in the 20th century. M., 2001. 320 s.
23. RGAE. F. 478. Op.1. D. 851. L. 85.
24. Agricultural life. The official body of the People's Commissariat of the RSFSR. 1928. №3.
25. SU RSFSR.1917. №1. 3; SU RSFSR. 1919. №4. Article 43
26. SU RSFSR.1922. No. 36. Article 426.
27. TSNIBO GABO. F. 704. Op.1. D.276. L.8.

Об авторах

Малашенко Ирина Владимировна – доцент кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, кандидат исторических наук, E-mail: Malashenko1976@yandex.ru.
Малашенко Анатолий Алексеевич - доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Брянского института управления и бизнеса, кандидат исторических наук, E-mail: Malashenko1976@yandex.ru.

Malashenko Irina Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Political Science Federal State-Funded Education Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I.G.Petrovski University”, E-mail: Malashenko1976@yandex.ru.
Malashenko Anatoliy Alekseevich- Candidate of History, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences in the Bryansk Institute of Management and Business, E-mail: Malashenko1976@yandex.ru.

УДК 93/94

Плещеева А.В., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРАХ М. А. ТАУБЕ

Вопрос об истоках общеевропейского конфликта продолжает оставаться актуальной темой в исторической науке. В целом, можно говорить о продолжении традиции поиска причин Первой мировой войны в международной обстановке накануне 1914 года. В этом ключе война стала закономерным итогом все более разраставшихся противоречий между различными союзами и военно-политическими блоками. В статье анализируется попытка доктора международного права М. А. Таубе разобраться в причинах Первой мировой войны. Его точка зрения на этот вопрос, представленная в мемуарах, сравнивается с отражением данной проблемы в воспоминаниях других государственных деятелей этого периода. Все мемуары представителей бывшего царского правительства были написаны в эмиграции, когда особенно актуально встала проблема поиска ответа на вопрос об истоках европейского конфликта, который привел к свержению монархии и гибели императорской России. Воспоминания очевидцев событий к объективным причинам Первой мировой войны добавляют наличие субъективного фактора. Существовала случайная цепь событий, которая сформировала напряженную психологическую обстановку и толкнула страны к войне именно в июле 1914 года. Сложившиеся ситуация помешала лицам, принимающим решения, предотвратить сползание европейских государств к мировому конфликту. Таким образом, возникает необходимость в комплексном подходе при рассмотрении причин Первой мировой войны и важность анализа не только международной обстановки, но и общей духовной атмосферы этого периода.

Ключевые слова: Первая мировая война, мемуары, М. А. Таубе, дипломатия, внешняя политика Российской империи, международное право, Антанта, Тройственный союз, этиология войны.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-94-100

Вопрос о причинах Первой мировой войны и поиск виновников в развязывании этого конфликта начал ставиться сразу при подписании мирного договора в Версале. Естественно, что Антанта возложила всю ответственность за планирование и начало агрессивной войны на Германию и ее союзников. В 1960-х гг. представители немецкой исторической школы во главе с Ф. Фишером поддержали этот тезис. Они полагали, что немцы "не оступились и скатились в войну", а "планировали ее заранее, в надежде вырваться из своей европейской изоляции и объявить претензии на статус мировой державы" [12, p. 560]. Позже ряд историков отвергли данное утверждение, пытаясь доказать, что Россия, Франция и Сербия также несут равную ответственность за начало международного конфликта [14, p. 170]. С. Б. Фей подчеркивает, что тезис Версальского договора был продиктован "слепотой и невежеством, ненавистью и пропагандистским извращением истины, которые породила война". Историки сходятся на том, что данное положение не выдерживает критики, и ответственность за войну лежит на всех. Они расходятся только в оценке, "какая именно часть ответственности падает на отдельные страны и на отдельных политических или военных вождей" [10, с. 352]. Тем не менее, версии, основанные на тезисе Фишера, продолжают доминировать в изучении роли Германии в развязывании войны.

Некоторые исследователи отмечают, что существует ряд не только объективных, но и субъективных факторов, послуживших тем катализатором, который подтолкнул державы вступить в открытое столкновение друг с другом. Первая мировая война была результатом все более разраставшихся противоречий между странами и соперничества военно-политических блоков за сферы влияния. С одной стороны, она является закономерным результатом развития международных отношений предыдущего периода. Но в то же время, присутствовала и случайная цепь событий, толкнувшая страны к войне именно в июле 1914 года. Одним из таких субъективных факторов была психологическая обстановка в европейских государствах, в которых обострились "шовинистические настроения" [4, с. 442].

Д. Маккензи полагает, что главная причина войны заключается в национальной нетерпимости, которая находила свое отражение в агитации ненависти к соседям среди молодежи и на страницах европейских газет. Особенно сильно национализм проявлялся во

Франции, стремившийся отомстить за потерю в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии, и в Сербии, ставившей перед собой цель объединить всех сербов и южных славян под эгидой Белграда. Это естественно шло вразрез с интересами Австро-Венгрии, которая хотела сохранить многонациональную империю и оставить миллионы этих южных славян в своем подчинении. События в Сараево на фоне системы секретных союзов, разделивших Европу на враждебные лагеря, выступают только спусковым механизмом, спровоцировавшим войну. Также Д. Маккензи указывает на то, что в такой напряженной атмосфере европейские дипломаты не были способны выработать разумные и компромиссные решения сложных международных проблем. Определенную роль в этом играло и отсутствие международной организации, которая могла бы помочь сохранить мир [14, p. 167].

К. Кларк считает, что решающим моментом, определившим сложность событий 1914 г., явились "быстрые изменения в международной системе". Их следствием стало усиление внутриполитической борьбы среди европейских руководителей. Это, в свою очередь, сделало мировую систему "в целом непрозрачной и непредсказуемой, питающуюся повсеместным настроением взаимного недоверия даже в рамках соответствующих альянсов" [12, p. 557]. Особенностью довоенных кризисов были колебания внутри европейских правительств в сочетании с быстроменяющимися объективными условиями, что порождало неустойчивость внешней политики и неопределенность в обмене мнений по международным вопросам.

Помимо обширного пласта дипломатических документов, дающих официальную точку зрению на причины и ход Первой мировой войны, особую группу источников составляют воспоминания современников. Они позволяют получить взгляд на события от их непосредственных участников. Но перед исследователями встает основная проблема данного комплекса исторических источников – субъективное восприятие этих событий авторами мемуаров. Они часто по своим личным причинам стараются скрыть информацию или предоставить ее в выгодном для них свете. Тем не менее, именно эти источники дают возможность историкам дополнить существующую картину и таким образом сформировать целостное представление об эпохе.

Определенный взгляд на европейский конфликт представлен в мемуарах М. А. Таубе. Несмотря на то, что в этот период он находился на посту товарища министра народного просвещения, за ним сохранилось представительство в Министерстве иностранных дел в вопросах международного права, что позволяло ему оставаться в курсе внешнеполитической ситуации и позиции российского правительства. В отличие от русско-японской войны М. А. Таубе уделяет Первой мировой войне только одну главу своих русских мемуаров. Основной акцент он делает на поисках причин, которые толкнули европейские державы к вооруженной борьбе. В этом отношении целесообразно сравнить его точку зрению на этот вопрос с отражением его в воспоминаниях других государственных деятелей этого периода. Все мемуары были написаны ими в эмиграции, когда представители бывшего правительства Российской Империи особо остро ощущали необходимость найти ответ на вопрос об истоках европейского конфликта, который привел к свержению монархии и гибели императорской России.

Как подчеркивает сам М. А. Таубе, попытка разобраться в причинах Первой мировой войны актуальна "особенно после повторения такой же бойни, но в еще более грандиозных размерах" в 1939 – 1945 гг. [9, с. 179]. Д. Ливен в монографии "Россия и причины Первой мировой войны" проводит параллель между провалом Версальской системы и последующими событиями. Англосаксонские страны не хотели и не могли гарантировать статус-кво 1919 г. на европейском континенте без поддержки проигравших Первую мировую войну Германии и России. Впоследствии соглашение в Версале было нарушено, и в 1941 г. российское и германское государства возобновили свою борьбу за господство [13, p. 154]. М. А. Таубе подчеркивает, что все страны, участвовавшие в этом "с культурной точки зрения" общем позоре, стремились переложить груз ответственности друг на друга, и "причины – тоже коллективные – этих братоубийственных войн лежали гораздо глубже, чем это можно

было первоначально думать" [9, с. 179].

Одним из центральных факторов, повлиявших на начало Первой мировой войны, по мнению М. А. Таубе, стало "аморальное стремление разгромить ненавистного конкурента" [9, с. 180]. Он выделяет двух основных противников этого периода – Германию и Англию. С конца XIX в. в результате трех успешных войн (1864, 1866 и 1870 гг.) Германская империя превратилась в развитое в экономическом плане государство. Ей были нужны рынки сбыта, но она поздно вступила в борьбу за колонии, где ее интересы столкнулись с активным сопротивлением Англии, не желавшей мириться с проникновением Германии в районы своих интересов.

Похожий взгляд на истоки мирового конфликта разделяет великий князь Александр Михайлович: "Причиною мирового конфликта являлись соперничество Великобритании и Германии в борьбе за роль мирового экономического лидера и совокупные усилия – "военных партий" Берлина, Вены, Парижа, Лондона и Санкт-Петербурга" [1, с. 248]. Предпосылкам войны он посвящает целую главу своих воспоминаний "Накануне" и часть следующей под заголовком "Война и революция". Его мемуары, которые впервые были изданы на русском языке в 2014 г., показывают достаточно глубокое понимание автором сложности внешнеполитических событий 1914 г. [11, с. 152]. Великий князь отмечает, что если бы сербский террорист Гаврила Принцип не совершил покушение на жизнь наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, "международные сторонники войны изобрели бы другой повод" [1, с. 248]. Таким образом, он считает ответственными в разжигании мировой войны всех участников столкновения, но при этом главную роль он отводит Германии и Великобритании. С подобной позицией можно согласится, если учесть, что в результате Первой мировой войны произошел передел колониальных владений. Англия расширила состав своих колоний, а Германия потеряла свои позиции на политической арене, была ограничена в экономической сфере и задавлена репарациями.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов считает, что зачинщиком европейского конфликта выступила именно Австро-Венгрия, абсолютно неготовая к этой войне, но уверенная в силе своего немецкого союзника. Германия поддержала ее, так как была убеждена в своей готовности с военной точки зрения и способности к ведению войны на два фронта. Но немецкое правительство не имело четкого представления о масштабах предстоящего вооруженного столкновения, которые значительно превышали германские силы [8, с. 179–180]. Готовность Германии оказать поддержку Австрии было источником напряженности между Петербургом и Берлином, учитывая длительное соперничество России с империей Габсбургов в Юго-Восточной Европе [13, p. 154]. Поскольку действия этих стран стали ущемлять позиции России в Европе, напряженность превратилась в вооруженный конфликт.

Определенную роль в постепенном нарастании мирового конфликта, по мнению М. А. Таубе, сыграло формирование англо-французского согласия в 1904 г., при существующем уже военном союзе Франции и России. Еще одним фактором стал срыв противниками сближения с Германией Бьерского соглашения о взаимопомощи в случае нападения третьей державы, подписанного германским и российским императорами 24 июля 1905 г. [9, с. 180–181]. В этой связи германское правительство вполне обоснованно опасалось быть зажатой Францией и Россией. Эта ситуация подталкивала немецкие военные круги к разработке плана предупредительной войны, пока российского государство не оправилось от поражения в русско-японской войне и революционных событий. Но, по мнению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, не подлежит сомнению, что тройственное согласие "не преследовало никаких наступательных целей и стремилось только предупредить установление германской гегемонии в Европе, в чем оно усматривало опасность для своих жизненных интересов" [8, с. 191].

Стоит отметить, что Россия в вопросах дипломатии была сторонником соблюдения норм международного права. Она оставалась верна заключенным соглашениям и была готова следовать обязательствам перед Францией, поэтому соглашение в Бьерке между Николаем II и Вильгельмом II не вступило в

силу по настоянию российской стороны из-за его противоречий русско-французскому союзу [3, с. 37]. Согласно воспоминаниям великого князя Александра Михайловича, российский император "мог избежать войны, если бы решился изменить Франции и Сербии" [1, с. 250]. Но, несмотря на то, что российское правительство очень хотело нормализации отношений между континентальными державами, события 1905 – 1906 гг. действительно показали, что если бы оно вынуждено было сделать выбор, он бы пал на Париж, а не Берлин [13, p. 28]. В этом отношении Россия продолжала руководствоваться принятым на себя обязательствам.

М.А. Таубе считает, что в таких напряженных условиях Первая мировая война не разыгралась еще до 1914 г. в значительной мере из-за личного нежелания императоров России, Германии и Австро-Венгрии вступать в открытую борьбу [9, с. 181]. Император Германии Вильгельм II старался "загладить свою непоправимую ошибку 1890 года" и возобновить союзнические отношения с русским царем. Подобного сближения он добивался в 1905, 1907 и 1910 гг. В это время австрийский император Франц-Иосиф "прямо боялся войны", опираясь на Мюрцштегское соглашение с Россией 1903 г. о совместных дипломатических действиях по вопросу о реформах в Македонии. Наследник австрийского престола Франц-Фердинад также не был заинтересован в конфликте с Россией из-за его "планов превращения Австро-Венгрии в Триединую немецко-венгерско-словенскую державу", что было невозможным без участия русского государства [9, с. 181]. Но Сараевский инцидент стал тем внешним фактором, который окончательно толкнул европейских монархов в сторону общеевропейского конфликта.

Что касается российского императора, то в мемуарах М. А. Таубе приводит слова Николая II, сказанные после его личного доклада 28 декабря 1914 г. Изначально русский царь был твердо убежден, что в его правление мир будет сохранен: "… если когда-нибудь дело дойдет до столкновения с Германией, то это будет, во всяком случае, уже не при мне…" [9, с. 190]. Нежелание российского правителя вступать в войну можно встретить также в воспоминаниях С. Д. Сазонова и морского министра И. К. Григоровича [8, с. 227; 2, с. 90]. При этом С. Д. Сазонов отмечает, что не только Николай II, но и его правительство сделали все, чтобы избежать кровопролития. Эта война была навязана России и Европе "злою волею врагов, решивших упрочить свою власть порабощением наших естественных союзников на Балканах и уничтожением там нашего исторически сложившегося влияния, что было бы равносильно обречению России на жалкое существование, зависимое от произвола центральных империй" [8, с. 227].

Одним из противников войны был министр финансов и председатель Совета министров В. Н. Коковцев, который на совещании в ноябре 1912 г. выступил против мобилизации, предложенной военным министром В. А. Сухомлиновым. Он полагал, что это толкнет Россию на войну с Германией и Австрией, к которой она не готова. Мысль В. Н. Коковцева сводилась к "невозможности раздельного отношения к Австрии и Германии". Они связаны союзным договором, из которого вытекало "полное подчинение Австрии Германии, эти страны солидарны между собой, как в общем плане, так и в самых мелких условиях его осуществления и что, мобилизуя части нашей армии, мы берем на себя тяжелую ответственность не только перед свою страною, но и перед союзною нам Францией" [5, с. 123–124]. Военный министр В. А. Сухомлинов при этом считал, что войны не избежать, и русская армия к ней вполне готова.

По воспоминаниям В. Н. Коковцева, Николай II старался сохранять спокойствие и уверенность в благополучном выходе из кризиса. Кроме того, он верил в "искреннее желание Императора Вильгельма не допустить развития общеевропейского пожара" [5, с. 171]. Великий князь Александр Михайлович также отмечает, что российский император сделал все, чтобы избежать военного конфликта, но не нашел "никакой поддержки в своих миротворческих стремлениях в лице своих ближайших военных сподвижников — военного министра и начальника генерального штаба" [1, с. 248]. М. А. Таубе полагает, что в Петербурге накануне войны уже формировался круг противников и ненавистников

Германии и Австро-Венгрии во главе с великим князем Николаем Николаевичем, которого поддерживали черногорские великие княгини Анастасия и Милица [9, с. 181].

Б. Э. Нольде в исторических очерках "Далекое и близкое" пытается разобраться в сути Первой мировой войны опираясь на дневниковые записи директора канцелярии МИД барона М. Ф. Шиллинга. Он делал ежедневные записи обо всем, что происходило в Министерстве иностранных дел и русском правительстве. Согласно этим записям европейский конфликт "родился исключительно, как конфликт России с Австро-Венгрией, как русское решение воевать из-за независимости Сербии и равновесия на Балканах, вне всякой цели борьбы с Германией" [7, с. 83]. В дневнике присутствует описание завтрака с участием А. В. Кривошеина, С. Д. Сазонова и М. Ф. Шиллинга, на котором было принято решение настаивать на мобилизации. Ни один из присутствующих, по мнению Б. Э. Нольде, "не руководился целью воевать с Германией, и что для каждого из них вопрос о мобилизации ставился, как вопрос обороны в чистом виде, как созданные событиями необходимость и неизбежность" [7, с. 83–84].

Стоит отметить, что не только представители российского правительства и консервативных кругов в своих воспоминаниях подчеркивают желание российского императора всеми силами решить вопрос путем переговоров и избежать перерастания его в вооруженный конфликт. Лидер партии кадетов П. Н. Милюков замечает об известной нерешительности Николая II, "но тем более должны мы были сочувствовать твердости и упорству его намерения сохранить мир" [6, с. 182].

Первая мировая война стала закономерным итогом развития отношений между странами в предвоенные годы. Она сложилась в результате "длительного накопления противоречий между державами, гонки вооружения и соперничества военно-политических блоков" [4, с. 442]. Однако, согласно воспоминаниям современников этих событий, в том, что конфликт случился именно в июле 1914 г. во многом присутствовал и субъективный фактор – психологическая обстановка, сложившаяся к этому времени в европейских государствах. Она помешала лицам, принимающим решения, остановить скатывания Европы в мировую войну.

Споры и попытки найти виновника общемировой трагедии неоднократно находились в центре внимания уже у современников конфликта. Свой взгляд на развитие событий дает и М. А. Таубе. Во многом его точка зрения на причины Первой мировой войны совпадает с позицией великого князя Александра Михайловича. Они полагают, что в основе европейского конфликта лежит соперничество между Великобританией и Германией. Отдельно необходимо отметить, что, как и у М. А. Таубе, в воспоминаниях других политических деятелей обозначено огромное желание российского императора Николая II сохранить мир и решить назревшие проблемы дипломатических путем.

Недостатком всех воспоминаний, в том числе и мемуаров М. А. Таубе, является то, что они возлагают ответственность за начало войны только на одно государство или военно-политический блок, не учитывая при этом общемировую ситуацию предвоенного периода. Немецкие и австрийские политики были не одиноки в своем империалистическом желании перекроить европейскую карту. Анализ международной обстановки накануне конфликта показывает, что кризис, который породил Первую мировую войну, был плодом общей политической культуры этого периода.

Список литературы

1. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: "Захаров", 2017. 528 с.

2. Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт – М.: Морская газета; Кучково поле, 2005. 320 с.

3. Игнатьев А. В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32–43.

4. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. 672 с.

5. Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. II. Париж: Издательство журнала "Иллюстрированная Россия", 1933. 509 с.

6. Милюков П. Н. Воспоминания (1859 – 1917). Т. 2. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. 399 с.

7. Нольде Б. Э. Далекое и близкое: исторические очерки. Париж: Современные записки, 1930. 278 с.

8. Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Харвест, 2002. 368 с.

9. Таубе М.А. "Зарницы": Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900 – 1917). М.: "Памятники исторической мысли", РОССПЭН, 2007. 272 с.

10. Фей С. Б. Происхождение мировой войны / Пер. Б. Жуховецкого. Т. 2. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 368 с.

11. Черемухин В. В. Повод и причины Первой мировой войны в представлении членов Дома Романовых (на основе воспоминаний) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Ижевцы и воткинцы в гражданской войне. 2016. № 1(30). С. 151–157.

12. Clark C. The sleepwalkers: how Europe went to war in 1914. New York: Harper, 2013. 697 p.

13. Lieven D. C. B. Russia and the origins of the First World War. London – Basingstoke: Macmillan Press Ltd, 1984. 213 p.

14. MacKenzie D. Imperial dreams, harsh realities: tsarist Russian foreign policy, 1815-1917. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1994. 196 p.

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR UNDERSTANDING OF THE FIRST WORLD WAR IN THE MEMOIRS OF M. A. TAUBE

The question of the origins of the pan-European conflict continues to be an actual topic in historical science. Generally, we can speak about the continuation of the tradition to find the causes of the First World War in the international situation on the eve of 1914. In this vein, war has become the logical result of the increasingly expanding contradictions between various alliances and military-political blocs. The article analyzes the attempt of M. A. Taube, Doctor of International Law, to understand the causes of the First World War. His point of view on this problem, which was represented in his memoirs, is compared with the reflection of this problem in the memoirs of other statesmen of this period. All the memoirs of the representatives of the former tsarist government were written in emigration, when the problem of finding an answer to the question about the origins of the European conflict, which led to the overthrow of the monarchy and the downfall of imperial Russia, was particularly arose. The memories of eyewitnesses to the objective reasons of the First World War add to the existence of a subjective factor. There was a occasional chain of events that shaped a tense psychological atmosphere and pushed the countries to war in July 1914. This situation has intervened decision-makers to prevent of slipping of the European states into the world conflict. Thus, there is a need for the complex approach in considering of the causes of the First World War and the importance of analyzing not only the international situation, but also the general spiritual atmosphere of this period.

Keywords: World War I, memoirs, M. A. Taube, diplomacy, Russian foreign policy, international law, Entente, Triple Alliance, etiology of war.

References

1. Velikij knjaz' Aleksandr Mihajlovich. (2017). Vospominanija v dvuh knigah [Memories in two books]. M.: "Zaharov". 528 p.

2. Grigorovich I. K. (2005). Vospominanija byvshego morskogo ministra [Memories of the former Navy Minister]. Kronshtadt – M.: Morskaja gazeta; Kuchkovo pole. 320 p.

3. Ignat'ev A. V. (1998). Svoeobrazie rossijskoj vneshnej politiki na rubezhe XIX–XX vekov [The peculiarity of Russian foreign policy at the turn of the XIX – XX centuries]. *Voprosy istorii* [*Questions of history*], 8, P. 32–43.

4. Istorija vneshnej politiki Rossii. Konec XIX - nachalo XX veka (Ot russko-francuzskogo sojuza do Oktjabr'skoj revoljucii) [The history of Russian foreign policy. Late XIX - early XX century (From the Russian-French alliance to the October Revolution)]. (1997). M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 672 p.

5. Kokovcev V. N. (1933). Iz moego proshlogo. Vospominanija 1903–1919 gg. [From my past. Memories of 1903-1919]. T. II. Paris: Izdatel'stvo zhurnala "Illjustrirovannaja Rossija". 509 p.

6. Miljukov P. N. (1955). Vospominanija (1859 – 1917) [Memories (1859 - 1917)]. T. 2. New

York: Izdatel'stvo imeni Chehova. 399 p.

7. Nol'de B. Je. (1930). Dalekoe i blizkoe: istoricheskie ocherki [Far and Close: Historical Essays]. Paris: Sovremennye zapiski. 278 p.

8. Sazonov S. D. (2002). Vospominanija [Memories]. M.: Harvest. 368 p.

9. Taube M. A. (2007). "Zarnicy": Vospominanija o tragicheskoj sud'be predrevoljucionnoj Rossii (1900 – 1917) ["Zarnitsa": Memories of the tragic fate of pre-revolutionary Russia (1900 - 1917)]. M.: "Pamjatniki istoricheskoj mysli", ROSSPEN. 272 p.

10. Fay S. B. (1934). Proishozhdenie mirovoj vojny [The origins of the world war] / Per. B. Zhuhoveckogo. T. 2. M.: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo. 368 p.

11. Cheremuhin V. V. (2016). Povod i prichiny Pervoj mirovoj vojny v predstavlenii chlenov Doma Romanovyh (na osnove vospominanij) [The reason and causes of the First World War in the representation of the members of the House of Romanov (based on the memories)]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii: nauch.-prakt. zhurnal: Izhevcy i votkincy v grazhdanskoj vojne* [*Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction: scientific-practical. Journal: Izhevtsy and Votkinsk people in the Civil War*], 1(30), P. 151–157.

12. Clark C. (2013). The sleepwalkers: how Europe went to war in 1914. New York: Harper. 697 p.

13. Lieven D. C. B. (1984). Russia and the origins of the First World War. London – Basingstoke: Macmillan Press Ltd. 213 p.

14. MacKenzie D. (1994). Imperial dreams, harsh realities: tsarist Russian foreign policy, 1815-1917. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers. 196 p.

Об авторе

Плещеева Анна Валерьевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), E-mail: annplesh@gmail.com

Pleshcheeva Anna Valeryevna – graduate, Saint Petersburg University (Russia), E-mail: annplesh@gmail.com

УДК 94(73) «1920/1933»

Поподько В.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

КЛАНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В США В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-Х гг.*

В статье рассматривается старейшая и наиболее известная праворадикальная, расистская и националистическая организация в США – Ку-клукс-клан (KuKluxKlan). Она известна своими расистскими взглядами и террористическими актами. По праву Клан занимает первое место среди других экстремистских «групп ненависти». За свою историю тайное братство неоднократно возникало и исчезало, и снова возрождалось, подобно мифическому существу Фениксу. В 1920-е – 1930-х гг. волна расовой и религиозной нетерпимости захватила часть рядовых американцев. Сложившиеся настроения в обществе послужили благоприятной средой для появления различных террористических «групп ненависти», выступавших за борьбу с «врагами нации». Если изначальный Клан был чисто расистской организацией, то второй добавил к своей программе еще и религиозную нетерпимость (антикатолицизм). Католики становятся главным объектом ненависти куклуксклановцев. Экстремисты искали виновных, преследуя ложные цели, вместо того, чтобы попытаться найти и решить настоящие проблемы в обществе. Они прибегали к террору и насилию. Изучение террористических и экстремистских организаций позволит понять причины их появления. Необходимо искать диалог с обеих сторон и тем самым минимизировать проявление экстремистских настроений, а также попытаться устранить насилие во всех его проявлениях.

Ключевые слова: расовая нетерпимость в США, экстремизм, Ку-клукс-клан, тайные общества, нативизм, антикатолицизм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-101-107

Первый Ку-клукс-клан (изначальный) появляется после поражения армии Конфедерации в Гражданской войне. В городе Пуласки штата Теннеси 24 декабря 1865 г. ветераны-конфедераты основывали общество для проведения досуга, положив начало «невидимой империи» Ку-клукс-клана [13, p. 139]. Ричард Рид, знавший греческий язык, предложил назвать тайное братство «Рыцари Куклос». «Куклос» (κύκλος) в переводе с греческого означает «круг». Джон Кеннеди внес свою лепту и предложил добавить к названию слово «клан» (clan), т.к. имел шотландское происхождение [20]. Литера «c» (английского алфавита) в слове «clan» была изменена клансменами на «k», что в итоге преобразовалось в «klan» и превратилось в тавтограмму «KuKluxKlan». Таким образом, общими усилиями ветераны Конфедерации пришли к названию «Ку-клукс-клан».

Второй период Ку-клукс-клана связан с именем Уильяма Джозефа Симмонса и начался он недалеко от Атланты в штате Джорджия 25 ноября 1915 г. У. Симмонс был вдохновлен книгой Томаса Диксона «Клансмен» и фильмом Д.У. Гриффита «Рождение нации». Дух Ку-клукс-клана блуждал как бесплотная субстанция в общественной мысли южанина начала XX в. и ждал, когда сможет обрести «плоть», чтобы материализоваться. Ему нужен был посредник между двумя мирами. Клан буквально существовал в умах жителей Юга, и его нужно было зацепить и вытащить в реальный мир. Для этого необходим был катализатор, и он появился в виде фильма Гриффина «Рождение нации» в 1915 г. Оставалось найти пастыря для стада «белых барашков», и он нашелся в лице У. Симмонса.

В 1920-х гг. Ку-клукс-клан переживает очередное возрождение. Это возрождение можно связать с боязнью белых потерять власть и свои права в обществе. Свою лепту внесла и Великая миграция негров 1910 – 1930-х гг. в северные регионы страны, что только усилило расистские настроения. Все это создавало конкуренцию и рост конфликтности в обществе [9]. Другой важной причиной возобновления активности белых расистов стала «оборонительная» функция Клана, который рассматривался как средство против большевистской революции, католицизма, массовой миграции и иммиграции на протяжении нескольких десятилетий. Выступая против иммиграции, вторая организация кланистов избрала в качестве основного объекта ненависти католиков и евреев, но при этом не забывала и про афроамериканцев. Если для

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Соглашение (от 15.11.2018 г.) №075-02-2018-404.

изначального Ку-клукс-клана главными были проблемы, которые касались только Юга, то теперь они касались всех белых. Возможно, именно поэтому второй Клан превращается из южной организации в общеамериканскую. Численность католиков стремительно росла. Они становилась большинством в городах. Католицизм начал конкурировать с протестантизмом и вызвал антикатолическое сопротивление. Лидерам Клана пошли на пользу антикоталические настроения, что позволило успешно манипулировать массами и быстро увеличить численность организации. Поэтому Ку-клукс-клан укрепился во многих районах в противовес растущему католическому политическому влиянию. Таким образом, было легче привлечь новых сторонников и превратить Клан из локальной южной организации в общеамериканскую, подняв проблемы до национального уровня. Клансмены нашли очередных виновников в своих бедах, характерных не только для южан, но и всех белых. Главными идеями «Невидимой Империи» являлись следующие: мемориализация изначального Ку-клукс-клана, превосходство белых, антисемитизм, ксенофобия (мигрантофобия), антикатолицизм, «чистый американизм», протестантизм и строгая мораль [17, p. 17 – 19].

Уильям Джозеф Симмонс (6 мая 1880 г. – 18 мая 1945 г.) родился на ферме, недалеко от Харперсвилл, штат Алабама, где он провел все детство. После участвовал в испано-американской войне как рядовой в полку Алабамы. По завершению службы он становится наставником в методистской епископальной церкви. В 1912 г. занял должность преподавателя по истории южных штатов в университете Ланье в Алабаме. Он превосходно владел риторикой и говорил, как старый проповедник. Основатель второго Ку-клукс-клана был известен среди членов братства как «полковник» Симмонс [17, p. 1].

Второй Клан имел следующую организационную структуру. «Невидимой Империей» считалась географическая область всего ордена. «Невидимая Империя» делилась на «королевства», в которые входили штат или территория США. Королевство разбивалось на «провинции» (графства), которые именовались по номерам или по округам. Внутри каждой провинции находились «клантоны» (Klantons) – основные территориальные единицы, находившиеся под юрисдикцией «белого братства» штата [18, p. 52]. «Невидимая Империя» находилось под властью «Имперского Волшебника». «Королевство» контролировал «Великий Дракон», провинцией командовал «Великий Титан», а местными «кланами» управляли «Возвышенные Циклопы» [17, p. 2 – 4].

Уильям Симмонс был первым Имперским Волшебником Ку-клукс-клана. Его власть распространялась на все ячейки организации. Главы местных кланов назначались с согласия Имперского Волшебника, но находились под контролем локальных организаций, действовавших на основании местных уставов. Симмонс являлся разработчиком всех ритуалов и догм «рыцарей». Роль имперского законодательного органа власти играло собрание (конвенция), которое называлось «клонвокация» (Klonvokation), собиралось раз в два года или по приказу Имперского Волшебника. В перерыве между созывами клонвокаций функционировал консультативный совет, который называли «клонцилиум» (Kloncilium). Собирался совет ежегодно в июле [17, p. 3].

В первые годы существования второго Ку-клукс-клан обошлось без громких происшествий. Организация была аморфной и недостаточно известной. В основном это было связано с отсутствием финансирования, слабостью организации, которая только налаживала сотрудничество между «братскими» ячейками, а также единоличным управлением У. Симмонса. Во многом застой «Невидимой Империи» связывают с отсутствием подготовленных управленцев среди руководителей Клана. Отсутствие предпринимательской жилки у Симмонса сдерживало развитие организации «рыцарей». Именно с появлением представителей бизнеса связывают рост тайного общества, которое становиться коммерческим сообществом [17, p. 6].

Экспансия Ку-клукс-клана началась в 1920 г. вместе с его реорганизацией. 7 июня этого года «полковник» Симмонс, осознав ограниченность своих возможностей, подписывает контракт с профессиональным промоутером Эдвардом Я. Кларком (1877 -?) из Атланты. К ним присоединилась миссис Элизабет Тайлер (10 июля 1881 г. - 10 сентября

1924 г.). Таким образом, появился «имперский триумвират». Она вместе с Кларком управляла агентством по сбору средств – «Южной Рекламной Ассоциацией» (Southern Publicity Association) и работала в аппарате пропаганды. Тайлер не являлась членом организации «рыцарей» и не была включена в договор с Симмонсом и Кларком, а также не занимала официального поста в «Невидимой Империи» [17, p. 6 – 11].

По договору между Симмонсом и Кларком власть оставалась в руках Имперского Волшебника, а вербовка переходила в руки Имперского Клягла (Kleagle). Имперскому Кляглу помогали Короли Кляглы, которые руководили Кляглами в королевствах. К середине 1921 г. число Кляглов превышало 200 чел. [4, p. 2], [12]. Эдвард Кларк занимался расширением состава и организацией кадров Клана. Имперский Клягл был лично заинтересован в привлечении новых лиц в тайное братство, т.к. получал комиссионное вознаграждение, тем самым выступая в качестве агента-посредника. Ему полагалось забирать часть денег от вступительного взноса (10 долл.) каждого нового члена [7, p. 3], [6, p. 31 – 32]. Клягл брал себе 4 долл. и 6 долл. передавал Королю Кляглу, который брал 1 долл. Далее 5 долл. шли Великому Гоблину, который оставлял себе 50 центов, отправив 4,50 долл. Имперскому Кляглу. Последний брал себе 2,5 долл. Остаток в 2 долл. отдавался в казну Имперского Волшебника. Система была тщательно проработана. Каждый сотрудник, получивший комиссионные, должен был еженедельно отчитываться. Такая финансовая пирамида за полгода увеличила численность Клана до 100 тыс. чел. [17, p. 7]. Оппортунистическая деятельность Кларка и Тайлер в Ку-клукс-клане объяснялась жаждой наживы. Они апеллировали к народу, выдвигая крайние расистские и религиозными лозунги, которые находили отклик среди радикалов. Реклама положительно сказалась на развитии «Невидимой Империи». Она представляла Клан в качестве единственного борца против «врагов» американской нации. Игра на патриотических чувствах американцев и шовинизме привела к плачевным последствиям. Численность расисткой организации увеличилась до рекордной отметки за весь период ее существования. Террористическая организация наполнила сердца белых протестантов ненавистью, шовинизмом и расизмом.

В «Невидимую Империю» вошли представители разных социальных классов. Сначала для вербовки выбирались «выдающиеся» личности (адвокаты, политики, проповедники, преподаватели, бизнесмены), а потом агитаторы переходили на средний класс. После набора в свои ряды наиболее приемлемых кадров организация переходила к набору менее желаемых (маргиналов).

10 ноября 1922 г. Эдвард Кларк решил уйти со своей должности и остаться простым членом организации. С его слов уход был связан с жестким преследованием и по личным обстоятельствам [3, p. 10]. На самом деле в СМИ сообщалось, что Эдвард Кларк и Элизабет Тайлер были арестованы за нарушение «сухого закона». В октябре 1919 г. они были задержаны и оштрафованы в состоянии алкогольного опьянения. При этом Кларка застали в полураздетом виде. В сентябре 1923 г. Кларк снова нарушил «сухой закон». В ноябре 1924 г. федеральный суд США в Хьюстоне, штат Техас, признал его виновным в нарушении «Закона Манна» («закон о белом рабстве») в феврале 1921 г. и оштрафовал на 5 тыс. долл. [17, p. 6 – 10]. Скандал существенно повлиял на историю Ку-клукс-клана. Часть клансменов считала, что Э. Кларк необходим на своем посту в качестве одного из руководителей аппарата пропаганды. Другая же часть придерживалась противоположного мнения.

В начале 1920 г. в южном регионе Клан представлял собой разрозненные ячейки, особенно в Алабаме и Джорджии. По оценкам историка Ку-клукс-клана Арнольда Райса, общее число его членов, вероятно, в то время было меньше 2 тыс. чел. Организация мероприятий имела спорадический характер до конца 1910-х гг. [17, p. 6]. Исследователи «Невидимой Империи» дают разные оценки количества членов тайного союза. Численность Клана варьируется от 4 до 10 млн. чел. В 1920-е гг. во многих штатах кланистское движение было мощной политической силой и контролировало политику в Индиане, Орегоне, Техасе, Оклахоме, Колорадо и оказывало огромное влияние на другие штаты. В штатах Делавэр, Миссури, Западная Вирджиния влияние куклуксклановцев не было сильным [11]. Если сравнивать кланистские ячейки между регионами, то Ку-клукс-клан

был более многочисленным на Среднем Западе и в промышленных городах. Безусловно, центр «Невидимой Империи» находился в Джорджии, откуда кланистское движение распространилось по южным территориям. Первые ячейки Клана появились на Юге. Позднее они начали возникать на Севере и даже на Аляске.

В октябре 1921 г. после ряда разоблачений в СМИ и расследований Конгресса, рост организации приостановился. Но поднятый шум в газетах об антикатолических настроениях среди «рыцарских» орденов сделали кланистское движение скандально-популярным [10]. Клан достигает своего первого успеха. Тайные братства начинают укрепляться на Западе, в нижнем течении реки Миссисипи, в Техасе, Оклахоме и Арканзасе. Постепенно тайное братство укореняется на побережье Тихого океана: сначала в Калифорнии, а затем и в Орегоне. К 1924 г. организация достигает масштабного успеха на Среднем Западе (штаты Индиана и Огайо). На пике своей активности по численности членов Клана лидировал Средний Запад, а потом – Юг. Пик своего могущества «Невидимая Империя» показала в 1925 г. Ее сторонники организовали масштабный марш (более 40 тыс. чел.) в Вашингтоне (округ Колумбия) [17, p. 12 – 14].

Вынужденное расследование Конгресса по поводу скандалов в прессе обеспечило «Невидимой Империи» бесплатную рекламу. По возвращении из Вашингтона (где он давал показания в Конгрессе) в национальную штаб-квартиру в Атланте Имперский Волшебник оказался завален письмами со всех частей страны с просьбами о разрешении создания местных кланов. За год в ряды клансменов вступили более 1,1 млн. новичков. Успех тайной организации обрадовал Симмонса. Он как-то сказал: «Конгресс сделал нас» (Congress made us). Спустя время «полковник» решил подыскать себе энергичного и преданного помощника. Им стал Хирам Уэсли Эванс. Эванс (26 сентября 1881 г. - 14 сентября 1966 г.) родился в Ашленде, штат Алабама. Он получил стоматологическое образование в университете Вандербильта в Нэшвилле, штат Теннеси. Ему с легкостью удавалось продвигаться по карьерной лестнице, начиная с рядового клансмена и заканчивая Имперским Волшебником. Эванс выполнял поручения и путешествовал по стране. Регулярно встречался с руководителями местных кланов, что в итоге помогло отстранить Симмонса от власти и взять все в свои руки [1, p. 213], [5, p. 14]. Период Х. Эванса связан с темной деятельностью «рыцарской» организации, в частности, с «громкими» убийствами. Однако, в первые годы существования террористической организации (1915 – 1922) линчеванию подвергались около пределах 50 – 100 чел. в год. За этот период погибли около 500 чел. В период правление Эванса это число сокращается. За последующие годы существования Клана число жертв линчевания уменьшается примерно до 350 чел. [14]. Новый Имперский Волшебник публично выступал против насилия, т.к. это мешало его политической кампании, хотя сам являлся участником кровавых расправ.

Уильям Симмонс решил созвать клонвокацию, чтобы его могли переизбрать Имперским Волшебником и предоставить ему помощника. Новую административную должность он предложил назвать «Император». Деятельность Императора заключалась в помощи планированию и реализации политического курса расистской организации. Тем самым, Симмонс совершил ошибку, развязал руки заговорщикам. 27 ноября 1922 г. в Атланте на клонвокации произошел переворот. Конвенция поддержала Хирама Эванса, избрав его Имперским Волшебником, а Уильяма Симмонса – Императором. С переворотом в руководстве клансменов начинается новый этап в истории «рыцарских» тайных братств. На этот период приходится пик могущества Ку-клукс-клана, связанный, тем не менее, с предыдущей деятельностью «имперского триумвирата». Клан обзавелся всем необходимым, кроме «полководца», способного вести за собой «рыцарей», «как на победу, так и на смерть».

После избрания Эванса Имперским Волшебником триумвират разрушился. В начале 1923 г. Элизабет Тайлер выходит замуж и оставляет активную работу в организации. В следующем году она умирает. С Эдвардом Кларком Клан решает расторгнуть договор и прекратить ему платить комиссионные. Весной 1923 г. новый Имперский Волшебник осуществляет передачу себе всех значимых обязанностей Императора. Тем самым, полностью отстраняет «полковника» от

власти. 1-2 мая 1923 г. на клонцилиуме (специальном собрании) Ку-клукс-клан покупает у Симмонса авторские права на организацию, по которым обязывается платить 1 тыс. долл. в месяц до конца его жизни. В сентябре следующего года Симмонс уходит из «Невидимой Империи». Несколько раз он пытался создать похожие на Клан братства, но все было безуспешно. Отчаявшись, «полковник» уехал в Люверн, штат Алабама. Основатель второго Ку-клукс-клана умер 18 мая 1945 г. забытым и одиноким.

К 1925 г. членство в секретном ордене стало уменьшаться. Исследователи связывают это явление с невыполненными обещаниями Клана, неудачным «сухим законом», ограничением иммиграции правительством и скандалами, связанными с главными лидерами Ку-клукс-клана. В 1925 г. многие вступали в орден из-за страха перед католиками, левыми движениями, «красной угрозой». Но местные подразделения никуда не исчезли, они реорганизовывались в новые кланы с менее активной деятельностью, чем в прежние времена [15]. Второй пик своего могущества Ку-клукс-клан пережил в 1928 г. Вызвано это было выдвижением католика Альфреда Э. Смита в качестве кандидата на пост президента от Демократической партии. Ку-клукс-клан был важной политической силой на выборах 1928 г., которая внесла свой вклад в антикатолический «крестовый поход» [19, p. 298 – 301]. Из-за влияния Клана и пропаганды против католицизма на Юге США Смит уступил с большим отрывом (40,8% против 58,2%) Герберту К. Гуверу [2, p. 1073]. Ку-клукс-клан не был особенно успешным в политической деятельности. Были периоды, когда организация имела востребованность в обществе и среди политиков, но на небольшие промежутки времени. Клан спекулировал на определенных социальных проблемах (иммиграция и миграция, «красная угроза» и т.д.) или же предлагал решение личных вопросов (реализация политических интересов отдельных деятелей, продвижение по карьерной лестнице). Но популизм редко выигрывал и часто приводил к провалу. Тайное братство, если где и было успешно, то в местной политике, особенно на Юге, а также в штатах Индиана, Огайо и Нью-Джерси. В этих регионах целые подразделения правоохранительных органов и муниципальные комитеты состояли из клансменов. Это был некий социальный тренд, вызванный веяньем моды, ненавистью и ощущением своей слабости и ущербности.

Во время Великой депрессии 1930-х гг. численность клансменов резко сократилось до 50 тыс. чел. Основным центром движения оставался Юг, а за его пределами существовало незначительное число расистских групп [16, p. 625–633]. Последние ячейки второго Клана формально прекратили свое существование в 1944 г. Исследования, американских историков второго Клана доктора Джона Книбона и Шарика Торреса показывают, что в период 1915 – 1940 гг. было известно 2029 ячеек тайного братства расистов [8]. После Второй мировой войны появляются мелкие независимые друг от друга ячейки кланистов. На протяжении 20 лет Клан оставался в тени. В 1960-е гг. организация возродилась в связи с подъемом борьбы за гражданские права расовых меньшинств. Начался третий период истории Ку-клукс-клана.

Второй Ку-клукс-клан являлся общенациональной террористической организацией, но, тем не менее, был преимущественно южным явлением. Мозг и сердце «Невидимой Империи» находились в южных штатах. Юг также являлся душой Клана. С одной стороны, он был пропитан запахами южного солнца, яблочного пирога и прекрасных цветов магнолии, а с другой – его запах был отвратителен и отдавал кровью и слезами. К гибели Клан привела коррумпированность и внутренняя борьба местных лидеров за власть и деньги. Организацию У. Симмонса погубили не ее противники, а ее структура. Если изначальный Клан был распущен из-за своей ненужности, то второй – из-за некомпетентности. К 1922 г. Клан достиг пика своего могущества. Для второй организации расистов характерным были антикатолические настроения. Слухи о людях в масках, которые угрожали и наказывали, вызывали интерес. В период руководства организацией У. Симмонса наблюдается наивысшей подъемом террора. В период управления Кланом Х. Эвансоном насилие снизилось. Политическая деятельность куклускановцев в рассматриваемую историческую эпоху не являлась удачной. Кланистское движение имело успех на локальном уровне, когда его усилия были

востребованы со стороны части общества и некоторых политиков. Ку-клукс-клан был успешным лишь тогда, когда он пропагандировал принципы «американизма», а не поддерживал конкретных политических личностей на местном и национальном уровнях. Второй Клан потерпел неудачу.

Список литературы

1. Bennett D. H. The Party of Fear: From Nativist Movements to the New Right in American History. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1988. 509 p.
2. Bicentennial Edition: Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Part 2. Washington: U. S. Government Printing Office, 1975. 1200 p.
3. Clarke quits post as head of Ku Klux // The New York Times. 1922. October 5.
4. Clarkers' Own Roster Shows 'Kleagles In Nearly All States // New York Word. 1921. September 9.
5. Emperor Hiram // The New York Times. 1927. December 24.
6. Fry H. P. The Modern Ku Klux Klan. Charleston: BiblioBazaar, 2009. 274 p.
7. Harcourt F. Ku Klux culture: America and the Klan in the 1920s. Chicago: The University of Chicago Press, 2017. 272 p.
8. Klaverns all sans sources-2018201 // VCU Scholars Compass. Virginia Commonwealth University. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarscompass.vcu.edu/hist_data/1/ (дата обращения: 15. 11. 2018).
9. Kneebone J. T. Coming of Age in the Progressive South Virginia Commonwealth University // VCU Scholars Compass. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarscompass.vcu.edu/ (дата обращения: 01. 12. 2018).
10. Kneebone J. T. Publicity and Prejudice: The New York World's Expose of 1921 and the History of the Second Ku Klux Klan // VCU Scholars Compass. Virginia Commonwealth University. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarscompass.vcu.edu/ (дата обращение: 01. 12. 2018).
11. Ku Klux Klan. Southern Poverty Law Center. [Электронный ресурс]. URL: https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/ku-klux-klan (дата обращения: 19. 11. 2018).
12. Ku Klux Klan Wars on Catholics, Jews; Reap Rich Returns // New York Word. 1921. September 6.
13. Lewis M., Serbu J. Kommemorating the Ku Klux Klan // The Sociological Quarterly. 1999. Vol. 40. № 1. 176 p.
14. Lyching, Whites and negroes, 1882 - 1968 // Tuskegee University. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.tuskegee.edu/ (дата обращения: 31. 01. 2019).
15. Mapping the Second Ku Klux Klan, 1915 – 1940. // VCU Libraries. [Электронный ресурс]. URL: https://labs.library.vcu.edu/klan/ (дата обращения: 14. 11. 2018).
16. Neymeyer R. The Ku Klux Klan of the 1920s in the Midwest and West: a Review Essay // The Annals of Iowa. 1992. Vol. 51. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://ir.uiowa.edu/cgi/ (дата обращения: 09. 01. 2019).
17. Rice A. S. The Ku Klux Klan in American Politics. Washington: Public Affairs Press, 1962. 150 p.
18. Simmons W. J. Kloran. Atlanta: The Ku Klux Press, 1916. 54 p.
19. Slayton R. A. Empire Statesman. The Rise and Redemption of Al Smith. New York: Free Press, 2001. 483 p.
20. The History of the Ku Klux Klan // Loyal White Knight of the Ku Klux Klan. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lwkkkk.com/klan-history/ (дата обращения: 30. 10. 2018).

THE MOVEMENT OF KLANSMEN IN THE UNITED STATES IN THE 1920S – EARLY 1930S.

The article deals with the oldest and most famous right-wing, racist and nationalist organization in the United States-the Ku Klux Klan (KuKluxKlan). She is known for her racist views and terrorist acts. The Klan takes first place among the other extremist «hate groups». Throughout its history, the secret brotherhood has repeatedly arisen and disappeared, and again revived, like the mythical creature Phoenix. In the 1920s and early 1930s, a wave of racial and religious intolerance captured

some ordinary Americans. The prevailing mood in the society served as a favorable environment for the emergence of various terrorist «hate groups». Who stood for the fight against the «enemies of the nation». If the original Klan was a purely racist organization, the second added religious intolerance (anti-Catholicism) to its program. Catholics become the main object of hatred of the Ku Klux Klan. Extremists have sought the perpetrators for personal ends rather than trying to find and solve the real problem. They resorted to terror and violence. The study of terrorist and extremist organizations will make it possible to understand the reasons for their emergence. It is necessary to seek dialogue on both sides and thereby minimize the manifestation of extremist sentiments, as well as to try to eliminate violence in all its manifestations.
Keywords: racial intolerance in the USA, extremism, Ku Klux Klan, secret societies, nativism, anti-Catholicism.

References

1. Bennett D. H. The Party of Fear: From Nativist Movements to the New Right in American History. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1988. 509 p.
2. Bicentennial Edition: Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Part 2. Washington: U. S. Government Printing Office, 1975. 1200 p.
3. Clarke quits post as head of Ku Klux // The New York Times. 1922. October 5.
4. Clarkers' Own Roster Shows 'Kleagles In Nearly All States // New York Word. 1921. September 9.
5. Emperor Hiram // The New York Times. 1927. December 24.
6. Fry H. P. The Modern Ku Klux Klan. Charleston: BiblioBazaar, 2009. 274 p.
7. Harcourt F. Ku Klux culture: America and the Klan in the 1920s. Chicago: The University of Chicago Press, 2017. 272 p.
8. Klaverns all sans sources-2018201 // VCU Scholars Compass. Virginia Commonwealth University. Retrieved 15 November, 2018 from URL: https://scholarscompass.vcu.edu/hist_data/1/.
9. Kneebone J. T. Coming of Age in the Progressive South Virginia Commonwealth University // VCU Scholars Compass. Retrieved 1 December, 2018 from URL: https://scholarscompass.vcu.edu/.
10. Kneebone J. T. Publicity and Prejudice: The New York World's Expose of 1921 and the History of the Second Ku Klux Klan // VCU Scholars Compass. Virginia Commonwealth University. Retrieved 1 December, 2018 from URL: https://scholarscompass.vcu.edu/.
11. Ku Klux Klan. Southern Poverty Law Center. Retrieved 19 November, 2018 from URL: https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/ku-klux-klan.
12. Ku Klux Klan Wars on Catholics, Jews; Reap Rich Returns // New York Word. 1921. September 6.
13. Lewis M., Serbu J. Kommemorating the Ku Klux Klan // The Sociological Quarterly. 1999. Vol. 40. № 1. 176 p.
14. Lyching, Whites and negroes, 1882 - 1968 // Tuskegee University. Retrieved 31 January, 2019 from URL: http://archive.tuskegee.edu/.
15. Mapping the Second Ku Klux Klan, 1915 – 1940. // VCU Libraries. Retrieved 14 November, 2018 from URL: https://labs.library.vcu.edu/klan/.
16. Neymeyer R. The Ku Klux Klan of the 1920s in the Midwest and West: a Review Essay // The Annals of Iowa. 1992. Vol. 51. № 6. Retrieved 9 January, 2019 from URL: https://ir.uiowa.edu/cgi/.
17. Rice A. S. The Ku Klux Klan in American Politics. Washington: Public Affairs Press, 1962. 150 p.
18. Simmons W. J. Kloran. Atlanta: The Ku Klux Press, 1916. 54 p.
19. Slayton R. A. Empire Statesman. The Rise and Redemption of Al Smith. New York: Free Press, 2001. 483 p.
20. The History of the Ku Klux Klan // Loyal White Knight of the Ku Klux Klan. Retrieved 30 October, 2018 from URL: http://www.lwkkkk.com/klan-history/.

Об авторе

Поподько Владимир Александрович – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: zaschibov@gmail.com

Popod'ko Vladimir Alexandrovich – post-graduate student, Bryansk State University named after Academican I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: zaschibov@gmail.com

УДК 341.121

Родин Д.В. аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПОЛЬСКОГО ПРОЕКТА «ВОСТОЧНОГО ЛОКАРНО» НА VIII СЕССИИ АССАМБЛЕИ ЛИГИ НАЦИЙ (СЕНТЯБРЬ 1927 г)

В статье на основе архивных документов, материалов печати, опубликованных дипломатических документов и исследовательской литературы рассматривается судьба польского проекта «Восточного Локарно», изложенного на VIII Ассамблее Лиги Наций в сентябре 1927 г. В данном проекте отразилось стремление польской дипломатии под прикрытием резолюции в духе Женевского протокола 1924 года обеспечить международную гарантию собственной территориальной целостности, что вызвало неприятие у членов Совета Лиги – Великобритании, Германии, а также Франции, вынужденной ради сохранения партнерских отношений с Лондоном и Берлином пожертвовать интересами своего союзника. Дискуссии, развернувшиеся вокруг проекта, продемонстрировали разницу в отношении великих держав и малых стран к проблеме международной безопасности, а также неготовность Великобритании связывать себя гарантиями обеспечения безопасности других стран за пределами уже взятых на себя в Локарно обязательств. Лига Наций в данных дискуссиях выступала, с одной стороны, в роли форума, где малые страны могли озвучить свои требования касательно обеспечения собственной безопасности, а с другой, в роли инструмента, с помощью которого великие державы направляли дискуссии в нужное им русло, что позволяло им обеспечивать собственные интересы. Итогом дискуссий, развернувшихся вокруг проекта, стало принятие резолюции декларативного характера, имеющей исключительно моральную силу, что означало поражение польской (и частично французской) дипломатии и торжество германской.

Ключевые слова: международные отношения, Лига Наций, Локарнская конференция, внешняя политика Польши, внешняя политика Великобритании, внешняя политика Германии, внешняя политика Франции, Женевский протокол.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-108-116

Одним из важнейших событий в дипломатической жизни Европы в 1920-е годы стала Локарнская конференция, зафиксировавшая возвращение Германии в концерт ведущих европейских держав. Достигнуто это было за счет важного компромисса: Германия, согласно Рейнскому гарантийному пакту, признавала нерушимость своих западных границ, но одновременно западные страны (Великобритания, Франция, Италия, Бельгия) не затрагивали проблемы восточных границ Германии, оставляя открытым вопрос об их пересмотре. Французский публицист А. Фабр-Люс в связи с этим отмечал, что Локарнские соглашения определили правила для «наименее вероятного случая войны… прямого столкновения между Францией и Германией», предоставив при этом польской территории к востоку от Германии «очень низкий коэффициент безопасности» [3, с. 203]. В связи с этим очевидна неудовлетворенность польской дипломатии итогами Локарнской конференции, вынуждавшая Варшаву искать иные пути обеспечения территориальной целостности Польской республики. Одним из способов решения этой проблемы стали проекты «Восточного Локарно», призванные адаптировать принципы Рейнского гарантийного пакта к ситуации в Восточной Европе и дополнить достигнутые в 1925 г. соглашения.

Речь шла о системе гарантийных договоров и пактов о ненападении между Польшей и ее соседями как на западе, так и на востоке, которая обеспечила бы неприкосновенность послевоенных границ Польши. Данная идея, например, лежала в основе советско-польских переговоров по пакту о ненападении, начатых в 1926 г. и затянувшихся вследствие стремления Варшавы «использовать его для стабилизации положения в Восточной Европе, но вместе с тем и для укрепления собственных позиций Польши в регионе» [4, с. 117]. Неудача на восточном направлении, равно как и отсутствие заинтересованности великих держав в предоставлении Польше гарантий территориальной целостности (за исключением, пожалуй, Франции, видевшей в Польше основу «санитарного кордона») вынуждали Польшу продолжать поиски путей обеспечения собственной безопасности. Итогом этих поисков стало обращение Польши к Лиге Наций на VIII сессии Ассамблеи Лиги в сентябре 1927 г. с проектом резолюции, имевшей, по сути, значение «Восточного Локарно», т.е. ставившей своей задачей достижение международных гарантий польских

границ. Изучение данного проекта и развернувшейся вокруг него дискуссии позволяет расширить наши представления о месте и роли Лиги Наций в Версальском миропорядке, а также рассмотреть столкновение интересов, концепций безопасности, геополитических амбиций и устремлений как между великими державами, так и между «сильными мира сего» и малыми странами Европы.

Повестка VIII сессии была известна заранее: предполагалось уладить споры между Венгрией и Румынией по поводу конфискованного имущества венгерских землевладельцев и между Грецией и Германией из-за линкора «Саламис», решить вопрос о приеме Германии в постоянную мандатную комиссию Лиги Наций, избрать новых членов Совета Лиги Наций [25]. Однако в начале сентября, за несколько дней до открытия сессии, польский представитель в Лиге Наций Ф. Сокаль посетил своего британского коллегу А. Кадогана и сообщил последнему о намерении своего правительства представить Ассамблее Лиги проект всеобщего пакта о ненападении. Формально речь шла о новой версии Женевского протокола «О мирном урегулировании международных конфликтов» 1924 года, согласно которому страны, подписавшие документ, брали на себя обязательство избегать применения военной силы для разрешения международных конфликтов, за исключением случаев сопротивления агрессии (определение которой давалось в приложении к документу) и действий, предпринимаемых по решению Лиги Наций. Вследствие провала ратификации протокола в Великобритании и Италии документ так и не вступил в силу.

Теперь же Ф. Сокаль настаивал на том, что предполагаемый пакт, по мнению его правительства, поднимет престиж Лиги Наций в глазах мировой общественности, опасающейся, что «Ассамблея Лиги ничем не содействует пацификации мира» [17, с. 558]. Можно предположить, что вдохновителем выступления Ф. Сокаля был министр иностранных дел Польши А. Залеский, известный своей приверженностью идее сотрудничества с Лигой Наций, в то время как глава Польской республики Ю. Пилсудский (председатель Совета министров Польши после Майского переворота 1926 года) относился к Лиге критически, придерживаясь мнения, что ее деятельность «зачастую весьма далека от интересующих Польшу вопросов», а участие в ней польских представителей лишь «создает лишние трудности для Варшавы и даже прибавляет ей случайных друзей и врагов» [1, с. 62-63]. В то же время нельзя оставить без внимания тот факт, что польский дипломат проинформировал о намерениях своего правительства в первую очередь именно британцев. Подобный шаг свидетельствует, что к 1927 г. польская дипломатия во все большей степени отходила от профранцузской ориентации и при решении внешнеполитических проблем предпочитала апеллировать к Великобритании, которой, по словам британского посла в Варшаве У. Макса-Мюллера, приписывалась роль «верховного арбитра» [9, с. 79].

Впрочем, А. Кадоган и присутствовавший на встрече судья Постоянной палаты международного правосудия С. Хёрст отнеслись к идее Ф. Сокаля скептически. Позиция британской элиты в отношении Женевского протокола мало изменилась с 1924 года: глобальный характер интересов Британской империи вызывал у британских дипломатов опасение, что подписание подобного договора приведет к «непомерному расширению международных обязательств Великобритании» и вызовет «риск втягивания в войну, не затрагивающую напрямую ее интересов» [2, с. 326]. В связи с этим А. Кадоган надеялся отговорить Ф. Сокаля от выступления перед Ассамблеей, в частности, он предупреждал, что существует «значительная опасность в принятии плохо продуманной резолюции просто ради того, чтобы иметь определенную резолюцию для демонстрации ее общественности» [17, с. 560]. Однако польский дипломат был непреклонен и выражал уверенность в том, что его предложение является «необходимым первым шагом» для заключения региональных пактов по модели Локарнских соглашений [17, с. 559]. В результате британским дипломатам так и не удалось убедить Ф. Сокаля отказаться от своих намерений.

Тогда же о польских предложениях стало известно и в Берлине. 1 сентября 1927 г. статс-секретарь рейхсканцелярии Г. Пюндер сообщил министериальдиректору рейхсканцелярии В. фон Хагенову о готовности

Польши выступить в Женеве с проектом международного пакта, имеющего, по словам самого статс-секретаря, «значение Восточного Локарно» [8, с. 366]. При этом он подчеркивал, что для Германии принятие подобного плана было бы весьма «неприятно», поэтому она была обязана голосовать против плана.

Особые опасения вызывала возможность поддержки Ф. Сокаля с французской стороны. Немецкой стороне были памятна речь французского министра иностранных дел А. Бриана, произнесенная в конце августа 1927 г. на заседании Межпарламентского союза. Напомнив присутствующим об итогах Локарнской конференции, министр заявил, что достигнутые соглашения «полностью исключают любое применение силы на любой европейской границе, как на Востоке, так и на Западе» [10]. Как писала «Дойче Альгемайне Цайтунг», многие германские политики заметили в словах А. Бриана «влияние определенных французских кругов, заявляющих о необходимости Восточного Локарно» [15]. Особое беспокойство вызывало то, что слова А. Бриана были подхвачены такими политиками, как сенатор и главный редактор газеты «Матэн» А. де Жувенель, который во всеуслышание заявлял, что «спасение нашей страны [Франции – прим. авт.] и Европы состоит в восстановлении Великой Антанты, состоящей в союзе с Малой Антантой и Польшей, способной в одиночку противостоять всепоглощающим амбициям рейха» [31, с. 96]. На Вильгельштрассе не исключали возможности того, что предстоящее выступление польской делегации было подготовлено с согласия Кэ д'Орсе или даже при активном участии Франции.

Впрочем, опасения немцев были преждевременными: уже 1 сентября немецкий посол Л. фон Хёш телеграфировал из Парижа, что французский сенат, ведомый самим А. Брианом, отклонил идеи сенатора А. де Жувенеля о создании «Восточного Локарно» [8, с. 373]. Германия получила ясный сигнал, что предложение Ф. Сокаля отражает исключительно интересы польского правительства. Однако проблема оставалась прежней: польская делегация все еще намеревалась озвучить свой проект с трибуны Лиги Наций, и в случае его принятия ревизия восточных границ Германии была бы крайне затруднена. В эти же дни статс-секретарь МИД Веймарской республики К. фон Шуберт в беседе с М.М. Литвиновым, заехавшим в Берлин по дороге в Москву из Парижа, заявил: «Мы по-прежнему придерживаемся убеждения, что создание какого-либо Восточного Локарно совершенно невозможно» [8, с. 343].

Между тем сведения о намерениях польской делегации представить на Ассамблее Лиги проект всеобщего гарантийного пакта уже просачивались в печать. Отдельные британские репортеры высказывали мнение, что за польскими предложениями скрывалась попытка «навязать Великобритании тяжелые военные обязательства на благо других держав» [11], и подобные предположения вызывали у Форин-офиса беспокойство. Опасаясь осложнений, которые польский проект мог породить в англо-франко-германских отношениях, О. Чемберлен, только что прибывший в Женеву, за день до открытия сессии лично встретился с Ф. Сокалем и попытался убедить последнего в «опасности нового обращения в той или иной форме к вопросам, связанным с обсуждением известного протокола» и «в необходимости избегать всего, что могло бы бросить тень сомнения на те обязательства, в которые уже вовлечены все мы и Германия в особенности» [17, с. 560-561].

Тем самым О. Чемберлен недвусмысленно намекал на противоречие польского проекта соглашениям, достигнутым в Локарно: стремясь придать предполагаемому пакту универсальный характер, Варшава явно надеялась в первую очередь пересмотреть статус польско-германской границы, лишенной, в отличие от западной границы Германии, каких-либо международных гарантий. Сама возможность подобного пересмотра, как было показано выше, заставляла Берлин бить тревогу, что увеличивало риск конфликта между Веймарской республикой и Польшей, чего британские дипломаты стремились всеми силами избежать (в еще большей степени они стремились избежать втягивания Великобритании в этот конфликт). В ответ Ф. Сокаль вновь повторил заверения в благих намерениях польского правительства, которое лишь старалось избежать опасностей, произрастающих «из той части общественного мнения в самых разных странах, которая не верит в Лигу и оппозиционна ко всей политике умиротворения, символом которой является Локарно» [17, с. 561].

Не убедив главу польской делегации отказаться от задуманного, О. Чемберлен принял решение о поиске такой формы проекта, которая оказалась бы приемлемой для всех великих держав. Любопытно, что сразу после разговора с Ф. Сокалем О. Чемберлен проконсультировался по вопросу польских предложений не с кем иным, как с министром иностранных дел Германии Г. Штреземаном и заверил последнего, что возьмет инициативу обсуждения польского проекта на себя [17, с. 562]. Тем самым глава Форин-офиса явственно обозначил, с кем он предпочтет блокироваться при обсуждении польского проекта в Лиге Наций.

5 сентября 1927 г., в день открытия VIII сессии Ассамблеи Лиги Наций, польский проект был официально представлен широкой публике. Возвращаясь к идеям Женевского протокола 1924 г., польская делегация озвучила идею общей декларации всех членов Лиги Наций и стран, не входящих в Лигу, о намерении отказаться от войны, как способа решения международных споров. Спустя несколько дней главам делегаций всех стран-членов Лиги была передана официальная формулировка польского проекта: «Все агрессивные войны запрещены. Ассамблея заявляет, что государства-члены Лиги обязаны соблюдать этот принцип. Вследствие этого Ассамблея призывает членов Лиги приступить к заключению пактов о ненападении, основанных на идее о том, что для урегулирования разногласий любого характера, которые могут возникнуть между членами Лиги, следует использовать все доступные мирные средства» [28].

Газеты тут же окрестили проект «Восточным Локарно» [12; 26]. Для всех было очевидно, что главной целью польской делегации является гарантия нерушимости польско-германских границ, которой польская делегация не смогла добиться на конференции в Локарно, и теперь Варшава, говоря о запрещении любых войн и о желательности заключения пактов о ненападении, имела в виду в первую очередь обеспечение безопасности и неприкосновенности собственных границ. Об этом же, например, сообщал И.В. Сталину нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, убежденный в том, что польское предложение было «прежде всего направлено против Германии, официально подтвердившей в Локарно возможную перспективу военного разрешения германо-польских споров» [5, с. 220].

Следует отметить, что малые страны в основном поддержали польское предложение и даже взялись за его усовершенствование. Например, голландская делегация предложила вернуться к обсуждению протокола 1924 года, а представитель Норвегии К.Й. Хамбро выступил в Ассамблее с речью, обличающей систему, при которой «великие европейские державы сосредотачивают в своих руках контроль над международными делами, не обращая внимания на голос малых стран», что, по его мнению, некогда уже привело к мировой войне [24, л. 294]. Предложение самого К.Й. Хамбро сводилось к заключению всеобщего договора об арбитраже, согласно которому любые межгосударственные споры предлагалось передавать в Международный или третейский суд, назначенный Советом Лиги.

Со своим проектом «Восточного Локарно» выступил и министр иностранных дел Латвии Ф. Циеленс. 7 сентября он обратился к Ассамблее с речью, в которой признал, что Западная Европа только выиграла от Локарнских соглашений, но заметил, что «Западная Европа еще не вся Европа в целом», и высказался за подписание «Локарнского соглашения для Востока», которое «гарантировало бы статус-кво на восточном побережье Балтики» [20, с. 69]. Однако попытки латвийского министра заручиться поддержкой Франции, Германии или Великобритании оказались бесплодными. Ни А. Бриан, ни Г. Штреземан не проявили интереса к латвийским предложениям, а О. Чемберлен, прямо заявил Ф. Циеленсу, что «британская политика отнюдь не заключается в том, чтобы заниматься гипотетическими угрозами» [20, с. 70]. Тем самым он указал на нежелание связывать руки британской дипломатии гарантиями безопасности для малых стран. «Западное Локарно» было в этом отношении единственным исключением, и границей британского вмешательства в дела европейского континента оставался Рейн.

Тем не менее поддержка проекта Ф. Сокаля со стороны малых стран и появление проектов, развивающих его идеи или подражающих им, указывали на недовольство малых стран великими державами, неспособными построить всеобъемлющую систему гарантий безопасности. Газетчики метко охарактеризовали сложившуюся ситуацию, как

«мятеж в Лиге Наций» [18, с. 546]. Однако, в конечном счете, именно представителям великих держав – О. Чемберлену, А. Бриану и Г. Штреземану, предстояло решать судьбу польских предложений. В первые же дни заседаний Ассамблеи главный секретарь министра иностранных дел Великобритании В. Селби писал в письме к бывшему министру иностранных дел Великобритании Э. Грею о совместном англо-франко-германском давлении на польскую делегацию. При этом особая роль отводилась А. Бриану вследствие того, что, по мнению Форин-офиса, «Польша не склонна действовать независимо от Франции». По словам В. Селби, сам А. Бриан прямо заявлял во время переговоров с О. Чемберленом, что «не намерен участвовать в каком-либо сценарии, способном разрушить англо-французский фронт, с таким большим трудом созданный в Локарно, перед глазами всей Европы» [24, л. 297]. Намерения министра, впрочем, разделяли не все члены французской делегации: некоторые из них попытались помочь полякам, однако А. Бриан пресек подобные поползновения, отказавшись от распространения Локарно на восток и подтвердив тем самым свою «лояльность» Великобритании и Германии [31, с. 97].

О. Чемберлен, в свою очередь, заявил 6 сентября, что «не видит никаких преимуществ в подписании нового документа, касающегося вопроса безопасности», и предположил, что «резолюция, побуждающая распространять пакты по образцу Локарно, будет более приемлемой для Ассамблеи» [27]. В речи к Ассамблее от 10 сентября он был еще более конкретен и во многом повторил слова, до этого сказанные в приватной беседе Ф. Циеленсу: «Вы предлагаете нам любой стране и любой границе предоставлять гарантии, которые мы дали по одному договору. Если вы просите нас об этом, то вы просите нас о невозможном. Наши силы, сколь бы велики они ни были, несоразмерны тем задачам, которые вы ставите перед нами» [13].

О. Чемберлен ясно давал понять, что Англия не собирается предоставлять новые гарантии безопасности малым странам, в особенности в Восточной Европе, и если они хотят обеспечить свою безопасность, они должны сами договариваться друг с другом. Причиной этого был не только страх Англии перед новой войной, которую, например, вполне могли вызвать трения между Польшей и ее соседями, в первую очередь Германией. В личной беседе О. Чемберлен признавался министру иностранных дел Германии, что «он не допустил бы принятия документа, из-за которого он и Штреземан оказались бы в разных лагерях» [8, с. 481]. Не менее важной причиной были трения внутри самой империи: как напоминал В. Селби, «ни в метрополии, ни в доминионах не наблюдается намерения взять на себя дополнительные обязательства в отношении Европы. Напротив, доминионы даже не подписали Локарнские соглашения» [24, л. 420-421]. Неуверенность в своих силах, нежелание провоцировать конфликт с Германией и опасения вызвать раскол в империи подводили О. Чемберлена к мысли о нежелательности и даже невозможности более активного участия Великобритании в решении проблем Восточной Европы.

Тем не менее прямой отказ от проекта Ф. Сокаля был чреват падением авторитета Лиги, т.к. это привело бы к разочарованию малых стран в международной организации. Перед тройкой министров стояла задача «выхолостить» польский проект, изъяв из него любые упоминания о гарантиях безопасности. Для этого проект был передан в комиссию по разоружению при Лиге Наций, которую возглавлял Э. Бенеш. При этом еще 7 сентября Г. Штреземан встречался с Ф. Сокалем, который представил министру иностранных дел Германии новый проект декларации, согласно которой «все государства Лиги Наций в добровольной форме отказывались от войны при любых обстоятельствах и во всех случаях обязывались решать государственные конфликты мирным путем» [8, с. 404]. Г. Штреземан был удовлетворен данной формулировкой. Он сообщал в Берлин, что «принятие декларации может иметь далеко идущие последствия, в частности, будут разбиты все надежды, связанные с лозунгом Восточного Локарно», т.к., во-первых, «будет выбита почва из-под ног определенных политических кругов во Франции, утверждающих, что на востоке Европы недостаточно гарантий мира» (тем самым Г. Штреземан недвусмысленно намекал на А. де Жувенеля), во-вторых, «будет создан фундамент для требований Германии о всеобщем разоружении и скорейшем разрешении проблем, все еще существующих между Германией и странами-оккупантами» [8, с. 405].

Как можно видеть, под давлением великих держав польская делегация практически сразу была вынуждена отступить от своей первоначальной линии и от разработки нового варианта Женевского протокола перейти к составлению документа декларативного характера. Немецкая делегация без особых проблем достигла своей цели: из нового варианта проекта исчез призыв к заключению гарантийных пактов по образцу Рейнского, что означало отсутствие конкретных обязательств стран по взаимному обеспечению территориальной целостности. В то же время можно увидеть, что для германских дипломатов борьба с польскими предложениями в большей степени означала борьбу с теми французскими политиками, кто, как А. де Жувенель, надеялся на создание «Восточного Локарно», и выхолащивание польского проекта позволяло Вильгельмштрассе надеяться, что подобного рода идеи постепенно уйдут в прошлое. Кроме того, созданный в результате совместной борьбы с польскими предложениями англо-франко-германский фронт можно было использовать для дальнейшего пересмотра Версальских постановлений.

Озвученная Ф, Сокалем при разговоре с Г. Штреземаном версия резолюции оказалась достаточно близка к окончательной. Доработанный в комиссии под руководством Э. Бенеша документ торжественно провозглашал, что «все агрессивные войны находятся и всегда будут находиться под запретом», и рекомендовал в случае каких-либо разногласий между членами Лиги «задействовать все мирные средства» для разрешения возникшего спора [23, с. 8]. При этом из резолюции исчезло предложение о заключении пактов о ненападении между всеми членами Лиги Наций, которое и составляло основу первоначального польского проекта. Без подобных пактов резолюция приобретала исключительно декларативный характер, т.к. в ней не предусматривалось никаких инструментов претворения заявленных принципов в жизнь. В этом виде резолюция и была принята Ассамблеей Лиги Наций 24 сентября.

Итак, отклонив конкретные ссылки польской делегации на гарантийные пакты в духе Локарнских соглашений, О. Чемберлен, Г. Штреземан и А. Бриан вынудили Ф. Сокаля представить Лиге Наций по сути декларативный документ, имеющий, по словам главы польской делегации, «большое моральное и воспитательное значение» [6, с. 497]. По сути, резолюция Лиги Наций осуждала лишь агрессивную войну, а отсутствие четко обозначенной процедуры примирения конфликтующих сторон делало арбитраж лишь возможным, но отнюдь не обязательным способом решения межгосударственных споров. Немецкая пресса могла ликовать. «Фоссише Цайтунг» восклицала: «Никакого Восточного Локарно!», – а «Дойче Альгемайне Цайтунг» писала: «За одну неделю вышло так, что польский план был изорван в клочья, и от него практически ничего не осталось» [30; 16]. В то же время для польской делегации, надеявшейся на поддержку Франции, это был, по словам исследовательницы З. Штайнер, «уничижающий опыт» [21, с. 518].

Общественное мнение в Великобритании в целом отнеслось к итогам восьмой сессии Ассамблеи Лиги Наций скептически. Многие, в том числе редакция газеты «Дэйли телеграф», задавались вопросом, «каким образом рекомендации в области “безопасности”… смогут привести к росту числа двусторонних пактов по модели Локарно между бывшими союзниками и их врагами, например, между Венгрией и Чехословакией или Сербией и Венгрией» [14]. А в редакции «Таймс» открыто признавали, что «правда состоит в том, что большая часть делегатов, прибывших в Женеву, приехали с особой целью произносить и слушать речи, посвященные разоружению и миру… Делегаты приезжают сюда, чтобы, отчасти, избежать отвратительной борьбы с повседневными делами, а также чтобы на короткое время потворствовать своим идеализмам в кругу подпевающего международного сообщества» [29]. С этой точки зрения ничего удивительного в том, что итогом заседаний стала резолюция исключительно декларативного характера, не было.

Что же касается Франции, то она, будучи вынужденной ради сохранения дружественных отношений с Лондоном отказаться от поддержки своего союзника в Восточной Европе, понесла, пожалуй, наибольшие репутационные потери. Польская газета «Курьер Поранни» («Утренний курьер») обвиняла Францию в том, что «любой признак независимости в действиях Варшавы нежелателен для Кэ д'Орсе и смущает Бриана» [31, с. 98]. Француз-

ское правительство, в свою очередь, было вынуждено оправдывать действия министра, утверждая, что А. Бриан вовсе не имел в виду противодействие польскому проекту. На это бельгийская газета «Авенир» саркастически заметила, что «если бы Локарно удовлетворяло Польшу, у нее не было бы причин требовать его распространения на восток» [31, с. 98].

Тем не менее итог был однозначным: взаимодействие трех великих держав позволило «увести “Восточное Локарно” в сторону» [19, с. 100]. Это сулило определенный выигрыш для Германии, и впоследствии Г. Штреземан признавался: «Лишь благодаря помощи Англии и Франции мы смогли отклонить польское предложение, сводившееся к Восточному Локарно, в то время как… малые государства были готовы безоговорочно стать на точку зрения Польши» [22, с. 195]. При этом главным «помощником» явно была Англия, чей министр иностранных дел О. Чемберлен выступил организатором совместного давления трех великих держав на польскую делегацию, несмотря на сопротивление малых стран. Что же касается роли Франции в описанных событиях, то на ум приходят слова немецкого журналиста и писателя С. Хафнера: после Локарнской конференции 1925 года «Франция начинает играть подчиненную роль в европейской политике. Настоящими сильными игроками в Европе становятся Англия и Германия…» [7, с. 133] А. Бриан, как и в 1925 г., вновь проявил готовность пожертвовать интересами своего восточноевропейского союзника ради сохранения партнерских отношений с Великобританией и Германией, что в еще большей степени понижало престиж французской дипломатии и ставило ее в прямую зависимость от решений, принимаемых в Лондоне и Берлине.

Такова была логика взаимодействия трех ведущих западноевропейских стран: стремясь укрепить сотрудничество друг с другом, они избегали шагов, способных вызвать конфликты в их среде. Ценой, которую пришлось заплатить за это, стали определенные репутационные потери: тот же Г. Штреземан отмечал, что оппозиция трех великих держав польскому проекту «вызвала определенную критику у малых стран» [8, с. 481]. Однако цель в данном случае оправдывала средства: ни одна из великих держав не имела ни сил (в случае Франции), ни желания (в случае Великобритании и Германии) гарантировать безопасность восточноевропейским странам, и потому они вместе выступили против проекта, подразумевавшего более активное вовлечение западных держав в вопросы безопасности стран Восточной Европы. В то же время Германия, как и два года назад в Локарно, смогла сохранить свободу рук в отношении своих восточных границ.

К концу 1927 года идея Восточного Локарно постепенно стала отходить на второй и даже на третий план. Тем не менее сам факт появления польского проекта и дискуссии вокруг него весьма показательны. Провозглашенная «эра пацифизма» не снизила уровня тревоги малых стран за свою безопасность, в связи с чем они постоянно искали способа заручиться поддержкой великих держав и добиться международных гарантий собственной территориальной целостности и неприкосновенности. Лига Наций в этих условиях служила площадкой для озвучивания требований, предложений и надежд малых стран, однако одновременно она оказывалась инструментом в руках постоянных членов Совета Лиги – Великобритании, Германии и Франции, использовавших его для сохранения статус-кво в отношениях друг с другом и с малыми странами. Отказ великих держав расширять систему гарантий, созданную в Локарно, вскрывал противоречия между государствами разного порядка в их отношении к проблеме безопасности и подрывал доверие малых стран к «сильным мира сего», что порождало новые трещины в фундаменте Версальского миропорядка.

Список литературы

1. Волос М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924-1932 гг. (ключевые проблемы) // Вестник Омского университета. 2011, №1. С. 60-67.

2. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2016.

3. Магадеев И.Э. «Дилемма безопасности» во внешней политике Франции во второй половине 1920-х годов // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010. С. 201-210.

4. Рупасов А.И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х – начале 1930-х гг. СПб., 2008.
5. Советско-польские отношения в 1918-1945 гг.: Сборник документов в четырех томах. Том 2: 1926-1932. М., 2017.
6. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004.
7. Хафнер С. Некто Гитлер: Политика преступления. СПб., 2018.
8. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918-1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Series B (1925-1933). Göttingen, 1974. Bd. 6.
9. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 2: From the First to the Second World War. Series F: Europe, 1919-1939. Washington, 1993. Vol. 38.
10. Daily Telegraph. 1927, September 1st.
11. Daily Telegraph. 1927, September 3rd.
12. Daily Telegraph. 1927, September 5th.
13. Daily Telegraph. 1927, September 12th.
14. Daily Telegraph. 1927, September 26th.
15. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1927, August 31.
16. Deutsche allgemeine Zeitung. 1927, September 9.
17. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1A (1925-1929). London, 1970. Vol. 3.
18. Impressions of Europe // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89, No. 9/10. Pp. 544-547.
19. Kimmich C.M. Germany and the League of Nations. Chicago, London, 1976.
20. Rodgers H.I. Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920-1934. Hamden, 1975.
21. Steiner Z. The Lights that Failed: European international history, 1919- 1933. Oxford, 2005.
22. Stresemann G. Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 3.
23. Subject List № 77 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1927. Geneva, 1927.
24. The National Archives. FO 800/261.
25. Times. 1927, August 26th.
26. Times. 1927, September 6th.
27. Times. 1927, September 7th.
28. Times. 1927, September 9th.
29. Times. 1927, September 28th.
30. Vossische Zeitung. 1927, September 6.
31. Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 2014.

DISCUSSION AROUND THE POLISH PROJECT OF THE «EASTERN LOCARNO» AT THE VIII SESSION OF THE ASSEMBLY OF THE LEAGUE OF NATIONS (SEPTEMBER 1927)

The article focuses on the history of the Polish «Eastern Locarno» project set forth at the VIII Assembly of the League of Nations in September 1927. Used sources include archive documents, press, published diplomatic documents and research literature. The mentioned project reflects an intention of Polish diplomacy to provide an international guarantee of Polish territorial integrity under cover of the resolution in the spirit of the Geneva Protocol (1924). That caused rejection among such members of the Council of the League as Great Britain, Germany and also France that was forced to sacrifice its ally`s interests to maintain partnerships with London. The discussions held on the project showcased the difference of attitudes of the Great Powers and smaller countries towards the subject of international security. Alongside that, they highlighted that Great Britain was not ready to commit to provide security of the countries outside of obligations established at Locarno conference. In discussions mentioned above the League of Nations played the role of a public forum where smaller countries could voice out their requirements on providing their own security. Alongside that, The League of Nations acted as a tool of great powers to guide the discussions in needed directions, which allowed them to maintain their interests. The outcome of the discussions that unfolded around the project was the adoption of a declarative resolution which was entirely morally enforced, which meant the defeat of Polish (and partially French) diplomacy and the triumph of German diplomacy.
Keywords: international relations, the League of Nations, Locarno conference, foreign policy of Poland, foreign policy of Great Britain, foreign policy of Germany, foreign policy of France, Geneva Protocol.

References

1. Volos M. Vneshnjaja politika Polshi na fone mezhdunarodnih sobitij v Evrope v 1924-1932 gg. (kluchevie problemi) [Poland's foreign policy on the background of international events in Europe in 1924-1932 (key issues)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [*Herald of Omsk University*]. 2011, №1. S. 60-67.

2. Kapitonova N.K., Romanova E.V. Istorija vneshnej politiki Velikobritanii [History of Great Britain's foreign policy]. M., 2016.

3. Magadeev I.E. «Dilemma bezopasnosti» vo vneshnej politike Frantsii vo vtoroj polovine 1920-h godov [«Security dilemma» in French foreign policy in the second half of the 1920's]. *Istoricheskij ezhegodnik. 2010* [*History Yearbook. 2010*]. Novosibirsk, 2010. S. 201-210.

4. Rupasov A.I. Garantii. Besopasnost'. Nejtralitet. SSSR i gosudarstva-limitrofi v 1920-h – nachale 1930-h gg [Guaranties. Security. Neutrality. USSR and limitrophe states in 1920's – early 1930's]. SPb., 2008.

5. Sovetsko-polskie otnoshenija v 1918-1945 gg.: Sbornik dokumentov v chetir'oh tomah. Tom 2: 1926-1932 [Soviet-polish relations in 1918-1945: Collection of documents in four volumes. Volume 2: 1926-1932]. M., 2017.

6. Trajnin A.N. Izbrannie trudi [Selected works]. SPb., 2004.

7. Haffner S. Nekto Gitler: Politika prestuplenija [Someone Hitler: The Politics of Crime]. SPb., 2018.

8. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918-1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Series B (1925-1933). Göttingen, 1974. Bd. 6.

9. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 2: From the First to the Second World War. Series F: Europe, 1919-1939. Washington, 1993. Vol. 38.

10. Daily Telegraph. 1927, September 1st.

11. Daily Telegraph. 1927, September 3rd.

12. Daily Telegraph. 1927, September 5th.

13. Daily Telegraph. 1927, September 12th.

14. Daily Telegraph. 1927, September 26th.

15. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1927, August 31.

16. Deutsche allgemeine Zeitung. 1927, September 9.

17. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1A (1925-1929). London, 1970. Vol. 3.

18. Impressions of Europe // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89, No. 9/10. Pp. 544-547.

19. Kimmich C.M. Germany and the League of Nations. Chicago, London, 1976.

20. Rodgers H.I. Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920-1934. Hamden, 1975.

21. Steiner Z. The Lights that Failed: European international history, 1919- 1933. Oxford, 2005.

22. Stresemann G. Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 3.

23. Subject List № 77 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1927. Geneva, 1927.

24. The National Archives. FO 800/261.

25. Times. 1927, August 26th.

26. Times. 1927, September 6th.

27. Times. 1927, September 7th.

28. Times. 1927, September 9th.

29. Times. 1927, September 28th.

30. Vossische Zeitung. 1927, September 6.

31. Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 2014.

Об авторе

Родин Денис Валерьевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: enigma9307@mail.ru

Rodin Denis Valeryevich – postgraduate student of Department of modern and contemporary history, History Faculty, Moscow state university named after M.V. Lomonosov (Russia), E-mail: enigma9307@mail.ru

УДК 9; 94(47)

Рудковская М.М., соискатель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ В 1920-1930 гг.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы административного и правового регулирования контингента русских беженцев во Франции в 1920 - 1930-х годах. Уделяется внимание французской законодательной базе, особенно проблемам миграционного законодательства. Автора анализирует основные этапы юридической интеграции русских эмигрантов в межвоенный преиод. Предлагается классификация различных типов удостоверяющих документов, в том числе, специально разработанных для эмигрантов из России. Описывается деятельность Офисов по делам русских беженцев, - организаций, унаследовавших функции ликвидированных в 1925 году Императорских посольских и консульских структур. Представлена авторская статистика временных видов на жительство, выданных русским беженцам, проживающим в г. Тулон в 1920-1930-е годы. Особое внимание уделяется факторам, повлиявшим на процесс юридической интеграции русских эмигрантов.

Ключевые слова: русские эмигранты, беженец, Франция, Тулон, легализация, паспорт Нансена, натурализация.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-117-121

Настоящая статья посвящена проблеме юридической интеграции эмигрантов во Франции в период между мировыми войнами. Автор ставит целью проанализировать основные этапы легализации и адаптации на примере русской общины Тулона, которая была основана в 1921 году членами экипажа военного транспорта «Рион» в количестве 104 человек, получившими разрешение на проживание в регионе.

Прежде всего, необходимо отметить, что юридические сложности русских беженцев во Франции были связаны с двумя главными вопросами. Эмигранты из России входили в особую категорию иностранцев, к которым трудно было применить обычно практикующиеся принцип взаимности или национальный режим. Следует также упомянуть, что поведение беженцев из России в начале 1920-х годов не вписывалось в общепринятую юридическую практику и казалось нелогичным: русские не хотели легализоваться, чтобы иметь документы, удостоверяющие личность принимающей страны. Эмигранты ждали падения большевизма и мечтали вернуться в Россию.

В первые месяцы после Крымской эвакуации решающую роль в процессе адаптации эмигрантов сыграли специалисты русской дипломатической миссии в Константинополе, которые помогали решать практические вопросы по размещению беженцев, поиску работы, выдаче первых удостоверяющих документов. Важную роль также имела деятельность международных организаций: бюро Красного Креста, например, оказывало материальную поддержку в организации питания беженцев, функционировании школ и ясель для малышей [14, с.14].

Многие выходцы из России утратили гражданство в силу политических изменений в государстве, кроме того, советская власть приняла ряд декретов об утрате ими советского гражданства. Впервые определение понятия «беженец» появилось в июле 1922 г. на Женевской конференции: таковым признавался эмигрант русского происхождения, не принявший никакого другого подданства. Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнило это понятие: эмигрантом считалось всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства [2, с. 134].

Поворотным моментом в вопросе юридической интеграции русских беженцев стал 1924 год, когда были установлены дипломатические отношения между советским государством и крупными европейскими странами, в том числе и Францией. В результате, пропала надежда на возвращение в Россию, поэтому необходимо было искать способы социальной и правовой интеграции в стране проживания.

В 1920-1930-х годах, французская республика разработала целый комплекс мер по решению административных вопросов, связанных с легализацией русских эмигрантов. Прежде

всего, в 1924 году был создан Центральный офис по делам русских беженцев, по своим функциям заменивший дипломатические институты Российской империи, которые сохранялись во Франции до середины 1920-х годов. Так, например, главное отделение Офиса на юге Франции, в Марселе, располагалось в помещениях бывшего Генерального консульства по адресу улица Гриньян, дом 6 [1].

Офисы получили право выдавать консульские бумаги, подтверждающие личность, гражданское состояние, состав семьи и даже образование просителей. Несмотря на формальный характер процедуры создания Офисов, на практике их специалистам приходилось доказывать свой официальный статус. К примеру, признание юридических прав офиса в Марселе вылилось в сложную переписку между консулом и канцелярией Министерства внутренних дел и завершилось 9 мая 1925 года публикацией специального циркуляра о легализации подписи и печати консула на выдаваемых документах [3].

Практическое значение деятельности Офиса сложно переоценить в отношении изучаемой нами группы эмигрантов. Прежде всего, необходимо отметить, что военные моряки не имевшие обычных гражданских паспортов, чаще всего могли предъявить только служебные аттестаты, полученные от командира корабля, на котором они служили. Так, например, согласно допросным листам тулонской полиции от 6 августа 1921 года, офицеры экипажа военного транспорта «Рион» паспортов не имели, а являлись держателями временных удостоверений личности, выданных российским консульством в Константинополе [7]. Таким образом, обращение в Офис, специалисты которого имели возможность получить документы из штаба Русской эскадры или из архива военно-морского агента, становились для многих военных эмигрантов из числа единственной возможностью подтвердить свою личность и социально-профессиональный статус.

Одним из практических результатов работы Женевской конференции стало принятие сертификата для беженцев, получивший название нансеновского паспорта в честь знаменитого учёного Фритьофа Нансена, который был инициатором учреждения специального документа для русских эмигрантов [12, с. 21]. По соглашению 5 июля 1922 г. нансеновские паспорта признавали право на проживание и перемещение владельца в границах страны при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям, имел бумаги, подтверждающие, что он эмигрант, а главное, мог предъявить документы, удостоверяющие его личность.

Франция признала нансеновский паспорт в 1924 году. Получение документа было возможным после заполнения формуляра установленного образца в Префектуре по месту фактического проживания и уплаты государственной пошлины в размере 35 франков [5]. Документ необходимо было ежегодно продлять. Хотя нансеновские паспорта не устраняли трудностей при переезде из страны в страну, при получении разрешений на работу, не давали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице, к началу 1930х годов, держателями сертификатов на территории Франции по различным подсчетам были от 67 до 71 тысячи беженцев из России [13, с.116]. Кроме того, уже в 1927 году владельцы нансеновских паспортов получили некоторые практические преимущества: согласно циркуляру Министра внутренних дел от 18 июня 1927 года право на налоговые льготы для многодетных семей распространялось не только на французских граждан, но и беженцев из России [4]. Данная мера сопровождалась также постепенным процессом унификации административных документов. К 1932 году, специалисты Офиса до делам русских беженцев разработали комплекс типовых документов для административного использования, адаптированных к общепринятой во Франции системе правовой информации [10].

Однако, нансеновский сертификат не был единственным документом, подтверждающим личность и права беженца. Французская республика стала первой еропейской страной, разработавшей собственную систему удостоверяющих документов. Ещё в 1917 году Министерство внутренних дел Франции создало удостоверение личности иностранца («карт де сежур»), которое в только в течение 1917-1920 годов получили чуть более 1,5 миллионов трудовых иммигрантов [11]. Внедрение нового документа было призвано контролировать иностранную рабочую силу, обеспечить правовой статус

иммигрантов как иностранных граждан и подвести указанную категорию населения под уплату специального налога на получение карты. Под эгидой Центрального бюро выдачи удостоверений личности иностранцев, которое находилось в управлении Отдела общей безопасности Министерства внутренних дел, все иностранцы должны были подать обязательное заявление, соответствующее заявке на получение удостоверения личности, причем каждый запрос теоретически подлежал индивидуальному рассмотрению с учетом профессиональной и материальной ситуации заявителя. На время рассмотрения запроса иностранец получал специальную справку - ресеписсе, подтверждающую его временный статус; ресеписсе защищало владельца от возможной депортации, а в некоторых случаях предоставляло право на работу.

Следует отметить, что законодательная база, регулирующая права иностранцев, и процедура подачи досье на получение карты постоянно менялись и усложнялись, создавая дополнительные административные барьеры для определения законного статуса всех категорий иностранцев. Визиты в Префектуру для выполнения необходимых формальностей превратились в ежегодную повинность. Кроме того, были учреждены различные виды карт в зависимости профессионального статуса владельца: наемные работники, ремесленники, мелкие торговцы, уличные или сезонные торговцы, разнорабочие, безработные, фермеры, транзитные иммигранты [8]. Каждая из этих категорий подпадала под различные правила, определившие порядок подачи запроса, стоимость, срок действия карты и даже внешний вид документа. Так, например, временное удостоверение личности русского политического беженца, имевшее хождение в 1930-е годы в категории «безработный» было зелёного цвета [11].

Таблица 1

Статистика временных видов на жительство выданных русским беженцам, г. Тулон, 1927-1939 годы [8]

	Обычный тариф	Фермер	Промыш. сектор	Студент	Своб. проф.	Торговец /Предприним	Родитель фр.ребенка	Безработный
1927	7	52	164					
1928	3	11			1			
1929	59	10	50	2			2	
1930	6	2	21	1				
1932	7	2	10	2				
1933	26	2	51	3			2	
1934	7		15					
1936	3		29	1			2	
1937	3		110			4		84
1939	2	70		9		5		40

Данные полицейской статистики по Тулону отражает общую внутреннюю политическую и экономическую эволюцию в стране. Максимальное количество выданных карт в 1927 году указывают на намерение русского населения легализоваться; затем наступило резкое снижение в 1928-1929 годах, что, безусловно, было связано с началом мирового экономического кризиса и спровоцировало административные меры против найма иностранцев, занимавших рабочие места французов [6].

Заключительным этапом юридической интеграции иностранца являлась натурализация – получение гражданства. Данный процесс во Франции имел свои особенности: по каждому обращению с просьбой о натурализации французскими властями проводилось открытое расследование, заявитель обязан был предоставить документы о составе семьи, справку о благонадежности из полиции, справку с постоянного места работы и сведения о доходах. Ещё одной сложностью в получении положительного решения по запросу могла стать необходимость уплаты государственной пошлины в размере 1276 франков. В региональном государственном архиве департамента Вар автором статьи было найдено 11 персональных запросов на получение французского гражданства, поданных представителями русской общины Тулона в период с 1935 по 1937 годы. Характерной

чертой всех изученных документов являются невозможность заявителей в полном объёме оплатить государственную пошлину за рассмотрение запроса о гражданстве: сумма, указываемая в изученных досье, не превышала половины от необходимой [9].

Подводя итоги нашего исследования, мы можем, прежде всего, заключить, что процесс юридической легализации и интеграции русских беженцев включал в себя комплекс различных мероприятий как на международном, так и на национальном уровне. Только разработка и внедрение в юридическую практику термина «беженец» заняли больше десяти лет. Процедура административной регистрации и учёта контигента беженцев включала различные типы документов. Так, в 1922 году, специально для категории русских беженцев учрежден сертификат Нансена. Франция, принявшая наибольшее количество эмигрантов из России, к началу 1930 годов разработала собственный корпус документов, регулировавший официальные отношения между беженцами и органами государственной власти. Отличительной особенностью данного процесса стало включение в процесс юридической интеграции дипломатических структур Российской Империи, вошедших в сферу деятельности Центрального офиса по делам русских беженцев. Активный процесс приобретения французских документов изучаемой группы эмигрантов относится к концу 1920-х годов, когда большинство членов русской общины получило официальный вид на жительство.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации, 5903, опись 1 дело 483 лист 12.

2. Лагодзинская Ю. С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев// Вопросы российского и международного права, №3-4, 2012, С. 132-144.

3. Archives départementales des Bouches-du-Rhône (далее - AD des Bouches-du-Rhône), série M, sous-série 4, nº carton 964, *Circulaire du Ministre de l'Intérieur au Préfet, le 9 mai 1925.*

4. AD des Bouches-du-Rhône, série M, sous-série 4, nº carton 964, *Circulaire au sujet des réfugiés russes et arméniens, le 18 juin 1927.*

5. AD des Bouches-du-Rhône, série M, sous-série 4, nº carton 964, *Instructions du Préfet à Monsieur le Commissaire de Police, le 6 décembre 1926.*

6. Archives départementales du Var (далее - AD du Var), Série M, Sous-série 4, nº carton 133, *Instruction provisoire concernant de la mobilisation de la main-d'œuvre étrangère.*

7. AD du Var, Série M, Sous-série 4, nº carton 100, *Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire "Rion", le 6 août 1921.*

8. AD du Var, Série M, Sous-série 4, nº carton 101-105, *Naturalisation, statistiques concernant des étrangers, 1928-1939.*

9. AD du Var, Série M, Sous-série 6, nº carton 516, *Etrangers : demandes de naturalisation, Russes, 1933-1939*

10. Archives de l'Office français pour les réfugiés et les apatrides, *Dossier de Nicolas Malyarevsky, demande de naturalisation, 1936.*

11. Ilsen A., Enregistrer et identifier les étrangers en France, 1880-1940// http://www.histoire-immigration.fr/dossiers-thémathiques/intégration-et-xenophobie/enregistrer-et-identifier-les-etrangers-en-france.

12. Coudry G., «Notes sur le «passeport Nansen», *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 1996, №44 Exilés et réfugiés politiques dans la France du XXe siècle, pp.19-21. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/mat_0769 3206_1996_num_44_1_403048.

13. Gousseff C., *L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939)*, Paris : CNRS Éditions, 2008, 335 p.

14. Nicolas C., «Le CICR au secours des réfugiés russes 1919-1939», *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 2009/3, №95, pp. 13-24.

THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN FRANCE IN THE 1920-1930: FROM PROVISIONAL REGISTRATION TO NATURALIZATION

The article is devoted to the problems of administrative and legal regulation of the contingent of Russian refugees in France in 1920-1930. The author examines the legislative base and various types of certifying documents about the question. Special attention is paid to the factors that influenced the process of legal integration of Russian emigrants.
Keywords: Russian emigrants, refugee, France, Toulon, legalization, Nansen passport, naturalization.

References

1. Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoy Federatsii, fond P 5903, opis' 1, delo 483 list 12.
2. Lagodzinskaya Yu.S. (2012). Russkaya emigratsia i stanovlenie pravovogo statusa bezhentsev [Russian emigration and legal status of refugees]//Voprosy rossiyskogo i mezhdurarodnogo prava [Issues of Russian and international law], №3-4, 132-144.
3. Archives départementales des Bouches-du-Rhône (далее - AD des Bouches-du-Rhône), série M, sous-série 4, nº carton 964, *Circulaire du Ministre de l' Intérieur au Préfet, le 9 mai 1925.*
4. AD des Bouches-du-Rhône, série M, sous-série 4, nº carton 964, *Circulaire au sujet des réfugiés russes et arméniens, le 18 juin 1927.*
5. AD des Bouches-du-Rhône, série M, sous-série 4, nº carton 964*, Instructions du Préfet à Monsieur le Commissaire de Police, le 6 décembre 1926.*
6. Archives départementales du Var (далее - AD du Var), Série M, Sous-série 4, nº carton 133, *Instruction provisoire concernant de la mobilisation de la main-d'œuvre étrangère.*
7. AD du Var, Série M, Sous-série 4, nº carton 100, *Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire "Rion", le 6 août 1921.*
8. AD du Var, Série M, Sous-série 4, nº carton 101-105, *Naturalisation, statistiques concernant des étrangers, 1928-1939.*
9. AD du Var, Série M, Sous-série 6, nº carton 516, *Etrangers : demandes de naturalisation, Russes, 1933-1939*
10. Archives de l'Office français pour les réfugiés et les apatrides, *Dossier de Nicolas Malyarevsky, demande de naturalisation, 1936.*
11. Ilsen A. Enregistrer et identifier les étrangers en France, 1880-1940// http://www.histoire-immigration.fr/dossiers-thémathiques/intégration-et-xenophobie/enregistrer-et-identifier-les-etrangers-en-france.
12. Coudry G. (1996). Notes sur le «passeport Nansen»// Matériaux pour l'histoire de notre temps, №44 Exilés et réfugiés politiques dans la France du XXe siècle, 19-21. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/mat_0769 3206_1996_num_44_1_403048.
13. Gousseff C. (2008). L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939), Paris: CNRS Éditions, 335 p.
14. Nicolas C. (2009). Le CICR au secours des réfugiés russes 1919-1939// Matériaux pour l'histoire de notre temps, №95, 13-24.

Об авторе

Рудковская Маргарита Михайловна – соискатель кафедры отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: margarita.thimrud@gmail.com

Rudkovskaya Margarita Mikhailovna – postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: margarita.thimrud@gmail.com

УДК 942.080.1

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЛОНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-х гг.

В статье рассматриваются отдельные аспекты политики в сфере социально-экономического развития британских колоний в 1920-х гг. Мероприятия, предпринимаемые в данном направлении министерством колоний, являлись важной составной частью попыток реформирования британского колониального механизма, последовавших после завершения Первой мировой войны. Одним из приоритетных компонентов новой стратегии, обусловленных относительным экономическим ослаблением Великобритании, являлось укрепление экономического потенциала колоний и сокращение собственно британских бюджетных расходов, связанных с их управлением и развитием.
Ключевые слова: колониальная стратегия, социально-экономическое развитие, внутриимперская кооперация, министерство колоний, Акт о развитии колоний.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-122-128

На фоне ряда сложностей, с которыми столкнулась Великобритания при адаптации к экономическим реалиям послевоенного периода, особое значение придавалось совершенствованию внутриимперской кооперации, и развитию более активных экономических взаимосвязей с различными элементами колониальной периферии. В 1925 г. один из членов Палаты общин от Консервативной партии отмечал: «… Абсолютно существенное значение имеет развитие имперских рынков и поощрения привилегий, которыми пользуются доминионы…»[14, col.638]. В данной связи высказывались опасения о том, что «экономическая гравитация может привести к фатальной дезинтеграции Империи»[14, col.639].

К числу важных экономических тенденций, наметившихся вследствие Первой мировой войны относилось усиление зависимости Великобритании от торговли в рамках стерлинговой зоны, а также сокращение экспорта на рынки традиционных внешних партнёров[4, p.304].

С начала 1920-х гг. для развития британской торговли всё большее значение начинают играть связи с азиатскими и африканскими колониями. В то же время, несмотря на определённый прогресс, связанный с ростом экономических взаимосвязей метрополии с наименее развитыми африканскими колониями, объём торговли с ключевым колониальным владением – Индией имел тенденцию к определённому сокращению. В 1917 г. англо-индийское правительство добилось права введения тарифных барьеров, направленных на стимулирование индийского производства и защиту внутреннего рынка Индии от импорта шерсти и некоторых других видов товаров из метрополии [21, p.140]. Наличие системы внутренних преференциальных ограничений сделало индийский рынок менее привлекательным для британского промышленного экспорта. Наиболее заметным данный тренд стал после событий мирового экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг.[21, p.140]

Наметившаяся тенденция к экономическому замыканию Великобритании на своей колониальной периферии обуславливала существование до определённого момента надежды «на имперское решение экономических проблем», связанной с достижением экономической самодостаточности Великобритании, благодаря, в первую очередь, наличию у неё обширных колоний. Данная стратегия казалась немалой части британской элиты предпочтительной с идеологической точки зрения, поскольку демонстрировала широкому общественному мнению видимое сохранение прежней «британской мощи»[17, p.252].

Наряду с проблемой введения системы протекционистской защиты экономики колоний, важным направлением деятельности британских правительственных структур явились попытки создания определённых стимулов для их социально-экономического развития. Важная роль в их продвижении принадлежала Л. Эмери, занимавшему в кабинете С. Болдуина пост министра по делам колоний. В середине 1920-х гг. при его актив-

ном участии правительством была разработана комплексная программа укрепления имперской системы, включавшая в себя три основных элемента: «во-первых – усиление единства белых доминионов; во-вторых – расширение самоуправляемых территорий за счёт некоторых владений в Восточной Африке, и, возможно, Палестины; в третьих – принятие ряда мер по социально-экономическому развитию остальных колониальных владений»[3, с. 129]. В то же время, ещё в 1921 г. Л. Эмери, занимавший на тот момент пост заместителя министра колоний, суммируя мнения руководителей ведомства, был вынужден признать ограниченность ресурсов, которые могли быть использованы для развития колониальных территорий. «Наши имеющиеся желания сурово ограничены экономическими возможностями, обуславливающими нашу слабость», - отмечал он в одном из посланий[3, с. 110]. В том же году, оставляя пост министра по делам колоний, лорд Милнер писал Л. Эмери: «В настоящий момент, у нас, к сожалению, мало людей, искренне сочувствующих нашим предприятиям» [3, с. 129]. В последующем Л. Эмери неоднократно жаловался С. Болдуину на слабость своих позиций «в сравнении с партикуляризмом колоний и консерватизмом Казначейства» [3, с. 158].

В то же время, возможности правительства по совершенствованию экономической инфраструктуры колоний и активизации социальной стратегии в рамках колониальной политики, были заметно ограничены наблюдавшимися в экономике кризисными явлениями. На фоне проблемы значительной финансовой задолженности, в 1921 г. специальным правительственным комитетом во главе с А. Гиддесом, была выработана программа жёстких мер по сокращению государственных расходов. Программа, получившая нарицательное наименование «топор Гиддеса» (Geddex Axe), резко сократила возможности государства по поддержанию колониальных программ. У. Черчилль, занимавший в 1921-1922 гг. должность министра колоний, был вынужден признать, что «управление провинциями требует от нас всё более огромных сумм»[1, с. 465].

В 1926 г. в Имперской торговой палате началось изучение вопроса о создании системы стимулирования развития колониальных рынков. Через год при колониальном ведомстве были созданы две новых структуры – Колониальный медицинский исследовательский комитет (Colonial Medical Research Committee) и Совет по развитию сельского хозяйства (Agricultural Advisory Council) [3, с.158]. В соответствии с принятым вскоре Актом о развитии колоний, предусматривалось определённое финансирование исследований, связанных с развитием системы коммуникаций в колониальных владениях. В частности, в 1929-1932 гг. на эти цели, несмотря на кризис, было выделено около 1 млн. ф. ст. [17, p.269]

Общая стоимость проектов, рекомендованных Консультативным комитетом министерства по развитию колоний (Colonial Development Advisory Committee) с момента его создания в августе 1926 г. и утверждённая руководством министерства, а также Казначейством составила примерно 5,6 млн. ф.ст.[6, p.15] В то же время, по оценкам многих специалистов, их полная реализация с самого начала представлялась маловероятной, в первую очередь, в силу очевидной нехватки во многих колониях необходимых ресурсов и подготовленных профессиональных кадров [22, p.12].

По итогам последующих консультаций, было принято решение о выделении из бюджета около 1,362 млн. ф.ст. Наряду с этим, предполагалось привлечь дополнительные средства за счёт займов и грантов на общую сумму 588 и 774 тыс.ф.ст.[15, col.1949] В частности, на основании рекомендаций специального комитета, на развитие восточноафриканских владений планировалось потратить 3,950 млн. ф.ст. Данная сумма была предусмотрена принятым в 1926 г. Актом о займах для Палестины и Восточной Африки (Palestine and East Africa Loans Act, 1926). В соответствии с положениями Акта о развитии колоний 1929 г. данную сумму предполагалось увеличить ещё на 837320 ф.ст. При этом в качестве основного источника финансирования в обоих документах рассматривались займы британской колониальной администрации[15, col.1981]. В то же время, суммы финансовых ассигнований некоторым другим колониям были существенно уменьшены. Так, на развитие Нигерии изначально предполагалось выделить 6,3 млн. ф.ст. К

1930 г. данный показатель был сокращён до 5 млн. ф. ст.[8, p.16] Аналогичным образом размер ассигнований на развитие Золотого Берега был уменьшен с 3,7 до 2,6 млн. ф. ст. Гамбия из выделенных на основании Акта 1926 г. 253 тыс. ф. ст. в итоге получила лишь 184 тыс. ф. ст. Также были существенно сокращены расходы на программы развития и в ряде других британских колоний[8, p.16]. В 1931-1932 финансовом году объём правительственных грантов на развитие колоний был урезан практически в два раза – с 1 млн. 35 тыс. до 505 тыс. ф. ст. [16, p.126]

В рамках реализации данной стратегии министерством колоний был разработан ряд конкретных программ социально-экономического развития колониальных территорий, включая те, которые перешли под управление Великобритании по итогам Первой мировой войны на основании мандатов Лиги Наций. Так, по данным, представленным колониальным ведомством в британском парламенте в 1929 г., в период с 1920 по 1926 г. общие расходы на управление Танганьикой составили около 3,5 млн. ф. ст. Из этой суммы 3,1 млн. ф. ст. составили льготные кредиты, выданные в рамках программ развития, а также безвозмездные гранты[10, col. 1314].

Одним из важных направлений деятельности министерства колоний являлось развитие научных изысканий, напрямую сопряжённых с основными задачами социально-экономического развития колониальных территорий. Одним из примеров такого рода явилась деятельность Школ тропической медицины в Лондоне и Ливерпуле, занимавшихся во взаимодействии с крупными международными научными центрами, включая институт Рокфеллера, разработками средств противодействия распространённым в африканских и азиатских колониях эпидемическим заболеваниям. Данные научные центры обладали сетью филиалов и исследовательских лабораторий. Крупнейшая из них располагалась в западноафриканской колонии Сьерра-Леоне и осуществляла, согласно официальным отчётам, системные исследования в сфере противодействия тропической малярии и другим эпидемиям, периодически возникавшим в Тропической Африке [9, col. 65]. Значимую роль в обеспечении деятельности данных научных центров, и, в первую очередь, Лондонской школы тропической медицины, играли субсидии со стороны министерства колоний [5, p.12]. Государство также спонсировало подготовку квалифицированных медицинских кадров для работы в колониях, а также обеспечение местных медицинских учреждений достаточным объёмом лекарств, приобретаемых по их себестоимости[5, p.12].

С данными структурами тесно взаимодействовала Имперская школа сельского хозяйства, штат которой включал 115 человек. Размещаясь на о. Тринидад она изучала вопросы, связанные с улучшением показателей экономической эффективности плантационных хозяйств, а также увеличения производства экспортных сельскохозяйственных культур в различных колониях, в частности, сахара на островах Вест-Индии, каучука в Малайе, а также хлопка и какао в Западной Африке и на Цейлоне [16, p. 138].

В целях развития аграрного производства в некоторых колониях были введены отдельные должности инспекторов по сельскому хозяйству, которые, должны были, в числе прочего, отвечать за соблюдением норм трудового законодательства в отношении представителей аборигенного населения, на которое, как отмечалось в одном из документов специальной комиссии в середине 1920-х гг., должны были распространяться «нормы, аналогичные действующим в нашей стране»[20]. Данное направление деятельности было тесно сопряжено с попытками придать колониальной политике новое гуманитарное содержание, отражавшее, по мнению британских чиновников, «особую ответственность не только перед туземным населением, но и перед всем человечеством за развитие этих народов…»[20].

Предложенные созданной при министерстве колоний в середине 1920-х гг. специальной комиссией нововведения были рассчитаны на существенную модернизацию принципов колониального управления, а также актуализации целей и задач колониальной политики для британского общества. Как отмечалось в одном из выступлений представителя министерства в парламенте в июле 1925 г., «… прискорбным является тот факт, что членам комиссии приходится выезжать в отдалённые африканские или американские

колонии для того, чтобы донести до нашего народа проблемы и трудности, возникающие в наших тропических владениях…»[9, col. 85] Сходного мнения придерживался и сам Л. Эмери, отмечавший в одном из документов, что «незнание нации о состоянии дел в тропических колониях стало причиной утраты Министерством тех способностей, которыми оно должно было обладать, а также отсутствия взаимосвязи между развитием механизма колониального управления и потребностями колоний»[19, p.565]. Следствием данной ситуации явилось чрезмерное расширение самостоятельности глав колониальных администраций во многих сферах управления. По словам одного из британских политических экспертов «стала складываться такая ситуация, при которой вместо единой линии колониального управления мы имеем дело со специфической линией каждого отдельно взятого колониального губернатора… Министерство колоний в данной ситуации выступает скорее ведомой, чем ведущей силой при формировании нашей политики в колониальных владениях» [9, col. 190].

С середины 1920-х гг. заметно увеличились расходы колониальных бюджетов, связанные с социальной сферой. Как отмечалось в одном из отчётов колониального ведомства, к концу 1920-х гг. они «достигли наивысших показателей за последние 10-15 лет»[7, p. 14]. Согласно представленным в британском парламенте сведениям, во второй половине 1920-х гг. расходы на развитие системы здравоохранения в шести основных колониях Великобритании в Тропической Африке выросли с 12 до 22% от общей суммы налоговых поступлений [11, col. 46]. В соответствии с информацией, представленной министерству колониальными губернаторами, в восточноафриканских владениях, в данный период произошло существенное увеличение числа госпиталей и других медицинских заведений. Их создание явилось, в том числе, результатом взаимодействия министерства колоний с англо-индийским правительством, поскольку от 80 до 90% законтрактованных рабочих, трудившихся на плантациях в Кении и других британских владениях этого региона, являлись выходцами из Индии [18, p. 115].

Несмотря на заметный прогресс в данной сфере сохранялись и определённые недостатки, связанные с тем, что «отдельные подконтрольные территории вынуждены самостоятельно решать многие проблемы в сфере медицинского и санитарного обеспечения»[11, col. 47]. В данном контексте, как отмечалось в одном из выступлений, «…представители колониальных администраций выражают серьёзные замечания относительно отсутствия со стороны Министерства колоний эффективной координации в данном важном направлении деятельности» [11, col. 47].

В соответствии с информацией, обнародованной в конце 1929 г. Л. Эмери, министерству колоний в течение пятилетнего периода удалось добиться существенных результатов, связанных с укреплением финансовой стабильности в колониях и повышением доходности их бюджетов. Наиболее заметными данные изменения оказались в восточноафриканских владениях. Доходы этой группы колоний выросли с 7,823 млн. ф. ст. в 1924-1925 ф. ст. до 16,5 млн. ф. ст. в 1927-1928 гг., увеличившись, таким образом, в два раза в течение трёх лет [12, col. 1409]. Общая доходность британских колоний увеличилась в данный период с 60 до 75 млн. ф.ст. Ежегодный рост доходов колониальных владений, согласно официальным данным, составлял в данный период 25%[12, col. 1410]. Позитивные тенденции, как отмечал Л. Эмери, наблюдались и в сфере развития торговых отношений британских колоний. Представленная министерством колоний статистика свидетельствовала об увеличении импорта товаров в 1924-1927 гг. с 187,25 до 245,7 млн. ф. ст. В то же время, объём экспорта из колониальных владений Великобритании вырос со 170,5 до 238,25 млн. ст. Таким образом, по словам министра, общий объём торговли британских колоний увеличился к 1928 г. до полумиллиарда ф.ст. и «имел все шансы в последующие годы превзойти данный показатель» [12, col. 1410]. Детализируя представленную информацию, Л. Эмери отметил рост объёма торговли восточных британских владений, включая Цейлон, Малайю и тихоокеанские колонии, со 153,5 до 247 млн. ф.ст. В то же время, аналогичный показатель колоний в Западной Африке вырос в 1924-1927 гг. с 51 до 66 млн. ф. ст., а восточноафриканских

колоний – с 25 до 32,5 млн. ф. ст. [12, col. 1411] Анализируя причины данных успехов, Л. Эмери особо отмечал роль эффективной политики колониальных администраций, подчеркнув, что благодаря активной деятельности «королевских агентов объём правительственных активов в колониях вырос в течение пяти лет на 33 млн. ф. ст.»[20].

Характеризуя динамику развития торговых отношений метрополии с колониями, глава колониального ведомства подчеркнул их заметный рост по сравнению с довоенным периодом. Согласно представленным им данным, объём экспорта Великобритании в колониальные владения в 1905-1924 гг. вырос с 18 до 47 млн. ф.ст. В течение трёх последующих лет данный показатель увеличился до 55 млн. ф. ст. В то же время, импорт товаров из колоний в метрополию увеличился с 19,5 млн. ф.ст. в 1905 г. до 50 млн. ф.ст. в 1924 и почти 60 млн. ф. ст. в 1927 г. [20] К концу 1920-х гг. в рамках британского имперского пространства, владения, находившиеся под контролем министерства колоний, занимали третье место по общему объёму торговли с метрополией, уступая лишь Индии и Австралии [4, p. 248].

Одними из главных инициаторов обсуждения вопросов социально-экономического развития колоний в 1920-х гг. стали представители Лейбористской партии. По их инициативе в июле 1929 г., в Палате общин началось рассмотрение законопроекта о финансировании широкомасштабной программы «колониального развития», которая, как отмечали её авторы, «сможет обеспечить работу для наших людей в этих странах»[13, col. 24-25]. Данная программа, равно как и ряд других аналогичных проектов развития колониальных территорий, получили активную поддержку и со стороны руководства Консервативной партии [2, с. 102].

В июле 1929 г., в рамках обсуждения в британском парламенте Акта о развитии колоний, колониальным ведомством был подготовлен обстоятельный отчёт, содержащий значительный объём информации об экономическом положении отдельных колониальных территорий. В представленных документах подчёркивался существенный прогресс в повышении доходов некоторых колоний по сравнению с предвоенными годами. В качестве примеров такого рода отмечался рост соответствующих показателей в Нигерии с 3 до почти 8 млн. ф. ст., в Золотом Береге – с 1,3 до 5,2 млн. ф.ст., в Кении – с 1 до почти 3 млн. ф. ст., в Малайской федерации – с 5 до 12 млн. ф.ст., в колониях Вест-Индии – с 3 до 6 млн. ф.ст. Общий рост доходов данной группы колоний составил, согласно официальным данным, 20 млн. ф.ст. [13, col. 492]

Одним из результатов окончательного утверждения парламентом в начале ноября 1929 г. Акта о развитии колоний, явилось создание межведомственного Консультативного комитета по вопросам колониального развития (Colonial Development Advisory Committee). Спустя несколько месяцев им был представлен проект, включающий шесть возможных схем развития колониальных территорий, которые должны были реализовываться в значительной степени за счёт займов Фонда колониального развития (Colonial Development Fund). Общий объем расходов в рамках предложенного проекта должен был составить 4,4 млн. ф. ст. Из этой суммы 1 020 310 ф. ст. предполагалось компенсировать в течение нескольких лет за счёт льготных кредитов и грантов министерства колоний [7, p. 15].

В рекомендациях Консультативного комитета содержался ряд практических предложений, связанных с развитием экономического потенциала африканских колоний, в числе которых особо отмечалась необходимость поддержки частного крестьянского землевладения. Её основной составляющей должна было стать гибкая система налогообложения, которая была призвана воспрепятствовать наблюдавшемуся в данный период процессу разорения крестьянских хозяйств, особенно заметному в Кении и других восточноафриканских владениях Великобритании [7, p. 15].

Усилия министерства по делам колоний в данный период не принесли должного эффекта, а экономическая депрессия рубежа 1920-х – 1930-х гг. явилась дополнительным негативным фактором, сказавшимся, в силу узкой экспортной специализации, на развитии колоний. По словам члена Палаты общин от Лейбористской партии Дж. Уидгвуда, в результате экономической депрессии, ряд британских колоний «ощутили себя простыми зубцами гигантской торговой машины, которая внезапно потерпела аварию, оставив их с

их сырьём и продукцией, без средств к существованию»[17, p. 269].

Относительное социально-экономическое ослабление Великобритании, связанное с негативным воздействием последствий Первой мировой войны, а также возросшая международная конкуренция явились факторами, заметно сузившими перед британской политической элитой «коридор» потенциальных возможностей при выборе вариантов стратегии сохранения прежнего колониального влияния. Вместе с тем поиск путей модернизации социально-экономического потенциала колоний был в межвоенный период важной составляющей проектов, связанных с реформированием системы колониального управления.

Список литературы

1. Гилберт М. Черчилль. Биография. М.: "КоЛибри", 2015. 1056 с.
2. Науменков О.А. Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. 159 с.
3. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М. Издательство иностранной литературы., 1960. 686 с.
4. Ashworth L.M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. L.: I.B. Tauris Academic Studies, 2007. 293 p.
5. Colonial office list. L., HMSO, 1925.
6. Colonial office list. L.: HMSO,1926.
7. Colonial office list. L., HMSO, 1929.
8. Colonial office list. L., HMSO, 1930.
9. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 187 (1925).
10. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 225(1929).
11. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 226 (1929).
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 227(1929).
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 230.
14. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930).
15. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 235 (1930).
16. Hynes W. G. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1895. L.: Longman, 1979. 162 p.
17. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L.: Routledge, 1984. 484 p.
18. Sahni J. **N**. Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. New Delhi: Allied Publishers, 1982. 182 p.
19. The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945. / Ed. by Barnee J., Nicholson D. L., 1987.
20. The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
21. Tomlinson B. R. The Political Economy of the Raj, 1914-1947. L.: Palgrave Macmillan UK, 1979. 202 p.
22. Wotton S. Lord Hailey. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L.: Palgrave Macmillan UK, 2000. 221 p.

THE PROBLEM OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COLONIES IN THE CONTEXT OF REFORMING THE COLONIAL STRATEGY OF GREAT BRITAIN IN the 1920s.

The article deals with some aspects of the policy in the sphere of socio-economic development of the British colonies in the 1920s. The measures taken in this direction by the Ministry of colonies were an important part of the attempts to reform the British colonial mechanism that followed the end of the First world war. One of the priority components of the new strategy, due to the relative economic weakening of the UK, was to strengthen the economic potential of the colonies and reduce the actual British budget expenditures associated with their management and development.

Keywords: the colonial strategy of socio-economic development, intra-Imperial cooperation, the Ministry of the colonies, Colonial Development Act.

References

1. Gilbert M. CHerchill'. Biografiya. M.: "KoLibri", 2015. 1056 s.
2. Naumenkov O.A. Iz istorii vnutrennej politiki konservativnoj partii Velikobritanii. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1989. 159 s.
3. EHmeri L. Moya politicheskaya zhizn'. M. Izdatel'stvo inostrannoj literatury., 1960. 686 s.
4. Ashworth L.M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. L.: I.B. Tauris Academic Studies, 2007. 293 p.
5. Colonial office list. L., HMSO, 1925.
6. Colonial office list. L.: HMSO,1926.
7. Colonial office list. L., HMSO, 1929.
8. Colonial office list. L., HMSO, 1930.
9. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 187 (1925).
10. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 225(1929).
11. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 226 (1929).
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 227(1929).
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929), vol. 230.
14. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930).
15. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 235 (1930).
16. Hynes W. G. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1895. L.: Longman, 1979. 162 p.
17. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L.: Routledge, 1984. 484 p.
18. Sahni J. N. Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. New Delhi: Allied Publishers, 1982. 182 p.
19. The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945. / Ed. by Barnee J., Nicholson D. L., 1987.
20. The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
21. Tomlinson B. R. The Political Economy of the Raj, 1914-1947. L.: Palgrave Macmillan UK, 1979. 202 p.
22. Wotton S. Lord Hailey. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L.: Palgrave Macmillan UK, 2000. 221 p.

Об авторе

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex. ru

Sagimbaev Aleksey Viktorovich – Doctor of History, professor at the chair of world history, international relations and international law, Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: sagimbaev@yandex. ru

УДК 94(438).072 + 94(47).082 + 94(47).083

Тимиряев Д.О., соискатель, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

ОТНОШЕНИЕ К ГЕРМАНСКОМУ ОПЫТУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (1881 – 1914 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье исследуются взгляды консервативных и либеральных публицистов на политику германского правительства на территориях, населенных поляками. Эти территории достались Пруссии после трех разделов Речи Посполитой. Общественная полемика по этой проблеме была одним из сюжетов т.н. польского вопроса. Под устоявшимся в литературе термином «Польский вопрос» понимается комплекс проблем существования Польши и поляков в составе Российской империи. Выявляются сюжеты, которые служили местом совпадения и расхождения точек зрения публицистов. Определяется круг публицистов, активно высказывавшихся по данной проблематике. Изучаются аргументы и оценочные суждения публицистов в области межнациональных и межконфессиональных отношений в Германской империи. Обнаружена апология антипольской политики Германии у ряда консервативных публицистов. По их мнению, применяемую немцами политику по решению польского вопроса необходимо применять в Российской империи. Либеральная мысль относилась к действиям германского правительства отрицательно. Им не импонировала политика репрессий и германизации польского населения в Великом Княжестве Познанском, Силезии, Поморье, Вармии и Мазурах. В качестве источников привлекаются публицистические газетные и журнальные статьи в российских изданиях как продукт общественной мысли.

Ключевые слова: публицистика, польский вопрос, Германская империя, Познань, консерватизм, либерализм, межэтнические и межконфессиональные отношения.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-129-136

Разделы Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) и решения Венского конгресса (1815) привели к появлению в составе Австрии, Пруссии и России территорий, населенных поляками. Главным вдохновителем и инициатором трех разделов Речи Посполитой была Пруссия [8, с. 321; 20, с. 129]. Фридрих II (1712 – 1786) еще в 1752 г. заявлял о необходимости присоединения к его королевству польских территорий между Бранденбургом и Восточной Пруссией [20, с. 129]

Как отмечал исследователь разделов П.В. Стегний: «Разделы Польши в царствование Екатерины II были обусловлены комплексом внешних и внутренних факторов, значительную роль среди которых сыграл длительный и исключительно сложный процесс формирования геополитических структур в Центральной и Восточной Европе после завершения Контрреформации и Вестфальского мира в 1648 году» [20, с. 406].

Перед странами-участницами разделов возникла проблема интеграции этих земель в свое политическое пространство. У каждой из стран был свой опыт решения этой проблемы. Общественное мнение Российской империи в процессе выработки рекомендаций правительству активно обсуждало опыт коллег по разделам. По нашим наблюдениям, в указанные хронологические рамки, публицисты консервативного лагеря рекомендовали использовать опыт Пруссии (с 1871 г. Германской империи) в решении «польского вопроса». Их либеральные оппоненты относились к таким идеям отрицательно, считая действия Германии исключительно репрессивными.

По итогам Венского конгресса в составе Пруссии оказались западные (Познанское княжество) и северные (Восточное Поморье, Вармия, Мазуры) земли Речи Посполитой [18, с. 18]. После первого раздела Пруссия начала проводить политику германизации администрации, образования на присоединенных территориях [8, с. 377]. Проводившаяся в 70-х – первой половине 80-х гг. политика т.н. «Культуркампфа» в восточных провинциях Германии имела антипольский характер [29, s. 390; 30, s. 175]. В 1872-74(76) гг. было запрещено преподавание польского языка в средних школах [9, с. 220; 28, s. 11]. В 1887 году запрет на изучение польского языка дошел до начальной школы [9, с. 378; 28, s. 11]. Исключением были младшие классы, в которых на польском преподавали лишь «закон Божий» [9, с. 378; 28, s. 11]. К концу 1890-х годов учителя-поляки были вытеснены из систем среднего и начального образования [9, с. 378] .

Помимо запрета на преподавания польского языка и преподавания на польском языке, немецкие власти осуществили целую программу германизации польских провинций. К рубежу XIX и XX вв. Германия взяла на курс на изменение этнического состава этих территорий [18, с. 18]. В 1894 году были созданы общества, имевшие антипольскую направленность и пользовавшиеся всемерной поддержкой правительства: «Общегерманский союз» и «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях» [18, с. 18; 28, s. 11]. Были запрещены общественные мероприятия, посвященные событиям польской истории, не разрешалась продажа польской художественной продукции, рекомендовалось игнорирование потенциальными покупателями польских товаров и магазинов [18, с. 18]. В итоге, к 1900 г. в Познани, самом крупном городе Великой Польши, поляки составляли только 55% населения [18, с. 18].

Апологетом германской модели интеграции польских территорий был публицист из консервативного лагеря общественной мысли М.Н. Катков (1818 – 1887). По его мнению, правительство Пруссии, совершенно верно проводит курс на замену юристов-поляков немцами в судебных учреждениях Познани, не обращая внимание на критику таких действий со стороны польских депутатов в представительном органе Пруссии - ландтаге [15, с. 591]. Он утверждал, что Российское правительство должно брать на вооружение подобную линию т.к. полякам нельзя доверять [15, с. 592]. Катков считал, что слишком много юристов в Царстве Польском из поляков [15, с. 592]. С его точки зрения, правительство проявляет излишнее доверие к полякам – чиновникам, не проверяя, как следует их лояльность [15, с. 591].

Для Каткова образцом правильной политики по отношению к полякам, был жесткий антипольский курс канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка (1815 – 1898) [16, с. 80]. Именно такой жесткий курс смог, по мнению публициста, продемонстрировать полякам тщетность их надежд на восстановление Польши и заставить смириться с немецким владычеством в Познани [16, с. 80]. Публицист полагал, что никакого «засилья» русских чиновников в Привислинском крае нет, и нужно увеличивать их число, беря пример с Германии [17, с. 132]. Последняя, как утверждал Катков, приступала уже к замещению ветеринаров-поляков немцами и к предоставлению мест для службы поляков-чиновников исключительно в непольских губерниях [17, с. 133].

Призывая использовать немецкий опыт, публицист убеждал общество, что для Российской власти в Польше опасность намного более актуальная, чем для Германии в Познани, ведь на стороне немецкого правительства была многовековая немецкая колонизация этого региона [17, с. 133]. По его мнению, поляки, понимая бесполезность борьбы с немцами, могут увеличить противодействие российской власти [17, с. 133]. Он полагал, что поляки смогут смириться с германизации западной Польши, но взамен этого увеличат свои усилия по полонизации восточных окраин бывшей Речи Посполитой т.е. Западного края [17, с. 133].

По мнению представителя либеральной мысли Н.И. Кареева (1850-1831), борьба между немцами и поляками в доставшейся Пруссии части Речи Посполитой идет не только культурная, но и экономическая, причем полякам приходится массово эмигрировать в Америку, а их земли переходят к немецким владельцам [10, с. 25-26]. На этом фоне, как утверждал Кареев, позитивно выглядела крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском, обеспечивавшая польских крестьян землей [10, с. 26]. Публицист обращал внимание общества на то, что германизации Познани помогает исторически сложившаяся чересполосица немецкого и польского населения [10, с. 26]. Он объяснял большую роль религии в жизни даже не верующих поляков тем, что это следствие защиты поляков от германизации через сознательную привязанность поляков к католицизму, ведь немцы в Пруссии исповедовали протестантизм [11, с. 92].

Германская политика по отношению к полякам была затронута А.Д. Градовским (1841 – 1889), публицистом и историков права, в цикле статей посвященных антикатолической политике Бисмарка (т.н. «Культуркампф») в Германской империи 1870-х – нач. 1880-х гг. Публицист указывал, что одной из задач этой политики была замена поляка на должности Познанского архиепи-

скопа немцем, чтобы обезглавить этот инструмент сохранения польской идентичности [3, с. 151]. Градовский сообщал читателям, что Бисмарк (творец Культуркапмфа) для убеждения общества в необходимости этой политике, прибегал к ссылкам на сепаратистские настроения среди польского дворянства и духовенства [3, с. 151]. Бисмарк разъяснял общественности, что польское духовенство саботирует изучение немецкого языка в школах [4, с. 631]. По мнению публициста, Бисмарку не долго пришлось искать пример подрывной деятельности польского духовенства в Пруссии т.к. активное сопротивление новым законам познанского архиепископа, графа Ледоховского, позволило убедить общество в реальном противодействии поляков политике властей [5, с. 62].

В.А. Гольцев (1850 – 1906), в 1890-е обозреватель либерального журнала «Русской мысли», считал, что репрессивная немецкая политика по отношению к полякам в начале 1894 г. пошла на спад в связи с хорошим отношением к последним императора Вильгельма II, те, в свою очередь, в благодарность поддерживают все его начинания [1, с. 170]. Публицист подчеркивал, что политика по отношению к полякам крайне нестабильна, и господствующая тенденция в Германии все же сводится к германизации региона и отказу даже от обсуждения возможности предоставления Познани такой же автономии, как в Австрийской Галиции [2, с. 212]. Гольцев приводил мнения немецкой прессы по польскому вопросу, которая была явно не удовлетворена медленной, по их мнению, германизацией Познани [2, с. 212].

Проправительственный публицист В.И. Гурко (1862 – 1927), проработавший в 1880-90-е гг. на различных должностях в администрации Привислинского края, не был согласен с теми, кто полагал, что только через школу германское правительство успешно проводит германизацию [7, с. 308]. Определяющее значение имеет, по его мнению, немецкая колонизация региона, тем самым поляки окружены немцами и немецкой культурой не только в школе, но и самое главное, вне её стен [7, с. 308]. Успехи германизации, как считал Гурко, порождены немецкой школой, немецкой культурной средой, а также поддержкой немецкого общества правительственной политики в Познани [7, с. 308].

Публицист указывал на господствующее в немецком обществе убеждение, что немцы должны помогать только немцам, тем самым, власти не нужно вводить каких-либо юридических препятствий или ограничения для поляков, т.к. немцы блокируют попытки поляков достигнуть карьерного роста в чем-либо [7, с. 308-309]. Гурко был убежден, что политика юридических ограничений для поляков в Российской империи лишь только закаляет польскую идентичность т.к. даже обрусевший поляк не избавится от юридических препон [7, с. 309].

Одним из сюжетов полемики 1898-1899 гг. по польскому вопросу между апологетом правительственной политики по отношению к полякам Н.К. Ренненкампфом(1832 – 1899) и весьма критично настроенным к ней, либералом Б.Н. Чичериным (1828 – 1904) стала дискуссия о ситуации в Познани. Ренненкампф обращал внимание Чичерина на тяжелое положение поляков в Германской империи, в Великом Княжестве Познанском, на фоне которой ситуация в Российской части бывшего Польского королевства выглядела более предпочтительной. Он считал, что цели императорского правительства в Привислянском крае не направленны на ассимиляцию поляков [19, с. 27]. В качестве подтверждения своей мысли он ссылался на опубликованные официальные немецкие документы, посвященные политике германизации польского населения [19, с. 27-28].

На Чичерина не произвела впечатления ссылка его оппонента на немецкие официальные бумаги [26, с. 22]. Как выяснил В.А. Китаев, он не был в курсе реального положения дел поляков в Пруссии [13, с. 132]. Тем не менее, он стал защищать немецкие порядки, описывая несуществующую картину равноправия польского языка и немецкого в области образовании [26, с. 22]. В реальности же, как мы отмечали в начале статьи, ситуация была не такой радужной. В качестве выгодного отличия от России, Чичерин указывал на наличие конституции и избирательных прав для поляков [26, с. 24]. В реальности же, 16 поляков-депутатов не влияли никак на ситуацию в польских землях Пруссии и не могли остановить политику германизации. Даже в

указанном Ренненкампфом циркуляре он видел положительные моменты: «В приведенном вами циркуляре говорится о германизации *культурными* (выд. Чичериным – *Д.Т.*), а не полицейскими средствами» [26, с. 24].

Для редактора консервативных «Московских Ведомостей» с 1896 г., В.А. Грингмута (1851 – 1907) идеалом «правильной» политики по отношению к полякам была Германская империя, и её политика в Познани, которая, по его мнению, выгодно отличается от русской мягкости в Привислинском и Западном крае [6, с. 213]. Он считал, что секрет немецкого успеха это строгие меры против поляков, при четком осознании целей Германии в регионе, чего не скажешь о политике по отношению к полякам русских администраторов после ухода Гурко и Шувалова с должности Варшавского генерал-губернатора [6, с. 213]. Он полагал, что разница в политике привела к тому, что: «Поляки уважают Немцев, а Русских презирают» [6, с. 213].

Ученый-славист со славянофильскими убеждениями, член «Русского собрания», П.А. Кулаковский считал, что германизация Познани это наказание полякам за их насилие над восточными славянами в Речи Посполитой и постоянное противодействие России [14, с. 40]. Он не был согласен с суждениями некоторых польских публицистов о том, что Россия обязана им помочь противодействовать германизации [14, с. 40]. Публицист подчеркивал, что немцы имеют полное право на проведение любой политики в Познани, раз они ею владеют [14, с. 40]. Кулаковский был убежден в том, что принадлежность поляков европейской цивилизации облегчает процесс германизации [14, с. 40-41].

В начале XX века свои суждения о политике германизации в Познани высказал, в будущем правый кадет, П.Б. Струве (1870-1944). По его мнению, политика изменения этнического состава в сельской местности, привела лишь к тому, что польский крестьянин стал массово переселяться в города, тем самым способствуя сохранению польского большинства в городах [21, с. 468-469]. Мысль о том, что Германия желает присоединить к себе всю русскую Польшу, он отвергал, т.к. считал, что Германия не может германизировать уже существующее население, что говорить о еще большем количестве поляков в случае захвата новых польских территорий [22, с. 57]. Появление новых польских подданных в Германской империи, как полагал Струве, увеличило бы количество католиков в стране, что привело бы к напряженным отношениям между протестантами и католиками [22, с. 57].

По его мнению, Россия могла бы сыграть на недовольстве поляков политикой германизации, если бы сама не пыталась, по его мнению, обрусить поляков [22, с. 57]. Он полагал, что у Российского правительства не получится повторить опыт Германии в польском вопросе [22, с. 57-58]. К тому же, как утверждал публицист, Германия скоро откажется от принципов германизации поляков ради союза с Австро-Венгрией, в которой полякам была предоставлена автономия [22, с. 58].

Струве был уверен, что российское общественное мнение поддерживает поляков в их противодействии германизации [23, с. 130]. Также он полагал, что российское общество не одобряет политики собственного правительства в Польше, хотя последнее, как он сам отмечал, в отличие от Германии, не собирается уничтожать польскую культуру [23, с. 130]. Он предупреждал немцев, что помимо осуждения их действий в Познани мировой общественностью, это вызывает негативное отношение к Германии в российском обществе [23, с. 130]. Публицист считал, что германизация обречена на поражение т.к. активистами движения за сохранение польской идентичности в Германии стали не только дворяне, но и широкие массы польского населения, причем самоорганизованное в мелкие экономические организации [24, с. 171].

Однопартиец Струве по кадетской партии Кареев Н.И. утверждал, что политика германизации воспринимается поляками как реальная опасность, и что Российская политика в Польше воспринимается ими более позитивно [12, с. 239]. Он был также солидарен со многими публицистами, считавшими, что с точки зрения экономики, польской промышленности необходим обширный внутренний рынок империи, к тому же немецкая промышленность более опасна для поляков в плане конкуренции [12, с. 239]. По его мнению, эти два обстоятельства могли послужить основой сотрудничества между русскими и поляками,

но только такими поляками и русскими, которые способны преодолеть националистические убеждения [12, с. 239].

Пример Германии вдохновлял не только М.Н. Каткова и В.А. Грингмута, московских публицистов. Б.М. Юзефович (1843 – 1911), русский националист и общественный деятель Юго-западного края призывал брать пример с радикально настроенных в польском вопросе немцев, которые требовали от правительства еще более жестких мер в отношении к полякам в Познани [27, с. 3]. Он подчеркивал, что немцев не смущает тот факт, что Познань это колыбель, как польского народа, так и польского государства, такой же исторический центр польского государства, как Киев для российского [27, с. 3,3-4]. Аналогичную политику, с точки зрения публициста, Германия проводила в Эльзас-Лотарингии, изгоняя оттуда французов, т.к. до середины XVII в. это была немецкая земля и французам там делать нечего [27, с. 4]. Публицист делал такой вывод, естественно, считая, что его должны применять русские по отношению к полякам: «Так действуют высоко учёные и высокообразованные немцы, которых поляки уважают так, что готовы растворить в немецком море лишь бы не быть вместе с русскими» [27, с. 4].

В итоге, русское общественное мнение в вопросе оценок результатов немецкой политики в землях бывшей Речи Посполитой делились как на тех, кто считал нужным заимствовать этот опыт, так и на тех, кто очень критично отзывался о политике германизации. Апологетами Германской модели интеграции польских земель в политическое поле страны были М.Н. Катков, В.А. Грингмут и Б.М. Юзефович. Консервативные и националистические публицисты вполне одобряли желание немцев ассимилировать поляков, т.к. считали это закономерным наказанием за дискриминацию православных «русских» Речи Посполитой. Их любимым аргументом была ссылка на отсутствие в Познани польских восстаний. Это, по мнению апологетов политики Пруссии, свидетельствовало об эффективности немецкой политики.

Большинство либеральных публицистов отрицательно относились к германизации. Они сочувствовали полякам в их борьбе против ассимиляции в немецкой культуре. Исключением был только Б.Н. Чичерин, выступивший апологетом мнимого равноправия поляков и немцев в Познани. По их мнению, напуганные политикой германизации поляки смогут более позитивно отнестись к России. Либеральная общественность, была готова к сотрудничеству с той частью польского общества, которая была бы способна избавиться от агрессивного национализма. В действительности же, реальное сотрудничество российских либералов и поляков было проникнуто взаимным недоверием и демонстрировало наличие разных целей и задач у обеих сторон [25, с. 6-9].

Список литературы

1. Гольцев В.А. Иностранное обозрение // Русская мысль, 1894, № 3. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1894. С. 168 – 175.

2. Гольцев В.А. Иностранное обозрение // Русская мысль, 1894, № 10. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1894. С. 206 – 215.

3. Градовский А.Д. Государство и церковь в Пруссии. Пятнадцать лет культуркампфа, 1870 – 1886 гг. Статья первая // Вестник Европы. 1886. № 7. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича 1886. С. 151 – 198.

4. Градовский А.Д. Государство и церковь в Пруссии. Пятнадцать лет культуркампфа, 1870 – 1886 гг. Статья вторая // Вестник Европы. 1886. № 8. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича 1886. С. 618 – 657.

5. Градовский А.Д. Государство и церковь в Пруссии. Пятнадцать лет культуркампфа, 1870 – 1886 гг. Статья третья // Вестник Европы. 1886. № 9. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича 1886. С. 60 – 92.

6. Грингмут В.А. Русский народ в России. 1905. Цит. по: Грингмут, В. А. Собрание статей В. А. Грингмута: [политические статьи]: 1896-1907. Вып. 3. М.: Унив. тип.,1910. С. 212 – 219.

7. Гурко В. И. Очерки Привислянья. М.: тип. В.В. Чичерина, 1897. 337 с.

8. История Польши. В 3-х т. Т.1. / Под ред. И. С. Миллера, И. А. Хренова. М.: Акад. наук

СССР, 1954. 584 с.

9. История Польши. В 3-х т. Т. 2. / Под ред. И. С. Миллера, И. А. Хренова. М.: Акад. наук СССР, 1955. 711 с.

10. Кареев Н.И. Письмо первое / Русская мысль. 1881, май. Цит. по: Кареев Н.И. Polonica: Сб. статей по пол. делам. (1881-1905). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. С. 20 – 32.

11. Кареев Н.И. Письмо шестое / Русская мысль. 1882, июль. Цит. по: Кареев Н.И. Polonica: Сб. статей по пол. делам. (1881-1905). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. С. 76 – 95.

12. Кареев, Н. И. Польская национальность в русской государственности / Право, 1905, № 14. Цит. по: Кареев, Н. И. Polonica : Сб. статей по пол. делам. (1881-1905). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. С. 233 –239.

13. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. 380 с.

14. Кулаковский П.А. Польский вопрос и его значение в прошлом и настоящем. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. 58 с.

15. Московские ведомости. 1883. № 345. Цит. по: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1883. М., Типография В.В. Чичерина, 1898. С. 591 – 592.

16. Московские ведомости. 1886. № 42. Цит. по: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1886. М., Типография В.В. Чичерина,1898. С. 78 – 81.

17. Московские ведомости. 1886. № 64. Цит. по: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1886. М., Типография В.В. Чичерина,1898. С. 132 – 134.

18. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 949 с.

19. Ренненкампф Н.К. Польский и еврейский вопросы. (Открытые письма Б.Н. Чичерину). Киев: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1898. 82 с.

20. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Междунар. Отношения, 2002. 696 с.

21. Струве П.Б. Из летних наблюдений. 1900 г. Цит. по: Струве П.Б. На разные темы. (1893-1901 гг.): Сб. ст. СПб.: тип. А.Е. Колпинского, 1902. С. 465 – 486.

22. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества / «Русская мысль», 1908. Цит. по: Струве, П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А.П. Полякова. М.: Республика, 1997. С. 50 – 63.

23. Струве П.Б. Размышления на политические темы: VIII. Русско-германские отношения / «Слово», 1908. Цит. по: Струве, П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А.П. Полякова. М.: Республика, 1997. С. 128 – 130.

24. Струве П.Б. Два национализма / «Русская мысль», 1910. Цит. по: Струве, П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А.П. Полякова. М.: Республика, 1997. С. 164 – 172.

25. Хрипаченко, Т. И. Неудавшийся компромисс: российские либералы и проекты польской и украинской автономии в Российской империи накануне Первой мировой войны // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 1. Январь—Июнь. С. 3-15.

26. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампфа. Берлин: Г. Штейниц: Тип. Rosenthal, 1901. 64 с.

27. Юзефович, Б. М. Польские колонии в Юго-западном крае на счет русской казны. Киев: Типо-лит. «Рус. Печатня», 1910.12 с.

28. Czubiński A. Historia Polski XX wieku. Poznań. 2003. 502 s.

29. Kumor B. Historia Kościoła. Tom VII. Lublin, 2001. 523 s.

30. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. Tom 1. 1864-1914. Gdańsk. 1991. 416 s.

RELATION TO THE GERMAN EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE AND POLITICAL INTEGRATION OF POLISH TERRITORIES (1881 - 1914) IN RUSSIAN PUBLICISM

The article examines the views of conservative and liberal publicists on the policies of the German government in the territories inhabited by Poles. These territories went to Prussia after three sections of the Commonwealth. Public debate on this issue was one of the plots of the so-called. Polish question. The term "Polish Question" established in the literature means the complex of problems of the existence of Poland and the Poles within the Russian Empire. Plots that served as a place of coincidence and divergence of points of view of publicists are revealed. The circle of publicists actively speaking on this issue is determined. The arguments and evaluative judgments of publicists in the field of interethnic and interfaith relations in the German Empire are studied. The apology of the anti-Polish policy of Germany was discovered in a number of conservative publicists. In their opinion, the German policy for solving the Polish question should be applied in the Russian Empire. Liberal thought was negative about the actions of the German government. They were not impressed by the policy of repression and the Germanization of the Polish population in the Grand Duchy of Poznan, Silesia, Pomerania, Warmia and Mazury. Publicistic newspaper and magazine articles in Russian editions are used as sources as a product of social thought.
Keywords: journalism, the Polish question, the German Empire, Poznan, conservatism, liberalism, interethnic and interfaith relations.

References

1.Chicherin B.N. (1901). Pol'skiy i yevreyskiy voprosy. Otvet na otkrytyye pis'ma N.K. Rennenkampfa. [Polish and Jewish issues. Reply to open letters N.K. Rennenkampf]. Berlin: Gugo Shteynits, 64 s.

2. Goltsev V.A. (1894) Inostrannoye obozreniye [Foreign Review] // Russkaya mysl. [Russian thought]. № 3. Moskva: Tipo-litogr. T-va I.N. Kushnerev i K. S. 168 – 175.

3. Goltsev V.A. (1894) Inostrannoye obozreniye // Russkaya mysl. № 10. Moskva: Tipo-litogr. T-va I.N. Kushnerev i K. S. 206 – 215.

4. Gradovskij A.D. (1886) Gosudarstvo i cerkov' v Prussii. Pyatnadcat' let kul'turkampfa, 1870 – 1886 gg. Stat'ya pervaya [The state and the church in Prussia. Fifteen years kultukampf, 1870 - 1886 Article 1.] // Vestnik Evropy. [European Herald]. № 7. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. S. 151 – 198.

5. Gradovskij A.D. (1886) Gosudarstvo i cerkov' v Prussii. Pyatnadcat' let kul'turkampfa, 1870 – 1886 gg. Stat'ya vtoraya [The state and the church in Prussia. Fifteen years kultukampf, 1870 - 1886 Article 2.]// Vestnik Evropy. № 8. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. S. 618 – 657.

6. Gradovskij A.D. (1886) Gosudarstvo i cerkov' v Prussii. Pyatnadcat' let kul'turkampfa, 1870 – 1886 gg. Stat'ya tret'ya [The state and the church in Prussia. Fifteen years kultukampf, 1870 - 1886 Article 3.] // Vestnik Evropy. № 9. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. S. 60 – 92.

7. Gringmut V.A. (1905) Russkij narod v Rossii. [Russian people in Russia] Cit. po: Gringmut, V. A. Sobranie statej V. A. Gringmuta: [politicheskie stat'i]: 1896-1907. Vyp. 3. [Collected articles by V. A. Gringmut: [political articles]: release 3.] Moskva: Univ. tip.,1910. S. 212 – 219.

8. Gurko V. I. (1897) Ocherki Privislyan'ya. [Essays of Privislyan'ya] Moskva: tip. V.V. Chicherina, 337 s.

9. Istoriya Pol'shi. V 3-h t. T.1. (1954) [History of Poland. In 3 volumes. Volume 1] / Pod red. I. S. Millera, I. A. Hrenova. Moskva: Akad. nauk SSSR, 584 s.

10. Istoriya Pol'shi. V 3-kh t. T. 2. (1955). [History of Poland. In 3 volumes. Volume 2]. Moskva: Akad. nauk SSSR. 711 s.

11. Hripachenko, T. I. (2015) Neudavshijsya kompromiss: rossijskie liberaly i proekty pol'skoj i ukrainskoj avtonomii v Rossijskoj imperii nakanune Pervoj mirovoj vojny [Failed compromise: Russian liberals and projects of the Polish and Ukrainian autonomy in the Russian Empire on the eve of the First World War] // Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya. [Petersburg Slavic and Balkan Studies]. № 1. S. 3-15.

12. Kareev N.I. (1881) Pis'mo pervoe [First letter]. Cit. po: Kareev N.I. Polonica: Sb. statej po pol. delam. (1881-1905). [Polonica: Collection of articles on Polish affairs] SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1905. S. 20 – 32.

13. Kareev N.I. (1882) Pis'mo shestoe [Letter six]. Cit. po: Kareev N.I. Polonica: Sb. statej po pol. delam. (1881-1905). SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1905. S. 76 – 95.

14. Kareev, N. I. (1905)Pol'skaya nacional'nost' v russkoj gosudarstvennosti [Polish nationality in Russian statehood]. Cit. po: Kareev, N. I. Polonica : Sb. statej po pol. delam. (1881-1905). SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1905. S. 233 –239.

15. Kitayev V.A. (2004). Liberal'naya mysl' v Rossii (1860 – 1880) [The liberal thought in Russia (1860 - 1880)]. Saratov: Saratov Universitet, 380 s.

16. Kulakovskij P.A. (1907) Pol'skij vopros i ego znachenie v proshlom i nastoyashchem. [Polish question and its meaning in the past and present] SPb.: tip. A.S. Suvorina, 58 s.

17. Moskovskie vedomosti. (1883). № 345. [Moscow Gazette] Cit. po: Katkov M.N. Sobranie peredovyh statej «Moskovskih vedomostej». [Collection of editorial articles of the Moscow Gazette]. Moskva: Tipografiya V.V. Chicherina, 1898. S. 591 – 592.

18. Moskovskie vedomosti. (1886). № 42. Cit. po: Katkov M.N. Sobranie peredovyh statej «Moskovskih vedomostej», 1886. Moskva: Tipografiya V.V. Chicherina,1898. S. 78 – 81.

19. Moskovskie vedomosti. (1886). № 64. Cit. po: Katkov M.N. Sobranie peredovyh statej «Moskovskih vedomostej». Moskva: Tipografiya V.V. Chicherina,1898. S. 132 – 134.

20. Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii [Poland in the twentieth century. Essays on political history]. (2012). Moskva: Indrik. 949 s.

21. Rennenkampf N.K. (1898). Pol'skiy i yevreyskiy voprosy. (Otkrytyye pis'ma B.N. Chicherinu) [Polish and Jewish issues. (Open letters to B.N. Chicherin)]. Kiyev: I.N. Kusneryrev and Co, 1898. 82 s.

22. Stegnij P.V. (2002) Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. [Sections of Poland and the diplomacy of Catherine II]. Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. 696 s.

23. Struve P.B. (1900) Iz letnih nablyudenij [From summer observations]. Cit. po: Struve P.B. Na raznye temy. (1893-1901 gg.) [On different topics]: Sb. st. SPb.: tip. A.E. Kolpinskogo, 1902. S. 465 – 486.

24. Struve P.B. (1908) Velikaya Rossiya. Iz razmyshlenij o probleme russkogo mogushchestva [Great Russia. From thinking about the problem of Russian power]. Cit. po: Struve, P. B. Patriotica. Politika, kul'tura, religiya, socializm [Patriotica. Politics, culture, religion, socialism]. Moskva.: Respublika, 1997. S. 50 – 63.

25. Struve P.B. (1908) Razmyshleniya na politicheskie temy: VIII. Russko-germanskie otnosheniya [Reflections on political topics: VIII. Russian-German relations]. Cit. po: Struve, P. B. Patriotica. Politika, kul'tura, religiya, socialism. Moskva.: Respublika, 1997. S. 128 – 130.

26. Struve P.B. (1910) Dva nacionalizma [Two nationalism]. Cit. po: Struve, P. B. Patriotica. Politika, kul'tura, religiya, socialism. Moskva: Respublika, 1997. S. 164 – 172.

27. Yuzefovich, B. M. (1910) Pol'skie kolonii v Yugo-zapadnom krae na schet russkoj kazny [Polish colonies in the South-Western region at the expense of the Russian treasury]. Kiev: Tipo-lit. «Rus. Pechatnya». 12 s.

28. Czubiński A. (2003) Historia Polski XX wieku [The history of Poland in the 20th century]. Poznań. 502 s.

29. Kumor B. (2001) Historia Kościoła. Tom VII. [Church history. Volume VII.]. Lublin. 523 s.

30. Pobóg-Malinowski W. (1991) Najnowsza historia polityczna Polski. Tom 1. 1864-1914. [The recent political history of Poland. Volume 1.]. Gdańsk. 416 s.

Об авторе

Тимиряев Денис Олегович – соискатель кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия), E-mai: DenisOlegovichTimiryaev@yandex.ru

Timiryaev Denis Olegovitch - applicant of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University (Russia), E-mai: DenisOlegovichTimiryaev@yandex.ru

УДК 930+94(73) “1877/1898”

Фельдман П.В., выпускник бакалавриата, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США ЭПОХИ «ПОЗОЛОЧЕННОГО ВЕКА»

В статье рассматриваются основные тенденции советского историописания США последней трети XIX в. Историки того времени были зажаты в идеологические рамки, что в результате отражалось на исторических исследованиях. Однако это не помешало ученым исследовать актуальные проблемы, открывать новые источники. Это и повлияло на развитие американистики. Для отражения тенденций проанализированы обобщающие и некоторые отдельные работы по данной тематике. Установлена взаимосвязь между идеологическим климатом и ориентацией в историографии.

Ключевые слова: историография, США, историк, идеология, „позолоченный век”.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-137-143

В начале XXI в. молодому российскому историку, сложно представить какого это: работать в рамках одной истинно верной методологии. Нашим предшественникам – советским ученым приходилось опираться только на марксизм. Это видно на примере изучения американской действительности эпохи «Позолоченного века» (1877-1898 гг.). Хронологические рамки установлены по двум важным датам: нижняя граница - 1877 г. – компромисс между республиканской и демократической партиями, приведший к окончанию периода Реконструкции; верхней границей является 1898 г. – Американо-испанская война. «Позолоченный век» получил своё название благодаря одноименному произведению известного американского писателя и публициста Марка Твена, вышедшему в 1873г. Для советской историографии этот период был интересен тем, что в соответствии с ленинизмом речь шла о переходе от капиталистической к империалистической державе. Как утверждает В.В. Согрин: «Главный лейтмотив советской исторической науки: борьба с буржуазной историографией.»[10, с. 335-343]

Основная задача, которую ставили перед собой советские авторы, заключалась в том, чтобы доказать, что американская история развивается в рамках формационной концепции. Они подвергали критике западных историков, акцентировавших внимание на «американской исключительности». Несмотря на все пороки и установки, советская историография смогла добиться и определенных успехов: поставила и изучила с научной точки зрения ряд важных вопросов, касающихся внутренней политики США данной эпохи - особенности двухпартийной системы, идеологии, рабочего и фермерского движения, иммиграции, «негритянский вопрос». Однако часть современных российских ученых отказывает в научности их работам, ссылаясь на политическую ангажированность и жесткие идеологические установки. По их мнению, советская историография не внесла ничего полезного в отечественную историческую науку. Цель данной статьи состоит в том, чтобы поразмыслить на эту важную тему. Первая большая работа в Советском союзе о внутренней истории США последней четверти XIX века – это «Классы и партии в ССША» В.И. Лана. Книга впервые опубликована в 1932 г. по заказу Института мирового хозяйства и мировой политики [6]. Второе издание, дополненное и переработанное, вышло через 5 лет в 1937 г. Вениамин Израилевич так описывал задачи своей работы: «… выяснить условия своеобразного хода и перспективы развития классовой борьбы в США.»[6]. Этот труд носил общий характер. Во второй половине XIX в. автор выделял лишь одну эпоху «Эру промышленного капитала». Нижней границей периода являлся 1865 г. – окончание гражданской войны в США; верхней границей были президентские выборы 1896 г., в которых одержал победу У. Мак’Кинли. Следом за этим он выделяет эпоху империализма. Вениамин Израилевич видел основные причины превращения США в мирового экономического лидера в открытии обширных месторождений полезных ископаемых, а именно нефти, газа, металлов в совокупности с достижениями научно-технического прогресса [6, с. 105]. Он отметил в

этом процессе роль железнодорожного строительства и тяжелой промышленности. Историк выделил изменение характера экономики с «аграрно – промышленного» на «промышленно-аграрный», а причину монополизации ключевых отраслей видел в экономических кризисах 1873,1883,1893 гг.. В его работе мы впервые обнаруживаем идею, что антитрестовый закон Шермана 1890 г. являлся лишь «ширмой» для дальнейшей монополизации экономики. Автор обращал внимание на тот факт, что за первые 10 лет действия данного билля было образованно 157 новых промышленных предприятия с капиталом в 3150 млн. долларов, при том, что с 1860 по 1890 появилось всего 24 таких объединения с капиталом 436 млн. долларов. (кол- во выросло в 6.5 раз, а их капитал в 7.2 раза соответственно всего за 10 лет!)[6, с. 114].

Нельзя не отметить: автор использовал лишь статистические источники, а так же работы историков-марксистов. Несмотря на это обстоятельство В.И. Лан первым из советских историков ставил магистральные вопросы данного периода: а) тарифы; б) биметаллизм; в) движения гринбеккеров и грейнджеров; г)развитие двухпартийной системы; д) рабочий вопрос.

Трагические события Великой Отечественной войны на некоторое время затормозили исследования в области истории США. Начавшееся вслед за этим противостояние «Холодная война» резко подстегнуло интерес к изучению прошлого нашего потенциального противника.

Первым послевоенным полноценным трудом стала книга «Очерки истории США в 1877-1918 гг.» Л.И. Зубока, вышедшая в 1956 г. Прошедший в том году XX Съезд КПСС ещё не успел отразиться на содержании книги, и она осталась в рамках сталинского идеологического канона. Данная работа являлась классическим примером этого подхода.

Цель автора – исследование истории классовой борьбы в США. Он поделил книгу на 2 части: 1877-1898 гг. и 1898-1918 гг. Именно в этой работе наблюдалась периодизация, используемая в современной американистике. В преамбуле автор дал краткую оценку советской историографии США, сообщал о слабом уровне изучения коренных проблем истории Соединённых Штатов. Зубок в вводной характеристике обращал внимание не только на экономические процессы в США, но и на уровень образования населения, что свидетельствовало о постепенном отходе от схематичного довоенного подхода, добавляя элемент социальной истории. В соответствии с идеологической канвой Зубок дал достаточно жесткие оценки процессов американской истории: «Нет сомнения в том, что коррупция, процветавшая в американских городах, превосходила все злоупотребления городов европейских стран.»[4, с.41]

Л.И. Зубок анализировал и демонстрировал остроту индейской темы. Он показывал жестокое отношение колонистов к коренному населению, привел множество примеров преступлений против них. Например, автор рассказывал о травле взрослых и детей индейцев собаками в Калифорнии в 1871 или о «расстреле» в форте Лионс, штата Колорадо в 1864 г. где были перебиты все женщины племени чейенов, а мужчины искалечены [4, с. 22].(видимо описывались события 29 ноября 1864 на реке Сэнд - Крик). При этом никаких точных ссылок на источники не приводилось. Зубок писал об индейских резервациях, но называл их «концентрационными лагерями». Однако их стали применять 13 лет спустя в ходе второй англо-бурской войны (1899-1902 гг.)[4, с. 22] Другой угнетаемой этнической группой являлись негры. Это выражалось даже в названии одного из раздела работы: «Жестокая эксплуатация негров»[4, с. 33]. Описывая историю «негритянского народа», Лев Израилевич говорил об этой категории населения, как об отдельном этносе, применяя к притесняемому меньшинству термин «национально-освободительная борьба» [4, с. 111]. Кроме того подчеркивался расизм белого населения по отношению к черным, связанный с «теорией превосходства белой расы» [4, с 110]. Такая обличающая манера изложения проблем черного и коренного населения США станет классической для советских историков вплоть до середины 80-х гг.

Следующей проблемой являлось положение рабочих. Данный вопрос уже поднимался в отечественной историографии, однако Зубок сумел внести существенный вклад в его изучение. Упор автор сделал на

подробное изучение таких проявлений «классовой борьбы», как Пульмановская и Гомстедская стачки. Однако исследователь констатировал, что, в основном, борьба американских рабочих носила экономический, а не политический характер.

Отдельным вопросом стало фермерское движение, его социальные и экономические требования. Исследуя популистскую партию, Зубок обозначил причину ее поражения в противоречиях между северным и южным фермерским альянсом, а так же в ее «реформистском» характере, отсутствии «революционного пути» [4, с. 140].

Куда более интересной представлялась тематика политической системы США, упор делался на ее недостатки, что обнаружилось даже в названии раздела: «Разложение буржуазной демократии» [4, с. 41]. Автор исследовал двухпартийную систему и проблему боссизма в партиях, отмечая жуткий уровень коррупции, о чем писал еще М.Я. Острогорский. Глубже, чем у Лана, описана история СРП (социалистической рабочей партии). В экономической сфере более глубоко анализировались проблемы биметаллизма и антитрестовского законодательства. Оказалась существенно более широкой источниковая база, включающая в себя многочисленные статистические и публицистические источники.

В заключении Лев Израилевич приходил к закономерному, по его мнению, выводу. Он отказывал американцам в «исключительности», утверждая, что история США развивалась в полном соответствии с историческим рамками, установленными марксистской методологией. Для работы характерен обличающий характер описания событий. Повсюду такие выражения, как: спекуляции, жулики, коррупция, политиканы, крупные капиталисты, демагоги и т.д. Отметим и позитивные элементы исследования. В работе имелись ссылки на так называемых «буржуазных историков», и хотя Лев Израилевич пытался показать ошибочность их убеждений, советский читатель получал возможность ознакомится с мнением, отличным от официально принятого в СССР. Кроме того поднимались и другие проблемы, углубленно изучались уже описанные темы, определенно выросла фундированность работы.

1956 г. стал во многом рубежным для советской исторической науки. XX съезд партии и развенчание « культа личности» привели к большим переменам. Как писал А.В. Гордон, начинались изменения в структуре Власть – Наука, под вопрос поставили важнейшие табуированные постулаты [3, с. 16]. Именно в это время стартовало институциональное оформление американистики в СССР, появился американский сектора Института истории АН СССР в 1953 г.(с 1968 г. сектор истории США и Канады Института всеобщей истории) [2].

Сдвиги не замедлили проявиться в первой обобщающей коллективной работе «Очерки новой и новейшей истории США» под ред. Г.Н. Севостьянова, вышедшей в 1960 г. Главу, посвященную последней трети XIX в., написал специалист по аграрной истории Г.П. Куропятник. Теперь главной целью авторов стало изложение политической и социальной истории США.[8] Снизилось внимание к классовой борьбе, она не упоминалась в основных задачах исследователей. Учеными затрагивались такие темы, как история американской культуры и искусства, о чем ранее в подобных изданиях не писали. Редколлегия сообщала о введении в научный оборот массы новых источников: (материалов Конгресса США, сборников документов, данных фондов архива внешней политики СССР)[8, с. 4] Подчеркивалось, что советские историки изучили и подвергли критическому анализу «многочисленные работы американских буржуазных историков, содержащие большой фактологический материал»)[8, с. 4], что было необычным для отечественной историографии более ранних этапов, где труды идеологических противников упоминались крайне редко, подвергаясь разносной критике. По сравнению с Л.И. Зубоком, тон данной работы иной: меньше жестких обличений, больше фактического материала. Обвинения в коррупции обрели источниковую основу [8, с. 323].

Так же в качестве новшеств данного исследования стоит отметить появление наряду уже с довольно подробно описанными «угнетаемыми слоями» в лице негров и индейцев новой социальной группы – женщин.

Не стоит переоценивать объективность и новизну этого труда. Само исследование имело описательный характер, и в отличие от

предыдущих, осталось без общего вывода по итогам рассматриваемой эпохи. Обличающие формулировки здесь не столь жестки, но США все еще представали страной «эксплуатации, гнета и рабства», местом, где всем правят «капиталисты и демагоги».

Работы отечественных историков середины 1950х – первой половины 1960х гг. идеологически выверены, поскольку, изучая «основного противника» ученый при малейшей неосторожности мог поплатиться за нее далеко идущими последствиями [5].

Благодаря работе центров американистики в 60-70е гг. происходит быстрое увеличение количества специалистов по истории США, за эти два десятилетия было защищено около 50 докторских диссертаций![2, с. 340] Одним из историков нового поколения являлась специалист по рабочему движению - Светлана Михайловна Аскольдова. В монографии «Начало массового рабочего движения в США 80-е годы XIX века», она изучила историю выступлений и идеологию Американской федерации Труда. Примечателен тот факт, что автор активно вступала в полемику с представителями американского «коммоновско-висконсинского направления (это ответвление прогрессистского направления в американской историографии, согласно которому появление тред – юнионов обусловлено внутренней конкуренцией в американском рабочем классе, где преобладает рыночное сознание, а не политическое). Она развернуто критиковала их позицию. Ранее такого явления не наблюдалось. Исследование базировалось на широкой документальной базе, в оборот вводились новые источники: «Ежегодные отчеты комиссара по вопросам труда», «Отчеты сенатской комиссии по вопросам образования и труда», «Отчеты бюро рабочей статистики штата Нью-Йорк», а кроме того протоколы заседаний АФТ, СРП США, анархическая газета „Эларм”, речи руководителей анархистов и материалы суда над ними [1, с. 24].

Аскольдова одной из первых подняла вопрос «буржуазной идеологии». Рассматривая в качестве примера рабочей организации Американскую федерацию труда, она всячески критиковала ее позицию.

При этом сохранялась осуждающая позиция автора, а стержневой идеей данной работы являлась мысль о превосходстве марксистской теории над иными в деле борьбы за права рабочего класса.

Вторая половина 1960х – 1970е гг. - это период институционального роста советской американистики, количество специалистов и отраслей исследований растет. Уже с середины 70-х статьи отечественных историков стали печататься в американских исторических журналах, а некоторые работы даже переводятся [2, с. 377]. Зарубежные историки стали приезжать в СССР по обмену и читать лекции в МГУ [7, с. 3]. Такие подвижки стали следствием «политикой разрядки» в отношениях Советского Союза и Соединенных Штатов.

Отдельного упоминания заслуживает спецкурс А.С. Маныкина «История двухпартийной системы США (1789-1980 гг.)[3] В предисловии глава лаборатории американистики МГУ Н.И. Сивачев писал, что данная работа первая в советской историографии попытка проследить направления эволюции двухпартийной системы, а так же важным шаг в решении главной задачи – создании итогового труда по данной теме [3, с. 3].

В главе 4 описывается период с 1877 по 1917 гг. Автор сделал акцент на влиянии монополий на систему, таким образом, показывая, что политика стала специфической частью бизнеса [3, с. 91]. Как и во всех изученных работах, большое внимание уделялось американскому социалистическому движению [3 с. 93]. Партийная система – инструмент по снижению социальной напряженности в руках монополистической буржуазии [3, с. 93]. Двухпартийная система в этот период превратилась в консервативный институт [3, с. 95]. Подробно ученый анализировал и межфракционные противоречия в партиях. Большое значение Маныкин придавал широкой автономности региональных отделений партии. Речь шла и о широком применении социальной демагогии обеими силами.

Александр Серафимович выдвинул следующие важные тезисы: а) республиканцы – главный оплот монополий в политическом процессе [3, с. 95]; б) демократы – младший партнер республиканцев [3 с. 99]; в) популистская партия – антимонополистическое движение, ратовавшее и за демократизацию обще-

ственной жизни [3, с. 103-104]; г) республиканцы к концу XIX в. оставались на консервативных позициях, демократы стали ближе к центру, а некоторые фракции даже левее [3, с.109]. Подобные выводы ранее не встречались в советской историографии и свидетельствовали о прогрессе в этом направлении.

К первой половине 80-х г. накопилось немало конкретных работ, требовалось создать обобщающую [5]. В связи с этим с 1983 по 1987 авторский коллектив под руководством Г.Н. Севостьянова издал 4-х томный труд по истории США, который подвел итоги трех десятков лет деятельности отечественных историков [9]. Руководил работой над вторым томом (1877-1918 гг.) профессор Г.П. Куропятник. В вопросах внутренней политики США последней трети XIX в. советская историческая наука разбирала следующие темы: а) становление монополистического капитализма; б) положение пролетариев, их устремления и формы борьбы; в) фермерство и фермерские организации; г) иммиграция; д) расовые отношения; е) идеология.

Социалистическое движение вынесено в отдельную главу. Главную причину слабости социалистов в последней трети XIX в. отечественные ученые, как и В.И. Лан в 30-е гг. попрежнему видели в «сектантской политике по отношению к массовым непролетарским движениям» [9, с. 92].

По сравнению с «Очерками новой и новейшей истории США» налицо продвижение советской науки в изучении фермерского движения. Если в книге 1960 г. ему было посвящено лишь 6 страниц, то сейчас материала набралось на 38. Особое внимание авторы уделяли Народной партии, истории ее взлета и падения. Достаточно подробно рассматривалась «антимонополистическая идейная традиция» - т.е. идеологические течения, критиковавшие господствующий в то время в США социал-дарвинизм. Основной причиной неудачи фермерского движения названа слабость американского рабочего класса, то, что он не смог взять на себя руководящую роль в выступлении, из-за отсутствия революционной партии [9, с. 123].

Авторскому коллективу удалось обобщить итоги работы советских историков на протяжении 30 лет. Стоит отметить широкую источниковую базу, используемую при проведении исследований, включая материалы из американских архивов [9, с. 569]. Сильно изменились и идеологическая, и стилистическая составляющие повествования. В середине 1950-х г. это была непременно резкая критика когда не стеснялись в выражениях. С 1985 г. в связи с отступлением «холодной войны» историкам не было нужды постоянно нападать на «идеологических врагов», отсюда - сдержанное, насыщенное, в первую очередь, фактами повествование. С новых позиций освещались основные вопросы социально - политической истории США последней трети XIX века, поставленные еще В.И. Ланом в работе «Классы и партии в США», но про этом поднимались и изучались новые темы: фермерское движение, социалистические силы (ранее рассматривались лишь в дискурсе рабочего движения), а так же идеология. При этом данное исследование остается верным марксистско-ленинской методологии, по- прежнему сохраняя критическое отношение к «американской буржуазной истории». Авторский коллектив, описав ключевые вопросы истории США конца XIX в. «аргументированно» выступал против тезиса об «исключительности американского капитализма и его совершенствовании с помощью государственного регулирования», царившего в американской историографии того периода [9, с. 569].

Таким образом, мы проследили развитие советского историописания внутренней политики США в эпоху «позолоченного века» . Профессор В.И. Лан, работая над своей книгой, сталкивался с большим количеством трудностей, во многом был первопроходцем. Несмотря на слабую источниковую базу и достаточно «схематичный» подход, это была одна их первых попыток толкования истории США через призму марксистско-ленинской методологии.[2, с. 343] Л.И. Зубок в «Очерках истории США 1877-1918гг.» постарался дать максимально критическую картину истории американцев, но при этом использовал более тонкие методы исследования, а так же опирался на документальную основу, включающую в себя большое количество статистических и публицистических источников.

Коллектив авторов под руководством

Г.Н. Севостьянова продвинулся еще дальше. Некоторое облегчение идеологического давления принесло ощутимые плоды, нет былой зацикленности на описании чисто только борьбы, появились новые сферы - история науки и искусства, роль женщин в рабочем движении. Особенно важным этот труд делает большое количество новых видов источников, введенных в научный оборот. Значение работы С.М. Аскольдовой состояло в том, что она так же использовала малоизученные источники, а так же одной из первых начала разработку идеологических вопросов. А.С. Маныкин смог поднять такие новые проблемы как эволюция идеологии партий и их структуры, показать роль популистской партий под новым углом.

Четырехтомник «История США», вышедший в 1983-1987 гг., подвел итоги американистики в СССР за три десятка лет. Его авторы задействовали всю проблематику истории США, изучаемую отечественными историками. По сравнению с предыдущими работами этот труд отличался большей глубиной исследования таких вопросов, как социалистическое и фермерское движения и идеология. Кроме того, использовались данные из американских архивов, полученных в ходе командировок отечественных ученых за рубеж.

Все эти достижения советской науки стали возможны благодаря изменению идеологического климата в стране, интересу к истории «вероятного противника», а так же созданию целого ряда центров по изучению истории США, вследствие чего началось «академическое самовоспроизводство» специалистов по истории США и продолжилось развитие американистики как науки.

Список литературы

1. Аскольдова С.М. Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX века). Москва: Наука. 1966. 232 с.
2. Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. Москва: Наука. 1980. 408 с.
3. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. Москва: Наука. 2009. 380 с.
4. Зубок Л.И. Очерки истории США 1877-1918. Москва: Госполитиздат.1956. 607 с.
5. Кубышкин А.И., Цветков И.А. Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики// Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Ин-т Кеннана Международного науч. Центра им. В. Вильсона. Волгоград, 2009. С. 181-207//USHISTORY.RU: «История США материалы к курсу».2010.26 окт. [Электронный ресурс]URL: https://ushistory.ru/nauchnye-stati/186-textbooks/ дата обращения: 29.10.2018)
6. Лан В.И. Классы и партии в США. Очерки по экономической и политической и истории США. 2-е изд., доп. и перераб. – Москва. 1937. 639 с.
7. Маныкин А.С. История двухпартийной системы США (1789-1980) (спецкурс) 271 с.
8. Очерки новой и новейшей истории США. Т.1/Под ред. Г.Н. Севостьянова. Москва: Издательство Акад. Наук СССР.1960. 645 с.
9. История США. Т.2. 1877-1918/Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., Наука.1985. 601 с.
10. Согрин В.В. Центральные проблемы истории США.М. Весь Мир 2013. 353 с.

MAIN TENDENCIES OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF US DOMESTIC POLICY OF THE ERA OF "GILDED AGE"

The article examines the main trends in Soviet historiography of the U.S. in the last third of the XIX century. Historians of that time were clamped in the ideological framework, which as a result reflected in historical research. However, this did not prevent scientists from exploring current problems and discovering new sources. This influenced the development of American history studies. To reflect the trends, generalizing and some individual works on this topic are analyzed. The relationship between the ideological climate and orientation in historiography has been established.
Keywords: historiography, USA, historian, ideology, „gilded age”.

References

1. Askol'dova S.M. Nachalo massovogo rabochego dvizheniya v SSHA (80-e gody XIX veka). [The beginning of the mass labor movement in the United States (80s of the XIX century)]. Moskva: Nauka. 1966. 232 s.

2. Bolhovitinov N.N. SSHA problemy istorii i sovremennaya istoriografiya. [USA: problems of history and modern historiography.] Moskva: Nauka. 1980. 408 s.

3. Gordon A.V. Velikaya Francuzskaya Revolyuciya v sovetskoj istoriografii. [The great French revolution in Soviet historiography]. Moskva: Nauka. 2009. 380 s.

4. Zubok L.I. Ocherki istorii SSHA 1877-1918.[Essays on US History 1877-1918]. Moskva: Gospolitizdat.1956. 607 s.

5. Kubyshkin A.I., Cvetkov I.A. Universitetskie uchebniki po istorii SSHA kak indikator sostoyaniya rossijskoj amerikanistiki// Rossiya i SSHA na stranicah uchebnikov: opyt vzaimnyh reprezentacij / In-t Kennana Mezhdunarodnogo nauch. Centra im. V. Vil'sona. [University textbooks on US history as an indicator of the state of Russian American studies // Russia and the United States on the pages of textbooks: the experience of mutual representations / In-t Kennan International Scientific. Center them. W. Wilson.] Volgograd, 2009. S. 181-207//USHISTORY.RU: «Istoriya SSHA materialy k kursu».2010.26 okt. [EHlektronnyj resurs]URL: https://ushistory.ru/nauchnye-stati/186-textbooks/ data obrashcheniya: 29.10.2018)

6. Lan V.I. Klassy i partii v SSHA. Ocherki po ehkonomicheskoj i politicheskoj i istorii SSHA. [Classes and parties in the USA. Essays on US Economic, Political, and History]. 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva. 1937. 639 s.

7. Manykin A.S. Istoriya dvuhpartijnoj sistemy SSHA (1789-1980) (speckurs) [The history of the bipartisan system of the United States (1789-1980)]. 271 s.

8. Ocherki novoj i novejshej istorii SSHA. T.1/Pod red. G.N. Sevost'yanova.[[Essays on modern and contemporary history of the United States. Vol. 1]. Moskva: Izdatel'stvo Akad. Nauk SSSR.1960. 645 s.

9. Istoriya SSHA. T.2. 1877-1918/Pod red. G.N. Sevost'yanova.[U.S. history. Vol.2. 1877-1918]. Moskva: Nauka.1985. 601 s.

10. Sogrin V.V. Central'nye problemy istorii SSHA.[Central problems in the history of the United States.]. M. Ves' Mir 2013. 353 s.

Об авторе

Фельдман Павел Владиславович – выпускник бакалавриата факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Pfeledman@list.ru

Feldman Pavel Bachelor's – degree graduate of the faculty of history and international relations of the Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: Pfeledman@list.ru

УДК 930.1

Шашахметов Д.В., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия).

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР В 1920-е гг. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ДИСКУССИИ

В статье раскрывается новая структура изучения и преподавания исторической науки в советском государстве, которая возникла после Октябрьской революции 1917 года. С приходом большевиков к власти история стала рассматриваться как инструмент идеологии и воспитания нового человека – советского. Именно поэтому виднейшие политические деятели страны первыми обратили внимание на вопрос концепции преподавания и изучения истории. С этой целью создавались научные центры нового типа – Социалистическая академия, Общество историков-марксистов, Институт Маркса и Энгельса, Истпарт, Институт имени В.И. Ленина, Институт красной профессуры. При этом продолжали функционировать и научные учреждения, возникшие ещё в период Российской империи, например, Российская академия наук. В период 20-х гг. XX века неотъемлемой частью исторической науки советского государства стали научные дискуссии. До 1929 г. историческая наука была относительно открытой для самых разных концепций и предложений учёных. Именно по этой причине 20-е гг. вызывают особый интерес у исследователей, поскольку это было время определённого плюрализма в области представлений об истории и о том, в какой степени к ней применима марксистская методология.

Ключевые слова: История, историография, Истпарт, Социалистическая академия, историческая наука, Институт красной профессуры, научные дискуссии, научные центры.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-144-155

С первых лет установления власти большевиков стало понятно, что историческая наука, как и историческое образование, нуждается в институционализации в интересах нового социалистического общества. Необходимо было создать новые научные центры, где историки могли заниматься своими исследованиями. Те научные центры, что существовали ещё в дореволюционный период (Археографическая комиссия, Академия наук, Петроградский и Московский университеты и др.), должны были серьёзным образом скорректировать свою деятельность, в первую очередь ее тематику. Помимо этого, с первых дней установления нового государственного строя, большевики стремились контролировать все интеллектуальные ресурсы России. Большевики хотели создать научные центры нового типа, где историки, как ученые, так и преподаватели, стали бы носителями социалистической идеологии, распространяя её на массы.

Говоря об историографическом обзоре данной темы, стоит отметить, что на вопрос институционализации отечественной исторической науки первыми обратили внимание виднейшие политические деятели СССР. В выступлениях таких видных политиков, как В.И. Ленин [1], Л.Д. Троцкий [2], А.В. Луначарский [3], Н.И. Бухарин [4] мы можем найти позицию Советской власти в отношении целей и задач, которые ставились перед исторической наукой в 20-е гг. XX века. М.Н. Покровский, являясь одним из организаторов основания Социалистической (а позже Коммунистической) академии, Института красной профессуры, обращал большое внимание на историографические вопросы в отечественной исторической науке [5].

Также сведения общего характера, которые повествуют нам о развитии исторической науки в СССР, были отражены в отчетах партийных съездов и конференций, в материалах Истпарта, Всесоюзной конференции историков (декабрь 1928-1929 гг.), юбилейных выступлениях к памятным революционным датам и в документах Коминетрна.

С созданием новых научных центров возникла и необходимость в создании новых учебников, хрестоматий, научно-методических пособий, которые отражали бы новый взгляд власти на события исторического прошлого страны. Учёных прежде всего интересовала история революционного движения [6] и классовой борьбы, которые рассматривались с позиции марксистской теории и большевистской идеологии [7]. В середине 20-х гг. выходит работа такого видного историка, как В.И. Невский [8], в которой он рассматривал историю РКП(б). Однако после разгрома работ Ем. Ярославского [9] и А.С. Бубнова [10],

а также выходом «Краткого курса истории ВКП(б)» [11], были четко обозначены рамки, в которых могли действовать исследователи.

В период «оттепели» выходят работы таких известных историков, как М.В. Нечкина и Г.Д. Алексеева [12, 13]. В своих работах они обратили внимание на процесс возникновения учебных заведений, а также дискуссии, которые проводились вокруг концепций преподавания истории. В это же время выходит работа А.А. Кулакова [14,15], посвященная истории создания и деятельности Истпарта. Автор привлек большой массив архивной документации, включая протоколы заседаний Истпарта и его отчеты.

В 70-80-е гг. историки продолжают исследовать деятельность Истпарта [16, 17]. Помимо этого, появляются первые комплексные исследования, проливавшие свет на формирование советской исторической науки и нового типа историка-марксиста [18, 19, 20, 21].

В конце 80-х – начале 90-х гг. происходит отказ от идеологических установок в истории, существовавших в отечественной историографии на протяжении долгого времени. В это время выходит большое количество обобщающих трудов, посвященных эпохе 20-30-х гг. в отечественной историографии [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29].

В середине 1990-х гг. была издана работа С.А. Шорковой [30]. В ней автор выявила закономерности и определяющие тенденции в формировании советской системы исторических знаний, а также становление идеологических основ советского исторического материализма 1920-х - середины 1930-х гг. В добавок к этому, С.А. Шоркова предложила свою хронологию развития советской историографии.

В 2000-е гг. интерес историков к данной теме несколько поутих. Вместе с тем, проблематика взаимного влияния истории на идеологию и наоборот, а также сведения ее роли в качестве орудия пропаганды остается актуальной. В этой связи продолжают публиковаться источники, посвящённые советской идеологии в сталинский период [31]. Выходит ряд работ, посвященных региональным вопросам становления исторической науки в указанный период [32, 33, 34].

Не смотря на большое количество трудов, посвященных историографическим проблемам отечественной истории в 20-е гг. XX в., существует несколько вопросов, которые в настоящее время слабо разработаны. В частности, это касается вопроса дискуссий, происходивших в исторической науке в этот период, а также вопрос о формировании единой исторической доктрины. Исходя из этого, целью данной статьи является анализ процесса институционализации исторической науки в СССР в 1920-е гг., а также научных дискуссий этого времени. Исходя из этого, следует выделить конкретные задачи:

- Исследование дискуссий о концепциях преподавания и изучения истории в 20-е гг.
- Изучение процесса институционализации исторической науки в 20-е гг.
- Выявление особенностей данного периода, которые отличают ситуацию в отечественной исторической науке в 20-е гг. от той, что возникнет в следующее десятилетие.

Научные центры нового типа

В 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук. В её создании активное участие принимали М.Н. Покровский и М.А. Рейснер. Активно поддержал идею создания академии председатель совнаркома В.И. Ленин [35]. В её состав вошли В.Д. Бонч-Бруевич, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, В.П. Милютин, М.С. Ольминский, В.П. Волгин, Н.М. Лукин. Председателем стал М.Н. Покровский [36].

В академии изначально было четыре направления деятельности: финансово-экономическое, историческое, политико-юридическое и технико-экономическое. В начале 20-х гг. Социалистическая академия постепенно преобразовалась из просветительского заведения в научный центр, даже стали появляться планы по расширению научно-исследовательской деятельности. Приоритетными темами становятся изучение истории классовой борьбы, история рабочего класса и общественной мысли, а также развитие народного хозяйства. В 1924 г. Социалистическую академию переименовали в Коммунистическую [37]. В 1926 г. в рамках Коммунистической академии начал издаваться журнал «Историк марксист», чей главной целью стала популяризации истории как новой марксистской науки.

На рубеже 20-30-х гг., в рамках очередной реорганизации Коммунистической академии, к ней были присоединены Институт истории, Аграрный институт, Институт мирового хозяйства и мировой политики, а также Институт советского строительства. Помимо этого было открыто отделение Академии в Ленинграде [38].

Активно прорабатывалась идея создания объединённых исторических обществ. М.Н. Покровский выступил с такой инициативой еще в 1925 г. Общество историков-марксистов должно было стать центром обсуждения теоретико-методологических вопросов новой советской исторической науки. Спустя четыре года численный состав Общества с 40 человек увеличился до 345. Расширялся и круг вопросов, которые изучались членами Общества, что привело к созданию секций отечественной, зарубежной и партийной истории, а также социологической и методологической секций [39].

Ещё одним центром советской исторической науки был Институт Маркса и Энгельса, созданный на базе Социалистической академии еще в 1921 г. Его возглавил известный историк-большевик Д.Б. Рязанов. Главной задачей Института стало изучение трудов Маркса и Энгельса, а позднее и трудов Ленина. Помимо этого, на базе Института Маркса и Энгельса учёные занимались исследованием вопросов, относящихся каким-либо образом к развитию общественной мысли и истории пролетариата [40]. На базе Института стали издаваться журналы «Летописи марксизма» и «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», в которых публиковались работы об истории рабочего движения.

Не менее важным центром советской исторической науки стал Истпарт, созданный в августе 1920 г. Его главной задачей стало исследование и изучение Октябрьской революции и истории коммунистической партии. Затем стала создаваться целая сеть подобных заведений во всём советском государстве. Под идейным руководством Истпартов были учреждены и стали издаваться такие журналы, как «Красная летопись», «Пролетарская революция», «Пути революции».

В 1923 г. был открыт Институт имени В.И. Ленина, который занимался изучением трудов Ленина, его идейно-теоретического наследия и биографии. Институту предстояла систематизация трудов вождя революции и их научная публикация.

Важным событием стало открытие Института красной профессуры в 1921 г., который стал настоящей кузницей новых педагогических кадров в советском государстве. В нём работали известнейшие учёные, такие как И.И. Минц, М.В. Нечкина, А.М. Панкратов, С.М. Дубровский и многие другие. К концу 20-х гг. учёные ИКП подготовили более 800 научных трудов, написанных с новых социалистических позиций. Их работы преимущественно затрагивали такие темы, как отечественная историография, история народного и крестьянского движений, история революции, пролетариата и народного хозяйства [41].

Симбиоз «старой школы» и «новой школы»

Был и другой тип учебных заведений, которые значительно отличались от вышеперечисленных. С 1921 г. при дореволюционных университетах возникали институты истории. Одним из них был Институт общественных наук (РАНИОН), открытый при ФОНе МГУ. Возглавлял его Д.М. Петрушевский [42]. Там работали историки старой, дореволюционной, исторической школы. Такое сотрудничество между историками старой и новой науки было уникальным, в особенности, в Московском и Петроградском государственных университетах. При таком симбиозе (в сущности, под научным руководством историков старой школы) получали фундаментальные научные знания такие выдающиеся исследователи, как: Н.М. Дружинин, А.И. Неусыхин, А.В. Арциховский, А.С. Ерусалимский и многие другие [43].

Рассматривая вопрос сотрудничества представителей старой и новой исторической науки, стоит отметить, что Российская Академия наук продолжала свою деятельность и после Октябрьской революции. В ней продолжали свою исследовательскую деятельность А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, Ф.И. Успенский. По своей сути, учёные РАН продолжали исследовать те вопросы, которые были сформулированы ещё в дореволюционное время.

Такое сосуществование историков старой и новой школы прекратилось в 1929 г. С

этого момента в отечественной исторической науке стала преобладать тенденция полной замены дореволюционных учёных и бесповоротного прекращения сотрудничества с историками старой школы. Этот процесс был связан как с ужесточением идеологических установок коммунистической партии, так и с активной деятельностью М.Н. Покровского, который стал наиболее яркой фигурой, претворявшей в жизнь новый курс в исторической науке.

Тем не менее, 20-е гг. были временем, когда сосуществовали две диаметрально противоположные друг другу традиции. Однако некоторым консервативным историкам удалось подстроиться под новые требования, например, М.М. Богословскому, М.К. Любавскому, С.Ф. Платонову. Приспособиться к новым реалиям им помогла, по мнению В.В. Тихонова, привычка к бюрократической школе компромиссов, которую они прошли ещё в эпоху Российской империи [44]. Это стало отчётливо видно при реформировании российских архивов, задуманной и начатой Советским правительством в 1918 г. Реформа предполагала создание Единого государственного архивного фонда [45]. Это бы привело к полной дезорганизации системы российских архивов, резкого ухудшения условий для архивного поиска, утраты меньшей или большей части архивных фондов. Фактически речь шла о спасении национальных архивов, от некомпетентных попыток их реорганизации. И с этой тяжелейшей задачей историки-архивисты успешно справились.

Итак, в 20-е годы прошлого века сложилась дуалистическая модель исторической науки и преподавания истории в СССР. По такому направлению шла институционализация исторической науки в Советском государстве в первое десятилетие советской власти.

Однако, также необходимо рассмотреть вопрос о концептуальной составляющей отечественной истории того периода. Здесь мы должны, прежде всего, вспомнить о научных дискуссиях, которые стали в 20-е гг. неотъемлемой частью исторической науки советского государства. В это время историческая наука была относительно открыта для обсуждений и предложений от разных исследователей. Такое явление было возможным до тех пор, пока не установилась практика марксистской дегуманизации, характерная для периода культа личности [46]. Поэтому 20-е гг. и представляют особый интерес, поскольку этот период отличается определенным плюрализмом в области представлений об истории и о том, насколько к ней можно применить марксистскую методологию.

В 20-е гг. большой популярностью пользовались краеведческие исследования, при написании которых историки нового типа активно сотрудничали с представителями старой школы [47]. По всей видимости, такой интерес к краеведению обуславливался перестройкой единой и централизованной системы исторического знания, которая была сконцентрирована в стенах университетов в дореволюционную эпоху.

Но поскольку в это время активно насаждалась идея о практическом назначении истории, такие дисциплины, как славистика [48], античная история и византинистика [49] оказались в изгнании. Известный историк Э.Д. Фролов сказал по этому поводу следующее: «Наука о классической древности утратила свое историческое качество и превратилась в филиал марксистской политэкономии» [50]. По всей видимости, изгнание в небытие этих дисциплин было связано с тем, что они вызывали определённые ассоциации с Российской империей и её прошлым.

Руководство партии активно поддерживало и всячески способствовало становлению марксистской концепции исторического знания. В рамках этих шагов ещё в 1918 г. было издано Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1922 г. они вышли под редакцией И.И. Скворцова-Степановича в 4-х томах. Помимо этого, в 1920 г. на IX съезде РКП(б) было заявлено о том, что нужно издать собрание сочинений В.И. Ленина, которые уместились в 20-ти томах. Также в это время шла активная публикация партийных документов.

Влияние политической элиты советского государства на историческую науку

В области идеологических оснований исторической науки большое значение имела позиция политической элиты советского государства. Так, В.И. Ленин очень интересовался вопросами исторического прошлого России. Его оценки тех или иных исторических деятелей или событий были определяю-

щими для большинства историков и оказывали огромное влияние на историческую мысль в 20-е гг.

В.И. Ленина особо интересовал такой вопрос, как положение феодального крестьянства. В своих трудах он приравнивал его к рабскому [51]. Поэтому в трудах историков этого периода довольно часто поднимался вопрос крестьянских восстаний, которые в то время стали называть «крестьянскими войнами». Стоит отметить, что Ленин тщательно следил за публикациями, которые он считал важными с точки зрения идеологизации советского общества, давая им высокую оценку [52]. Так, например, Ленин довольно высоко оценивал итоги деятельности Петра I, утверждая, что он «ускорял перенимание западничества варварской Русью». Это впоследствии отразилось в работах историков, занимавшихся изучением эпохи Петра I [53].

Говоря об отличительных чертах России в дореволюционный период, Ленин указывал на присутствие в империи элементов государственно-монополистического капитализма. Однако это не противоречило тому факту, что политическая власть в стране принадлежала дворянско-помещичьему классу [54]. Затем эту концепцию переняли и развили многие большевистские учёные-историки 20-х гг., в частности, М.Н. Покровский.

Также среди тем, интересовавших вождя революции, были история РСДРП, а также история революции и гражданской войны. Ленин предложил свою ретроспективную концепцию, выдвинув собственную периодизацию событий, которой впоследствии придерживались советские историки [55]. Помимо этого, Ленин связал партийную историю с рабочим движением, ставшим важным фактором ещё со времён революции 1905 г.

Большое влияние оказали оценки Ленина на деятельность историков, которые были его современниками. Институт имени Ленина всячески способствовал распространению ленинских трактовок в отношении исторических событий и личностей. На XIII съезде РКП(б) была особо подчёркнута «громадную потребность в работах по истории партии и Октябрьской революции, их огромное воспитательное значение».

Помимо Ленина большое влияние на развитие исторической науки оказал Л.Д. Троцкий. Он уделял внимание проблемам рабочего движения и истории партии. В своих трудах Троцкий размышлял над характерными особенностями революций в России. В итоге он пришёл к выводу, что они происходили в тандеме с прогрессивной, но довольно слабой в политическом плане буржуазии и пролетариата, который затем смог освободиться как от самодержавия, так и от буржуазии [56]. Хотя Троцкий и считался одним из наиболее талантливых партийных теоретиков и историков, его идеи впоследствии не распространились, поскольку и сам Троцкий, и его взгляды были подвергнуты жесточайшему преследованию [57] и политическому шельмованию.

Говоря об исторической науке в 20-е гг. в целом, стоит сказать, что на начальном этапе становления советской историографии проходили активные обсуждения между исследователями. В 1925 г. была основана весьма влиятельная организация 20-х гг. – Общество историков-марксистов. В этой связи очень важным было сотрудничество дореволюционных историков с представителями «новой школы». Инициатором подобного симбиоза стал М.Н. Покровский. Общество историков-марксистов было создано для решения таких задач, как:

- объединение историков-марксистов;
- изучение вопросов истории и идеологии;
- борьба с влиянием буржуазных историков на историческую науку[58].

В журнале, издаваемом обществом, «Историк-марксист» публиковались обзоры работы РАНИИОН, а также там можно было встретить труды историков дореволюционного типа. Это является подтверждением того факта, что на начальном этапе представители «старой» и «новой» школ мирно сосуществовали на этом этапе развития исторической науке.

Стоит отметить, что в середине 20-х гг. была и научная критика взглядов и трудов М.Н. Покровского, его теоретических моделей марксистской методологии в историографии. Молодые историки-марксисты, такие, как С.Г. Томсинский и А.Н. Слепаков [59], время от времени позволяли себе критику некоторых выводов и положений М.Н. Покровского. В частности, Томсинский, наравне с другими историками того времени, критико-

вал его идею главенства торгового капитализма, говоря, что именно промышленники, а не купцы-капиталисты задавали тон в экономике Российской империи [60].

Говоря об итогах институционализации советской исторической науки в 20-е гг., стоит отметить важную особенность этого периода – существенное влияние политической элиты на историческую науку, пути ее развития. Особенно это касалось самых ярких представителей советской политической элиты. Верхушка партии задавала тон и определяла тематику исторических исследований этого времени.

Также стоит отметить успехи многих начинаний большевиков и историков, сотрудничавших с ними. В довольно короткие сроки они смогли создать систему исторических центров и научных организаций, основывавшихся на новой социалистической базе. Этот период ознаменовался параллельной работой историков нового типа с представителями дореволюционной школы.

Однако в 30-е гг. XX века начинается новый этап в истории изучения и преподавания исторической науки в СССР. В первой половине 30-х гг. происходит принципиальное изменение подхода к исследованию исторических событий и личностей. Относительно открытые дискуссии в исторической науке заменяются жёсткой цензурой. Связано это было, в том числе, и с возникновением культа личности.

Ярким примером смены курса в исторической науки стала критика, обрушившаяся на труды Покровского в 1936 г.

В 30-е гг. правящая верхушка советского государства осознала необходимость изучения истории и научного взгляда на исторические события. Вульгарно-социологический метод в изучении истории был признан неэффективным, а те историки, что придерживались его в своих исследованиях, подверглись жесточайшей критике и были изгнаны на периферию исторической науки. Ярким примером подобного изгнания послужил М.Н. Покровский, на которого обрушилась критика уже после его смерти, в 1936 г.

В его адрес были выдвинуты как научные, так и политические обвинения. В частности, его критиковали за «вульгарный социологизм», «антимарксизм», «антипатриатизм» и «очернительство истории России».

В знаменитом постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» было отмечено: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой Покровского», которая толковала исторические факты извращённо, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю» [61].

Разгром школы Покровского был успешно завершён в 1939-1940 гг. с выходом в свет двухтомника «Против исторической концепции М. Н. Покровского» [62].

Список литературы

1. В.И. Ленин и проблемы истории: сб. ст. и исследований / отв. ред. Н.Е. Носов. Л.: «Наука», 1970. 453 с.
2. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
3. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976. 640 с.
4. Бухарин Н. И. Революцияи культура: Ст. и выступления 1923 — 1936. М.: Фонд им. Н.И. Бухарина, 1993. 350 с.
5. Покровский М.Н. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 170-175.
6. Батурин Н.Н. Очерки из истории рабочего движения 70-х -80-х гг. М.: Госиздат, 1925. – 77 с.
7. Бубнов А.С. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. М., 1921.
8. Невский В.И. Очерки истории РКП(б). 2-е изд. в 2-х томах. М.,1925 - 1926 гг.
9. Ем. Ярославский. Краткая история ВКП(б). М., 1930.
10. Бубнов А.С. ВКП(б). // Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 11.
11. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., Партиздат, 1938.

12. Алексеева Г.Д. Создание центров исторической науки и их деятельность в 1918-1943// История и историки. М., 1965.

13. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. М., 1966.

14. Кулаков А.А. Из истории деятельности Истпарта (1920-1923): тез. докл. науч.-практ. конф. 24-27 июня 1966 г. Горький, 1966.

15. Кулаков А.А. Из истории деятельности Истпарта в 1924-1928// Историография и источниковедение истории КПСС. Вып.2. Л., 1973. Сс. 76-86.

16. Волин М.С. Истпарт и советская историческая наука/ Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М., 1978.

17. Шамаев О.Ю. Создание и деятельность Московского Истпарта (1921-1934): Автореф. дис.канд. ист. наук. М, 1984.

18. Нечкина М.В., Городецкий Е.Н. Историографические исследования в СССР/ Развитие советской исторической науки. 1970-1974. М., 1975.

19. Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития / Давидович А.М., Курицын В.М., Литвинова Г.И., Ронин С.Л., и др.; Редколлегия: Гайдуков Д.А., Курицын В.М. (Отв. ред.), Ронин С.Л. М.: Наука, 1978. 352 с.

20. Алаторцева А.И. Историк-марксист: 1926-1941. М., 1979.

21. Соловей В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 - середины 30- х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. М., 1988. № 4. С. 200-215.

22. Маслов Н.Н. Историческая наука в 20 - 30-е годы // История и историки. М., 1990. С. 77-79.

23. Герасименко В.И., Загоровская В.И. Ленинская концепция высшей школы и ее практическое осуществление в первые годы Советской власти // Научные труды по истории КПСС. Киев, 1990. Вып. 165. С. 10-17.

24. Соловей В.Д. Институт Красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20 - 30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87-98.

25. Тарасова Н.Н. О философских и теоретико-методологических взглядах П. А. Рожкова // История и историки. М., 1990. С. 258-283.

26. Чижов Л.А. Н.К. Крупская и становление исторического образования в СССР // Теоретическое наследие Н. К. Крупской и современность. М., 1990. С. 74-86.

27. Алаторцева А.И.Советская историческая наука на переломе 20-30-х годов // История и сталинизм. М., 1991.

28. Куманев, В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции.М.: Наука, 1991.

29. Историческая наука России в XX веке. /под редакцией Г.Д. Алексеевой, Л.А. Сидорова, М.Г. Вандалковская, В.М. Панеях, И Б. Кобрин, Ю.Н. Емельянов и др. М., 1997.

30. Шоркова С.А. Формирование и развитие системы исторических знаний в СССР в 20-е — середине 30-х годов.: Автореф. дис. канд. ист. наук. - Москва, 1996. 22 с.

31. Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–50-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–30-е годы / Сост. М.В. Зеленов. СПб., 2006. – 493 с.

32. Камерова Н.В. Реализация партийно-государственной политики по отношению к исторической науке в Сибири в 1917-1938 гг. М., 2010. - 275 с.

33. Даныаш Е.Н. Организация и развитие исторической науки в Хакасии (1920-е- 1985 гг.): Автрореф. дис. . канд. ист. наук. Улан - Удэ, 2009. 30 с.

34. Хаминов Д.В. Историческая наука и образование в Томском университете (конец XIX в. -1991 г.): Автореф. дис. . канд. ист. наук. Томск, 2010. 30 с.

35. Гришаев О.В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 – начала 1930 годов // Научные ведомости. Вып. 31. №15. М., 2014. С. 146.

36. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. С. 201.

37. Вестник Социалистической академии. 1924. № 8. С. 391-392.

38. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. С. 206.

39. Горин П. О. Доклад на I Всесоюзной конференции историков марксистов в Обществе историков - марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 218-222.

40. Горин П. О. Доклад на I Всесоюзной конференции историков марксистов в Обществе историков - марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 211-212.

41. Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 7.

42. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М: Наука, 1966. С. 206.

43. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. С. 233.

44. Тихонов В.В. Историческая наука в 1920-е годы: Исторические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. История. Челябинск, 2013. Вып. 57 №30 (321). С. 104.

45. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. С. 388.

46. Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х гг. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1998. С. 26.

47. Шмидт С.О. Памятники письменности в истории России. Т. 2. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Книга 1. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 132.

48. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. М.: Индрик, 2012. С. 811.

49. Медведев И.П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб.: Алетейя, 2006. С. 192-214.

50. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. С. 441.

51. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 39. С. 70.

52. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 38. С. 326.

53. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 36. С. 301.

54. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. С. 133.

55. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 44. С. 102.

56. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. Москва: Политиздат, 1990. С. 394.

57. Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Политиздат, 1991. С. 275.

58. Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. М., 1926. №1. С. 320.

59. Слепков А. «Не согласен!» (Ответ Покровскому) // Большевик. 1925. С. 5-6.

60. Томсинский С.Г. К вопросу о социальной природе русского самодержавия // Вестник Коммунистической Академии. 1926. Книга XV. С. 10

61. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Вестник Академии наук СССР. № 9 – 10. М., 1938.

62. Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Том 1-2. М – Л.: Издательство Академии наук, 1939 – 1940.

INSTITUTIONALIZATION OF HISTORICAL SCIENCE IN THE USSR IN THE 1920S. HISTORICAL SOCIETIES AND DISCUSSIONS

This article reveals a new structure of studying and teaching of History in USSR which appeared after the October Revolution. The history began to be viewed as an instrument of ideology and education of new type of human – soviet one, after Bolsheviks came to power. That's why the most prominent political figures in the country paid much attention to concept of

studying and teaching of history. They created new scientific centers, which differed from centers, established in period of Russian Empire – Socialist Academy, Society of Marxist Historians, Marx and Engels Institute, Istpart, V.I. Lenin's Institute, Institute of Red Professors, etc. At the same time old-type scientific centers, which were created before October Revolution, kept on working, for example, the Russian Academy of Sciences. In 1920s scientific discussions became an integral part of historical science in USSR. They were relatively opened for different concepts until 1929. That's why period of 1920s is very interesting for researchers. It was the time of certain pluralism in the field of ideas about history.
Keywords: History, historiography, Istpart, Socialist Academy, historical science, Institute of Red Professors, scientific discussions, scientific centers.

References

1. N.E. Nosov. V.I. Lenin i problemy istorii [V. Lenin and the problems of history]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 453 p.
2. Trotskiy L.D. Literatura i revolyutsiya [Literature and revolution]. Moscow, Politizdat Publ. 1991. 400 p.
3. Lunacharskiy A.B. O vospitanii i obrazovanii [About Education and Education]. Moscow, Pedagogika Publ., 1976. 640 p.
4. Bukharin N. I. Revolyutsiya i kul'tura: stat'i i vystupleniya 1923 — 1936 [Revolution and Culture: Articles and Speeches 1923 - 1936]. Moscow, N. Bukharin's fund Publ., 1993. 350 p.
5. Pokrovskiy M.N. Prof. R. Vipper o krizise istoricheskoy nauki [Prof. R. Wipper about the crisis of historical science]. Pod znamenem marksizma [Under the banner of Marxism]. 1922, no. 3. pp. 170-175.
6. Baturin H.H. Ocherki istorii rabochego dvizheniya 70 - 80-kh gg [Essays on the history of the party movement of the 1970s-1980s]. Moscow - Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. 77 p.
7. A.S. Bubnov. Osnovnye momenty v razvitii Kommunisticheskoy partii [The main points in the development of the Communist Party]. Moscow, Gosizdat Publ., 1921. 46 p.
8. Nevskiy V.I. Ocherki istorii RKP(b). Kn. 1-2 [Essays on the history of the RCP (b). Volumes 1-2]. Moscow, Priboi Publ., 1925 - 1926. 462 p.
9. Em. Yaroslavskiy. Kratkaya istoriya VKP(b) [A Brief History of the CPSU (b)]. Moscow, Gosizdat Publ., 1930. 520 p.
10. Bubnov A.S. VKP(b). [VKP (b)] Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya. 1-e izd. Great Soviet Encyclopedia. 1st edition]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1930. Volume 11.
11. Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs [The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course]. Moscow, Partizdat Publ., 1938.
12. Alekseeva G.D. Sozdanie tsentrov istoricheskoy nauki i ikh deyatel'nost' v 1918-1943 [The creation of centers of historical science and their activities in 1918-1943]. Istoriya i istoriki [History and Historians]. Moscow, 1965. pp. 90-116.
13. Nechkina M.V. Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1966. 854 p.
14. Kulakov A.A. Iz istorii deyatel'nosti Istparta (1920-1928) [From the history of the activities of Istpart (1920-1928)]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istorichesikkh nauk [The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Leningrad, 1967. 15 p.
15. Kulakov A.A. Iz istorii deyatel'nosti Istparta v 1924-1928 [From the history of the activities of Istpart in 1924-1928]. Istoriografiya i istochnikovedenie istorii KPSS [Historiography and source study of the history of the CPSU]. No. 2. Leningrad, 1973. pp. 76-86.
16. Volin M.S. Istpart i sovetskaya istoricheskaya nauka [Istpart and Soviet historical science]. Velikiy Oktyabr'. Istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie [Great October. History, historiography, source study]. Moscow, 1978. pp. 189-206.
17. Shamaev O.Yu. Sozdanie i deyatel'nost' Moskovskogo Istparta (1921-1934) [The creation and activities of the Moscow Istpart (1921-1934)]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istorichesikkh nauk [The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1984.
18. Nechkina M.V., Gorodetskiy E.N. Istoriograficheskie issledovaniya v SSSR [Historiographic research in the USSR]. Razvitie sovetskoy istoricheskoy nauki. 1970-1974 [Development of Soviet historical science. 1970-1974]. Moscow, Nauka Publ., 1975. pp. 79-100.
19. Sovetskaya istoriko-pravovaya nauka. Ocherki stanovleniya i razvitiya [Soviet historical

and legal science. Essays on the formation and development]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 352 p.

20. Alatortseva A.I. Istorik-marksist: 1926-1941 [Marxist historian: 1926-1941]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 287 p.

21. Solovey V. D. Protsess stanovleniya sovetskoy istoricheskoy nauki (1917 - serediny 30- kh gg.) v osveshchenii amerikanskoy i angliyskoy istoriografii [The process of the formation of Soviet historical science (1917 - mid 30s) in the coverage of American and English historiography]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. Moscow, 1988. № 4. pp. 200-215.

22. Maslov N.N. Istoricheskaya nauka v 20 - 30-e gody [Historical science in the 20s – 30s]. Istoriya i istoriki [History and historians]. Moscow, 1990. pp. 77-79.

23. Gerasimenko V.I., Zagorovskaya V.I. Leninskaya kontseptsiya vysshey shkoly i ee prakticheskoe osushchestvlenie v pervye gody Sovetskoy vlasti [Lenin's concept of higher education and its practical implementation in the first years of Soviet power]. Nauchnye trudy po istorii KPSS [Scientific works on the history of the CPSU]. Kiev, 1990, no. 165. pp. 10-17.

24. Solovey V.D. Institut Krasnoy professury: podgotovka kadrov istorikov partii v 20 - 30-e gody [Institute of Red Professors: training of party historians in the 1920s – 30s]. Voprosy istorii KPSS [Questions of the history of the CPSU]. 1990, no. 12. pp. 87-98.

25. Tarasova N.N. O filosofskikh i teoretiko-metodologicheskikh vzglyadakh P. A. Rozhkova [On the philosophical and theoretical-methodological views of P. A. Rozhkov] // Istoriya i istoriki [History and Historians]. Moscow, 1990. pp. 258-283.

26. Chizhov L.A. N.K. Krupskaya i stanovlenie istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [Krupskaya and the formation of historical education in the USSR]. Teoreticheskoe nasledie N. K. Krupskoy i sovremennost' [Theoretical Heritage of N. K. Krupskaya and Modernity]. Moscow, 1990. pp. 74-86.

27. Alatortseva A.I.Sovetskaya istoricheskaya nauka na perelome 20-30-kh godov [Soviet historical science at the turn of the 20-30s]. Istoriya i stalinizm [History and Stalinism]. Moscow, 1991. pp. 265-276.

28. Kumanev, V. A. 30-e gody v sud'bakh otechestvennoy intelligentsia [30s in the fate of the national intelligentsia].Moscow, Nauka Publ., 1991. 295 p.

29. G.D. Alekseeva, L.A. Sidorova. Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke [Historical science of Russia in the XX century]. Moscow, Skriptorii Publ., 1997. 568 p.

30. Shorkova S.A. Formirovanie i razvitie sistemy istoricheskikh znaniy v SSSR v 20-e — seredine 30-kh godov [Formation and development of the system of historical knowledge in the USSR in the 20s - mid 30s]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istorichesikkh nauk [The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1996. 22 p.

31. M.V. Zelenov Stalin I.V. Istoricheskaya ideologiya v SSSR v 1920–50-e gody: Perepiska s istorikami, stat'i i zametki po istorii, stenogrammy vystupleniy. Sbornik dokumentov i materialov. Ch. 1. 1920–30-e gody [Stalin I.V. Historical ideology in the USSR in the 1920–50s: Correspondence with historians, articles and notes on history, transcripts of speeches. Collection of documents and materials. Part 1. 1920–30s]. Saint Petersburg, 2006. 493 p.

32. Kamerova N.V. Realizatsiya partiyno-gosudarstvennoy politiki po otnosheniyu k istoricheskoy nauke v Sibiri v 1917-1938 gg [The implementation of party-state policy in relation to historical science in Siberia in 1917-1938]. Moscow, 2010. - 275 p.

33. Danyash E.H. Organizatsiya i razvitie istoricheskoy nauki v Khakasii (1920-e- 1985 gg.) [Organization and development of historical science in Khakassia (1920s-1985)]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istorichesikkh nauk [The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Ulan-Ude, 2009. 30 p.

34. Khaminov D.V. Istoricheskaya nauka i obrazovanie v Tomskom universitete (konets XIX v. -1991 g.) [Historical science and education at Tomsk University (end of XIX century. –1991)]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istorichesikkh nauk [The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Tomsk, 2010. 30 p.

35. Grishaev O.V. (2014). Istoricheskoe obrazovanie i istoricheskaya nauka v SSSR v kontse 1920 – nachala 1930 godov [Historical education and historical science in the USSR in the late 1920s - early 1930s]. Nauchnye vedomosti [Nauchnye vedomosti], 31, 15, 146.

36. Nechkina M.V. (1966). Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moskva: Nauka. S. 201.

37. Vestnik Sotsialisticheskoi akademii [Bulletin of the Socialist Academy] (1924). 8, 391-392.

38. Nechkina M.V. (1966). Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moskva: Nauka. S. 206.

39. Gorin P. O. (1929). Doklad na I Vsesoyuznoi konferentsii istorikov marksistov v Obshchestve istorikov – marksistov [Report at the First All-Union Conference of Marxist Historians in the Society of Marxist Historians]. Istorik-marksist [Marxist historian], 11, 218-222.

40. Gorin P. O. (1929). Doklad na I Vsesoyuznoi konferentsii istorikov marksistov v Obshchestve istorikov – marksistov [Report at the First All-Union Conference of Marxist Historians in the Society of Marxist Historians]. Istorik-marksist [Marxist historian], 11, 211-212.

41. Pokrovskii M. N. (1929). Institut istorii i zadachi istorikov-marksistov [Institute of History and Tasks of Marxist Historians]. Istorik-marksist [Marxist historian], 14, S. 7.

42. Nechkina M.V. (1966). Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moskva: Nauka. S. 206.

43. Nechkina M.V. (1966). Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moskva: Nauka. S. 233.

44. Tikhonov V.V. (2013). Istoricheskaya nauka v 1920-e gody: Istoricheskie zametki [Historical science in the 1920s: Historical notes]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 57, №30 (321), 104.

45. Khorkhordina T.I. (2003). Rossiiskaya nauka ob arkhivakh. Istoriya. Teoriya. Lyudi [Russian science of archives. Story. Theory. People]. Moskva: RGGU. S. 388.

46. Sidorov A.V. (1998). Marksistskaya istoriograficheskaya mysl' 20-kh gg [Marxist historiographical thought of the 20s]. Moskva: Universitetskii gumanitarnyi litsei. S. 26.

47. Shmidt S.O. (2009). Pamyatniki pis'mennosti v istorii Rossii. Tom 2. Ot Karamzina do «arbatstva» Okudzhavy. Kniga 1. [Monuments of writing in the history of Russia. Volume 2. From Karamzin to the "Arbat" of Okudzhava. Book 1]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. S. 132.

48. Lapteva L.P. (2012). Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX vv [History of Slavonic Studies in Russia at the End of the 19th - First Third of the 20th Centuries]. Moskva: Indrik. S. 811.

49. Medvedev I.P. (2006). Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsy istorii [Petersburg Byzantine studies. History pages]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. S. 192-214.

50. Frolov E.D. (2006). Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki [Russian science of antiquity. Historiographical essays]. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya akademiya. S. 441.

51. Lenin V.I. Polnoe Sobranie Sochinenii [Full composition of writings]. Volume 39. S. 70.

52. Lenin V.I. (1969). Polnoe Sobranie Sochinenii [Full composition of writings]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Volume 38. S. 326.

53. Lenin V.I. (1969). Polnoe Sobranie Sochinenii [Full composition of writings]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Volume 36. S. 301.

54. Lenin V.I. (1969). Polnoe Sobranie Sochinenii [Full composition of writings]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Volume 31. S. 133.

55. Lenin V.I. (1969). Polnoe Sobranie Sochinenii [Full composition of writings]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Volume 44. S. 102.

56. Trotskii L.D. (1990). K istorii russkoi revolyutsii [To the history of the Russian revolution]. Moskva: Politizdat. S. 394.

57. Doicher I. (1991). Trotskii v izgnanii [Trotsky in exile]. Moskva: Politizdat. S. 275.

58. Ustav Obshchestva istorikov-marksistov (1926). [Charter of the Society of Marxist Historians]. Istorik-marksist [Marxist historian], 1, 320.

59. Slepkov A. (1925). «Ne soglasen!» (Otvet Pokrovskomu) [«I do not agree!» (Answer to Pokrovsky)]. Bol'shevik [Bolshevik]. S. 5-6.

60. Tomsinskii S.G. (1926). K voprosu o sotsial'noi prirode russkogo samoderzhaviya [To the

question of the social nature of the Russian autocracy]. Vestnik Kommunisticheskoi Akademii [Bulletin of the Communist Academy], 15, 10.

61. postanovke partiinoi propagandy v svyazi s vypuskom «Kratkogo kursa istorii VKP(b)» (1938). [About the formulation of party propaganda in connection with the release of the «Short Course in the History of the CPSU (b)»]. Vestnik Akademii nauk SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR], 9 – 10.

62. Protiv istoricheskoi kontseptsii M. N. Pokrovskogo. Sbornik statei. (1939 – 1940). [Against the historical concept of M. N. Pokrovsky. Digest of articles]. Volume 1-2. Moskva – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk.

Об авторе

Шашахметов Даниил Викторович – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия). E-mail: danilka24101993@mail.ru

Shashakhmetov Daniil Viktorovich – postgraduate student of Department of Russian History XX-XXI centuries, Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: danilka24101993@mail.ru

УДК 341.67+355.019(477)

Шиптенко А.В., студент факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ПРОБЛЕМА ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА БЫВШЕГО СССР НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ: 1991 – 1996. ПОЗИТИВНЫЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассматривается процесс урегулирования проблемы стратегических ядерных сил бывшего СССР на территории Украины в 1991-1996 гг. Подробно анализируется механизм «увязывания» неядерного статуса Украины со вступлением в силу Договора СНВ-1 1991 г.

Ключевые слова: разоружение, ядерное нераспространение, Украина, Лиссабонский протокол, СНГ.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-156-163

С 02 февраля 2019 г. Соединённые Штаты приостановили своё участие в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Ответные меры со стороны России последовали 04 марта 2019 г., когда Владимир Путин издал указ о приостановлении выполнения Российской Федерацией ДРСМД. Теперь у сторон есть примерно 5 месяцев, чтобы пересмотреть свои решения – в противном случае, Договор перестанет существовать. Такой сценарий, будучи, к сожалению, наиболее вероятным, является также и крайне нежелательным, ведь до сих пор этот документ служил одним из ключевых столпов системы контроля над вооружениями в глобальном масштабе. Крах ДРСМД, вне всяких сомнений, сам по себе станет серьезным ударом по этой системе. Он может также негативно повлиять и на динамику переговоров по другим аспектам двусторонней разоруженческой повестки – например, по будущему формата СНВ (серия соглашений между СССР / Россией и США по проблемам сокращения стратегических наступательных вооружений).

В целях сохранения сложившейся системы в условиях текущего кризиса крайне важно помнить о периодах плодотворного сотрудничества между Соединёнными Штатами и Советским Союзом / Российской Федерацией по широкому кругу ядерных проблем, результатом которого является современная модель контроля над вооружениями. Благодаря конструктивному диалогу нашим странам удалось преодолеть многочисленные угрозы для процессов разоружения и нераспространения. В этой связи представляется уместным изучать и анализировать имеющийся позитивный опыт, активно применять его в современной дипломатической практике.

Ярким примером такого рода сотрудничества является решение проблемы ядерного арсенала бывшего СССР на Украине в 1991 – 1996 гг. Эта тема важна и актуальна также и с общеполитической точки зрения, учитывая происходящие сегодня в этой стране события и ту дестабилизирующую роль, которую играют в них Соединённые Штаты Америки.

Ядерное наследие

Распад Советского Союза стал уникальным явлением в истории ядерного нераспространения и контроля над вооружениями. Впервые государство, обладающее ядерным оружием в соответствии со статьёй IX п. 3 Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО), прекращало свое существование. Однако основная проблема заключалась в том, что часть стратегических вооружений бывшего СССР оказалась на территории трёх новых независимых государств – Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины.

На 01 сентября 1990 г. ядерный арсенал Советского Союза насчитывал 2500 носителей и 10271 боезаряд (здесь и далее количество зарядов на тяжелых бомбардировщиках определяется в соответствии с условным зачетом, принятом в рамках Договора СНВ-1), из них: 1398 носителей и 6612 боезарядов приходилось на межконтинентальные баллистические ракеты (в том числе на МБР с РГЧ ИН (разделяющаяся головная часть с блоками индивидуального наведения) – 744 носителя и 5958 боезарядов; на мобильные МБР – 321 носитель и 618 боезарядов); 940 носителей и 2804 боезаряда – на баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ); 162 тяжелых бомбардировщика (ТБ) несли 855 боезарядов [1].

В силу объективных обстоятельств (Беларусь и Казахстан не имеют выхода к открытым морям, а Краснознаменный Черноморский флот ВМФ СССР, о своих правах на корабельный состав которого заявляли и Украина, и Россия, не был оснащён подводными лодками со стратегическим вооружением), РСФСР сохранила контроль над всеми БРПЛ. Однако с оставшимися элементами ядерной триады ситуация обстояла иначе –примерно четверть МБР и половина ТБ бывшего СССР оказалась за пределами России.

Конкретно на территории Украины было развернуто 212 носителей (8 % от общего числа носителей СССР в 1990 г.) и 1514 боезарядов (15 % от общего числа боезарядов СССР в 1990 г.). На МБР приходилось 176 носителей – 130 УР-100Н / SS-19 и 46 РТ-23 УТТХ / SS-24 [14, с. 28] - (13 % от всех носителей на МБР СССР в 1990 г.) и 1240 боезарядов (21 % от всех боезарядов на МБР СССР в 1990 г.), причем все они были оснащены РГЧ ИН (24 % от всех носителей МБР с РГЧ ИН СССР в 1990 г.; 21 %. от всех боезарядов на МБР с РГЧ ИН СССР в 1990 г.). Мобильных МБР на территории Украины развернуто не было. На аэродромах в УССР базировалось 36 тяжелых бомбардировщиков – Ту-95 МС и Ту-160 [14, с.28] - (22 % от всех ТБ СССР в 1990 г.) с 274 боезарядами (32% от всех боезарядов на ТБ СССР в 1990 г.) [13, с. 205]. Как отмечают в своей работе В.А. Орлов, Р.М. Тимербаев и А.В. Хлопков: «Украина имела на своей территории ядерный арсенал, превышающий арсеналы Великобритании, Франции и Китая вместе взятые» [15, с.28].

Таким образом, возникла серьезная угроза «горизонтального» распространения ядерного оружия, поскольку еще не был определен ядерный статус бывших союзных республик, что ставило под удар не только национальные интересы России, но и устойчивость международного режима нераспространения ядерного оружия. Кроме того, на территории новых независимых государств отсутствовала полноценная система учета и контроля ядерных материалов, не были решены задачи по обеспечению должного уровня их физической защиты. Наконец, нельзя было исключать возможность утечки информации и технологий, связанных с производством ядерного оружия, за пределы постсоветского пространства.

Лиссабонский протокол

Изначально меры по комплексному решению проблемы ядерного арсенала бывшего СССР предпринимались в рамках созданного в соответствии с Беловежскими соглашениями от 8 декабря 1991 г. Содружества Независимых Государств (СНГ). В их основе лежала концепция коллективного контроля над стратегическими ядерными силами (СЯС), которая, впрочем, показала свою несостоятельность уже через 2-3 месяца после распада Советского Союза.

В этих условиях была выработана новая формула решения проблемы ядерного наследия СССР. Она заключалась в увязывании ядерного разоружения новых независимых государств (т.е. их участие в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г. в статусе государств, не обладающих ядерным оружием), со вступлением в силу Договора о сокращении стратегически наступательных вооружений 1991 г. (СНВ-1), что автоматически привлекало в данный формат Соединённые Штаты Америки в качестве непосредственного участника.

Еще в Соглашении о совместных мерах в отношении ядерного оружия от 22 декабря 1991 г. Правительства Республики Беларусь, Республики Казахстан, России и Украины обязались представить Договор СНВ-1 на ратификацию в Верховные Советы своих государств [2]. Эти намерения лидеры Украины, Казахстана и Беларуси - Л.М. Кравчук, Н.А. Назарбаев и С.С. Шушкевич – подтвердили в мае 1992 г. в своих посланиях в адрес Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Герберта Буша [8].

23 мая 1992 г. представители России, США, Беларуси, Казахстана и Украины подписали Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1 между СССР и США, который теперь трансформировался в пятисторонний документ. Особого внимания заслуживают статьи 5 и 6 этого документа. В соответствии с первой, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Украина взяли на себя обязательства «в возможно кратчайшие сроки» [1] присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. в качестве государств, не обладающих ядерным оружием, и «немедленно» [1] принять для этого все необходимые меры, предусмотренные наци-

ональным законодательством. Статья 6 объявляла Лиссабонский протокол неотъемлемой частью Договора СНВ-1. Россия, Беларусь, Казахстан и Украина должны были по отдельности осуществить обмен ратификационными грамотами с Соединёнными Штатами Америки. Договор, таким образом, вступал в силу только после последнего обмена ратификационными грамотами [1].

Непосредственно после подписания протокола Министр иностранных дел РФ А.В. Козырев и Государственный секретарь США Дж. Бейкер выступили с письменными заявлениями. Козырев в очень дипломатичной форме выразил мысль о том, что Россия не произведёт обмен ратификационными грамотами, пока Беларусь, Казахстан и Украина не станут участниками ДНЯО [9]. Бейкер, в целом, согласился с тезисами российской стороны [10], что продемонстрировало единство взглядов Российской Федерации и Соединённых Штатов по вопросу о ядерном статусе новых независимых государств.

Таким образом, статьи 5 и 6 Лиссабонского протокола, а также письменные заявления Козырева и Бейкера сформировали юридическую основу для реализации механизма «увязывания». В его основе был следующий принцип – Договор СНВ-1 не мог вступить в силу, пока Беларусь, Казахстан и Украина не присоединятся к ДНЯО в качестве государств, не обладающих ядерным оружием.

Спустя полтора месяца после подписания Лиссабонского протокола – 6 июля 1992 г. – Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина подтвердили свою готовность присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. в качестве государств, не обладающих ядерным оружием, и юридически признали за Российской Федерацией статус единственного правопреемника СССР в вопросе владения его ядерным арсеналом, в том числе и тех его элементов, которые были размещены на территории Беларуси, Казахстана и Украины [3].

Ядерное разоружение Украины: характеристика проблемы

Вывод элементов СЯС бывшего СССР с территорий Республики Беларусь и Республики Казахстан проходил менее проблематично, чем аналогичный процесс на территории Украины. Тому было несколько причин.

Во-первых, России не удалось сохранить административный контроль над размещёнными на Украине элементами ядерного арсенала бывшего СССР. Например, весной 1992 г. украинское правительство привело личный состав, обслуживающий компоненты СЯС бывшего Советского Союза, к присяге на верность Украине, а не Содружеству Независимых Государств, как это было предусмотрено Соглашением о Военной присяге в стратегических силах от 16 января 1992 г [4].

Во-вторых, Украина была в состоянии осуществлять достаточно эффективный негативный контроль над стратегическими силами - то есть предотвращать пуск ракет со своей территории. Впрочем, существовало экспертное мнение, что Украина могла осуществлять и частичный позитивный оперативный контроль над ядерным оружием (т.е. осуществлять пуски ракет – прим. авт.), поскольку дешифраторы кодов запуска производились в г. Харькове, а все коммуникации к пусковым установкам ракет проходили через командный пункт 46-й ракетной армии в г. Винница. Отмечалось также, что офицеры украинских вооружённых сил, в целом, обладали необходимыми навыками для программирования полётных заданий баллистических ракет. Однако отсутствие собственной орбитальной группировки спутников, информация с которых необходима для корректного определения целей, все же сводила реальные возможности по осуществлению позитивного оперативного контроля к минимуму [14, с.30]

В-третьих, власти Украины намеревались использовать фактор наличия ядерного оружия на территории своей страны в качестве инструмента повышения внешнеполитического престижа Украины как независимого государства. Кроме того, украинское правительство рассчитывало на получение значительной экономической поддержки со стороны России и США.

Провал двустороннего подхода

После выработки общей формулы решения проблемы ядерного наследия СССР появилась необходимость заключить конкретные соглашения между Россией и каждой из трёх бывших союзных республик по

реализации Лиссабонского протокола. В случае с Украиной такого рода переговоры изначально шли в двухстороннем формате. Так, 3 сентября 1993 г. главы правительств Российской Федерации и Украины В.С. Черномырдин и Л.Д. Кучма подписали в Массандре три протокола: о гарантиях надзора за ракетными установками, об утилизации ядерных зарядов и об основных принципах утилизации ядерных боеголовок. В соответствии с этими соглашениями, все элементы СЯС СССР, расположенные на Украине, должны были быть вывезены в Российскую Федерацию и ликвидированы. Помимо этого, Россия обязывалась переработать высокообогащенный уран из боезарядов в низкообогащенный с целью его дальнейшего применения в тепловыделяющих сборках (ТВС) на АЭС Украины [5].

Но уже после подписания документов украинская делегация внесла в них рукописные правки – случай поистине беспрецедентный в дипломатической практике. Украина соглашалась передать России только боеголовки ракет УР-100Н / SS-19, в то время как ракеты РТ-23 УТТХ / SS-24 могли дальше оставаться на украинской территории. Разумеется, такой шаг не мог не вызвать возмущения российской стороны – соглашения были денонсированы [14, с.29].

Тем не менее, 18 ноября 1993 г. Верховная Рада ратифицировала Договор СНВ-1, но с 13 оговорками. Перечислим только некоторые из них: «1. <…>Всё имущество расположенных на территории Украины стратегических и тактических ядерных сил, включая их ядерные боезаряды, является государственной собственностью Украины. 2. Украина не считает для себя обязательной статью VЛиссабонского Протокола. 3. Украина, став собственником ядерного оружия, унаследованного от бывшего СССР, осуществляет административное управление стратегическими ядерными силами» [11]. Такой подход сводил на нет все договоренности, достигнутые в мае 1992 г., что не устраивало ни Россию, ни США. В этой связи, было принято решение перейти к трёхстороннему формату с участием Соединённых Штатов.

Трёхсторонний формат

Украина сформулировала ряд требований, при удовлетворении которых она была готова отказаться от ядерного арсенала бывшего СССР: 1) Предоставление Украине государствами, обладающими ядерным оружием, гарантий безопасности от нападения с применением ЯО; 2) Неприменение силы против территориальной целостности и политической независимости Украины; 3) Отказ от политики экономического давления на Украину; 4) Подтверждение обязательств участников переговоров в соответствии с принципами Заключительного акта СБСЕ по уважению существующих границ Украины как государства-участника СБСЕ; 5) Предоставление Украине компенсаций за вывод с её территории ядерного оружия бывшего Советского Союза [14, с.32].

14 января 1994 г. Президенты России, США и Украины выступили с Трёхсторонним заявлением. Согласно этому документу: «Президенты стремятся к вступлению в силу Договора СНВ-1, включая Лиссабонский протокол и связанные с ним документы, и Президент Кравчук подтвердил свое обязательство о том, что Украина присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государства, не обладающего ядерным оружием, в возможно кратчайшие сроки» [6]. Б.Н Ельцин и У. Дж. Клинтон пошли на уступки Украине по вопросу всех сформулированных ею ранее требований. В частности, в Приложении к Трёхстороннему заявлению говорилось, что «все ядерные боезаряды будут выведены с территории Украины в Россию в целях их последующего разукомплектования в возможно кратчайшие сроки. Россия предоставит компенсацию в виде поставок Украине тепловыделяющих сборок для нужд ее атомной энергетики в течение того же периода времени» [6]. Также было чётко оговорено, что уже в течение первых десяти месяцев Россия должна была поставить ТВС, содержащие 100 тонн низкообогащенного урана. США, в свою очередь, обязались выплатить Украине минимум 175 млн. долларов в качестве финансовой помощи [6].

Таким образом, ценой значительных уступок, России и Соединённым Штатам удалось сдвинуть процесс ядерного разоружения Украины с мертвой точки. 3 февраля 1994 г. вышло Постановление Верховной Рады Украины, в соответствии с которым были сняты оговорки к статье 5 Лиссабонского протокола,

предусмотренные Постановлением Верховной Рады от 18 ноября 1993 г.[12].

Тем не менее, Украина не спешила выполнять свои обязательства по Заявлению. Только 16 ноября 1994 г., находясь под ощутимым давлением со стороны Соединённых Штатов, Верховная Рада Украины ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., обратившись при этом к членам «ядерного клуба» с требованиями предоставления Украине особых гарантий безопасности. [14, с.33-34]

Такого рода гарантии были предоставлены Российской Федерацией, Соединёнными Штатами и Соединённым Королевством в форме совместного меморандума на проходившей в Будапеште Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе 5 декабря 1994 г. [7]. Таким образом, в тот же день Украина официально присоединилась к ДНЯО в качестве государства, не обладающего ядерным оружием и тем самым, наконец, выполнила свои обязательства по статьям 5 и 6 Лиссабонского протокола 1992 г.

2 июня 1996 г. последний боезаряд пересёк российско-украинскую границу [13].

***

Решение проблемы ядерного арсенала СССР на Украине является ярким примером того, к каким положительным результатам может привести конструктивное сотрудничество между Россией и Соединёнными Штатами в ядерной сфере. Только благодаря совместным усилиям двух ключевых ядерных держав удалось достаточно оперативно урегулировать этот сложный вопрос, тем самым ликвидировав многочисленные риски для международного режима нераспространения ядерного оружия.

Вне всяких сомнений, политические шаги России и США сегодня определят будущее системы контроля над вооружениями завтра. Хочется верить, что наши страны в своей политике будут опираться на прецедентный опыт сотрудничества, а не на доктрины времен Холодной войны.

Список литературы

1. Протокол к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 г. // Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). – М.: Междунар. Отношения, 1993. – 216 с. (Министерство иностранных дел РФ, Министерство обороны РФ). С. 207-209;

2. Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия от 22 декабря 1991 г. // Казахстанско-Российские отношения 1991-1995 годы. Сборник документов и материалов. // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. – Москва; Алматы, 1995. – 384 с. С. 326-327;

3. Решение об участии государств-участников Содружества в Договоре о нераспространении ядерного оружия от 6 июля 1992 г. Нераспространение ядерного оружия: Сб. документов. – М. Междунар. Отношения, 1993. (Ассоциация содействия нераспространению). – 240 с. С. 240;

4. Соглашение государств-участников Содружества Независимых Государств о Военной присяге в стратегических силах от 16 января 1992 г. // Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа: (дата обращения 26.01.2018).

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины об утилизации ядерных боеприпасов // Российско-Украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. – М.: МИД России / МГИМО (У) МИД России, 1988. – 644 с. С. 197-198.

6. Трёхстороннее заявление Президентов России, США и Украины от 14 января 1994 г. и Приложение к нему // Российско-Украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. – М.: МИД России / МГИМО (У) МИД России, 1998. – 644 с.С. 203-205.

7. Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия // Российско-Украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. – М.: МИД России / МГИМО (У) МИД России, 1998. – 644 с. С. 210-211;

8. Письмо Президента Украины Л. Кравчука Президенту США Дж. Бушу от 7 мая 1992 г.; Письмо Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева Президенту США Дж. Бушу от 19 мая 1992 г.; Письмо Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича Президенту США Дж. Бушу от 20 мая 1992 г. // Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая

книга). – М.: Междунар. Отношения, 1993. – 216 с. (Министерство иностранных дел РФ, Министерство обороны РФ). С. 210-213.

9. Письменное заявление российской стороны при подписании Протокола к Договору СНВ 23 мая 1992 г. в Лиссабоне // Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). – М.: Междунар. Отношения, 1993. – 216 с. (Министерство иностранных дел РФ, Министерство обороны РФ). С. 213.

10. Заявление Государственного секретаря США Дж. Бейкера при подписании Протокола к Договору о СНВ // Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). – М.: Междунар. Отношения, 1993. – 216 с. (Министерство иностранных дел РФ, Министерство обороны РФ). С. 214-215.

11. Постановление Верховной Рады Украины о ратификации Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного в Москве 31 июля 1991 года, и протокола к нему, подписанного в Лиссабоне от имени Украины 23 мая 1992 года // Российско-Украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. – М.: МИД России / МГИМО (У) МИД России, 1998. – 644 с. С. 199-202.

12. Постановление Верховного Совета Украины об исполнении Президентом Украины и правительством Украины рекомендаций, которые содержатся в пункте II Постановления Верховного Совета Украины «О ратификации Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного в Москве 31 июля 1991 года, и протокола к нему, подписанного в Лиссабоне от имени Украины 23 мая 1992 года» // Российско-Украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. – М.: МИД России / МГИМО (У) МИД России, 1998. – 644 с.С. 206-207.

13. Заявление Президента РФ от 2 июня 1996 г. /ИТАР-ТАСС/ Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия // Российско-Украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. – М.: МИД России / МГИМО (У) МИД России, 1998. – 644 с. С. 210-211.

14. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия/ В.А. Орлов, Р.М. Тимербаев, А.В. Хлопков. – М.: ПИР-Центр, 2001. – 328 с.

15. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Том I/ И.А. Ахтамзян и др. под общ.ред. В.А. Орлова, 2-е изд., переработанное и расширенное. – М. ПИР-Центр, 2002. - 528 с.

16. Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). – М.: Междунар. Отношения, 1993. – 216 с. (Министерство иностранных дел РФ, Министерство обороны РФ).– 216 с.

THE PROBLEM OF THE SOVIET NUCLEAR ARMAMENTS IN UKRAINE: 1991-1996. POSITIVE EXPERIENCE OF COOPERATION.

The author analyzes the process of dealing with the problem of the Soviet nuclear arsenal in Ukraine in 1991-1996. The particular attention is paid to the mechanism of “linkage” between the non-nuclear status of Ukraine and the entry into force of the START-Treaty.

Keywords: Disarmament; nuclear nonproliferation; Ukraine; Lisbon Protocol; CIS.

References

1. Protokol k Dogovoru mezhdu SSSR i SSHA o sokrashchenii i ogranichenii strategicheskih nastupatel'nyh vooruzhenij ot 23 maya 1992 g. (1993) [Protocol to the Treaty between the USSR and the USA for reduction and control of strategic offensive weapons of May 23, 1992] // Dogovor SNV-2. Fakty i argumenty (Belaya kniga). – Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. 216 s. (Ministerstvo inostrannyh del RF, Ministerstvo oborony RF). Ss. 207-209;

2. Soglashenie o sovmestnyh merah v otnoshenii yadernogo oruzhiya ot 22 dekabrya 1991 g. (1995) [Agreement on joint efforts concerning nuclear weapon of December 22, 1991] // Kazahstansko-Rossijskie otnosheniya 1991-1995 gody. Sbornik dokumentov i materialov. // Posol'stvo Respubliki Kazahstan v Rossijskoj Federacii. Moskva; Almaty. 384 s. Ss. 326-327.

3. Reshenie ob uchastii gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva v Dogovore o nerasprostranenii yadernogo oruzhiya ot 6 iyulya 1992 g. (1993) [Decision on participation of the State Parties of the Commonwealth in the Nuclear Non-Proliferation Treaty of July 6, 1992]. Nerasprostranenie yadernogo oruzhiya: Sb. dokumentov. – Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. (Associaciya sodejstviya nerasprostraneniyu). 240 s. S. 240.

4. Soglashenie gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv o Voennoj prisyage v strategicheskih silah ot 16 yanvarya 1992 g. [Agreement of the State Parties of the Commonwealth of Independent States on the Military oath in strategic forces of January 16, 1992] // Oficial'nyj sajt Verhovnoj Rady Ukrainy [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya 26.01.2018).

5. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Ukrainy ob utilizacii yadernyh boepripasov (1988) [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Ukraine on utilization of nuclear ammunition] // Rossijsko-Ukrainskie otnosheniya 1990-1997 gg. Sbornik dokumentov. Moskva: MID Rossii / MGIMO (U) MID Rossii. 644 s. Ss. 197-198.

6. Tryohstoronnee zayavlenie Prezidentov Rossii, SSHA i Ukrainy ot 14 yanvarya 1994 g. i Prilozhenie k nemu (1998) [Tripartite statement of Presidents of Russia, the USA and Ukraine of January 14, 1994 and Annex to it] // Rossijsko-Ukrainskie otnosheniya 1990-1997 gg. Sbornik dokumentov. Moskva: MID Rossii / MGIMO (U) MID Rossii. 644 s. Ss. 203-205.

7. Memorandum o garantiyah bezopasnosti v svyazi s prisoedineniem Ukrainy k Dogovoru o nerasprostranenii yadernogo oruzhiya (1998) [Memorandum of security guarantees in connection with accession of Ukraine to the Nuclear Non-Proliferation Treaty] // Rossijsko-Ukrainskie otnosheniya 1990-1997 gg. Sbornik dokumentov. Moskva: MID Rossii / MGIMO (U) MID Rossii. 644 s. Ss. 210-211.

8. Pis'mo Prezidenta Ukrainy L. Kravchuka Prezidentu SSHA Dzh. Bushu ot 7 maya 1992 g.; Pis'mo Prezidenta Respubliki Kazahstan N. Nazarbaeva Prezidentu SSHA Dzh. Bushu ot 19 maya 1992 g.; Pis'mo Predsedatelya Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus' S. SHushkevicha Prezidentu SSHA Dzh. Bushu ot 20 maya 1992 g. (1993) [The letter of the President of Ukraine L. Kravchuk to the U.S. President J. Bush of May 7, 1992; The Letter of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the U.S. President J. Bush of May 19, 1992; The Letter of the Chairman of the Supreme Council of Republic of Belarus S. Shushkevich to the U.S. President J. Bush of May 20, 1992] // Dogovor SNV-2. Fakty i argumenty (Belaya kniga). Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. 216 s. (Ministerstvo inostrannyh del RF, Ministerstvo oborony RF). Ss. 210-213.

9. Pis'mennoe zayavlenie rossijskoj storony pri podpisanii Protokola k Dogovoru SNV 23 maya 1992 g. v Lissabone (1993) [Written statement of the Russian side when signing the Protocol to the START Treaty on May 23, 1992 in Lisbon] // Dogovor SNV-2. Fakty i argumenty (Belaya kniga). Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. 216 s. (Ministerstvo inostrannyh del RF, Ministerstvo oborony RF). S. 213.

10. Zayavlenie Gosudarstvennogo sekretarya SSHA Dzh. Bejkera pri podpisanii Protokola k Dogovoru o SNV (1993) [Statement of the United States Secretary of State J. Baker when signing the Protocol to the START Treaty] // Dogovor SNV-2. Fakty i argumenty (Belaya kniga). Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. 216 s. (Ministerstvo inostrannyh del RF, Ministerstvo oborony RF). Ss. 214-215.

11. Postanovlenie Verhovnoj Rady Ukrainy o ratifikacii Dogovora mezhdu Soyuzom Sovetskih Socialisticheskih Respublik i Soedinyonnymi SHtatami Ameriki o sokrashchenii i ogranichenii strategicheskih nastupatel'nyh vooruzhenij, podpisannogo v Moskve 31 iyulya 1991 goda, i protokola k nemu, podpisannogo v Lissabone ot imeni Ukrainy 23 maya 1992 goda (1998) [Resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine on ratification of the Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America on reduction and control of strategic offensive weapons signed in Moscow on July 31, 1991 and the protocol to it signed in Lisbon on behalf of Ukraine on

May 23, 1992] // Rossijsko-Ukrainskie otnosheniya 1990-1997 gg. Sbornik dokumentov. Moskva: MID Rossii / MGIMO (U) MID Rossii. 644 s. Ss. 199-202.

12. Postanovlenie Verhovnogo Soveta Ukrainy ob ispolnenii Prezidentom Ukrainy i pravitel'stvom Ukrainy rekomendacij, kotorye soderzhatsya v punkte II Postanovleniya Verhovnogo Soveta Ukrainy «O ratifikacii Dogovora mezhdu Soyuzom Sovetskih Socialisticheskih Respublik i Soedinyonnymi SHtatami Ameriki o sokrashchenii i ogranichenii strategicheskih nastupatel'nyh vooruzhenij, podpisannogo v Moskve 31 iyulya 1991 goda, i protokola k nemu, podpisannogo v Lissabone ot imeni Ukrainy 23 maya 1992 goda» (1998) [Resolution of the Supreme Council of Ukraine on execution by the President of Ukraine and the government of Ukraine of recommendations contained in Paragraph II of the Resolution of the Supreme Council of Ukraine "On ratification of the Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America reduction and control of strategic offensive weapons signed in Moscow on July 31, 1991 and the protocol to it signed in Lisbon on behalf of Ukraine on May 23, 1992"] // Rossijsko-Ukrainskie otnosheniya 1990-1997 gg. Sbornik dokumentov. M.: MID Rossii / MGIMO (U) MID Rossii. 644 s. Ss. 206-207.

13. Zayavlenie Prezidenta RF ot 2 iyunya 1996 g. /ITAR-TASS/ Memorandum o garantiyah bezopasnosti v svyazi s prisoedineniem Ukrainy k Dogovoru o nerasprostranenii yadernogo oruzhiya (1998) [Statement of the Russian President of June 2, 1996 / ITAR-TASS/ Memorandum of security guarantees in connection with accession of Ukraine to the Nuclear Non-Proliferation Treaty] // Rossijsko-Ukrainskie otnosheniya 1990-1997 gg. Sbornik dokumentov. Moskva: MID Rossii / MGIMO (U) MID Rossii. 644 s. Ss. 210-211.

14. Problemy yadernogo nerasprostraneniya v rossijsko-amerikanskih otnosheniyah: istoriya, vozmozhnosti i perspektivy dal'nejshego vzaimodejstviya (2001) [Problems of nuclear non-proliferation in the Russian-American relations: history, opportunities and prospects of further interaction] / V.A. Orlov, R.M. Timerbaev, A.V. Hlopkov. Moskva: PIR-Centr. 328 s.

15. YAdernoe nerasprostranenie (2002) [Nuclear non-proliferation]: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. V 2-h tomah. Tom I/ I.A. Ahtamzyan i dr. pod obshch.red. V.A. Orlova, 2-e izd., pererabotannoe i rasshirennoe. M. PIR-Centr. 528 s.

16. Dogovor SNV-2 (1993) [START II Treaty]. Fakty i argumenty (Belaya kniga). Moskva: Mezhdunar. Otnosheniya. 216 s. (Ministerstvo inostrannyh del RF, Ministerstvo oborony RF). 216 s.

Об авторе

Шиптенко Анатолий Вадимович - студент факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: ship98av@mail.ru

Shiptenko Anatoly Vadimovich – student of the faculty of international relations, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (Russia), E-mail: ship98av@mail.ru

УДК 94(47).073+378

Шишкина М.С., аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В 1835-1845 гг.

Статья посвящена организации образовательной деятельности в Императорском Училище правоведения в первое десятилетие его существования. Автор анализирует содержание образовательной деятельности и условия ее осуществления. Отмечается, что особое внимание в Училище правоведения уделялось изучению иностранных языков и юридических дисциплин. В статье делается вывод о высоком уровне организации образовательной деятельности в Императорском Училище правоведения.

Ключевые слова: Императорское Училище правоведения, образовательная деятельность, принц П.Г. Ольденбургский, Д.И. Ровинский, Н.И. Стояновский, образовательное пространство, закрытое учебное заведение, правоведы, иностранные языки, судебная реформа.
DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-164-167

Некомпетентность чиновников, препятствовавшая проведению в жизнь планов Николая I по упорядочению бюрократического аппарата Российской империи, особенно остро ощущалась в судебном ведомстве. Притчей во языцех стала уходившая корнями в допетровскую Русь волокита: на рассмотрение незначительных дел уходили годы, а в некоторых случаях – и десятки лет. Кроме того, все государственные учреждения нуждались в большом количестве квалифицированных юристов. Поэтому на повестку дня был поставлен вопрос об организации подготовки кадров для министерства юстиции. В 1835 г. по инициативе принца П.Г. Ольденбургского было учреждено Императорское Училище правоведения – элитарное закрытое учебное заведение, дававшее своим выпускникам высшее юридическое образование.

Обучение в Училище первоначально длилось 6 лет, нумерация классов была обратной. В 1838 г. было принято решение об открытии VII класса, и срок обучения увеличился до 7 лет. В четырех младших классах (с VII по IV) правоведы осваивали гимназическую программу, а в старших (с III по I) – университетскую. В Училище принимались исключительно потомственные дворяне от 12 до 17 лет. Учебный год длился с 1 августа по 1 июля.

Для абитуриентов разрабатывались специальные программы, где определялись требования к поступавшим в VII-IV классы (поступать непосредственно в старшие классы было запрещено). Желавшие поступить в Училище правоведения должны были сдать экзамены по Закону Божьему, русскому, французскому и немецкому языкам, математике, истории и географии. Кандидат, успешно сдавший экзамены, но не поступивший в Училище из-за отсутствия свободных мест, мог быть зачислен в течение года в случае открытия вакансии. По истечении года результаты экзамена аннулировались, и абитуриент был вынужден вновь проходить через вступительные испытания. Оценка познаний поступавших должна была быть максимально объективной. Преподавателям, принимавшим экзамены, вменялось в обязанность сохранять хладнокровие и «не показывать ни похвалы, ни неудовольствия» [6, Л. 6]. Родителям разрешалось присутствовать на экзамене, однако они не могли ни принимать участия в опросе, ни требовать от экзаменаторов разъяснений по поводу выставленных отметок.

Одним из главных вопросов для руководства Училища стала организация профессиональной подготовки будущих юристов. Определение содержания образовательной деятельности зависело от попечителя Училища, занимавшегося назначением на должность преподавателей, директора, осуществлявшего контроль учебного процесса, а также собиравшегося ежемесячно совета Училища, который обсуждал текущие вопросы, связанные с учебной работой [14, Л. 9].

В течение первых четырех лет своего пребывания в Училище правоведы изучали предметы общего цикла: Закон Божий, географию, историю, математику, логику, а также так называемые предметы искусства,

под которыми понимались черчение, рисование, пение и гимнастика. В трех старших классах преподавались специально-юридические дисциплины: энциклопедия правоведения, российское законоведение, римское право, практическое судопроизводство.

Перечень изучаемых дисциплин в первые годы существования заведения не был устоявшимся и подвергался постоянной корректировке. Так в 1837 г. совет Училища постановил ввести фехтование два раза в неделю по 2 часа. Деньги на выплату жалования преподавателя было решено брать из сумм оплаты обучения своекоштных воспитанников [3, Л. 7]. В 1844 г. было принято решение о начале преподавания в Училище сельского хозяйства [13, Л. 2]. Введение этой дисциплины в юридическом учебном заведении объяснялось желанием попечителя Училища П.Г. Ольденбургского подготовить кадры для Вольного экономического общество, чьим президентом он являлся и над совершенствованием которого он, со свойственной ему увлечённостью, работал.

Согласно уставу Училища, при распределении учебных дисциплин по классам обязательно принимались во внимание возраст воспитанников и обусловленные им способности. На заседаниях Совета Училища осуществлялся всесторонний анализ учебных успехов, по итогам которого предметы, с трудом дававшиеся правоведам, могли быть перенесены в старшие классы, а более легкие – в младшие. Этим обуславливалась подвижность учебных программ: учащиеся каждого нового набора изучали дисциплины в иной последовательности и объеме, нежели их предшественники. Так, в 1843 г. в III классе были упразднены лекции алгебры, геометрии и статистики, а вместо них введены два часа римского права и один час энциклопедии права [12, Л. 3].

Большое внимание в Училище уделялось преподаванию иностранных языков. Обязательными для изучения являлись латинский, французский и немецкий языки. Правовед четвертого выпуска В.В. Стасов вспоминал, как начальство заботилось, «чтоб мы хорошенько практиковались во французском языке (ведь французский язык – первое основание для благовоспитанного человека, для "джентльменов", какими нас прежде всего желали сделать)» [1, с.330]. Греческий и английский языки не входили в общий курс наук, поэтому результаты их изучения учитывались при выведении общей суммы баллов только при получении удовлетворительной оценки [5, Л. 4]. Впоследствии изучение этих языков стало необязательным, так как многие воспитанники плохо знали основные иностранные языки и руководство Училища приняло решение выделить на их изучение дополнительные часы за счет английского языка [5, Л. 9].

Весьма эффективным способом практического изучения иностранных языков было преподавание ряда дисциплин на немецком или французском языках. Например, в V классе математическая и физическая география читалась на немецком языке [10, Л. 9]. На иностранных языках велось и обучение технологии, введенной в 1839 г. в младших классах Училища. Обучение ремеслам по инициативе преподавателей проходило не в рамках обычной лекционной системы, а в живом диалоге между педагогом и воспитанниками, тем самым достигалось более прочное овладение иностранным языком, на котором велся предмет [10, Л. 5].

Изучать и иностранные языки, и другие предметы помогала обширная библиотека заведения, которой могли пользоваться как преподаватели, так и воспитанники. Ее фонды постоянно пополнялись, причем среди дарителей книг были Николай I и попечитель Училища принц П.Г. Ольденбургский. Кроме того, для пополнения библиотеки нередко приобретались частные книжные собрания. Так, в 1838 г. у пастора Ревеля была приобретена французская библиотека, состоявшая из 948 книг, 223 ландкарт, 758 рисунков и 140 прописей за 3500 р. [4, Л. 21]. Через год Училище правоведения приобрело у статской советницы Гауеншильд 2279 книг на французском, латинском и немецком языках [9, Л. 4]. Эта удачная покупка позволила практически удвоить библиотечный фонд, в каталогах которого стало значиться 5435 изданий.

Учебные успехи воспитанников оценивались по 12-балльной шкале, причем оценки заносились в ведомости. Инспектор класса ежемесячно составлял общую сводку оценок, предоставлял ее директору и объявлял воспитанникам. Эти меры «способствовали к возбуждению благородного соревнования между воспитанниками» [2, Л. 8].

Руководство Училища заботилось не

только о содержательном наполнении учебной программы, но и о том, чтобы у воспитанников было время для повторения уроков и для отдыха. Самостоятельные занятия шли под надзором инспектора классов и в присутствии дежурных воспитателей, которые советами и объяснениями помогали воспитанникам готовить уроки [2, Л. 13]. Когда правоведы первого набора перешли в выпускной класс, руководство Училища решило предоставить им больше свободного времени для упражнений в юридической практике и подготовке заданий. Совет Училища перестроил распорядок дня учащихся I класса таким образом, чтобы классные занятия шли с 8-30 до 13-00 без перерыва, а затем, после краткого отдыха, правоведы должны были повторять изученное утром, завершая работу к 16-00 (в то время как их младшие товарищи занимались до 18-00). Это решение Совета не было принято единогласно: многие преподаватели опасались, что напряженная умственная работа в течение нескольких часов отрицательно скажется на здоровье воспитанников [8, Л. 3]. Их оппоненты аргументировали свою позицию тем, что аналогичный распорядок дня, принятый в гимназиях, не привел к каким-либо негативным последствиям для обучающихся.

Два раза в год правоведы сдавали экзамены по курсу изучаемых предметов. А в конце обучения в Училище их ожидали публичные испытания, на которые приглашались Попечитель Училища, министры, члены Государственного Совета и Сената. Для того, чтобы быть переведенным в следующий класс, необходимо было набрать не менее 7 баллов по каждому предмету. Не преодолевшие этот порог допускались к переэкзаменовке, а после повторной неудачи оставались в своем классе на второй год. Однако уже в 1839 г. инспектор классов барон Врангель пришел к выводу, что многие правоведы, зная, что в случае провала на экзамене у них будет возможность пересдать его, не стремятся готовиться, а надеются на пересдачу. По его инициативе пересдачи стали допускаться только в исключительных случаях [10, Л. 10].

Немаловажную роль в организации образовательного процесса играло его материально-техническое обеспечение. В стенах Училища были созданы все условия для того, чтобы воспитанники могли знакомиться с материалом не только в теории, но и на практике. Достаточное хорошее оснащение имели кабинеты предметов общего цикла. Так физический кабинет вместе с коллекцией минералов насчитывал 446 предмета, 339 из которых были приобретены в 1839 г. Среди прочих предметов, помимо скелета человека, использовавшегося на занятиях по естествознанию, были также скелеты кролика, совы и попугая [7, Л. 6].

Особое внимание руководство обращало на организацию преподавания специально-юридических дисциплин. Выпускники Училища, которым предстояло посвятить себя работе на юридическом поприще, должны были непросто обладать глубокими теоретическими познаниями, но и хорошо ориентироваться в правовой практике. С этой целью в I классе для преподавания практического судопроизводства на занятиях с правоведами разбирались подлинные гражданские и уголовные судебные дела, находившиеся в судопроизводстве судов как низших, так и высших инстанций. Спектр изучаемых дел был достаточно широк: от растраты казенного имущества до преступлений, совершенных малолетними [10, Л. 11]. Также в Императорском Училище правоведения была открыта первая в Российской империи кафедра судебной медицины [11, Л. 25]. Этот предмет для правоведов стал одним из самых любимых. Воспитанники с живым интересом слушали лекции о насильственной смерти, отравлениях, ранах, нанесенных тупыми и острыми предметами [1, Л. 368]. Лучшие ученики отправлялись в Мариинскую больницу, где присутствовали при вскрытии трупов.

В Училище правоведения благодаря оптимальному сочетанию общеобразовательных предметов и дисциплин специализации происходило формирование эрудированных личностей с широким кругозором. Единство теоретического и практического обучения позволило добиться высоких результатов в подготовке правоведов. За первые десять лет своего существования Императорское Училище правоведения подготовило шесть выпусков юристов, преобразивших не только министерство юстиции, но и правовую систему Российской империи. Среди тех, кто стоял у истоков судебной реформы 1864 г., мы видим Н.И. Стояновского, Д.А. Ровинского, В.Д. Философова и других питомцев Училища правоведения.

Список литературы

1. Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 299-390.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 355. Оп. 1. Д. 4132.
3. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4140А.
4. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4141.
5. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4144.
6. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4148А.
7. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4149.
8. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4153.
9. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д.4156.
10. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп.1. Д. 4164А.
11. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп.1. Д. 4171.
12. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп.1. Д. 4215А.
13. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп.1. Д. 4224А.
14. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп.1. Д. 4535.

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE IMPERIAL SCHOOL OF LAW IN 1835-1845

This article is devoted to the organization of educational activities in the Imperial School of law in the first decade of its existence. The author analyzes the content of educational activities and the conditions of its implementation. It is noted that special attention in the School of law was paid to the study of foreign languages and legal disciplines. The author comes to the conclusion about the high level of organization of educational activities in the Imperial School of law.
Keywords: Imperial School of law, educational activities, Prince P. G. Oldenburg, D. I. Rovinsky, N. I. Stojanovski, educational space, private educational institution, jurists, foreign languages, judicial reform.

References

1. Stasov V. V. Uchilishche pravovedeniya sorok let tomu nazad [The School of Law forty years ago] // Izbrannye sochineniya v trekh tomah. ZHivopis'. Skul'ptura. Muzyka [Selected works in three volumes. Painting. Sculpture. Music]. Vol. 2. M.: Iskusstvo, 1952. Pp. 299-390.
2. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb.) [Central State Historical Archive of Saint Petersburg (CSHA SPb.)]. F. 355. Op. 1. D. 4132.
3. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4140A.
4. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4141.
5. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4144.
6. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4148A.
7. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4149.
8. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D. 4153.
9. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op. 1. D.4156.
10. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op.1. D. 4164A.
11. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op.1. D. 4171.
12. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op.1. D. 4215A.
13. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op.1. D. 4224A.
14. CGIA SPb. [CSHA SPb.] F. 355. Op.1. D. 4535.

Об авторе

Шишкина Мария Сергеевна – аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия). E-mail: maschakutaf@mail.ru

Shishkina Mariya Sergeevna – post-graduate student, Orel State University named after I. S. Turgenev (Russia). E-mail: maschakutaf@mail.ru

УДК 338.45

Горбов Н.М., доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Горбова Т.М., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Погонышев В.А., доктор технических наук, профессор, Брянский государственный аграрный университет (Россия)
Погонышева Д.А., доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРИРОДОПОДОБНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН

В условиях цифровой экономики используемые технологии управления бизнес-системами приводят к противоречиям между индивидом и государством, вследствие этого у работников отмечается отсутствие способности и готовности к самоуправлению, самосовершенствованию, самоактуализации, саморазвитию. Формирование цифрового пространства актуализирует необходимость овладения управленцами инновационными технологиями. В статье показано, что воспроизводство жизнедеятельности в условиях цифровой трансформации общества обусловлено характером стратегического управления, направленного на формирование естественной энергонасыщенной и энерговоспроизводящей взаимосвязи глобальных и элементарных процессов. Жизнедеятельность каждой личности проявляется в духовной, социальной, технико-динамической, материально-предметной,операционно-преобразовательной, продуктово-ценностной, компетентностной, организационно-информационной и энерго-экологической сферах. Авторами обоснован переход к природоподобному управлению региональными бизнес-процессами в условиях формирования цифровой среды с использованием технологии блокчейн.
Ключевые слова: регион, бизнес-процессы, природоподобное управление, цифровая экономика, блокчейн

На этапе развития экономики знаний использование традиционных технологий управления бизнес-структурами связано с ростом противоречий между личностью и государством, что приводит к потере у сотрудников способности и готовности к самоуправлению и саморазвитию. Решение данной проблемы обусловливает экономический рост, аксиологические ориентиры и духовные принципы. Глобальные вызовы актуализируют полномасштабное использование когнитивных технологий управления системами. Ключевым фактором развития является рост социальной зрелости цифрового общества, применение инновационных технологий управления региональными бизнес-процессами [12]. Природоподобная технология управления бизнес-системами опирается на ноосферную теорию, жизнедеятельностный подход, природосообразную методологию [3, 6, 7, 8, 9]. Опираясь на принципы идентичности и синхронности законов самоорганизации в природе и цифровом сообществе на основе технологии блокчейн авторами разработаны модели жизнедеятельности и природоподобного управления региональными бизнес-системами.

В процессе исследования использованы основы природоподобного управления, когнитивное моделирование.

В современном управлении в ходе сравнения затрат и результатов, сопоставления «входов» и «выходов» исчисляются показатели эффективности функционирования организации, исключительное использование которых приводит к существенному сужению знаниевой базы управленцев для формирования эффективных решений [1, 2, 13, 15].

Использование системы показателей эффективности функционирования бизнес-структур дает возможность выявлять «узкие места», устраняемые в дальнейшем с помощью биоадекватных решений. Жизнедеятельностный подход ориентирует управленца на формирование конкурентных преимуществ организации в процессе формирования интеллектуально-креативного потенциала сотрудников. Воспроизводство жизнедеятельности социума в ходе актуализации

внутренних сил опирается на стратегическое управление, ориентированное на естественную энергонасыщенную и энерговоспроизводящую взаимосвязь элементарных и глобальных процессов.

Жизнедеятельность личности проявляется в девятисферной среде: духовной, социальной, технико-динамической, материально-предметной, операционно-преобразовательной, организационно-информационной, продуктово-ценностной, компетентностной и энерго-экологической. Управление бизнес-процессами на основе природоподобных технологий мы называем биоадекватным, природоподобным, природосообразным [6, 7, 8, 9].

Опираясь на принципы природоподобного управления системами, мы выделяем статические и динамические первоэлементы социально-экономического процесса. Так, динамический компонент включает социально-целевую систему, социально-техническую систему, социально-технологическую систему, которые характерны для различных иерархических уровней (региональная экономика, отрасль, бизнес-система, отдельное рабочее место).

Своевременное выявление «узких мест» в протекающих бизнес-процессах на основе природоподобного подхода позволяет принять упреждающие управленческие решения. Так, например, в случае выявления недостаточного уровня технической и технологической обеспеченности социально-экономического процесса управленческие решения ориентированы в том числе на техническое и технологическое перевооружение, которое организация в состоянии осуществить путем аренды, лизинговых операций, покупки материально-технических ресурсов и др.

В настоящее время цифровая трансформация бизнеса обусловливает максимальное удовлетворение потребностей всех участников в процессе использования информации как стратегического ресурса благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, доступности инфраструктуры, вместе обеспечивающих и поддерживающих возможность полноценного информационного взаимодействия в цифровом пространстве заинтересованных бизнес-структур [10].

Эффективное взаимодействие субъектов и объектов когнитивной экономики предполагает наличие у участников доступных цифровых компонентов. Следует отметить для цифровой экономики такие особенности: бизнес-процессы используют компоненты цифровой среды, включающие программно-аппаратные комплексы, обеспечивающие информационную взаимосвязь участников с возможностью их прямого взаимодействия; использование персонифицированных сервисных моделей; непосредственное взаимодействие производителей и потребителей; распространение экономики совместного пользования продуктами и др.

В основе цифровой экономики находится технология блокчейн [4, 5]. Блокчейн первоначально возник в виде технологии с целью управления различными криптовалютами. Под блокчейном исследователи понимают базу данных, обладающую определенной ключевой характеристикой. Структура данных определяет способ их организации без конкретизации предметного содержания. В технологии блокчейн данные структурированы в блоки, связанные цепочкой друг с другом. Структуры данных программно обрабатываются по строго определенным алгоритмам. Таким образом, реализуется упорядоченная последовательность операций, при этом информационное содержание множества структур в распределенных пиринговых системах четко согласуется между собой. Распределенные системы поддерживают распределенное хранение данных на персональных компьютерах участников, связанных между собой и образующих единую вычислительную систему.

Пиринговые системы представляют собой частный случай распределенных систем, состоят из узлов, предоставляющих доступ иных узлов компьютерной системы к собственным вычислительным ресурсам, обеспечивают взаимодействие персональных компьютеров без непосредственного участия посредников.

В блокчейне транзакция представляет собой операцию по передаче права собственности от одного участника системы к другому. Каждая транзакция имеет ряд идентификаторов: идентификатор счета, владелец которого

передает право собственности; идентификатор счета, владелец которого получает право собственности; количество товара, на которое передается собственность; время, в течение которого должна быть осуществлена передача права собственности; подтверждение согласия (подпись) передающего право собственности на осуществление трансакции и др. Информацию, внесенную в эту вычислительную систему, невозможно подделать или незаметно модифицировать [4, 5].

Блокчейн выступает организационной парадигмой, объединяющей вычисления, коммуникационные сети, криптографию и искусственный интеллект с целью координации и синхронизации экономической деятельности. Уникальность блокчейна состоит в неизменности (необратимости), которую обеспечивает криптографическая система защиты. Так, например, когда транзакции из реестра сгруппированы в блоки и записываются в базу данных, криптографическая верификация проверяет созданные записи, поэтому скорректировать состояние реестра является невозможным. Однако при этом присутствует возможность различных корректив данных в последовательной цепочке блоков, но осуществимых лишь если участники вычислительной системы подтверждают легитимность транзакции в соответствии со стандартными протоколами и правилами.

В настоящее время уже существуют различные разработки, выполненные зарубежными компаниями. В 2015 году компании Visa и DocuSign разработали программное обеспечение на базе блокчейна для удобства оплаты аренды автомобиля, совершения лизинговых платежей за него. IBM и Samsung работают над концепцией Adept, предполагающей использование подобной блокчейну технологии для создания децентрализованной сети из огромного количества различных устройств «интернета вещей», которые смогут взаимодействовать друг с другом для автономной установки обновлений, устранения ошибок и др. Таким образом, в мировой практике технология блокчейн в основном применяется в качестве торговых площадок между потребителями и поставщиками ресурсов на небольших территориях в условиях свободного, конкурентного рынка [4, 5].

Авторы считают, что в процессе реализации природоподобного управления региональными бизнес-системами с целью оптимизации функционирования бизнес-процессов (аренда, лизинг, покупка технических ресурсов и др.) ввод и первичная проверка информации о текущих лизинговых операциях осуществляется посредством приложений, устанавливаемых на компьютере участников системы. Верификация и хранение информации в этом случае обеспечиваются программным обеспечением распределенных вычислений, осуществляющих взаимодействие между пользователями сети без использования сервера-посредника, поддерживающих целостность сведений в системе реестров, хранящихся на компьютере непосредственных участников сети.

По мнению авторов, при реализации лизинговых операций, блокчейн обладает такими преимуществами, как снижение правовых рисков и повышение скорости и точности обработки информации, прозрачность и открытость всей информации для общего доступа пользователей, значительное уменьшение затрат, чем при использовании централизованного хранения данных. Блокчейн, способный отслеживать работу многочисленных участников производства и цепочки поставок технических ресурсов, позволяет быстрее определять источники некачественной техники, не позволяя ей оказаться у потребителей. Блокчейн при лизинговых операциях, при покупках средств производства обеспечивает всеобщую прозрачность для различных участников, которая в иных условиях была бы трудно реализуемой. Например, возможно отследить, была ли прервана цепь поставок тех или иных материально-технических ресурсов. Если это так, то ее участники своевременно получат уведомления. В течение нескольких секунд можно проследить, какая техника повреждена, поскольку такие данные, как место происхождения товара, данные обработки, данные о доставке ресурсов хранятся в блокчейне. Прозрачность цепи поставок материально-технических ресурсов играет решающую роль в удовлетворении потребностей потребителей. Благодаря возможности отслеживать транзакции в реальном времени, рыночные субъекты могут доверять цепи поставок ресурсов. Любой участник

цепи поставки может получить доступ к необходимому документу в режиме реального времени и на постоянной основе видеть все изменения, которые происходят с его статусом. Эта прозрачность дает возможность немедленно обнаруживать неэффективные звенья и последующую возможность исправить их в кратчайшие сроки, что приводит к долгосрочным сокращениям затрат.

Авторы считают, что технология блокчейн открывает новые возможности в управлении цепью поставок материально-технических ресурсов, включая решения в режиме реального времени, которые могут принимать все участники цепи. Непрерывный доступ в режиме реального времени к цепи поставок ресурсов со всеми связанными транзакциями позволяет работать интерактивно. К примеру, организация, которая заранее знает, что поставка содержит лишь часть заказанных материально-технических ресурсов, может перепланировать и получить доступ к собственному складскому запасу, заказать недостающее оборудование у другого поставщика или пересмотреть цену. Участники сети могут обмениваться как материально-техническими, так и другими ресурсами, которые представляют определённую ценность в цифровой среде.

По мнению авторов, блокчейн при модернизации технико-технологической составляющей регионального социально-экономического процесса помогает сэкономить время на переговорах, снижает финансовые затраты, исключая цепочку посредников между производителем и потребителем, а также уменьшает риск для участников благодаря полному открытому контролю. Отказ от бумажной бухгалтерии в пользу электронной на базе распределенного реестра не только уменьшает количество ошибок, но и позволяет существенно сократить время выполнения некоторых операций.

Исследователи считают возможным применение технологии блокчейн в информационном образовательном пространстве университета. Данная технология обладает потенциалом для осуществления организации нелинейного интерактивного взаимодействия преподавателя и обучающегося в условиях цифровой образовательной среды.

Природоподобная технология управления региональными социально-экономическими системами позволяет реализовать потенциальную возможность принятия упреждающих биоадекватных решений.

Блокчейн выступает современной парадигмой для организации эффективного функционирования бизнес-систем. Блокчейн позволяет участникам вычислительной сети торговать материально-техническими ресурсами в криптографически защищенной системе.

Технология блокчейн позволяет создать универсальную образовательную модель, предназначенную для профессиональной подготовки инновационно-креативных специалистов, обучения и переподготовки сотрудников рыночных субъектов.

Список литературы

1. Анисимов О.С. Методологический словарь для управленцев. Москва, 2004. 390 с.

2. Введение в управление / коллектив авторов под научной редакцией А.Г. Гладышева, В.Н. Иванова, Н.В. Масловой. – Москва: Изд-во Академии наук социальных технологий и местного самоуправления (АНСТиМС), 2002. 560 с.

3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Москва: Айрис-пресс, 2012. 261 с.

4. Воронов М.П., Часовских В.П. Blockchain – основные понятия и роль в цифровой экономике // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 9-1. – С. 30-35; URL: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41699 (дата обращения: 01.12.2018).

5. Генкин А., МихеевА. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 592 с.

6. Горбов Н.М. Биоадекватное управление: жизнедеятельностный подход, природосообразная методология: Коллективная монография/Н.М. Горбов. Брянск: ООО «Новый проект», 2017.157 с.

7. Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышева Д.А., Рябых Е.С. Методика формирования профессиональных компетенций в области экономики у студентов профессиональных образовательных учреждений с использованием природосообразных технологий на основе нейрокомпьютерных технологий (динамическая модель организации) / Хроники объединенного

фонда электронных ресурсов «Наука и образование». Москва, 2014. Том 1. № 1 (56). С.51

8. Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышев В.А., Погонышева Д.А. Совершенствование биоадекватного квантового управления на основе использования нейрокомпьютерных технологий//Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 4. С. 509-520

9. Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышев В.А., Погонышева Д.А. Биоадекватное управление социо-эколого-экономическими системами на основе фрактального подхода и нейрокомпьютинга//Креативная экономика.2017. Т.11. №10. С. 1067-1076.

10. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/4b6b1ec3d9a61a8204d8fdc520469db8e0daa367/(дата обращения: 15.01.2018)

11. Мандельброт Б. Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 392 с.

12. Мельников О.Н., Горелов Н.А. Смена образовательных парадигм как условие креативного развития личности обучающегося и формирования профессиональных компетенций // Креативная экономика. 2013. № 3 (75). С.15-23

13. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Москва: Дело, 1997. 704 с.

14. Пригожин И. Конец определенности. Ижевск: РХД, 2001.208 с.

15. Прохоров А.П. Русская модель управления. Москва: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. 376 с.

NATURE SIMILAR MANAGEMENT OF THE REGION WITH USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY

Abstract. In the conditions of digital economy the used technologies of management of business systems lead to contradictions between the individual and the state thereof at workers the lack of ability and readiness for self-government, self-improvement, self-updating, self-development is noted. Formation of digital space updates need of mastering managers innovative technologies. In article it is shown that reproduction of activity in the conditions of digital transformation of society is caused by the nature of the strategic management directed to formation natural of the power sated and power reproducing interrelation of global and elementary processes. Activity of each personality is shown in spiritual, social, technical and dynamic, материально-предметной,операционно-преобразовательной, grocery and valuable, competence-based, organizational and information and power-ecological spheres. Authors proved transition to nature similar management of regional business processes in the conditions of formation of the digital environment with use of blockchain technology.
Keywords: business processes, nature similar management, digital economy, blockchain

References

1. Anisimov, O.S. (2004). Methodological dictionary for managers. Moscow: Nauka.

2. Introduction to the management / team of authors under the scientific editorship of (2002). /A.G. Gladysheva, V.N. Ivanova, N.V. Maslova. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of Social Technologies and Local Government (ANSTiMS).

3. Vernadsky, V.I. (2012). Biosphere and noosphere. Moscow: Airis-press.

4. Voronov, M.P., Chasovskich, V.P. (2017). Blockchain – the basic concepts and role in digital economy//Basic researches. № 9-1; URL: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41699 (01.12.2018).

5. Genkin, A., Micheev,A.(2017). Blockchain. As it works also that waits for us tomorrow. M.: Alpina Pablisher.

6. Gorbov, N.M. (2017). Bio-adequate management: life-activity approach, nature-friendly methodology: Collective monograph. Bryansk: LLC "New Project".

7. Gorbov, N.M., Gorbova, T.M., Pogonysheva, D.A., Ryabykh, E.S. (2014). Methodology for the formation of professional competences in the field of economics for students of professional educational institutions using nature-friendly technologies based on neurocomputer technologies (dynamic model of the organization) / Chronicle of the united fund of electronic resources "Science and Education". Moscow.

8. Gorbov, N.M., Gorbova, T.M., Pogonyshev, V.A., Pogonysheva, D.A. (2017). Improvement

of bio-adequate quantum control based on the use of neurocomputer technologies / / Creative economics. T. 11. No. 4.

9. Gorbov, N.M., Gorbova, T.M., Pogonyshev, V.A., Pogonysheva, D.A. (2017). Bio-adequate management of socio-ecological and economic systems based on the fractal approach and neurocomputing // Journal of Creative Economy. T.11. No.10.

10. (2008). The State Program of the Russian Federation "Information Society" (2011-2020). Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 [Electronic resource] URL. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/4b6b1ec3d9a61a8204d8fdc520469db8e0daa367/ (date of address: 01/12/2018)

11. Mandelbrot, B. (2009). Fractals and chaos. The Mandelbrot Set and Other Miracles / / B. Mandelbrot. Izhevsk: SRC "Regular and chaotic dynamics".

12. Melnikov, O.N., Gorelov, N.A. (2013). The change of educational paradigms as a condition for the creative development of the learner's personality and the formation of professional competences // Journal of Creative Economy. No. 3 (75).

13. Meskon, M., Albert, M., Hedouri, F. (1997). Fundamentals of Management. Moscow: The Case.

14. Prigogin, I. (2001). The End of Certainty. Izhevsk: RHD.

15. Prokhorov, A.P. (2002). Russian model of management. Moscow: ZAO "Magazine Ex-perth".

Об авторах

Горбов Николай Михайлович – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Горбова Татьяна Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Погонышев Владимир Анатольевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информатики, Брянский государственный аграрный университет (Россия) E-mail: pog@bgsha.com

Погонышева Дина Алексеевна – кандидат экономических наук, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой автоматизированных информационных систем и технологий, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия) E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Gorbov Nikolay Mikhailovich – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, History and Law, Bryansk State University named after Academician IG. Petrovsky (Russia), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Gorbova Tatiana Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Bryansk State University named after Academician IG. Petrovsky (Russia), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Pogonyshev Vladimir Anatolyevich – Doctor of Engineering, professor, professor of department of mathematics, physics and informatics, Bryansk state agricultural university (Russia) of E-mail: pog@bgsha.com

Pogonisheva Dina Alekseevna – candidate of economic sciences, doctor of pedagogical sciences, professor, head. Department of Automated Information Systems and Technologies, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia) E-mail: sei-bgu@yandex.ru

УДК 338.462

Ковалева Н.Н., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск
Ковалева Н.А., магистр 1 курса, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (РГАУ_МСХА им. КА. Тимирязева), г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ПРОДВИЖЕНИИ УСЛУГ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ РЫНКАХ

Повсеместное развитие информационных технологий, переход к цифровой экономике диктуют совершенно новые требования к укладу традиционной экономической системы. Активное взаимодействие сферы услуг и информационных технологий способствовало появлению новой категории – электронная услуга. Ранее сервисная экономика отождествлялась с понятием рыночное пространство офлайн, сейчас в центре внимания - обширный рынок интернет-услуг.
Ключевые слова: информационное общество, Интернет, коммуникационная система, компьютерные технологии, киберугроза, цифровая экономика, рынок услуг, финансовая среда

Развитие социума и индивидов в частности подразумевает усложнение сложившихся систем взаимодействия и инструментов коммуникации. Современное же информационное общество в основе своей имеет сложную технико-технологическую инновацию, которая называется глобальная информационно-коммуникационная система или сокращенно ГИКС. Действие глобальной информационно-коммуникационной системы установило новый информационный режим, а также повлияло на изменение условия культурного обмена, общения, образования, и даже бизнеса. Постепенно стирая пространственные, временные, социальные, языковые и иные барьеры, оно формирует единое информационное пространство.

Все эти характеристики расширили возможности коммуникации и позволили осуществить глобальный охват аудитории единым контентом, сократили время прохождения сообщений. Во многом благодаря появлению данной системы информации в современном мире распространяется гораздо быстрее, а новые методы управления или вновь осуществленные научные разработки распространяются по всему миру и начинают повсеместно применяться. В таком социуме локальное малозначимое событие может приобрести глобальный масштаб, иными словами современный социум становится проницаемым для любых информационных импульсов, соответственно возникает информационная зависимость.

Изучены нормативные акты, а также труды отечественных и зарубежных экономистов в области информационного поля сферы услуг региона.

Развитие Брянского региона во многом определяет инновационная стратегия Программа Правительства «Цифровая экономика Российской Федерации» предопределила новый курс развития не только экономике страны, но и повлияло на все российское общество. Данная программа была создана в целях реализации Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017 - 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [2, 3]. Она направлена на создание условий для развития общества знаний, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами [3]. Новая цифровая экономика подразделяется на три уровня, которые находятся в постоянном взаимодействии и только с ним полноценно и грамотно влияют на жизнь соотечественников.

В тексте Программы развития сказано, что: «Программа, ориентируясь на Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, исходит из того, что цифровая экономика

представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы» [1].

Основными цифровыми технологиями, входящими в рамки этой программы, в том числе и являются промышленный интернет и технологии беспроводной связи. Ввиду этого обратимся к показателям Брянскстата. характеризующим состояние компьютеризации региональных фирм.

Проанализировав данные таблицы, можно заметить, что в большей или меньшей степени, но во всех организациях сферы услуг присутствует положительная тенденция к увеличению информационного пространства своих заведений. Следует отметить, что именно государственные образования, такие как здравоохранение, высшие учебные заведения и организации государственного управления занимают лидирующие позиции по использованию в своих учреждениях сети Интернет. К 2017 году практически все эти структуры в 100% случаев могли использовать ресурсы сети для повышения качества своей работы. В организациях оптовой и розничной торговли так же в последние годы стали наблюдаться позитивные сдвиги совершенствования в области информационных технологий. Вызвано ли это стремлением к повышению качества своих услуг или же новыми требования со стороны государственных контролирующих органов неизвестно, но такая тенденция имеет место быть. Упомянуть необходимо и организации, занимающиеся обеспечением культурного досуга, которые в 2005 году имели самую низкую долю своих учреждений, использующих сеть интернет в своей деятельности (24,4%), однако уже к 2017 году доля таких заведений увеличилась более чем на 50% и Всемирная сеть используется уже более чем в 78% от всего числа таких образований.

Таблица 1

Доля организаций сферы услуг, использующих сеть Интернет, по видам экономической деятельности в Брянской области

Период	2009г.	2010г.	2011г.	2012г	2013г.	2014г.	2015г	2016г.	2017г
строительство	96,6	66	85,4	91,1	97,7	94,7	97,1	97,5	97,3
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	86,2	89,3	89,6	90,1	94,4	97,4	91	91,5	92,4
гостиницы и рестораны	47,6	47,6	61,9	54,5	61,9	81	75	74,2	75,1
транспорт и связь	67,5	73,5	74,7	80	86,1	85,1	87,9	88,3	89,5
финансовая деятельность	97,5	97,7	95,5	100	96,5	98,3	98,5	98,6	99,1
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	72,7	78	77,9	81,2	86,3	86,7	85,9	85,4	85,8
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	65,6	73,3	76,9	78,1	89,6	91,7	95,6	95,7	96,3
высшее профессиональное образование	92,9	100	100	100	100	100	100	100	100
здравоохранение и предоставление социальных услуг	92,7	94,8	95	98,1	98,4	98,8	99,6	99,7	99,8
деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	24,5	29,2	33,5	38,6	47,5	53,1	78,1	76,4	78,5

Однако, несмотря на такие позитивные сдвиги, существуют и достаточно серьезные препятствия создания качественной доступной и эффективной информационной среды, так в Программе Правительства сказано, что: «регуляторная и нормативная среда имеет ряд недостатков, в ряде случаев создавая существенные барьеры на пути формирования новых институтов цифровой экономики, развития информационно телекоммуникационных технологий и связанных с ними видов экономической деятельности» [1].

Уровень обладания минимальными базовыми знаниями в области компьютерных технологий также оставляет желать лучшего. Во-первых, среди отечественного населения наблюдается большой разрыв между целыми возрастными группами в вопросах пользования персональными компьютерами и Всемирной сетью, ведь данные технологии развиваются настолько быстро и требования к их использованию соответственно повышаются, а увеличение возраста находится в обратно пропорциональной зависимости от обучаемости. Иными словами, молодым людям намного легче овладеть новыми технологиями, что повышает их конкурентоспособность на рынке рабочей силы, однако недостаток опыта не позволяет занять те должности, где знание информационных технологий неотъемлемый атрибут. Именно поэтому, организации сферы услуг, стремясь повысить качество предоставляемого продукта повсеместно внедряют совершенно новые технологии, но развития они не получают, да и позитивного отклика от работников организаций, ввиду неумения их грамотного использования.

Проиллюстрируем примером из Программы. В сфере услуг действуют образовательные учреждения, которые практически на 100% используют сеть Интернет, однако каких-то сверхъестественных сдвигов не видно. В программе же говорится, что это происходит ввиду того: «Имеется серьезный дефицит кадров в образовательном процессе всех уровней образования. В процедурах итоговой аттестации недостаточно применяются цифровые инструменты учебной деятельности, процесс не включен целостно в цифровую информационную среду» [2].

Необходимо упомянуть и об информационной безопасности. В последние годы данная проблема с развитием и повсеместным внедрением информационных технологий обострилась. Более половины российских компаний утверждают, что: «количество преступлений в цифровой среде за 3 последних года возросло на 75 процентов, что требует совершенствования системы информационной безопасности во всех секторах экономики» [1]. Данное заявление ставит под угрозу безопасность эффективного функционирования всей сферы услуг, ведь большинство операций с помощью новых технологий приходится именно на этот сектор экономики. Здесь и банковский сектор и операции с недвижимостью и безналичные расчеты в оптовой и розничной торговле.

На Всемирной экономическом форуме, было упомянуто, что российская система хозяйствования занимает лишь 41 место по готовности перехода к цифровой экономике. Данный показатель рисует нам не самые радужные перспективы, ведь мы, в этой сфере, отстаем не только от высокоразвитых стран, но и просто развивающихся. Правительство объясняет это таким образом: «значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров объясняется пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами».

Несмотря на это необходимо упомянуть, что Брянская область старается не отставать от современных веяний. Ввиду подготовки качественных кадров и молодых перспективных и информационно грамотных предпринимателей и руководителей крупнейших организаций на территории области действует областной бизнес инкубатор, который ориентирован развитие необходимых навыков в столь быстро изменяющихся условиях [5].

Применением новых технологий и внедрением их в образовательный процесс заняты ведущие ВУЗы области. Так, например, стало популярным и полезным использования на учебных занятиях интерактивных досок. Здесь возможно и использование функций обычной доски и применение ее в качестве проектора и для других функций, что не только упростило жизнь преподавателям, но и

существенно сократило затраты на использование нескольких инструментов в одном.

Банковский сектор также ищет пути по совершенствованию оказываемых услуг с ориентацией на цифровую экономику. В отчете о развитии банковского сектора в 2017 года Банк России говорит о глобальных трендах в развитии банковских технологий, в том числе и «возрастание конкуренции за внедрение в банковские продукты инновационных цифровых решений, а также инвестирование в технологии снижения киберрисков» [3].

В рамках этих положений в декабре 2017 года Советом директоров ЦБ РФ одобрены Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов, предусматривающие реализацию мероприятий для финансового рынка и Банка России.

Рис.1 Основные направления развития финансовых технологий Банка России и финансового рынка до 2020г.

Конечно, эффективное достижение поставленных целей программы возможно лишь при комплексной реализации всех упомянутых направлений. Данные мероприятия отразятся в целом на всей банковской системе страны и затронут региональные ее аспекты. Экономика также попадет под влияние новых веяний, что скажется и на дальнейших ее возможностях развития.

Вместе с участниками Ассоциации развития финансовых технологий подготовлена концепция системы быстрых платежей; реализация запланирована на 2019 год. Внедрение платформы, по мнению специалистов Центрального банка: «обеспечит развитие рынка платежных услуг, создание условий для внедрения высокотехнологичных финансовых сервисов, а также повышение привлекательности безналичных расчетов» [3].

Однако вопрос о кибербезопасности остается открытым. Несмотря на снижение уровня хищений со счетов юридических лиц, применение высокой доли информационных технологий в банковском секторе хотя и оправдано, но крайне опасно. Риски в данной

отрасли намного более сильные, нежели в других составляющих сферы услуг.

По расчётам Банка России, удельный вес несанкционированных переводов денежных средств с использованием платежных карт составляет сейчас 0,0016% (1,6 копейки на 1000 рублей переводов). Данный показатель находится в пределах, который рекомендуют международные платежные системы.

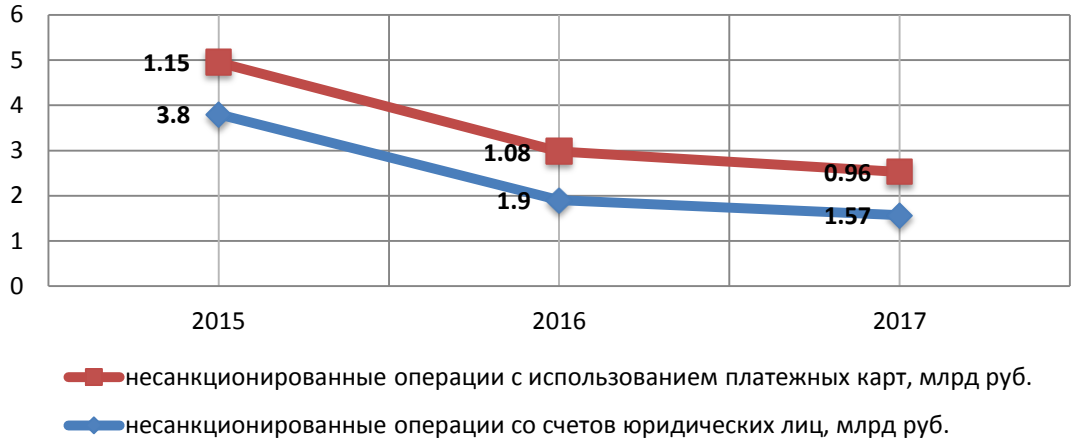

Рис.2 Динамика несанкционированных операций в безналичной форме у юридических лиц

Объем несанкционированных операций судя по данным диаграммы снижается, что свидетельствует о сокращении киберугрозы, однако она не минимальна и требует мер по ее устранению.

Информационные технологии вошли и заняли важное место в современном обществе. Повсеместная информатизация и компьютеризация облегчила работу некоторых отраслей и повысила эффективность особенно сферы услуг. Государство также поддерживает новые веяния и наша страна стремиться не отставать от ведущих государств мира в этом вопросе. Брянская область не исключение, все больше организаций сферы услуг используют Всемирную сеть при осуществлении своей деятельности. Однако, существует высокий риск киберугроз, особенно в финансовом секторе, что повлияет не только на область, но и на экономику всей страны. Поэтому необходимо разработка новых и реализация уже существующих мер по минимизации таких угроз.

Развитие Брянского региона во многом определяет инновационная стратегия, которая основывается на новых веяниях, реализуемых в мировом коммуникационном пространстве. Новые информационные технологии в глобальной сети информационных коммуникаций оказывают колоссальное влияние на развитие экономики региона и сферы услуг как одной из ее составляющих. Информационное общество по своей природе подразумевает развитую систему услуг, а ГИКС переопределяет ее развитие.

Рассмотрим теперь само понятие коммуникации управления в регионе и отведенную роль в этом вопросе информационным технологиям. Коммуникации подразумевают устойчивую связь в среде участников управленческого процесса, которая представляет совокупность этапов работы с информацией.

Формы коммуникации достаточно разнообразны: устная, письменная, эмоциональная, но все большее внимание сейчас уделяется именно электронным каналам коммуникации, где применимо использование электронных средств связи. Отдельную роль в совокупности коммуникации отводится информационным потокам.

Глобальная информационная система в среде управления сферы услуг используется на международном уровне. Она наиболее масштабна и имеет больше возможностей и инструментов в своей реализации. Корпоративная информационная система подразумевает взаимодействие организаций сферы услуг разных стран, но относящихся к одной компании. Локальная же действует в среде одного конкретного предприятия и имеет ограниченную силу влияния.

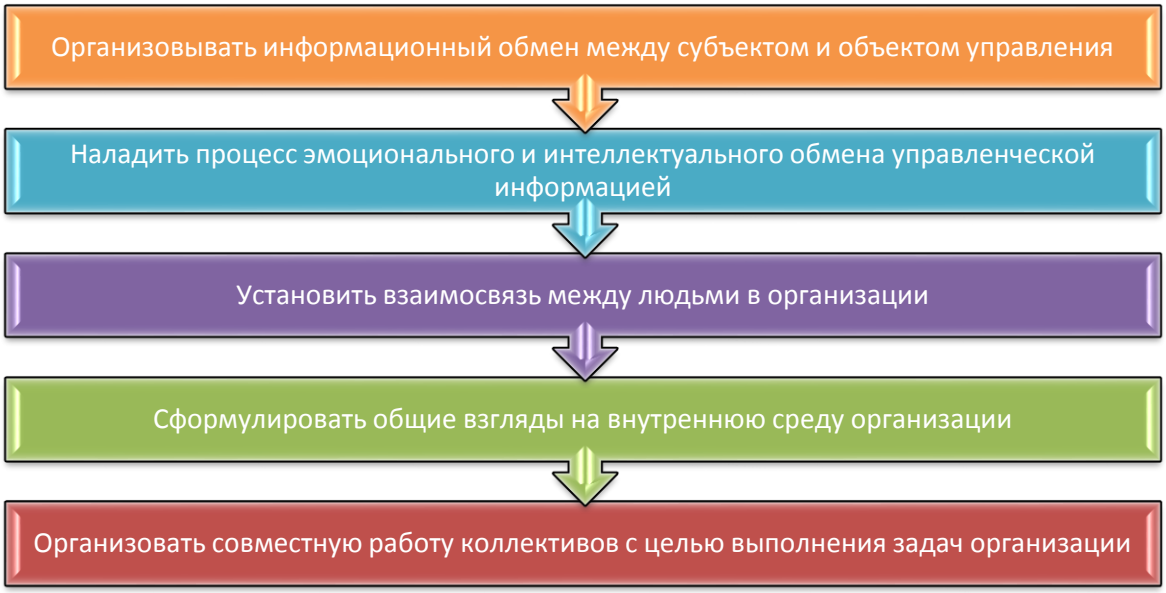

Рис.3 Основные цели информационной коммуникации в управленческой среде региона

Локальная информационная система	совокупность информационных подсистем, обеспечивающих функционирование предприятия посредством внутренних коммуникаций

•Информационные подсистемы:

- •Административно-распределительная
- •Производственная
- •Финансовая
- •Экономическая
- •Коммерческая
- •Инновационная
- •Стратегическая
- •Социальная

Корпоративная информационная система	внутренние коммуникации одного предприятия, функционирующие на различных территориальных объектах данного предприятия
Глобальная информационная	внешние коммуникации, обслуживающие неограниченное количество пользователей

- Пример современной информационной системы -компьютерная система Интернет

• Разновидности внешних информационных систем

- •Системы информационной связи с общественностью
- •Система информационной связи с потребителями
- •Система информационной связи с региональными структурами
- •Система информационной связи с федеральными структурами
- •Система информационной связи с международными структурами

Рис.4 Формы действующих информационных систем в управленческой среде сферы услуг в зависимости от своего масштаба

На основании вышеизложенных данных попытаемся разработать модель управления предприятием сферы услуг при наличии внешних коммуникаций и огромного информационного потока. За основу возьмем модель Европейского фонда управления качеством (European Foundation for Quality Management, EFQM). Основная цель модели состоит в оценке сильных сторон предпринимательской сферы и определении направлений деятельности, в которых для достижения целей необходимы улучшения. Выбор данной модели очевиден, ведь она направлена на инновационную составляющую, а сфере услуг в глобальном информационном пространстве для выживания и конкурентоспособности организаций, ее составляющих необходима модернизация и быстрая адаптация к новым способам управления. Кроме того, она ориентирована на социальный результат, поэтому данная модель имеет место не только в частной среде управления, но и в правительственном секторе сферы услуг и среде социальных общественных организаций [6].

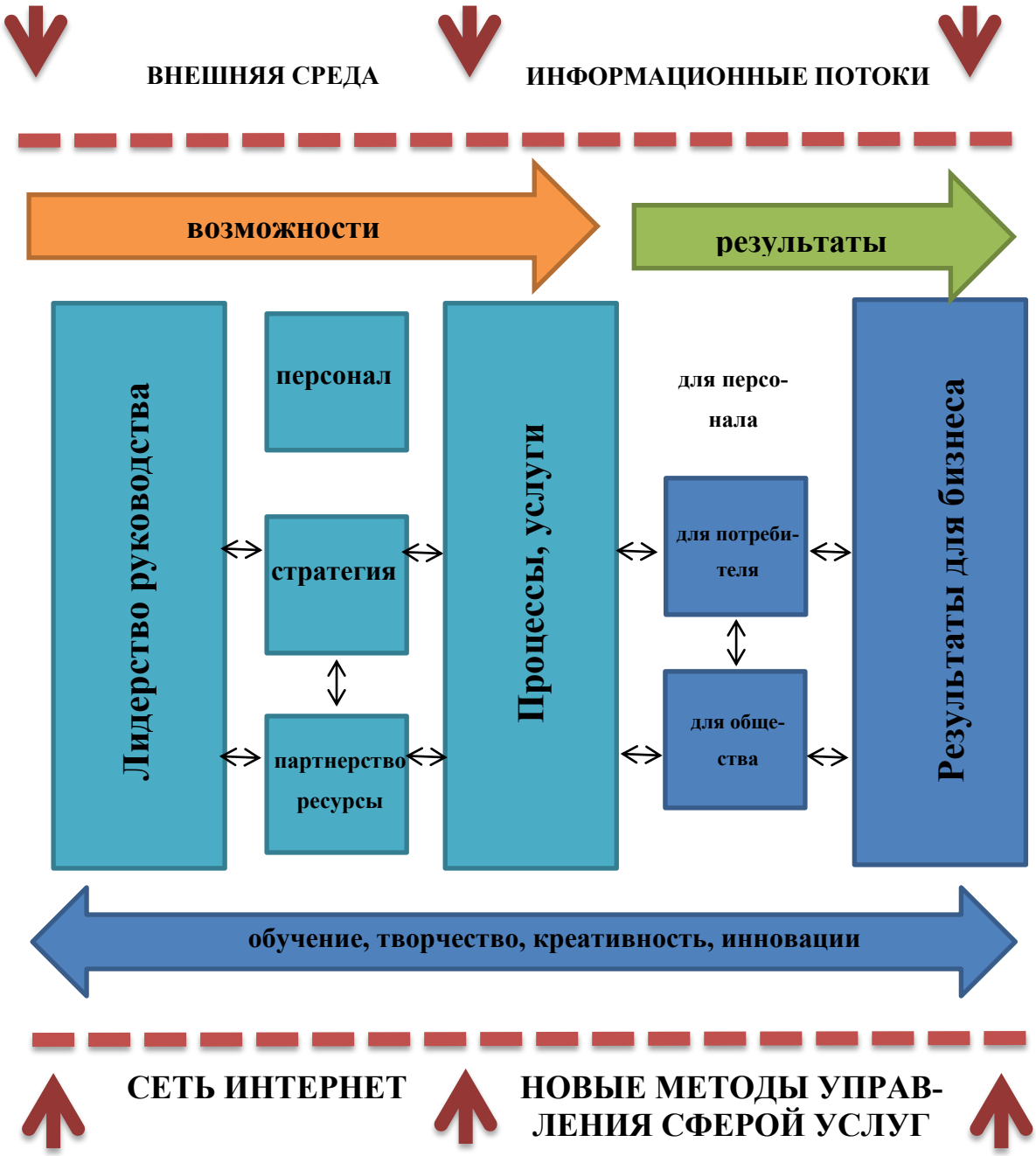

Рис.5 Усовершенствованная модель управления EFQM организациями сферы услуг в развитой среде ГИКС

В традиционной модели EFQM выделено девять блоков. Управление организацией сферы услуг основывается на воздействии показателей пяти ресурсных блоков: руководство, персонал, политика и стратегия, сотрудничество и ресурсы, процессы. Результаты же управленческих решений сгруппированы в четыре «результирующих» блока показателей. Однако для наиболее эффективного действия этой модели необходимо отметить внешние информационные потоки, новаторские методы управления в среде услуг и степень их влияния на принятие управленческих решений со стороны руководства предприятия.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008.№ 47. Ст. 5489.

2. Цифровая экономика Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства от 28 июля 2017г. //[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru

3. О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017 - 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 //[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru

4. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов, утв. декабрь 2017 года Советом директоров ЦБ РФ //[Электронный ресурс]. URL: http://www.csr-nw.ru

5. Ковалева Н. Н., Ермакова Л. В. Цифровая экономика и перспективы ее развития в учетно-аналитической отрасли // Современное состояние и перспективы развития финансово-аналитической науки и практики в цифровом пространстве в России и за рубежом. – Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. – М., 2018. С.117-122

6. Ковалева Н. Н., Ковалев А. Ф. Информационная парадигма в контексте формирования учетно-аналитической информации// Современное состояние и перспективы развития финансово-аналитической науки и практики в цифровом пространстве в России и за рубежом. – Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. – М., 2018. С.113-117

THE USE OF GLOBAL COMMUNICATION RESOURCES IN THE PROMOTION OF SERVICES AT THE REGIONAL AND NATIONAL MARKETS

The widespread development of information technologies and the transition to a digital economy dictate completely new requirements for the traditional economic system. The active interaction of services and information technology has contributed to the emergence of a new category – e-service. Previously, the service economy was identified with the concept of offline market space, but now the focus is on the vast market of Internet services.

Keywords: information society, Internet, communication system, computer technologies, cyber threat, digital economy, services market, financial environment.

References

1. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020, approved by the decree of the RF Government from 17.11.2008 № 1662-R // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008.№ 47. St. 5489.

2. The digital economy of the Russian Federation, approved. Government decree of 28 July 2017. //[Electronic resource] Mode of access: http://www.consultant.ru

3. Strategy of information society development in Russia to 2017 - 2030, approved by decree of the President of the Russian Federation of may 9, 2017 No. 203 //[Electronic resource] Mode of access: http://www.consultant.ru

4. Main directions of development of financial technology for the period of 2018-2020, approved. December 2017 by the Board of Directors of the Central Bank of the Russian Federation //[Electronic resource]. URL: http://www.csr-nw.ru

5. Kovaleva N. N., Ermakova, L. V. The digital economy and its development prospects in the accounting industry analysis // Modern state and prospects of development of financial and analytical science and practice in the digital space in Russia and abroad. – Interuniversity collection of scientific works and results of the joint research projects. – M., 2018. P. 117-122

6. Kovaleva N. N., Kovalev A. F. The informational paradigm in the context of formation of registration-analytical information// current state and prospects of development of financial and analytical science and practice in the digital space in Russia and abroad. – Interuniversity collection of scientific works and results of the joint research projects. – M., 2018. P. 113-117

Об авторах

Ковалева Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, декан финансово-экономического факультета, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского» (Россия), E-mail:kovaleva-nat@yandex.ru

Ковалева Наталья Александровна – магистр 1 курса направление подготовки «Экономика» профиль (направленность) Бизнес аналитика, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (РГАУ-МСХА им. КА. Тимирязева) (Россия), E-mail: kovaleva-nat@bk.ru

Kovaleva Natalia Nikolaevna – candidate of economic Sciences, associate Professor, Dean of the faculty of Finance and Economics, fsbei HE “Bryansk state University. akad. I. G. Petrovsky” (Russia), E-mail:kovaleva-nat@yandex.ru

Kovaleva Natalia Alexandrovna – master's degree in “Economics” profile (focus) Business analyst, Russian state agrarian University-Moscow Timiryazev state agrarian University (RSA). SPACE VEHICLE. Timiryazeva) (Russia), E-mail: kovaleva-nat@bk.ru

УДК 331.1

Михалева О.М., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

В статье изучено влияние человеческого капитала на ускорение экономического роста. Отмечено, что согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» ведущая роль в экономическом развитии России отводится инновационному и интеллектуальному капиталу. Обосновано, что человеческий капитал выступает в качестве ключевого производительного и социального фактора развития национальной экономики. Проведенный анализ индекса человеческого развития в разных странах мира показал, что Россия относится к странам с высоким уровнем человеческого развития. Представлена оценка инвестиций в человеческий капитал (образование и здравоохранение) в отечественной экономике до 2030 года согласно «Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года», разработанного Минэкономразвития России. Выявлено, что повышение качества человеческого капитала может определить дополнительно 1 п.п. экономического роста. Выделены наиболее значимые факторы, влияющие на ускорение экономического роста: инвестиции в человеческий капитал, транспортную инфраструктуру, технологичные отрасли и науку. Определены ключевые факторы, способствующие развитию человеческого капитала: здравоохранение, образование и наука, культура и спорт, социальное обеспечение.

Ключевые слова: человеческий капитал, инновационное развитие, индекс человеческого развития, инвестиции

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17.11.2008 г. №1662-р определена качественно иная стратегия экономического развития России, в которой ключевое значение отводится инновационному и интеллектуальному капиталам. Под инновационным капиталом понимается способность индивида осуществлять производство наукоемкой продукции, отвечающей спросу и требованиям мирового рынка [1].

В соответствии с вышеобозначенной задачей человеческий капитал выступает ключевым производительным и социальным фактором развития отечественной экономики, неразрывно связанным с человеческим интеллектом и формирующимся за счет инвестиций в необходимость повышения интеллектуального уровня, научно-технологической и информационной оснащенности труда, в повышение качества жизни населения, в частности: образование и науку, нравственное воспитание, сохранение и укрепление здоровья, развитие предпринимательских способностей, а также информационное обеспечение.

Развитие человеческого капитала включает такие преобразования, которые направлены, в первую очередь, на повышение конкурентоспособности социальных секторов национальной экономики, развитие кадрового потенциала, уровня компетентности рабочей силы, во-вторых, на улучшающие качества социальной среды и условий жизни населения.

Человеческий капитал, выступающий в качестве ключевого источника роста национальной экономики, показателя ее конкурентоспособности, должен отвечать высокому качеству в целях развития инновационной экономики. Высокое качество человеческого капитала способно значительно повысить темпы роста валового внутреннего продукта.

Для развитых стран человеческий капитал играет ключевую роль в обеспечении улучшения качественных и количественных характеристик функционирования страны, повышения ее конкурентоспособности. Теории устойчивого общественного развития и концепция национального богатства основываются на признании того факта, что человек является движущей силой национального и общественного развития. Концепция человеческого капитала занимает одно из ключевых мест в теории экономического роста.

В мировой экономической науке разработаны различные подходы к оценке человеческого капитала. Широкое распространение получила методика оценки индекса человеческого развития (ИЧР) - интегрального показателя, рассчитываемого ежегодно в целях сравнения и измерения уровня жизни разных

стран и регионов. ИЧР публикуется в ежегодных отчетах о развитии человеческого капитала в рамках Программы развития ООН.

На рисунке 1 представлена динамика индекса человеческого развития (по новой методологии из отчета ПРООН 2016 г. за 2015 г.).

Из приведенных на рисунке 1 данных видно, что за рассматриваемый период в число стран с очень высоким уровнем человеческого развития (ИЧР не менее 0,8) вошли Германия, США, Великобритания, Япония, Франция, Россия и др. Норвегия выступает в качестве страны-лидера по ИЧР (0,949) в связи с высоким показателем среднего дохода на душу населения, что превышает среднемировое значение на 0,232. В 2017 г. в среднем по миру показатель ИЧР составил 0,717.

К странам с высоким уровнем человеческого развития (ИЧР не менее 0,7) относятся Беларусь, Китай и др.

К странам со средним уровнем человеческого развития (ИЧР не менее 0,55) относятся ЮАР, Индия и др.

Страной с низким уровнем человеческого развития (ИЧР ниже 0,5) является Центрально-Африканская республика со значением показателя равным 0,352.

Россия относится к странам высоким уровнем человеческого развития. В 2015 г. показатель ИЧР России составил 0,804, что превышает среднемировое значение на 0,87. Уровень человеческого развития в России в 2015 г. по сравнению с 1990 г. увеличился на 0,71, а по сравнению с показателем предыдущего года сократился на 0,1 по причине снижения ВВП по ППС.

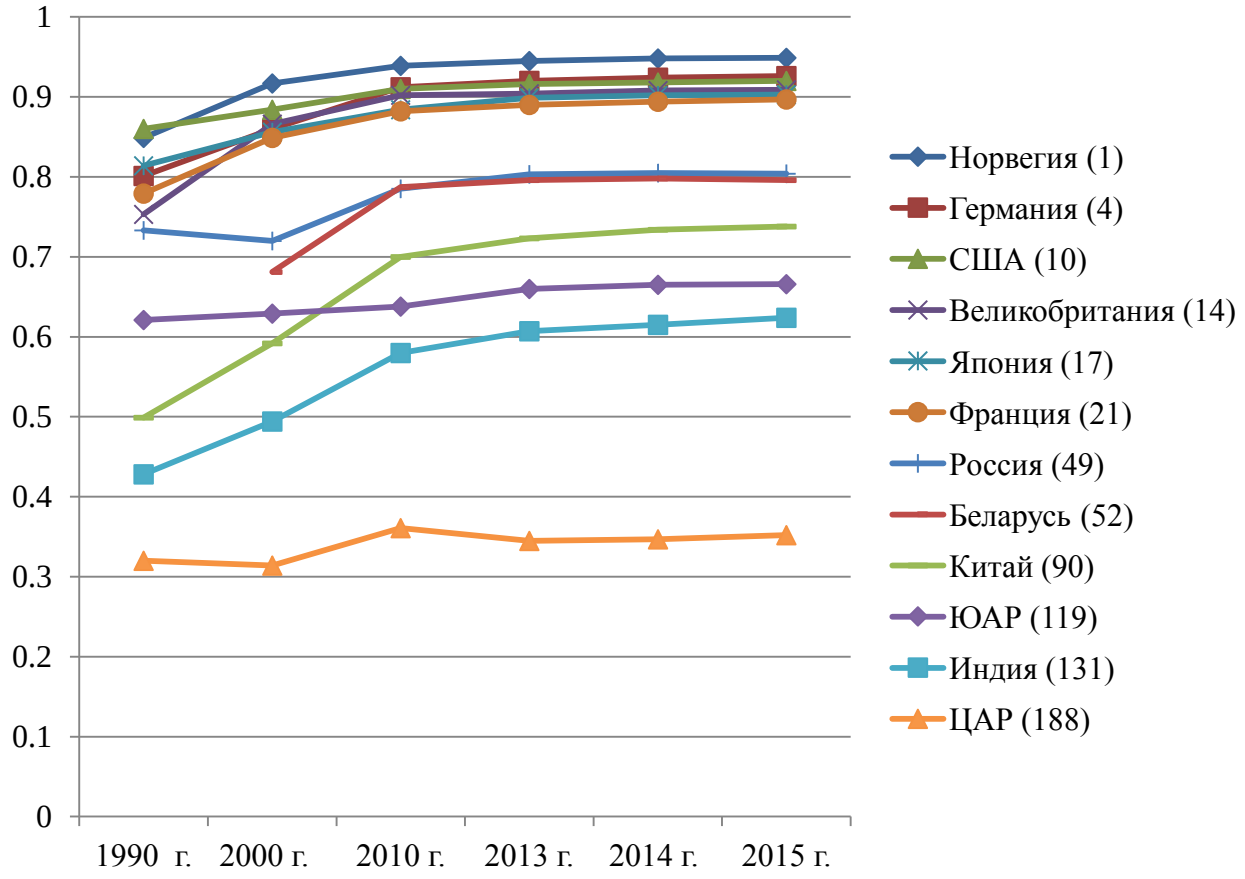

Рис. 1 Динамика индекса человеческого развития [4]

Инновационный характер развития отечественной экономики обеспечивается посредством более высоких расходов на человеческий капитал. Согласно инновационному сценарию прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года, разработанного Минэкономразвития России, расходы на человеческий капитал увеличатся к 2030 г. до 13,6% ВВП по сравнению с показателем 2011 г. (9,6% ВВП).

В научных трудах А. Смита ключевое значение отводится образованию, поскольку образование является одним из факторов, ко-

торый способствует преумножению богатства страны. Причину отставания стран в экономическом развитии Д. Рикардо объяснял наряду с другими причинами недостаточным уровнем образования населения. С точки зрения А. Маршалла наиболее ценным капиталом является капитал, вложенный в человека. В связи с этим ученый рассматривает образование как необходимость инвестирования в человеческий капитал. По мере развития теории человеческого капитала, образование определяется в качестве эффективного способа изменения экономического статуса отдельных субъектов экономики и как фактор экономического роста. Согласно Т. Шульцу необходимо инвестировать в науку и образование, в связи с тем, что данного рода инвестиции являются экономически более эффективными и перспективными, поскольку именно развитые способности индивидов позволяют решать социальных проблем и обеспечивают национальное экономическое развитие. Ученый-экономист Г. Беккер определил отдачу от вложений в обучение в равной отношению дохода к издержкам, и получил результат 12-14% годовой прибыли. В.И. Марцинкевич выявил, что затраты на получение среднего образования окупаются приростом заработной платы за 5 лет работы, а с учетом прироста прибыли - за 2-2,5 года.

На рисунке 2 представлены расходы на человеческий капитал (расходы на образование).

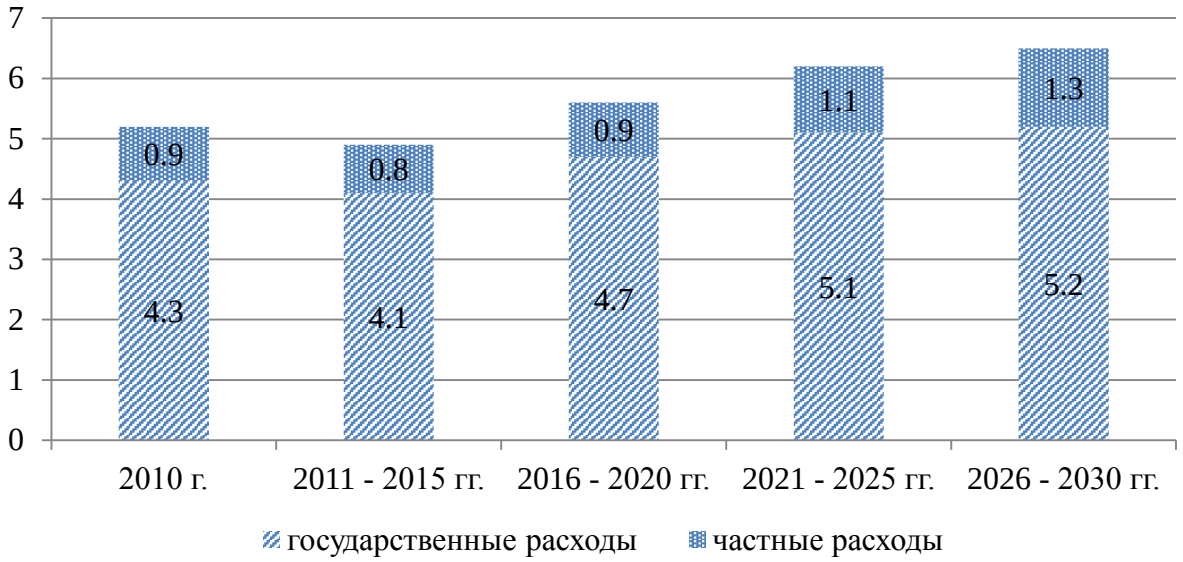

Рис. 2 Расходы на человеческий капитал (расходы на образование) в России, в % к ВВП [2]

Из приведенных на рисунке 2 данных видно, что наибольший удельный вес расходов на человеческий капитал, в частности на образование, будет происходить за счет государственных расходов - 80%, а также расходов граждан и организаций - 20%. В целом расходы на образование в 2030 г. по сравнению с 2010 г. увеличатся на 1,3 п.п. к ВВП.

Здоровье рассматривается в качестве инвестиций в индивида в целях формирования, поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности. С точки зрения Г. Беккера здоровье является отдельным видом человеческого капитала. Согласно А. Маршаллу здоровье является фактором экономического развития, поскольку здоровье и сила населения выступают в качестве основы производительности, от которой зависит создание материального богатства, а ключевым значением материального богатства является то, что оно способствует укреплению здоровья человека. В целях формирования и развития здоровья требуются инвестиции на приращение ресурса здоровья, т.е. оздоровление индивида. Данную группу затрат следует оценивать затратами на профилактические и оздоровительные мероприятия, финансируемые в основном за счет организаций и предприятий

На рисунке 3 представлены расходы на человеческий капитал (расходы на здравоохранение).

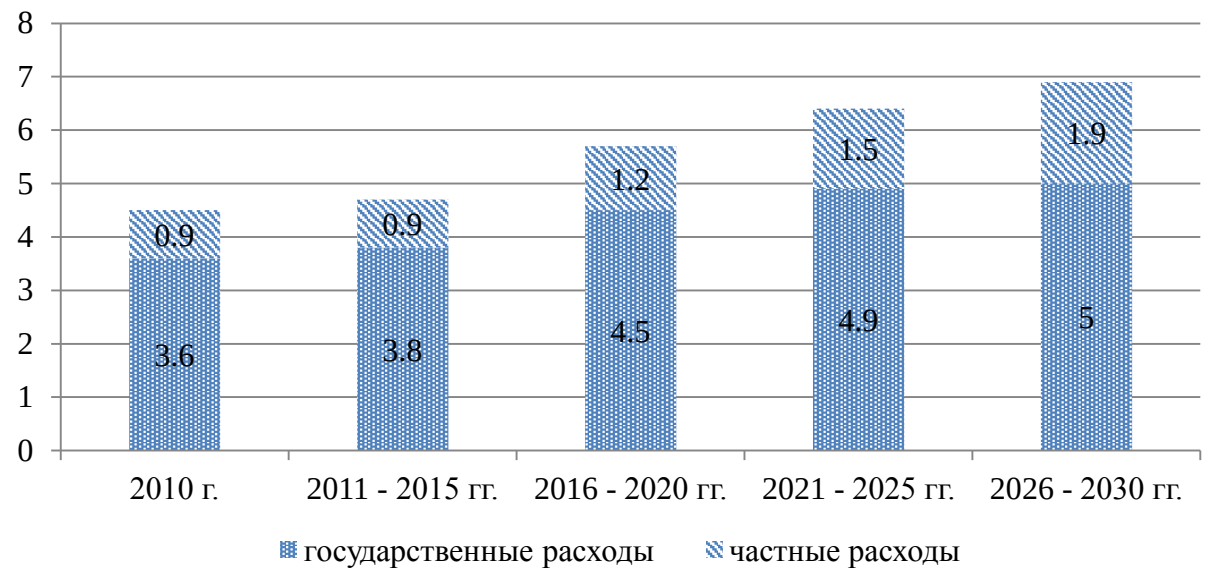

Рис. 3 Расходы на человеческий капитал (расходы на здравоохранение) в России, в % к ВВП [2]

Согласно представленным на рисунке 3 данным, расходы на здравоохранение в 2030 г. по сравнению с 2010 г. вырастут на 2,4 п.п. к ВВП. При этом доля государственных расходов составит 71,4%, а доля частных расходов составит 27,1% в общей сумме расходов на здравоохранение.

В целом увеличение расходов на человеческий капитал (образование и здравоохранение) за анализируемый период будет происходить за счет государственных расходов - на 2,3 п.п., а также расходов граждан и организаций - на 1,4 п.п. Следует отметить, что повышение качества человеческого капитала определит дополнительно 1 п.п. экономического роста [2].

Среди наиболее значимых факторов, влияющих на ускорение экономического роста можно выделить инвестиции в человеческий капитал, транспортную инфраструктуру, технологичные отрасли и науку и ряд других факторов (рис. 4).

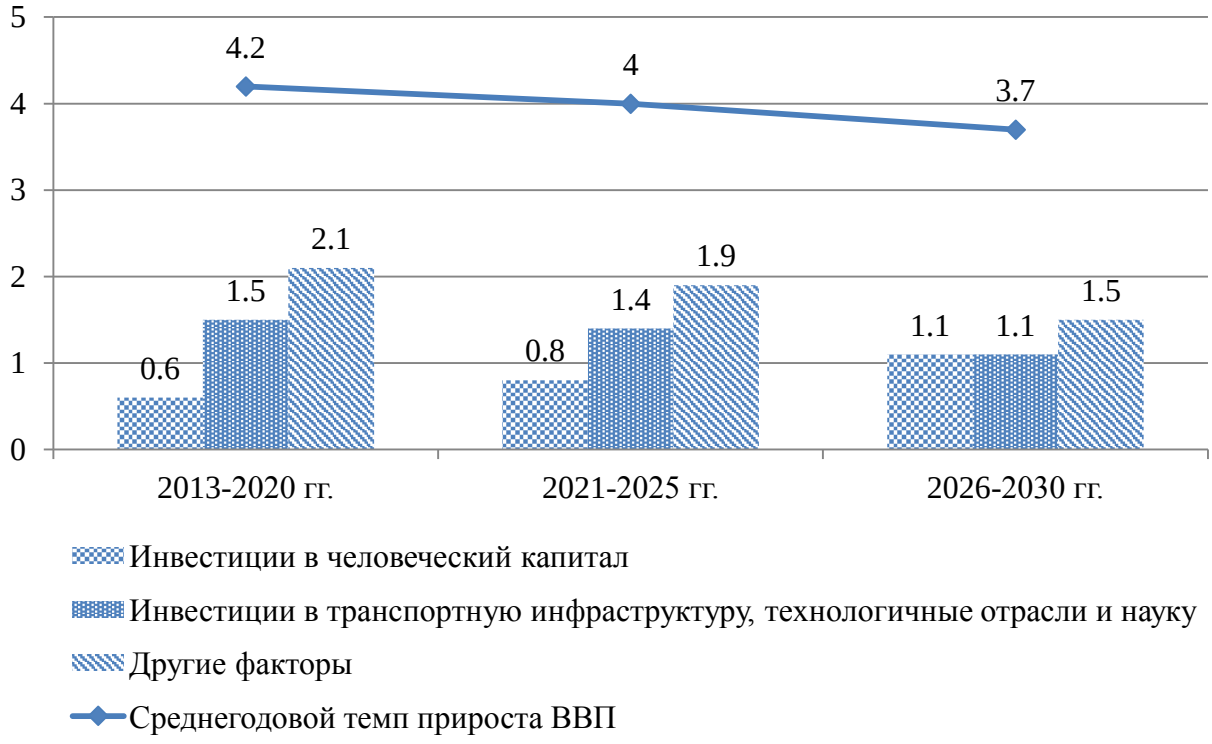

Рис. 4 Вклад в прирост ВВП дополнительного финансирования (по инновационному сценарию развития), в % [2]

В первый период с 2013 г. по 2020 г. ускорение темпов экономического роста осуществляется преимущественно посредством развития высоко- и среднетехнологичных отраслей экономики, таких как оборонных и гражданских, которые позволяют получить быструю отдачу в росте ВВП, а также посредством увеличения эффективности использования ресурсов и снятия инфраструктурных ограничений, которые сдерживают приток инвестиций и развитие отдельных территорий. В данный период формируются условия, способствующие долгосрочному инновационному развитию посредством последовательного смещения структуры бюджетных расходов в направлении финансирования инновационных секторов экономики. При этом вследствие невысокой доли в производстве добавленной стоимости вклад наукоемких и высокотехнологичных и секторов в рост ВВП ощущается не так заметно.

Во второй период с 2021 г. по 2025 г. согласно инновационному сценарию прогноза ожидается максимальный эффект от ускорения роста наукоемких и высокотехнологичных секторов отечественной экономики. На данном этапе осуществляется завершение реализации масштабных инфраструктурных проектов, что способствует созданию качественно нового типа мобильности населения и транспортных потоков в экономике. Вместе с тем отмечается усиление влияния человеческого капитала на экономический рост. В качестве основных результатов модернизации системы образования и здравоохранения можно выделить как развитие обозначенных секторов новой инновационной экономики и сектора общественных услуг, повышение их качества, так и повышение качества человеческого капитала, производительности труда рабочей силы.

Период с 2026 по 2030 г. рассматривается в качестве периода развития на базе нового более высокого уровня развития человеческого капитала и создания нового экспортного потенциала, который опирается на продукцию с высокой долей добавленной стоимости. В результате увеличения нормы накопления и создания необходимой инфраструктурной базы осуществляется замедление вклада инвестиций в основной капитал и инфраструктурные сектора, происходит относительное замедление и общих темпов экономического роста, однако продолжает наращиваться отдача от вложенных инвестиций в человеческий капитал и, главным образом, научных разработок.

Наиболее высокий относительный вклад в прирост ВВП от финансирования государственных программ безопасности и обороноспособности проявляется в 2015 - 2018 гг., высокотехнологичных отраслей - в 2017 - 2020 гг., транспорта - в 2019 - 2021 гг., образования и здравоохранения - в 2020 - 2022 гг. [2]

Рост технологической и инновационной составляющих в отечественной экономике в перспективе будет определяться за счет уровня профессионализма и компетентности кадров, актуальностью повышения качества жизни посредством модернизации и ускоренного развития социальной сферы, которая включает образование, науку, культуру, здравоохранение, жилищный сектор.

На рисунке 5 представлены факторы, способствующие развитию человеческого капитала.

В настоящее время во всех отраслях и направлениях деятельности важны высокий уровень культуры и нравственности работников: деловая честь, совесть, порядочность, честность, ответственность и др. От капитала культуры зависит репутация работника и имидж организации. Положительный имидж компании способствует привлечению клиентов, деловых партнеров и росту инвестиций, способствует повышению экономических показателей деятельности предприятия.

В заключение следует отметить, что с развитием НТП наука и процесс подготовка кадров, которые ранее играли исключительно второстепенную роль по отношению к непосредственному труду, постепенно становятся ключевыми факторами развития производительных сил общества. Ключевым связующим элементом их взаимодействия является непрерывное образование. В настоящее время в острой конкурентной среде мирового хозяйства в целях инновационного развития общества следует обеспечить устойчивый экономический рост региона и предприятий на базе знаний, умений, навыков и способностей экономически активного населения.

Рис.5 Факторы, обеспечивающие развитие человеческого капитала [3, с. 109]

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»: URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/

2. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России): URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/

3. Михалева О.М. Человеческий капитал как фактор развития современной экономики России / Михалева О.М., Матюшкина И.А. // Путеводитель предпринимателя. 2016. № 31. С. 107-113.

4. The human development report in the Russian Federation in 2017, ed. by S. N. Bobylev, and L. M. Grigoriev. - Moscow: Analytical center under the Government of the Russian Federation, 2017. - 292 p.

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

The article studies the impact of human capital on the acceleration of economic growth. It is noted that according to the "Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020" the leading role in the economic development of Russia is given to innovative and intellectual capital. It is proved that human capital acts as a key productive and social factor in the development of the national economy. The analysis of the human development index in different countries of the world showed that Russia is a country with a high level of human development. The article presents an assessment of investments in human capital (education and health) in the domestic economy until 2030 according to the "Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030", developed by the Ministry of economic development of Russia. It is revealed that improving the quality of human capital can define additional 1 percentage point of economic growth. The most significant factors affecting the acceleration of economic growth are identified: investments in human capital, transport infrastructure, technological industries and science. The key factors contributing to the development of human capital are identified: health, education and science, culture and sports, social security.
Keywords: human capital, innovative development, human development index, investment

References

1. Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 № 1662-р "on the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020": URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/

2. "Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030" (developed by the Ministry of economic development): URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/

3. Mikhaleva O. M. Human capital as a factor in the development of the modern economy of Russia / Mikhaleva O. M., matyushkina I. A. / Guide entrepreneur. 2016. No. 31. P. 107-113.

4. The human development report in the Russian Federation in 2017, ed. by S. N. Bobylev, and L. M. Grigoriev. - Moscow: Analytical center under the Government of the Russian Federation, 2017. - 292 p.

Об авторе

Михалева Ольга Михайловна - кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: michaleva130182@yandex.ru

Mikhaleva Olga Mikhailovna - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Russia), E-mail: michaleva130182@yandex.ru

УДК 342.95

Артамонов А.Н., кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Иванин А.А., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В статье проводится исследование Государственного герба Российской Федерации как объекта административно-правовой охраны. Анализируются особенности административной ответственности за нарушения порядка официального использования Государственного герба Российской Федерации. Делается вывод о неоднозначности последних изменений действующего законодательства в данной сфере.
Ключевые слова: государственные символы РФ, Государственный герб, административное правонарушение, административная ответственность.

Ежегодно, среди многомиллионной массы административных правонарушений, совершаемых на территории нашей страны, встречаются случаи, когда коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели и должностные лица, а зачастую и обычные граждане при осуществлении своей деятельности или реализации имеющихся у них субъективных прав используют государственные символы Российской Федерации.

Речь, в частности, идет об использовании ими печатей, бланков, иных документов, на которых имеется изображение Государственного герба Российской Федерации либо изображение, схожее с изображением Государственного герба Российской Федерации. Обсуждая ценности Государственного герба, ученые отмечают «специальный режим» использования геральдического знака, который … обусловлен функциональным назначением Государственного герба Российской Федерации…» [4] и относят его к числу особо почитаемых символов государственного суверенитета Российской Федерации [6, с. 62]. Поэтому, несмотря на их небольшое количество, административные правонарушения подобного рода посягают на институты государственной власти и по степени общественной опасности граничат с преступлениями.

Само описание и порядок официального использования государственного символа нашей страны - Государственного герба Российской Федерации установлены Федеральным конституционным законом от 25 декабря 2000 года № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Государственном …»)[1]. В статье 3 данного закона определен перечень бланков, на которых помещается Государственный герб Российской Федерации. Статья 4 ФКЗ «О Государственном …» устанавливает, что Государственный герб Российской Федерации воспроизводится на документах, удостоверяющих личность гражданина, на иных документах общегосударственного образца, выдаваемых федеральными органами государственной власти, органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния, а также на других документах в случаях, предусмотренных федеральными законами. В этой же статье определены и органы (организации), на печатях которых помещается Государственный герб Российской Федерации (Государственный герб Российской Федерации помещается на печатях федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, организаций и учреждений, на печатях органов, организаций и учреждений независимо от форм собственности, наделенных отдельными государственно-властными полномочиями, а также органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния). Согласно статье 8 вышеназванного закона Государственный герб Российской Федерации не может быть использован в качестве ге-

ральдической основы гербов (геральдических знаков) субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций.

В ряде случаев возможность использования на печатях и бланках Государственного герба Российской Федерации для организаций и лиц, имеющих общегосударственное значение, определяется отдельными законодательными актами либо указами Президента Российской Федерации. Так, на это имеют право нотариусы (ст. 11 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-I), мировые судьи (Указ Президента РФ от 29 мая 2006 г. № 530 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на бланках и печатях мировых судей в Российской Федерации»), органы местного самоуправления (Указ Президента РФ 29 декабря 2008 года № 1873 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на печатях органов местного самоуправления») и некоторые иные субъекты.

В отдельных научных публикациях, со ссылками на ряд конституционных норм (ст.2, ч. 1, 2 ст.3, ч.1 ст. 32 Конституции Российской Федерации), делается попытка обосновать право граждан Российской Федерации на непосредственное использование Государственного герба Российской Федерации на личных печатях и бланках [5, с. 33-36]. Тем не менее, статьей 17.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за нарушение порядка официального использования Государственного флага Российской Федерации, Государственного герба Российской Федерации или Государственного гимна Российской Федерации, что влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей; на должностных лиц - от пяти тысяч до семи тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей [3].

Судебная практика свидетельствует, что данная норма не является «мертвой» или «спящей». Более того, в 2013 году Конституционный Суд Российской Федерации в очередной раз пояснил, что законодатель обоснованно не включил граждан в круг лиц, которые имеют право на использование Государственного герба, поскольку он является государственным символом Российской Федерации и служит средством обозначения актов и документов ее органов и должностных лиц, а также имеющих общегосударственное значение организаций (Определение КС РФ от 24 сентября 2013 г. № 1311-О). Ранее Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно подчеркивал этот вывод в своих актах (Определение КС РФ от 15 июля 2004 года № 249-О, Определение КС РФ от 29 мая 2012 года № 1037-О, Определение КС РФ от 17 июля 2012 года № 1343-О). Верховный Суд Российской Федерации поддержал эти доводы, подчеркнув, что обычным гражданам и их объединениям запрещено использовать не только непосредственно изображение Государственного герба Российской Федерации, но и другие, схожие до степени смешения, изображения (Обзор судебной практики ВС РФ за третий квартал 2012 г. (утв. Президиумом ВС РФ 26 декабря 2012 г.).

Нарушения правил использования Государственного герба возникают тогда, когда лица, не обладающие государственно-властными полномочиями, размещают государственную символику на своих бланках, печатях, визитках, служебных удостоверениях. Так, например, еще несколько лет тому назад Общественное движение «Непосредственная власть народа Российской Федерации» активно распространяло информацию, политические и коммерческие предложения, касающиеся, в частности, Государственного герба Российской Федерации, в этой своей части вводящие граждан в заблуждение и подстрекающие их к совершению противоправных действий. В свою очередь граждане – участники данного общественного движения в массовом порядке использовали на личных печатях и бланках изображение двуглавого орла, что влекло за собой их привлечение к административной ответственности. В качестве примера можно привести ситуацию, когда один из жителей Свердловской области разместил Государственный герб на обращении к прокурору, а также скрепил свою подпись оттиском личной печати с надписью «непосредственная власть народа Российской Федерации [ФИО заявителя]», на которой также был изображен Государ-

ственный герб Российской Федерации (Постановление ВС РФ от 11 сентября 2012 № 45-АД12-8). В другом случае гражданин был привлечен к административной ответственности за использование изображения Государственного герба Российской Федерации на своих визитных карточках (Дело № 12-729/16 архив Советского районного суда г. Н.Новгорода). Еще в одном случае автономная некоммерческая организация по защите прав потребителей выдавала своим сотрудникам удостоверения, на которых была изображена символика с использованием в качестве геральдической основы Государственного герба Российской Федерации (Дело № 5-851/2016 архив Ленинского судебного района г. Ростова-на-Дону).

К ответственности по ст.17.10 КоАП РФ привлекаются не только граждане и должностные лица, но и хозяйствующие субъекты, размеры административных санкций для которых исчисляются сотнями тысяч рублей. Так, например, в 2017 году ОАО «Гатчинский хлебокомбинат» было оштрафовано на 100 000 (сто) тысяч рублей за использование печати с изображением Государственного герба Российской Федерации (Дело № 3-438/2017 архив Гатчинского судебного района Ленинградской области).

Всего, согласно официальным статистическим данным, опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 году судьями было рассмотрено 363 дела по статье 17.10 КоАП РФ – «Нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации».

Однако с начала 2018 года отработанная судебная практика дала сбой. Дело в том, что Федеральным конституционным законом от 20.12.2017 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации», вступившим в законную силу 31 декабря 2017 года, статья 7 дополнена частью пятой следующего содержания: «Допускается использование Государственного герба Российской Федерации, в том числе его изображения, федеральными органами государственной власти и иными федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и иными государственными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и муниципальными органами, гражданами, общественными объединениями, предприятиями, учреждениями и организациями в иных случаях, если такое использование не является надругательством над Государственным гербом Российской Федерации»[2].

Таким образом, законодатель предельно расширил возможность использования Государственного герба Российской Федерации гражданами и организациями. На сегодняшний день единственным условием использования государственного символа остается отсутствие признаков надругательства над Государственным гербом Российской Федерации, что, в свою очередь, влечет за собой не административную, а уголовную ответственность по статье 329 УК РФ.

В пояснительной записке к законопроекту говорится о том, что во-первых, законодательством о государственных символах гражданам не предоставлено право неофициального использования государственного герба, и, во-вторых, имеется двусмысленность в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, позволяющая правоохранительным органам привлекать к административной ответственности граждан в случаях неофициального использования ими государственного герба.

При этом неоднозначна и ситуация с производством продукции, содержащей изображения Государственного герба. Федеральный конституционный закон, с одной стороны, имеет исчерпывающий перечень случаев обязательного и допустимого использования герба и все другие случаи объявлены недопустимыми без специального законодательного разрешения. Это позволяет правоприменителям толковать Закон исключительно: если какое-либо действие с гербом не разрешено, то оно запрещено, недопустимо и должно караться в установленном порядке. С другой стороны, никаким законом не ограничено право граждан приобретать продукцию с Государственным гербом, и, таким образом, в условиях свободного рынка никак не ограничивается товарооборот подобной продукции.

По мнению В.В. Володина и П.В. Крашенинникова, авторов пояснительной записки к законопроекту и самого законопроекта: «Принятие данного федерального конституционного закона позволит устранить имеющийся пробел и попытки неоднозначного толкования законодательства. Возможность использования гражданами символики государства в том числе на массовых публичных мероприятиях (спортивные соревнования, съезды политических партий, общественных объединений и др.) либо его использование в производстве сувенирной и иной продукции будет способствовать повышению культуры использования геральдических знаков нашей страны в жизни граждан Российской Федерации, популяризации государственной символики и повышению авторитета России в мире, а также реализации одного из важнейших принципов государственной политики в сфере образования – воспитания гражданственности и патриотизма».

На сегодняшний день нельзя сказать, что правоохранительные и судебные органы восприняли поправку в ФКЗ «О Государственном …» как однозначный запрет на привлечение к административной ответственности за нарушение порядка официального использования государственного герба Российской Федерации.

В судебной практике за 2018 год встречаются разные варианты решений. Так, например, 5 марта 2018 года постановлением мирового судьи судебного участка № 31 Самарской области ООО Юридическое бюро «Судебно-Экспертная Лаборатория» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст.17.10 КоАП РФ с назначением ему наказание в виде административного штрафа в размере 100 000 (сто тысяч) рублей (Дело № 5-180/2018 архив Самарского судебного района г. Самары). Напротив, 28 марта 2018 года постановлением мирового судьи Краснозатонского судебного участка г. Сыктывкара производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст.17.10 КоАП РФ, в отношении гражданина О. было прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения (Дело № 5-399/2018 архив Краснозатонского судебного участка г. Сыктывкара Республика Коми). А постановлением мирового судьи судебного участка № 1 Мамонтовского района Алтайского края от 17 января 2018 года производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст.17.10 КоАП РФ было прекращено по причине малозначительности деяния (Дело № 5-9/2018 архив Мамонтовского судебного района Алтайского края).В заключении хотелось бы высказать следующую позицию по данному вопросу. Внесение последних изменений в ФКЗ «О Государственном …» не представляется нам однозначно положительным явлением. Конечно, популяризация государственной символики, как одно из средств воспитания гражданственности и патриотизма, дело хорошее. Однако существуют опасения, что свободное размещение Государственного герба Российской Федерации на печатях, бланках, визитках граждан и организаций может спровоцировать всплеск таких преступлений против собственности, как мошенничество. Полагаем, что федеральный законодатель мог бы вернуться к рассмотрению данного вопроса и сформулировать правовую норму таким образом, что бы не допустить использования государственного символа недобросовестными лицами в корыстных интересах.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 2-ФКЗ (ред. от 20.12.2017 г.) «О Государственном гербе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52 (Ч. I). Ст. 5021.

2. Федеральный конституционный закон от 20.12.2017 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (Ч. I). Ст. 7916.

3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.02.2019г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.

4. Безруков А.В. Проблемы использования государственного герба Российской Федера-

ции и субъекта Российской Федерации в материалах судебной практики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6, № 3. (23) http://esj.pnzgu.ru (Дата обращения -10.02.2019г.).

5. Зинков Е.Г. О некоторых проблемах реализации административной ответственности в сфере конституционно-правовых отношений // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 33 – 36.

6. Карабанова Е.Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 62-65.

THE STATE EMBLEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION

The article deals with the study of administrative responsibility for violations of the order of official use of the state emblem of the Russian Federation. The conclusion about ambiguity of the last changes of the current legislation in this sphere is made.

Keywords: state symbols of the Russian Federation, state emblem, administrative offense, administrative responsibility, constitutional rights and freedoms of citizens.

References

1. Federalniy konstitutsionniy zakon ot 25 dekabrya 2000 goda №2-FKZ (red. ot 20.12.2017 g.) «O Gosudarstvennom gerbe Rossiyskoi Federatsii» // SZRF. 2000. №52 (Ch. 1). St. 5051.

2. Federalniy konstitutsionniy zakon ot 20.12.2017 №4-FKZ «O vnesenii izmeneniy v statiu 7 Federalnogo konstitutsionnogo zakona «O Gosudarstvennom gerbe Rossiyskoi Federatsii» // SZRF. 2017. №52 (Ch. 1). St. 7916.

3. «Kodeks Rossiyskoi Federatsii ob administrativnih pravonarusheniyah» ot 30.12.2001 №195-FZ (red. ot 06.02.2019 g.) // SZRF. 2002. №1 (Ch. 1). St.1.

4. Bezrukov, A. V. Problemi ispolzovaniya gosudarstvennogo gerba Rossiyskoi Federatsii i subyekta Rossiyskoi Federatsii v materialah sudebnoi praktiki// Elektronniy nauchniy zhurnal «Nauka. Obshestvo. Gosudarstvo».2018. T. 6, №3. (23) http://esj.pnzgu.ru (Data obrasheniya - 10.02.2019 g.).

5. Zinkov E.G. O nekotorih problemah realizatsii administrativnoi otvetstvennosti v sfere konstitutsionno-pravovih otnosheniy // Administrativnoye pravo i protsess. 2013. №8. S. 33 – 36.

6. Karabanova E.N. Osobo pochitayemiye simvoli kak obyekt ugolovno-pravovoi ohrani: problemi zakonodatelnogo regulirovaniya // Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika. 2013. №10. S. 62-65.

Об авторах

Артамонов Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexeiartamonow@yandex.ru

Иванин Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия) E-mail: ivanin.aleck@yandex.ru

Artamonow Alexey Nikolaevich – candidate of legal Sciences, associate Professor, head of chair of state legal disciplines, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: alexeiartamonow@yandex.ru

Ivanin Alexander Alexandrovich – candidate of legal Sciences, associate Professor of the department of state legal disciplines, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: ivanin.aleck@yandex.ru

УДК 34.09

Вяткина Г.О., магистр 1 курса, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье автор анализирует особенности правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования, где научно-исследовательская деятельность рассматривается как ключевой компонент содержания образования. Автор обосновывает роль федеральных государственных образовательных стандартов в образовании, сравнивая содержание стандартов нескольких областей образования и приходит к выводу о том, что большинство стандартов не могут в полной мере выполнять свою функцию по унификации требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся того или иного направления подготовки. В статье также раскрываются формы организации работы научного подразделения самой образовательной организацией высшего образования, а также даются конкретные рекомендации по совершенствованию правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Ключевые слова: наука, образование, правовое регулирование научно-исследовательской деятельности обучающихся, образовательная организация высшего образования, федеральный государственный образовательный стандарт, научное подразделение.

В настоящее время наука выступает мощным фактором повышения качества жизни населения, способствуя развитию экономики, медицины, управления, кадрового потенциала, взаимоотношений общества и государства. Одним из ключевых научных секторов является научно-исследовательская деятельность обучающихся. Именно в период обучения в образовательной организации высшего образования зачастую выявляется и раскрывается интеллектуальный потенциал обучающихся, которые в дальнейшем могут стать выдающимися учёными. Становление студента как исследователя зависит, в первую очередь, от порядка организации и правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Вопросы, связанные с организацией научно-исследовательской деятельности студентов активно разрабатываются в работах различных ученых. Например, научные труды таких авторов, как Е.В. Бережнова, В.В. Краевский, Н.И. Люткин, Г.А. Бордовский, В.В. Балашов, Л.Н. Гражданкина, М.В. Шацкая раскрывают вопросы организации и методического обеспечения научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования в процессе их обучения, [см.: 9, 12, 10, 13, 11, 14]. Однако системные исследования, направленные на изучение правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования, в юридической науке на сегодняшний день отсутствуют.

В статье используются следующие методы исследования: 1) сравнительно-правовой метод; 2) анализ нормативной правовой базы Российской Федерации по образованию и науке; 3) системный подход при исследовании особенностей правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования; 4) обобщение полученных результатов исследования.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под образованием понимается «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов», [1].

Статья 72 данного Закона указывает на необходимость интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности, так как это способствует повышению качества

подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования, а также использованию новых знаний и достижений науки и техники в образовательной деятельности. В статье также закреплены различные формы интеграции образования и науки (например, проведение научных исследований и экспериментальных разработок за счет грантов или иных источников финансового обеспечения, создание в образовательных организациях лабораторий, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность). Таким образом, научно-исследовательская деятельность является одним из важных компонентов содержания образования.

Содержание образования устанавливается федеральными государственными образовательными стандартами (далее – стандарт). В соответствии со статьей 2 закона № 273-ФЗ под стандартом понимается «совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования». Таким образом, стандарт призван унифицировать требования к специальностям разных сфер образования, [1].

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки от 12 сентября 2013 года №1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» профессии, специальности и направления подготовки объединяются в укрупненные группы. Под укрупненной группой понимается совокупность родственных профессий, специальностей и направлений подготовки, [8]. Для обобщенной характеристики профессий, специальностей и направлений подготовки укрупненные группы объединяются в области образования, то есть совокупность укрупненных групп, относящихся к определенной сфере деятельности. К областям образования относятся: 1) математические и естественные науки; 2) инженерное дело, технологии и технические науки; 3) здравоохранение и медицинские науки; 4) сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки; 5) науки об обществе; 6) образование и педагогические науки; 7) гуманитарные науки; 8) искусство и культура.

Проанализируем стандарты нескольких областей образования уровня бакалавриата и сравним их со стандартами внутри и вне группы в части, касающейся требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся: федеральные государственные образовательные стандарты (далее – ФГОС) высшего образования по направлениям подготовки: 1) 03.03.02 Физика, 06.03.01 Биология (в области образования «Математические и естественные науки»); 2) 40.03.01 Юриспруденция, 38.03.01. Экономика (в области образования «Науки об обществе»); 3) 44.03.01 Педагогическое образование, 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (в области образования «Образование и педагогические науки»), [см.: 4, 2, 5, 3, 6, 7].

В ходе анализа выяснилось, что стандарты первой области образования относят научно-исследовательскую деятельность к типу профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата по данным направлениям. Однако стандарты ставят перед выпускниками различные задачи научно-исследовательской деятельности.

Стандарт по направлению подготовки «Физика» предусматривает решение выпускником несколько ключевых задач научно-исследовательской деятельности, среди которых: 1) освоение методов научных исследований; 2) освоение теорий и моделей; 3) участие в проведении физических исследований по заданной тематике; 4) участие в обработке полученных результатов научных исследований на современном уровне; 5) работа с научной литературой с использованием новых информационных технологий. Кроме того, данный стандарт закрепляет научно-исследовательскую работу как составляющую производственной практики обучающегося, [4].

В соответствии с ФГОС по направлению подготовки «Биология» выпускник должен быть готов решать следующие профессиональные задачи: 1) научно-исследовательская деятельность в составе группы; 2) подготовка объектов и освоение методов исследования; 3) участие в проведении лабораторных и полевых биологических исследований по заданной методике; 4) выбор технических средств и

методов работы, работа на экспериментальных установках, подготовка оборудования; 5) анализ получаемой полевой и лабораторной биологической информации с использованием современной вычислительной техники; 6) составление научных докладов и библиографических списков по заданной теме; 7) участие в разработке новых методических подходов; 8) участие в подготовке научных отчетов, обзоров, публикаций, патентов, организации конференций. Интересно, что стандарт не включает научно-исследовательскую работу в производственную практику, [2]. Мы видим, что второй стандарт, с одной стороны, предъявляет к научно-исследовательской деятельности больше требований к обучающимся, с другой стороны, в практику данный вид деятельности не входит.

Оба стандарта настаивают на освоении методов научного исследования, участии в проведении исследовании по заданной тематике и работе с научной литературой. Однако, второй стандарт, например, больше внимания уделяет исследованиям в составе группе, составлению научных докладов, участию в подготовке публикаций, организации конференциий, участию в разработке новых методических подходов (заметим, последний пункт в первом стандарте даже косвенно не предусматривается). Таким образом, стандарты одной и той же области образования не предусматривают унифицированные требования к научно-исследовательской деятельности обучающихся и ставят перед выпускниками разные задачи.

Стандарт по направлению подготовки «Юриспруденция» вообще не относит научно-исследовательскую деятельность к типу профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата по данному направлению, [5].

ФГОС по направлению подготовки «Экономика» выделяет научно-исследовательскую деятельность наряду с аналитической как вид профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата. К задачам данных видов деятельности стандарт относит, например: 1) поиск информации по полученному заданию, сбор и анализ данных, необходимых для проведения конкретных экономических расчетов; 2) анализ и интерпретация показателей, характеризующих социально-экономические процессы и явления на микро- и макроуровне как в России, так и за рубежом; 3) подготовка информационных обзоров, аналитических отчетов; 4) проведение статистических обследований, опросов, анкетирования и первичная обработка их результатов; 5) участие в разработке проектных решений в области профессиональной деятельности, подготовке предложений и мероприятий по реализации разработанных проектов и программ. Заметим, что научно-исследовательская работа включена стандартом и в учебную, и в производственную практику, [3]. Таким образом, содержание стандартов в области «Науки об обществе» в части, касающейся требований к научно-исследовательской деятельности кардинально отличается.

Стандарт по направлению подготовки «Педагогическое образование» не рассматривает научно-исследовательскую деятельность в качестве вида профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники данного направления подготовки, соответственно, специальные требования к ней не предъявляются. В то же время, стандарт включает научно-исследовательскую работу в план как учебной, так и производственной практики. Стандарт также устанавливает такую общепрофессиональную компетенцию выпускника как способность осуществлять педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний, [6]. Идентичные требования содержит в себе и стандарт по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование», [7]. Вероятно, это связано с системным обновлением всех стандартов в данной области образования.

Сравнивая стандарты разных областей образования, было выявлено, что требования к научно-исследовательской деятельности в стандартах естественных областей образования гораздо выше, чем гуманитарных. Кроме того, не все области образования считают необходимым включать научно-исследовательскую деятельность в типы профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата. Большинство стандартов также включают данный вид деятельности в различные виды практик обучающихся. Тем не менее, в ходе анализа стандартов был выявлен высо-

кий уровень разрозненности требований и задач научно-исследовательской деятельности. Следовательно, в настоящее время большинство стандартов ввиду своего содержания не могут в полной мере обеспечить унификацию требований к научно-исследовательской деятельности, а значит, регулирование особенностей данного научного сектора находится в ведении самой образовательной организации высшего образования.

В соответствии со статьей 27 Закона №273-ФЗ образовательная организация может иметь научно-исследовательские подразделения, [1]. Статья 28 говорит о том, что образовательная организация самостоятельна в осуществлении научной деятельности. К ее компетенции относится, например: 1) поощрение обучающихся за успехи в научной деятельности; 2) организация научно-методической работы, в том числе организация и проведение научных конференций, семинаров; 3) развитие своих творческих способностей и интересов, включая участие в конкурсах и олимпиадах. На сегодняшний день Министерством науки и высшего образования не разработаны единые для всех образовательных организаций высшего образования рекомендации для организации работы научного подразделения и ведения научно-исследовательской деятельности или же вовсе её отсутствия.

В результате проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы: 1) научно-исследовательская деятельность обучающихся образовательных организаций высшего образования является важным компонентом содержания образования; 2) образовательные стандарты, призванные обеспечить единообразие требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся, не справляются в полной мере со своей функцией в силу постановки совершенно разных задач перед выпускниками, освоившими программу бакалавриата по тому или иному направлению подготовки; 2) законодательство указывает на необходимость интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности, в то же время вопросы организации работы научного подразделения законодатель оставляет на усмотрение самой образовательной организации.

Таким образом, в целях повышения эффективности правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования необходимо: 1) разработать единые требования к научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных стандартах одной области образования; 2) включить научно-исследовательскую деятельность в типы профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата по тому или иному направлению подготовки, в содержание всех образовательных стандартов; 3) разработать методические рекомендации по организации научно-исследовательской деятельности обучающихся и работе научного подразделения и определении его правового статуса.

Таким образом, автор проанализировал современное состояние правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования, выявил основные проблемы в данной сфере и разработал конкретные предложения по совершенствованию законодательства по образованию. Выводы и предложения, разработанные автором, могут быть квалифицированы как вклад в теоретическое осмысление проблемы правового регулирования научно-исследовательской обучающихся в образовательных организациях высшего образования. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности по совершенствованию системы, структуры и содержания федерального законодательства об образовании и науке.

Подводя итог, следует ещё раз отметить, что научно-исследовательская деятельность студентов является первым и самым важным шагом на пути к проведению масштабных научных исследований и развитию нашего общества. Именно поэтому необходимо создать условия, обеспечивающие чёткое правовое регулирование особенностей функционирования данного научного сектора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 14.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.

2. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 944 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 06.03.01 Биология (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 № 33812) // «Российская газета», N 254, 07.11.2014.

3. Приказ Минобрнауки России от 12.11.2015 № 1327 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2015 № 39906) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 03.12.2015.

4. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 937 (ред. от 20.04.2016) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 03.03.02 Физика (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 № 33805) // «Российская газета», № 18, 30.01.2015.

5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 29 декабря 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 29.12.2016.

6. Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 121 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2018 № 50362) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.03.2018.

7. Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 12 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2018 № 50363) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.03.2018.

8. Общероссийский классификатор специальностей по образованию. ОК 009-2016 (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2007-СТ). М.: Стандартинформ, 2016.

9. Бережнова, Е.В. Краевский В.В. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов // Е.В. Бережнова, В.В. Краевский. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 128 с.

10. Бордовский, Г. А. Научно-исследовательская деятельность – решающее условие повышения качества подготовки специалиста /Г.А. Бордовский // Подготовка специалиста в области образования: Научно-исследовательская деятельность в совершенствовании профессиональной подготовки. – СПб., 2013. Вып.VII. С. 3–7.

11. Гражданкина, Л.Н. Формирование системного подхода организации научно- исследовательской деятельности студентов в процессе самостоятельной работы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://college.biysk.secna.ru (дата обращения – 10.12.2018)

12. Люткин Н.И. Методика и организация научно-исследовательской деятельности студентов в университете. Учебно-методическое пособие // под ред. В.Г. Созанова и Б.А. Тахохова. - Владикавказ: СОГУ, 2014. 157 с.

13. Научно-исследовательская деятельность студентов как элемент системы воспроизводства научных кадров в высшей школе // под ред. В.В. Балашова. - М.: Изд. центр ГУУ, 2016. 358 с.

14. Шацкая М. В. Исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки специалистов // Молодой ученый. — 2010. — №12. Т.2. С. 140-142. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/23/2483/ (дата обращения – 09.12.2018)

LEGAL REGULATION OF RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS IN EDUCATIONAL HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS

In the article the author analyzes the features of legal regulation of research activities of students in educational institutions of higher education, where research activities are considered as an important component of the content of education. The author substantiates the role of Federal state educational standards in education, comparing the content of standards in several areas of education and concludes that most of the standards can not fully perform its function to unify the requirements for research activities of students of a particular field of training. The article also reveals the forms of organization of the scientific unit of the educational organization of higher education, as well as specific recommendations for improving the legal regulation of research activities of students.
Keywords: science, education, legal regulation of research activities of students, educational organization of higher education, Federal state educational standard, scientific division

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (v red. ot 14.08.2018) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 31.12.2012, № 53 (ch. 1), st. 7598.
2. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 07.08.2014 № 944 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 06.03.01 Biologija (uroven' bakalavriata)» (Zaregistrirovano v Minjuste Rossii 25.08.2014 № 33812) // «Rossijskaja gazeta», N 254, 07.11.2014.
3. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 12.11.2015 № 1327 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 38.03.01 `Ekonomika (uroven' bakalavriata)» (Zaregistrirovano v Minjuste Rossii 30.11.2015 № 39906) // Retrieved 20 January, 2019 from http://www.pravo.gov.ru
4. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 07.08.2014 № 937 (red. ot 20.04.2016) «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 03.03.02 Fizika (uroven' bakalavriata)» (Zaregistrirovano v Minjuste Rossii 25.08.2014 № 33805) // «Rossijskaja gazeta», № 18, 30.01.2015.
5. Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 1 dekabrja 2016 g. № 1511 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 40.03.01 Jurisprudentsija (uroven' bakalavriata) (Zaregistrirovano v Minjuste RF 29 dekabrja 2016 g.) // Retrieved 20 January, 2019 from http://www.pravo.gov.ru
6. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 22.02.2018 № 121 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija - bakalavriat po napravleniju podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie» (Zaregistrirovano v Minjuste Rossii 15.03.2018 № 50362) // Retrieved 20 January, 2019 from http://www.pravo.gov.ru
7. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 22.02.2018 № 12 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija - bakalavriat po napravleniju podgotovki 44.03.03 Spetsial'noe (defektologicheskoe) obrazovanie» (Zaregistrirovano v Minjuste Rossii 15.03.2018 № 50363) // Retrieved 20 January, 2019 from http://www.pravo.gov.ru
8. Obscherossijskij klassifikator spetsial'nostej po obrazovaniju. OK 009-2016 (utv. Prikazom Rosstandarta ot 08.12.2016 № 2007-ST). M.: Standartinform, 2016.
9. Berezhnova, E.V. Kraevskij V.V. Osnovy uchebno-issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov // E.V. Berezhnova, V.V. Kraevskij. – M.: Izdatel'skij tsentr «Akademija», 2005. – 128 s.
10. Bordovskij, G. A. Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' – reshajuschee uslovie povyshenija kachestva podgotovki spetsialista /G.A. Bordovskij // Podgotovka spetsialista v oblasti obrazovanija: Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' v sovershenstvovanii professional'noj podgotovki. – SPb., 2013. Vyp.VII. S. 3–7.
11. Grazhdankina, L.N. Formirovanie sistemnogo podhoda organizatsii nauchno- issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov v protsesse samostojatel'noj raboty. Retrieved 10 December, 2018 from http://college.biysk.secna.ru
12. Ljutkin N.I. Metodika i organizatsija nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov v universitete. Uchebno-metodicheskoe posobie // pod red. V.G. Sozanova i B.A. Tahohova. - Vladikavkaz: SOGU, 2014. 157 c.

13. Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' studentov kak `element sistemy vosproizvodstva nauchnyh kadrov v vysshej shkole // pod red. V.V. Balashova. - M.: Izd. tsentr GUU, 2016. 358 s.

14. Shatskaja M. V. Issledovatel'skaja dejatel'nost' studentov kak faktor povyshenija kachestva podgotovki spetsialistov // Molodoj uchenyj. — 2010. — №12. T.2. S. 140-142. Retrieved 9 December, 2018 from https://moluch.ru/archive/23/2483/

Об авторе

Вяткина Галина Олеговна – магистр 1 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (направленность – Юрист в органах власти) Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, стипендиат Президента Российской Федерации, E-mail: galya.vyatkina00@mail.ru

Vyatkina Galina Olegovna – 1st year student of master's degree in training 40.04.01 "Jurisprudence" (focus - Lawyer in government bodies), Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, the scholarship of the President of the Russian Federation. E-mail: galya.vyatkina00@mail.ru

УДК 349.2+331.5+336.01:004.01+004.61

Закалюжная Н.В., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

НЕТИПИЧНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Поскольку Россия не стоит в стороне от мирового процесса цифровизации, а современное мировое пространство представляет собой новую реальность, которая преображает не только средства взаимодействия людей, но и воздействует на принципы организации производства и трудовые взаимоотношения, автором рассматриваются правовые аспекты цифровизации в некоторых трудовых отношениях, новые методы организации делового сотрудничества и социальные коммуникации, которые влекут развитие нетипичных эффективных форм труда. В исследовании предлагается сформулировать ряд терминов, в том числе организационно – правовые формы нетипичной занятости, привлеченный труд, а также имеется ряд конкретных предложений по совершенствованию трудового законодательства, с целью дальнейшего эффективного применения его норм. Сегодня и работнику, и работодателю выгодна предоставленная возможность не взаимодействовать лично при заключении или изменении трудового договора и в рамках его исполнения, а использовать электронный документооборот, поэтому в статье исследуется один из основных видов нетипичных трудовых отношений – дистанционная работа. А в качестве общего вывода предложено и далее развивать нормы о правовом статусе участников дистанционных отношений и устранять существующие пробелы в правовом регулировании, приспосабливая законодательство к новым формам труда и экономическим отношениям. В работе также отмечается, что требуют доработки и технические аспекты в целях расширения возможностей по использованию альтернативных инструментов обмена электронными документами, а также усиленной квалифицированной электронной подписи. Также возможно введение электронного документооборота и в сферу охраны труда и другие нововведения, вызванные к жизни экономическими изменениями.

Ключевые слова: цифровая экономика, нетипичные формы занятости, дистанционная работа, привлеченный труд, трудовой договор, электронная цифровая подпись.

Цифровая (электронная, сетевая, вэб- или интернет-) экономика представляет собой систему экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах. Основной целью направления развития электронной экономики, касающегося нормативного регулирования, является формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической и коммерческой деятельности [3, с. 640], связанной с их использованием в цифровой экономике. Все это потребует не только точечных изменений в отдельных нормативных правовых актах, но прежде всего системных поправок в базовые отраслевые законы как процессуального характера, так и материального, в том числе и в Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 05 февраля 2018 года №8-ФЗ).

Современное мировое пространство представляет собой новую реальность, которая преображает не только средства взаимодействия людей, но и воздействует на принципы организации производства и трудовые взаимоотношения. «Одна из особенностей трудового права – расширение масштабов дифференциации правового регулирования труда» [2. с. 5]. Новые методы организации делового сотрудничества и социальные коммуникации влекут развитие нетипичных эффективных форм трудовых отношений.

С точки зрения экономики можно ввести еще один термин – организационно – правовые формы нетипичной занятости и понимать под ними особые нестандартные формы организации и режимы труда, позволяющие на добровольной основе вовлекать и эффективно использовать в экономике страны труд всех социально – демографических групп населения, которые в силу семейных, личных, правовых, технологических или иных обстоятельств не могут или не должны трудиться в течение рабочего дня нормальной продолжительности или на рабочих местах в организациях.

Основными формами нетипичных трудовых отношений на современном этапе являются «привлеченный труд» (применяется как условный термин в российском праве) и дистанционная работа.

Заемный труд широко прижился в Рос-

сии де - факто. Однако должной регламентации указанных отношений на сегодняшний момент не существует, что очевидно приводит к лишению таких работников правовых гарантий в сфере труда. Более того, Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №116-ФЗ от 5 мая 2014 года, ввел статью 56.1 в Трудовой кодекс Российской Федерации, в соответствии с которой заемный труд запрещается.

Согласно указанного законодательного акта, в правовой оборот введен еще один вид нетипичных трудовых отношений – труд работников, направляемых временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала), который регламентируется одноименной главой 53.1 Трудового кодекса Российской Федерации (ст.ст. 341.1-341.5).

В отличие от этого временная работа через частное агентство занятости предполагает принятие на работу работника, оформленного через частное агентство занятости, для выполнения временных, сезонных и иных непостоянных работ, замещения временно отсутствующего работника. Такой работник постоянно направляется для работы в различные организации.

Заемный труд является временной работой, когда сотрудник эпизодически временно используется в различных организациях – пользователях (Он так и называется «temporary work» в английской и «Zeitarbeit» в немецкой литературе, буквально переводится «временная работа»). В таком ракурсе работник считается заемным в подавляющем большинстве стран.

И все-таки возникающие при займе работников отношения можно объединить в три группы: 1) работник – кадровое агентство; 2) работник – организация – пользователь; 3) кадровое агентство – организация – пользователь.

При комплексном анализе норм главы 53.1 Трудового кодекса Российской Федерации (отношений по договору о предоставлении труда работников (персонала) возникает ощущение слишком уж «похожести» на отношения заемного труда, законодательно закрепленные в зарубежном праве. Каким образом они будут реализовываться у нас, покажет практика.

В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 341.2 Трудового кодекса Российской Федерации, трудовой договор, заключаемый частным агентством занятости с работником, направляемым временно для работы у принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников (персонала), должен включать в себя условие о выполнении работником по распоряжению работодателя определенной трудовым договором трудовой функции в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателями по этому трудовому договору. Таким образом, прослеживается коллизия между ст. 56.1 Трудового кодекса Российской Федерации, запрещающей заемный труд без каких - либо оговорок, и положениями главы 53.1 Трудового кодекса Российской Федерации, санкционирующими применение труда работников, направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам, на временной основе. Согласно внесенных Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ изменений и дополнений в трудовое законодательство, касающихся заемного труда, следует, что законодатель желал ввести запрет заемного труда, осуществляемого на постоянной основе и без заключения договора о предоставлении труда работников (персонала). Разрешить данную коллизию, возможно посредством исключения из ст. 56.1 ТК РФ термина «заемный», оставив определение труда, запрещаемого данной нормой.

Общим мнением зарубежных ученых и специалистов считается положительная оценка заемного труда, выполняющего значимые социальные и экономические функции. Однако среди российских ученых такой единой позиции нет, более того, данное явление считается весьма опасным [1, с. 22-30].

Развитые страны, накопившие опыт регулирования и применения труда через агентства, пытаются достичь приемлемого с европейской социальной моделью баланса между гибкостью и стабильностью, необходимостью обеспечить равенство возможностей. Достигают они этого с учетом особенностей своего исторического, культурного,

политического, экономического развития через сочетание таких инструментов, как саморегулирование частных агентств занятости, законодательное и коллективно – договорное регулирование.

Дабы более точно определить отношения, подпадающие под описанную выше нестандартную форму занятости, предложенные зарубежным и действующим российским законодательством, предлагается ввести в правовой оборот общий термин, позволяющий эффективно использовать имеющиеся нетипичные конструкции, и соответственно, выработать теоретические и практические рекомендации. Поскольку в рамках многих нестандартных трудовых отношений речь идет о привлечении персонала, целесообразно определить общую категорию – труд привлеченного персонала, а правовым оформлением следует определить общую конструкцию – договор о привлечении персонала и отразить это в трудовом законодательстве.

Труд привлеченного персонала следует понимать, как постоянную или временную работу, выполняемую в пользу, под управлением и контролем физического или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника, в соответствии с договором о предоставлении персонала, заключенным работодателем данного работника с лицом, в пользу, под управлением и контролем которого осуществляется работа.

Данное нововведение позволит отнести в обозначенную категорию и заемный труд, закрепленный в зарубежном праве, и предоставленный труд, обозначенный российским законодателем, и другие нетипичные трудовые отношения указанного формата.

Цифровая экономика неизбежно затронет сферу трудовых отношений. Поэтому уже сейчас важно сформулировать основные принципы и особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике, в том числе в части перехода на безбумажное взаимодействие работников и работодателей (введение электронного формата заключения трудового договора, перевод на цифру различных «бумажных» обязанностей работодателя и работника, и т.д.).

Фактически сложившаяся в Российской Федерации система нетипичных трудовых отношений в период глобализации экономики и развития информационно - коммуникационных систем предопределила дальнейшее правовое регулирование общественных отношений. Так, одной из основных форм нетипичных трудовых отношений на современном этапе теперь является дистанционная работа. Появление в Трудовом кодексе Российской Федерации главы о дистанционной занятости стало положительным моментом, так как, с одной стороны, продолжило дифференциацию в правовом регулировании трудовых отношений, а с другой, и работнику, и работодателю выгодна предоставленная возможность не взаимодействовать лично при заключении или изменении трудового договора и в рамках его исполнения, а использовать электронный документооборот и (или) взаимодействие посредством почтовых отправлений в установленном порядке.

Указанная глава не носит ярко выраженной направленности на защиту интересов какой – либо стороны трудовых отношений. Однако важно и далее развивать нормы о правовом статусе участников дистанционных отношений и устранять существующие пробелы в правовом регулировании, приспосабливая законодательство к новым формам труда и экономическим отношениям.

В форме обмена электронными документами могут осуществляться: заключение трудового договора и изменение его условий (ч. 1 ст. 312.2 Трудового кодекса Российской Федерации), ознакомление работника с правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными нормативными актами, приказами (распоряжениями) работодателя, коллективным договором (ч. 5 ст. 312.1, ч. 5 ст. 312.2 Трудового кодекса Российской Федерации), предъявление работником, поступающим на работу, документов, предусмотренных ст. 65 Трудового кодекса Российской Федерации (ч. 3 ст. 312.2 Трудового кодекса Российской Федерации), предоставление работником объяснений либо другой информации (ч. 6 ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации).

Изменение электронного трудового договора, а точнее включенных в него при заключении сведений или условий, допускается в порядке, предусмотренном для обыч-

ного трудового договора и с учетом особенностей, относящихся к заключению электронного трудового договора.

Это означает, что для внесения изменений в условия электронного трудового договора его стороны должны заключить между собой соответствующее соглашение. После обмена электронными версиями соглашения стороны договора должны также получить в свое распоряжение его письменные экземпляры.

В случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом, работник должен быть ознакомлен в письменной форме, в том числе под роспись, с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с его трудовой деятельностью:

- с приказами (распоряжениями) работодателя,
- с уведомлениями,
-с требованиями,
- с иными документами,

дистанционный работник может быть ознакомлен с ними путем электронного документооборота.

В случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации работник вправе или обязан:

- обратиться к работодателю с заявлением,
- предоставить работодателю объяснения либо другую информацию,

дистанционный работник также может сделать это в форме электронного документа.

Это намного упрощает процесс оформления трудовых отношений и порядок взаимодействия сторон в рамках дистанционной работы. Ведь начал складывается иной стиль управления персоналом, стали формироваться методы управления и контроля за трудовыми результатами «на дистанции». Как показывает практика данный механизм управления особенно эффективен в малых трудовых коллективах. А эффективность данного нетипичного вида занятости очевидна с позиции повышения производительности труда и качества работы, снижения транспортных издержек, экономии на офисном пространстве, развитие информационных технологий и т.д.

Электронные подписи дистанционного работника (лица, поступающего на дистанционную работу) и работодателя используются в порядке, установленном Федеральным законом от 6 апреля 2011 года №63-ФЗ «Об электронной подписи»» (с изм. и доп. от 23 июня 2016 года №220-ФЗ).

Согласно данного закона электронная подпись представляет собой информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Этот закон различает две разновидности электронных подписей: простую электронную подпись и усиленную электронную подпись.

Простой электронной подписью является электронная подпись, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом.

Усиленная электронная подпись может быть представлена в виде усиленной неквалифицированной электронной подписи и в виде усиленной квалифицированной электронной подписи.

Усиленной неквалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая:

1) получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи;

2) позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ;

3) позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания;

4) создается с использованием средств электронной подписи.

Усиленной квалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая соответствует всем признакам усиленной неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам:

1) ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;

2) для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, получившие подтверждение соответствия требованиям, установлен-

ным в соответствии с вышеуказанным Федеральным законом.

В соответствии со статьей 11 указанного закона, квалифицированная электронная подпись признается действительной до тех пор, пока решением суда не установлено иное, при одновременном соблюдении следующих условий:

1) квалифицированный сертификат создан и выдан аккредитованным удостоверяющим центром, аккредитация которого действительна на день выдачи указанного сертификата;

2) квалифицированный сертификат действителен на момент подписания электронного документа (при наличии достоверной информации об этом моменте) или на день проверки действительности указанного сертификата, если момент подписания не определен;

3) имеется положительный результат проверки принадлежности владельцу квалифицированного сертификата электронной подписи, с помощью которой подписан электронный документ, и подтверждено отсутствие изменений, внесенных в этот документ после его подписания. При этом проверка осуществляется с использованием средств электронной подписи, получивших подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с законом №63-ФЗ, и с использованием квалифицированного сертификата лица, подписавшего электронный документ;

4) электронная подпись используется с учетом ограничений, содержащихся в квалифицированном сертификате лица, подписывающего электронный документ (если такие ограничения установлены).

Уже имеется определенная судебная практика по вопросам электронного документооборота в рамках дистанционного труда. Так, например, Омский Областной суд в своем апелляционном определении от 22 января 2014 года №33-187/2014 указал, что подписание электронного документа квалифицированной электронной подписью позволило бы рассматривать поданное истцом заявление об увольнении как полноценный документ о намерении работника расторгнуть трудовой договор, сканированная же копия такого документа в отсутствие его оригинала надлежащим волеизъявлением работника о прекращении трудовых отношений служить не может. Сотрудник выполнял функции торгового представителя фабрики «Сладонеж», что позволило отнести его к дистанционным работникам, и заявления об увольнении не подавал. Поэтому решение Центрального районного суда г. Омска было отменено, а работник восстановлен в должности с выплатой компенсации за период вынужденного прогула и компенсации морального вреда.

Одним из примеров новых видов дистанционной работы может служить вовлечение преподавателей в систему дистанционного обучения. Такая форма обучения существует сегодня наряду с традиционными: очной (дневной и вечерней), заочной и экстерната. Пространственная децентрализация распространяется и на работника (преподавателя), и на потребителя его услуг (студента). Подобная форма обучения реализуется в настоящее время и в европейских школах.

Обучение является фактором управления дистанционными работниками. Поэтому при внедрении нового оборудования, например, важно проводить с удаленными работниками вебинары, в которых они могли бы участвовать в любое время. Подобного рода разъяснения необходимы, поскольку закон сосредоточен на технических аспектах и не дает сторонам полного представления о сути дистанционной работы. Общественная и государственная поддержка и предоставление современных технологических и информационных средств связи послужат необходимыми условиями развития дистанционных видов работы.

Требуют доработки и технические аспекты в целях расширения возможностей по использованию альтернативных инструментов обмена электронными документами, а также усиленной квалифицированной электронной подписи.

В настоящее время широкое использование достижений научно – технического прогресса позволяет работникам самостоятельно распределять рабочее время в течение какого-либо периода. Если работник выполняет работу дистанционно, то важнее по электронным носителям отправить результат работы, проделанной на электронном носителе дома, нежели распределение трудовой функции во времени. То есть институт рабочего времени приобретает иное содержание, чем ранее.

Новой реальностью становятся также

электронные биржи труда и венчурные фонды [4, с. 52-59] которые активно формируются в развитых странах и возникают как ответ на потребности общества с помощью новых технологий.

Кроме того, в сфере трудовых отношений предлагается ведение большинства документов в электронном виде и разрешение повсеместного использования электронной подписи. Это потребует, например, исключения из Трудового кодекса требований об ознакомлении работника под роспись с рядом документов работодателя, как при приеме на работу, так и при исполнении служебных обязанностей, а также подписание документов, используемых в трудовых отношениях, исключительно с использованием собственноручной подписи. На базе системы персонифицированного учета Пенсионного фонда России предлагается создать государственную информационную систему учета трудовой деятельности и трудового стажа, соответственно, вести систему учета трудовой деятельности и трудового стажа в электронном виде, т.е. перейти, например, на ведение трудовой книжки в электронной форме. Также возможно введение электронного документооборота и в сферу охраны труда и другие нововведения, вызванные к жизни экономическими изменениями.

Список литературы

1. Нуртдинова А. Заемный труд: Особенности организации и возможности правового регулирования // Хозяйство и право. 2004. № 9.

2. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников: Учебное пособие / Под ред. проф. Ю.П. Орловского. М., 2014.

3. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. - М.: Статут, 2016.

4. Янковский Р.М. Организационно – правовые формы венчурного инвестирования (часть 1): структуры венчурных фондов // Право и экономика. 2017. №6.

ATYPICAL LABOR RELATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

As Russia does not keep aloof the world process of digitization and modern world space represents a new reality that changes not only the means of interaction of people but also influences on the principles of industrial management and labor mutual relations. The author deals with the legal aspects of digitization in some labor relations, the new methods of organizing business cooperation and social communications that involve the development of atypical effective forms of labor.In this research work it is suggested to form a number of terms as well as legal organized forms of atypical employment, involved labor and also there are a number of concrete proposals on improving labor law in order to use its legal standards effectively further on.Nowadays an employer and an employee are given a good opportunity not to be present themselves on concluding a labor treaty or making any changes in it and within its fulfilling and to use an electronic document control that is why one of the main types of atypical labor relations-a distant wok is analyzed in this article. And as a common conclusion it is offered to develop the standards of legal status of the participants of distant relations and to correct the existing problems in law regulation further, adapting the legislation for new forms of labor and economic relations.In this work it is noted that some improvements and technical aspects with a purpose of expanding some opportunities for using the alternative instruments for exchanging electronic documents and also an intensive qualified electronic signature are demanded. Also it is possible to introduce an electronic document control to the sphere of protection of labor and other innovations called into existence by economic changes.

Keywords: digital economy, atypical forms of employment, long distant work, involved labor, labor treaty, electronic digital signature.

References

1. Nurtdinova A. Zaemnyiy trud: Osobennosti organizatsii i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya [Features of the organization and possibilities of legal regulation] // Hozyaystvo i pravo. 2004. # 9.

2. Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda otdelnyih kategoriy rabotnikov: Uchebnoe posobie / Pod red. prof. Yu.P. Orlovskogo. M., 2014.

3. Savelev A.I. Elektronnaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie.[Electronic commerce in Russia and abroad: legal regulation] 2-e izd. - M.: Statut, 2016.

4. Yankovskiy R.M. Organizatsionno – pravovyie formyi venchurnogo investirovaniya [Organizational - legal forms of venture investment](chast 1): strukturyi venchurnyih fondov // Pravo i ekonomika. 2017. № 6.

Об авторе

Закалюжная Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: natzaklaw@yandex.ru

Zakaluzhnaya Natalia Valerievna – Candidate of Law, Associate Professor of the chair department of civil law sciences, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: natzaklaw@yandex.ru

УДК 343.8

Ковалев М.В., Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ (Брянск, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ К МЕРАМ ПООЩРЕНИЯ

В статье анализируется особенности изменения условий отбывания наказания для осужденного, как положительно влияющие на него, так и отрицательно. Рассмотрены различные точки зрения ученых, по существу отнесения изменения условий отбывания наказания к мерам поощрения, так и противоположные мнения об изменении условий как о самостоятельном институте уголовно-исполнительного права России. Автор говорит о том, что условия отбывания наказания и их изменение, зависит от поведения осужденного, свидетельствует о том, что институт изменения условий отбывания наказания является мерой поощрения правопослушного поведения. Автор указывает на необходимость дополнения положения закона о том, что для изменения условий отбывания наказания осужденный должен не только не иметь взысканий, но и в течение установленного срока поощряться за законопослушное поведение. Отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестное отношение к труду ни что иное как социально-активное правопослушное поведение осужденного требующее применение мер поощрения за такое поведение. Анализируя мнение различных ученых, автор приходит к выводу и аргументирует то, что изменение условий отбывания наказания является одним из институтов мер поощрения.

Ключевые слова: условия отбывания наказания, поощрение, стимулирование, осужденный, поведение, исправление, исправительное учреждение.

Соблюдение правопорядка и безопасности в исправительных учреждениях является весьма важной задачей администрации такого учреждения, деятельность которого, направлена в первую очередь на обеспечение его нормальной деятельности, соблюдении интересов и прав осужденных, оказание на них воспитательного воздействия. Конечный результат деятельности исправительного учреждения выражается в безопасности всего общества, достижении должного исправления осужденного.

Режим исправительного учреждения и условия отбывания наказания относятся к наиболее востребованным и перспективным средствам исправления осужденных и стимулирования их дополнительного социального поведения посредством труда, обучения.

Вся сфера деятельности исправительного учреждения, в том числе и достижение целей наказания, отношения между осужденными и с администрацией учреждения зависит от режима. В свою очередь возможность реализации прав осужденных, применение к ним мер воспитательного воздействия в той или иной форме всецело зависит от условий отбывания наказания.

Закон предусматривает несколько видов условий отбывания наказания. Особенность отбывания осужденными наказания в различных условиях дает последнему, как в большей, так и в меньшей степени реализовывать предусмотренные законом возможности, хотя и ограниченные в силу осуждения и отбывания наказания. Перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие может, как отрицательно сказаться на осужденном в случае перевода из обычных условий отбывания наказания в строгие, так и благоприятствовать ему в случае перевода из обычных в облегченные условия. Реализация такой возможности зависит от ряда условий. Причем, администрация исправительного учреждения должна создать возможность для соблюдения этих условий осужденным. Единственным условий, для перевода осужденного из одних в другие условия отбывания наказания, является его законопослушное поведение, выражающееся в отсутствии взысканий за нарушение установленного порядка и добросовестное отношение к труду. Временным ограничением для перевода является срок, в зависимости от вида исправительного учреждения, по истечении которого осужденный может быть переведен из более строгих условий в более мягкие.

Констатация того, что условия отбывания наказания и их изменение, зависит от поведения осужденного, свидетельствует о том, что институт изменения условий отбывания наказания является мерой поощрения правопослушного поведения. Так ли это на самом деле?

Под нормой поощрения понимается правило поведения, установленное государством и содержащее меры поощрения, предоставляемые за добровольное заслуженное поведение, с целью порождения правомерной общественно-значимой активности индивидуальных и коллективных субъектов права, выступающие в виде позитивно-стимулирующего элемента механизма правового регулирования [1, с. 9].

С. Л. Бабаян полагает, что изменение условий отбывания наказания в сторону смягчения относится к характеру поощрений [2, с. 12].

Аналогичную позицию занимает и А. И. Васильев, обращая внимание на то, что «изменение условий содержания классифицируется по такому признаку, как изменение условий содержания в одном и том же исправительном учреждении и путем перевода в исправительное учреждение иного вида режима. В большинстве своем изменение условий содержания осужденных рассматривается именно как применение мер поощрения и взыскания» [3, с.109].

В основу аргументации таких точек зрения положен один основной критерий, это то, что изменение условий отбывания наказания в сторону смягчения благоприятным образом сказывается на осужденном, а также то, что изменение условий отбывания наказания, при их смягчении, возможно лишь за социально полезное поведения. Преимущества, получаемые осужденным при изменении условий отбывания на более мягкие, а также условия, необходимые для реализации такого института, обнаруживают сходство с другими поощрительными институтами, такими как изменение вида исправительного учреждения, замена наказания более мягким видом, отмена условного осуждения и снятия судимости.

Н. А. Стручков, напротив, утверждал, что изменение условий содержания осужденных к лишению свободы не может быть видом «...поощрения и взыскания в собственном значении этих понятий..., поскольку составляет содержание одного из способов реализации самостоятельного института исправительно-трудового права, не входящего в институт применения поощрений и взысканий к осужденным»[4, с.95].

Д.В. Горбань указывает, что институт мер поощрения и институт изменения условий являются отдельными самостоятельными институтами, закрепленными в действующем уголовно-исполнительном законодательстве[5, с. 55].

С.В. Березиков указывает, что ключевое и универсальное отличие изменения условий отбывания наказания от мер поощрения заключается в порождаемых применением соответствующих норм правовых последствиях, состоящих в изменении отдельных элементов правового статуса осужденного, в сочетании с временными пределами действия последних[6, с.17].

Говоря о самостоятельности института изменения условий содержания,

Ю.М. Ткачевский обосновывал свою позицию исходя из количественного и временного аспектов. Он полагал, что отличительным свойством института мер поощрения и взыскания является применение этих мер за единичные поступки, и что меры поощрения и взыскания являются рядовым актом, не влекущим длительного изменения правового положения осужденных[7, с.20].

С мнением Ю.М. Ткачевского нельзя согласится, так как рассматривать институт изменения условий отбывания наказания как поощрение необходимо рассматривать в более широком его понимании. Для достижения такого результата, а именно изменение условий отбывания наказания на более мягкие, к осужденному должны быть применены, в соответствии с точкой зрения Ю.М. Ткачевского, рядовые акты поощрения за единичные поступки. Такими единичными рядовыми актами (которые будут свидетельствовать о соблюдении правил внутреннего порядка, добросовестного отношения к труду) могут быть объявления благодарности, награждение подарком, денежная премия. Не возможно за совершение единичного положительного поступка применить к осужденному такой вид поощрения как изменений условий отбывания наказания. Этому должно предшествовать устойчивое правопослушное поведение в течение установленного законом срока. И лишь установив, что осужденный движется в направлении своего исправления, возможно применение более весомого для осужденного вида по-

ощрения как изменение условий отбывания наказания.

А.И. Дроздов говорит о том, что применяемые меры поощрения выражают реакцию администрации исправительного учреждения на поведение осужденного в процессе отбывания наказания, и поощрение и улучшение условий содержания призваны стимулировать правопослушное поведение [8, с.23].

Применение мер поощрения к осужденному осуществляется исключительно за определенные заслуги. Заслугами в таком случае являются одобряемое со стороны администрации исправительного учреждения законопослушное поведение осужденного. Это добродушное взаимоотношение с другими осужденными и сотрудниками исправительного учреждения, участие в бесплатном хозяйственно-бытовом обслуживании инфраструктуры, зданий и сооружений исправительного учреждения, участие в культурно-массовых мероприятиях, поддержание родственныхсвязей, участие в социализации своей личности, адекватное (одобряемое, осознанное) реагирование на применяемые меры воспитательного воздействия. На это указывает и положения закона, о том, что для изменения условий отбывания наказания необходимо отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду. Законодатель, устанавливая ограничение на изменение условий отбывания наказания при наличии взысканий, стимулирует осужденного как минимум не совершать действий, за которые может быть применено взыскание. Поэтому, даже соблюдая правила внутреннего распорядка исправительного учреждения, осужденный действует полезно. Ежедневно соблюдая правила внутреннего распорядка, осужденный совершает положительные единичные поступки. Отсутствие вредных последствий от совершаемых осужденным действий говорит о полезности такого поведения как для него самого, так и для общества в целом. В связи с этим, отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестное отношение к труду ни что иное как социально- активное правопослушное поведение осужденного требующее применение мер поощрения за такое поведение.

В этой связи законодательная дефиниция об отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания как обязательное требование для изменения условий отбывания выглядит достаточно скупо. К тому же создается дисбаланс в равном праве осужденных на возможность применения к ним мер поощрения. При принятии решения о применении иных мер поощрения, таких как изменение вида исправительного учреждения, замена наказания более мягким видом, в обязательном порядке осужденный своим поведение должен доказать свое исправление. Однако, при изменении условий отбывания наказания осужденному необходимо лишь воздержаться от нарушения правил внутреннего распорядка. Поэтому необходимо дополнить положения закона о том, что для изменения условий отбывания наказания осужденный должен не только не иметь взысканий, но и в течение установленного срока поощряться за законопослушное поведение.

Также необходимо учитывать признак добровольности поведения. Ведь осужденный может и не соблюдать порядок в исправительном учреждении. Администрация исправительного учреждения лишь создает условия способствующие реализации положительных возможностей поведения осужденного. В такой ситуации осужденный вправе реализовать предоставляемые ему возможности, действую в рамках правового поля исправительного учреждения, как воздерживаясь от совершения противоправных действий, так и выбрать иную модель поведения, зачастую не одобряемую администрацией учреждения. И это исключительно сознательная деятельность осужденного, своеобразный пусковой механизм правопослушного поведения, которое стимулируется осознание возможности нахождения в наиболее благоприятных для него условиях. И это также подтверждает мнение об изменение условий отбывания наказания как о виде поощрения.

Как справедливо отмечает отечественный учёный-правовед В.Н. Кудрявцев, позитивное стимулирование – это поощрение за определённую заслугу[9, с. 238].

Перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие производится

по решению комиссии исправительного учреждения. Юридическое одобрение правопослушности поведения осужденного и принятия решения об изменении условий отбывания наказания в целях дальнейшего стимулирования его социально-полезного поведения говорит о применении меры поощрения.

Характерной особенностью поощрения является взаимная выгода субъектов. Любое государство стремится к достижению целей наказания, что в определенной степени будет способствовать обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в будущем после отбытия наказания осужденным.

Виновному лицу выгодно совершать действия, которые будут доказывать его исправление, вести себя в дальнейшем правопослушно, доказать обществу и государству его личную готовность к правомерному поведению, что позволяет изменить условия отбывания наказания в лучшую сторону, а также прибегнуть к иным поощрительным мерам, установленным и закрепленным государством [10, с.28].

Соответственно, осужденный, действуя правомерно в исправительном учреждении, получает для себя дополнительные преимущества, связанные с изменение условий отбывания наказания. Государство, применяя меры поощрения в виде изменения условий отбывания, достигает цели наказания. И в этом проявляется взаимовыгодность таких отношений.

Таким образом, можно говорить о том, что изменение условий отбывания наказания является одним из институтов мер поощрения. Их взаимосвязь определяется следующими схожими признаками: 1) изменение условий отбывания наказания применяется исключительно за правопослушное поведение осужденного (отсутствие взысканий, добросовестное отношение к труду) и не как иначе, что характерно для всех иных видов поощрения 2)осужденный сам выбирает манеру поведения в местах отбывания наказания без принуждения, и действуя правопослушно, рассчитывает на улучшение условий его содержания, он мотивирован на достижения полезной для себя цели в виде изменения на более мягкие условий отбывания наказания (изначальный расчёт на дополнительный льготы); 3) и для применение мер поощрения, и для изменение условий отбывания наказания обязательным условием является юридический акт, выражающий одобряемость поведения осужденного, администрации исправительного учреждения; 4) взаимная выгодность правопослушного поведения, осужденный при изменении условий отбывания наказания получает дополнительные блага для своего ограниченного содержания, государство достигает цели наказания в виде исправления.

Список литературы

1. Бабаян С. Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 1. 12 с.

2. Березиков С.В. Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2012. 17 с.

3. Васильев А. И. Изменение условий содержания осужденных в системе мер поощрения и взыскания // Система воспитательной работы: Сб. науч. тр. Рязань, 1982. 109 с.

4. Горбань Д.В. Классификация правовых институтов, улучшающих правовое положение осужденных к лишению свободы// Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2013. № 3. 55 с.

5. Дроздов А.И. Институт изменения условий отбывания лишения свободы в современной системе уголовно-исполнительного права // Вестник Владимирского юридического института. 2008. №4(9). 23 с.

6. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология.– М.: Наука, 1982. 238 с.

7. Малько А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. – 1996.– № 3. 28 с.

8. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы общей части. М., 1984. 95 с.

9. Ткачевский Ю. М. Проблемы прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний // Проблемы совершенствования уголовных наказаний. Рязань, 1983. 20 с.

10. Шибаева О.А. Поощрительные нормы в системе правовых норм// Сибирский юридический вестник. – 2010. – №1 (48). 9 с.

TO THE ATTRIBUTION OF CHANGES IN THE TERMS OF PUNISHMENT TO INCENTIVES

The article analyzes the peculiarities of changing the conditions of serving a sentence for a convict, both positively and negatively affecting him. The different points of view of scientists, essentially referring to the changes in the conditions of serving the sentence to the measures of encouragement, and opposing views on changing the conditions as an independent Institute of criminal Executive law of Russia. The author says that the conditions of serving the sentence and their change, depending on the behavior of the convicted person, shows that the institution of changing the conditions of serving the sentence is a measure to promote law-abiding behavior. The author points to the need to Supplement the provision of the law that in order to change the conditions of serving the sentence, the convicted person must not only have no penalties, but also be encouraged for law-abiding behavior within the prescribed period. The absence of penalties for violations of the established order of serving the sentence and conscientious attitude to work is nothing but socially active law-abiding behavior of the convict requiring the use of incentives for such behavior. Analyzing the opinion of various scientists, the author concludes and argues that the change in the conditions of serving the sentence is one of the institutions of incentives.

Keywords: conditions of serving the sentence, encouragement, stimulation, convicted person, behavior, correction, correctional institution

References

1. Babayan S. L. Pravovoe regulirovanie primeneniya mer pooshchreniya i vzyskaniya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie. 2004. No. 1. 12 PP. [Babayan S. L. Legal regulation of the application of incentives and penalties in correctional institutions // Criminal-Executive system: law, Economics, management].

2. Berezikov S.V. Pravovye i organizacionnye aspekty obespecheniya ehffektivnosti differenciacii uslovij otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v ispravitel'nyh koloniyah. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskih nauk. M., 2012. 17 PP. [Berezikov S. V. Legal and organizational aspects of ensuring the effectiveness of differentiation of conditions of serving sentences in the form of imprisonment in correctional colonies. Abstract of the thesis for the degree of candidate of legal Sciences].

3. Vasil'ev A. I. Izmenenie uslovij soderzhaniya osuzhdennyh v sisteme mer pooshchreniya i vzyskaniya // Sistema vospitatel'noj raboty: Sb. nauch. tr. Ryazan' 1982. 109 PP. [Vasiliev, A. I. Change of conditions of detention in the system of incentives and punishment // the System of educational work: Sat. scientific. Tr. Ryazan].

4. Gorban' D.V. Klassifikaciya pravovyh institutov, uluchshayushchih pravovoe polozhenie osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty». 2013. No. 3. 55 PP. [Gorban, D. V., Classification of legal institutions improving the legal status of persons sentenced to deprivation of liberty// Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penitentiary system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects"].

5. Drozdov A.I. Institut izmeneniya uslovij otbyvaniya lisheniya svobody v sovremennoj sisteme ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta 2008. No. 4 (9). 23 PP. [Drozdov A.I. Institute of changes in the conditions of serving the prison in the modern system of criminal Executive law / / Bulletin of the Vladimir law Institute].

6. Kudryavcev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya.– M.: Nauka, 1982. 238 p. [Kudryavtsev, V. N. Legal behavior: norm and pathology.- Moscow: Science].

7. Mal'ko A.V. Pooshchrenie kak pravovoe sredstvo // Pravovedenie.. - 1996.- № 3. 28 PP. [Malko A.V. Promotion as a legal means].

8. Struchkov N. A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava: Problemy obshchej chasti. M., 1984.

95 p. [Pods N. Course of correctional labor law: Problems of the General part. M].

9. Tkachevskij YU. M. Problemy progressivnoj sistemy ispolneniya ugolovnyh nakazanij // Problemy sovershenstvovaniya ugolovnyh nakazanij. Ryaza, 1983. 20 PP. [Tkachevsky problems of progressive system of execution of criminal penalties // problems of improvement of criminal penalties. Ryazan].

10. SHibaeva O.A. Pooshchritel'nye normy v sisteme pravovyh norm// Sibirskij yuridicheskij vestnik- 2010. - №1 (48). 9 PP. [Shibaeva O. A. Incentive norms in the system of legal norms// Siberian law Bulletin].

Об авторе

Ковалев Максим Викторович – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ, г. Брянск (Россия), E-mail: koff.maxim2015@yandex.ru

Kovalev Maxim Viktorovich – senior lecturer of the Department of General legal disciplines of the Bryansk branch of the all-Russian Institute of advanced training of the Ministry of internal Affairs, Bryansk (Russia), E-mail: koff.maxim2015@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;
08.00.00 – экономические науки;
12.00.00 – юридические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. <u>В начале статьи указываются:</u>

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. <u>После текста статьи размещаются</u>:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы <u>не допускаются</u>. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

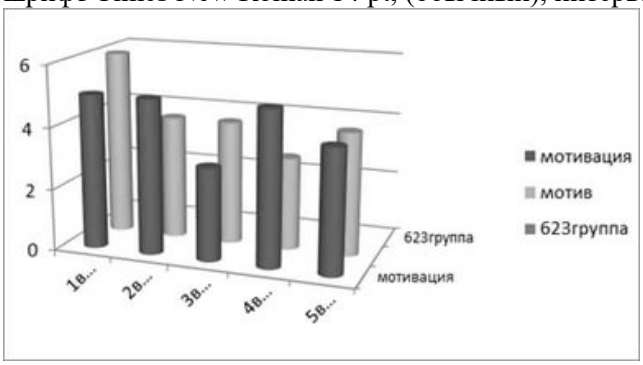

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (39) 2019.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.03.2019.
Дата выхода журнала в свет: 29.03.2019.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 27,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**